

ЗОНА СМЕРТИ

ВНИМАНИЕ! ВХОД ТОЛЬКО ДЛЯ СТАЛКЕРОВ!

Андрей Ливадный
ТИТАНОВАЯ ПО

Роман Глушков
СТАЛЬНАЯ ПЕТЛЯ

ВТОРАЯ КНИГА БОЛЬШОГО ПРОЕКТА!

- В ПРОЕКТЕ ПРИНИМАЮТ УЧАСТИЕ ТОЛЬКО ВЕДУЩИЕ АВТОРЫ НОВЕЛЛИЗАЦИЙ: АНДРЕЙ ЛИВАДНЫЙ, РОМАН ГЛУШКОВ, ВЯЧЕСЛАВ ШАЛЫГИН И АЛЕКСЕЙ КАЛУГИН, БЛЕСТЯЩЕ ПРОЯВИВШИЕ СЕБЯ В ПРОЕКТЕ STALKER.
- УНИКАЛЬНОЕ ОФОРМЛЕНИЕ! МЕТАЛЛИЗИРОВАННАЯ ГОЛОГРАФИЧЕСКАЯ ПЛЕНКА НА ОБЛОЖКЕ, ОБЕСПЕЧИВАЮЩАЯ ОБЪЕМНЫЙ ЭФФЕКТ.

Сложный, но очень интересный мир. Одна из лучших книг Андрея Ливадного, когда высокая динамика сюжета сочетается с богатством деталей и набором тщательно проработанных мир не лишает развлекательности. Трендовский дизайн и как результат — захватывающая фантастическая боевика!

Ссылка на первую книгу серии «Титановая Пила» на сайте OZON.ru

ЗОНА СМЕРТИ
ВНИМАНИЕ! ВХОД ТОЛЬКО ДЛЯ СТАЛКЕРОВ!

Роман Глушков
СТАЛЬНАЯ ПЕТЛЯ

ВТОРАЯ КНИГА БОЛЬШОГО ПРОЕКТА

• В ПРОЕКТЕ ПРИНИМАЮТ УЧАСТИЕ ТОЛЬКО ВЕДУЩИЕ АВТОРЫ НОВЕЛЛИЗАЦИЙ: АНДРЕЙ ЛИВАДНЫЙ, РОМАН ГЛУШКОВ, ВЯЧЕСЛАВ ШАЛЫГИН И АЛЕКСЕЙ КАЛУГИН, БЛЕСТЯЩЕ ПРОЯВИВШИЕ СЕБЯ В ПРОЕКТЕ STALKER.

• УНИКАЛЬНОЕ ОФОРМЛЕНИЕ! МЕТАЛЛИЗИРОВАННАЯ ГОЛОГРАФИЧЕСКАЯ ПЛЕНКА НА ОБЛОЖКЕ. ОБЕСПЕЧИВАЮЩАЯ ОБЪЕМНЫЙ ЭФФЕКТ.

Сложный, но очень интересный мир. Одна из лучших книг Андрея Ливадного, когда высокая динамичность сюжета не вязнет в большом количестве деталей и, наоборот, тщательно прописанный мир не мешает развитию действия. Прекрасный баланс и как результат - интересное чтение. Великолепный образец фантастического боевика!

Отзыв на первую книгу серии "Титановая Лоза" на сайте Ozon.ru

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:
Александр ШАЛГАНОВ.

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА:
Елена БОСОВСКАЯ.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ:
Татьяна МУРИНА.

КРИТИКА, БИБЛИОГРАФИЯ:
Евгений ХАРИТОНОВ.

КИНОФАНТАСТИКА, НОВОСТИ:

Дмитрий БАЙКАЛОВ.

КОРРЕКТУРА:

Екатерина АРОЯН.

ВЕРСТКА:

Тамара ШЕЛАМОВА.

ВЕДУЩИЙ САЙТА:

Павел ГУБАРЕВ.

ТВОРЧЕСКИЙ СОВЕТ:

Эдуард ГЕВОРКЯН, Александр ГРОМОВ, Олег ДИВОВ, Марина и Сергей ДЯЧЕНКО, Евгений ЛУКИН, Сергей ЛУКЬЯНЕНКО, Борис СТРУГАЦКИЙ.

ОБЛОЖКА:

Игорь ТАРАМКОВ.

САЙТ ЖУРНАЛА:

www.esli.ru

ЭЛЕКТРОННАЯ ПОЧТА:

if@esli.ru

АДРЕС ДЛЯ ПЕРЕПИСКИ:

МОСКВА, 119435, Б.Саввинский пер., д. 9, ИД «Любимая книга»,
журнал «Если».

КОНТАКТНЫЕ ТЕЛЕФОНЫ:

8(499)248-08-90 (доб. 201).

РАСПРОСТРАНЕНИЕ:

ИД «Любимая книга», тел. 642-97-55.

ИЗДАТЕЛЬ:

Издательский дом «Любимая книга».

ОФИЦИАЛЬНЫЕ ДИСТРИБЬЮТОРЫ:

«Наша пресса», «Центропечать», «Сити Пресс Сервис», «Сейлс»,
«Метропресс» (С.-Петербург), «ДМ пресс», ХК «Сегодня пресс»,
«Роспечать», «Желдорпресс», «АРПИ-Сибирь» (Новосибирск).

Журнал зарегистрирован в Комитете РФ по печати.

Отпечатано в ООО «Красногорская типография» 143400, Московская область, г.Красногорск, Коммунальный кв., д.2
Зак. 3177

Тираж 13 200 экз.

Перепечатка материалов допускается только с разрешения редакции.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

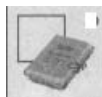
Редакция вступает в переписку только на страницах журнала.

Редакция не несет ответственности за содержание рекламных объявлений.

©«ЕСЛИ», 2010

ЕСЛИ ФАНТАСТИКА № 1 (203)

ISSN 1680-645X

29 Кори ДОКТОРОУ

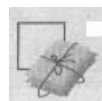
ВСЁ ПРОЙДЁТ...

Этот монашеский орден образован бывшими сисадминами. Мышь не проскочит сквозь их сети, но вот «крот» завелся.

135 Евгений ЛУКИН

СЕКОНДХЕНДЖ

Не лучшие времена переживает баклужинский чародей. Теперь вот любимый ученик подался в политику.

3 Евгений ГАРКУШЕВ

ЧУЖАЯ ЖИЗНЬ, ИЛИ VIS VITALIS

Уж сколько раз твердили миру: техническое задание нужно формулировать точно.

83 Рик НОЙБЕ

ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Единственное, во что они верят, это удача. Для вполне безобидных жителей безымянной планеты их суеверия превыше здравого смысла, жизни, будущего.

113 Альберт КОУДРИ

СЫЩИК

Провинциальный чудака примеряет крылатку Шерлока Холмса.

183 Тед КОСМАТКА

СЛОВА НА БУКВУ «Н»

«Тупиковая ветвь» вновь рискует оказаться в тупике. Социальном.

199 Юн Ха ЛИ

ЦИТРА БЕЗ СТРУН

Гармония звуков, красок, чисел - и все это для того, чтобы уничтожить противника.

99 Аркадий ШУШПАНОВ

НЕКУДА БЕЖАТЬ

Они пугают, а нам не страшно!.. А может, все-таки страшно? Вдруг майя были правы?

104 Александр РОЙФЕ

МУЛЬТТРАНЗИТ: КОПЕНГАГЕН - БОГОТА

Продолжение обзора фантастической мультипликации «непрофильных» стран.

110 Дмитрий БАЙКАЛОВ

В ГРЕЦИИ ВСЁ ЕСТЬ!

...А также всё есть и в Голливуде!

102 **ВИДЕОРЕЦЕНЗИИ**

Странная зависимость: фантастических фильмов снимают больше и больше, а смотреть, по сути, нечего.

223 Андрей СКОРОБОГАТОВ

ПЛЕЕР ДЛЯ ФЭНА

Одни из самых преданных поклонников фантастики - рок-музыканты. Разумеется, это не могло не проявиться в их творчестве.

242 Андрей ЩЕРБАК-ЖУКОВ

КАК СТРАШНУЮ СКАЗКУ СДЕЛАЛИ БЫЛЮ

Однажды 25 известных писателей решили написать большой фантастический роман. Это было в далекие 20-е годы. Но отдельной книгой роман вышел только теперь.

235 РЕЦЕНЗИИ

В книжный магазин лучше всего идти после ознакомления с блоком рецензий. Это сэкономит ваше время и средства.

283 КУРСОР

«Невероятно, но факт» - так можно сказать про любую новость из мира фантастики.

245 КОНКУРС «КОЛЛЕКЦИЯ ФАНТАЗИЙ»

Представляем читателям новых авторов.

275 Вл. ГАКОВ

КИМВАЛ ЗВУЧАЩИЙ

По количеству написанных книг этот писатель давно уже догнал таких рекордсменов, как Айзек Азимов и Жорж Сименон.

285 ПЕРСОНАЛИИ

Большинство имен вам уже хорошо знакомо, но есть и свежая информация, которая вас определенно заинтересует.

ЕВГЕНИЙ ГАРКУШЕВ
ЧУЖАЯ ЖИЗНЬ,
ИЛИ VIS VITALIS

Иллюстрация Владимира БОНДАРЯ

Говоров вынырнул, громко фыркнул и потянулся к водонепроницаемому хронометру, лежащему на бортике бассейна. В часах можно было плавать, но Альберт не любил иметь при себе лишних вещей, будь то зонтик, портфель или даже часы, - особенно когда ты гребешь, не переставая. О здоровье Говоров заботился и считал утреннее посещение бассейна отличным способом избежать стрессов в течение дня. Пусть плавать по утрам получается и не каждый день - привычка полезная. Часы показывали двадцать минут восьмого. Говоров уже опаздывал - на девять у него был назначен прием. На одиннадцать - совещание в совете директоров. И прием обязательно нужно окончить до совещания...

- Приходите к нам еще, Альберт Игоревич, - приветливо улыбнулась девушка-тренер, поднимаясь с пластикового стула навстречу Говорову.
- Мы рады вас видеть.

Почти каждый раз она говорила одно и то же - видимо, такая у персонала инструкция. Альберт ходил в бассейн уже три года, отказываться от плавания не собирался - и все равно его регулярно

приглашали после каждой тренировки.

- Спасибо, Оля. Непременно. Всего хорошего.

Наскоро приняв душ, Говоров вытерся большим махровым полотенцем, оделся и быстрым шагом вышел из спорткомплекса. Водитель забрал из рук шефа спортивную сумку, положил ее в багажник - отвезет домой, когда появится свободное время.

- Быстрее, Толик, - приказал Альберт Игоревич.

«Мерседес» рванулся с места, влился в поток автомобилей, спешащих в центр. Говоров нервничал. Нельзя опаздывать на встречи. Никак нельзя. Не то чтобы посетители его не подождут - не такие уж важные птицы. Но к себе Альберт всегда был требователен.

К офису подъехали без десяти девять. Нормально. Документы посмотреть уже не удастся, но, по крайней мере, не опоздал.

На третий этаж Говоров поднимался без лифта. Лишнее упражнение при сидячей работе. После бассейна подъем последнее время давался не слишком легко. То есть, конечно, ничего сложного в преодолении четырех лестничных пролетов не было, но Альберт уже не взлетал по ним, как несколько лет назад, а шел без энтузиазма, только потому что надо.

Перед дверью в приемную кольнуло сердце. Говоров поморщился - нехорошо, совсем нехорошо. Даже пятидесяти нет, а сердце бьется не с прежним задором. И что делать? Тренировки не помогают, а выматывают, лекарства снимают плохие симптомы, но не способны вылечить организм полностью.

А посмотришь на сверстников, таких же богатых и деловых, - каждый живет по-своему. Андрей Баталов активно занимается спортом, держится, хоть и седой совсем. Слава Птицын о спорте и не помышляет, весит килограммов сто пятьдесят, переваливается с боку на бок - но веселый, только сопит все время, одышка. А Миша Фельдман - подтянутый, вечно молодой, хотя и спортом, кажется, не занимается, более того, любит выпить коньяку едва ли не каждый вечер. Кто из них прав?

- Здравствуйте, Альберт Игоревич. На прием записались пять человек, - сообщила Леночка.

В приемной сидели две старушки - точнее, старушка и пожилая женщина весьма интеллигентного вида. Альберт приветливо улыбнулся им, поздоровался.

- Чай подавать?

- Да-да, конечно, - ответил Говоров, хотя крепкий чай, а другого он не признавал, сейчас пить не следовало. - Пожалуйста, проходите, - обратился он к женщинам. - Вы вместе?

Оказалось, что нет.

Старушка жаловалась на соседей, которые топчут наверху. Вопрос был из разряда неприятных. Что депутат Говоров может предпринять

против топота? Переселить соседей? Выделить старушке новое жилье? Или просто купить соседям ковры на пол и меховые тапочки? Но проблема старушки, скорее всего, иллюзорна, и соседи не так уж шумят. Если бы они слушали музыку, включая на полную мощность колонки, можно было бы пригласить участкового, наложить штраф. Но топот - понятие растяжимое, кому-то и кошки топчут.

Послушав о бедах старушки минут десять, Говоров пообещал ей послать своего помощника для увещевания соседей. Старушку такое решение не слишком удовлетворило, она хотела бы выселить соседей, желательно за Полярный круг, но Альберт твердо заявил, что его ждут другие посетители, и щедрой рукой пересыпал все конфеты из вазочки бабушке в сумку. Такое действие депутата слегка примирило старушку с окружающей действительностью. Конфеты были вкусные и дорогие.

Следующая женщина, помимо внимания депутата, получила чашку чая. Конфет Леночка принесла еще, о привычке шефа одаривать старушек сладостями она была прекрасно осведомлена. Вопрос женщины оказался простым и приятным. Бывшая учительница просила заменить проводку в квартире за счет муниципалитета. Пробки на электросчетчике постоянно горели, свет отключался в самый неподходящий момент, да еще и холодильник недавно сломался - из-за перебоев с напряжением.

Говоров тут же позвонил подрядчику, обслуживающему дом, пригрозил судом за порчу холодильника и потребовал переделать проводку в три дня. Подрядчик - старый знакомый - артачиться не стал, пообещал сделать все если не сегодня, то завтра. Пожилая учительница ушла довольная.

Следующий посетитель Говорова насторожил. Мужчина лет тридцати, опрятно и даже дорого одетый, с длинными волосами, прямо-таки прожигал депутата испытующим взглядом. К себе он прижимал объемистый портфель, и ноша посетителя не понравилась Альберту больше всего. Охрана портфель не отобрала и даже не проверила - на депутатском приеме такие акции были запрещены самим Говоровым, - но теперь Альберт пожалел о своем распоряжении. Впрочем, скорее всего, в портфеле лежала какая-то ерунда. Но ерунда, по всей видимости, железная - посетитель удерживал свою ношу с заметным усилием.

- Спасибо, что согласились принять, Альберт Игоревич, - неприятным, блеющим голосом провозгласил посетитель. - Меня зовут Сергей. Фамилия - Краюшкин. Я изобретатель.

Альберт натянуто улыбнулся. Изобретатель - это, конечно, не сахар. Полчаса потерянного времени, да еще потом на улице подкарауливать станет. То, что он хорошо одет - не показатель. Один сумасшедший повадился ходить - так всегда был одет, словно только из английского клуба. А ведь совсем больной... Что касается изобретателя, есть

надежда, что в портфеле у него ничего страшного. Хотя что с изобретателя возьмешь? Он может и кусок урана с собой таскать, и банку с нитроглицерином. Себя не жалко, других - тем более.

- Замечательно, - кисло заметил Говоров. - А где вы работаете?

- Я изобретаю и применяю свои изобретения на практике, - заявил Краюшкин.

- Ясно. В какой области?

- Можно сказать - в области медицины. По специальности я врач.

Врачи-изобретатели Говорову еще не попадались, и Альберт сразу насторожился. Если врет относительно специальности - значит, сумасшедший, нет - аферист. Первое гораздо вероятнее, но и второе, с учетом медицинской тематики, вполне возможно.

- И диплом есть? - мягко спросил Альберт.

Словно ожидая вопроса, посетитель извлек из кармана пиджака синие корочки. Депутат ознакомился с дипломом, который был выдан Сергею Краюшкину каких-то пять лет назад. Правда, купить диплом - не такая большая проблема, да и посетитель мог оказаться не Краюшкиным, хотя помощник непременно должен был проверить его паспорт.

- Я практикующий врач, - объявил Сергей. - Правда, работаю без лицензии, в области нетрадиционной медицины.

- Последних ваших слов я не слышал, - строго сказал Говоров. - Без лицензии работать закон запрещает.

- Напрасно вы так настороженно ко мне относитесь. Я не денег пришел просить. У меня к вам сугубо деловое предложение.

Альберт кивнул. Действительно, просить денег можно по-разному. Тривиально, без затей, либо предлагая какой-нибудь головокружительный проект или сногшибательную услугу.

- Внимательно вас слушаю.

- Разрешите продемонстрировать вам экспериментальный прибор. Он у меня в портфеле.

- Хорошо, демонстрируйте.

Говоров с тоской наблюдал, как посетитель вынимает из портфеля металлические блоки, соединенные проводами, и расставляет их на полированном столике. Пока столик оставался без царапин, но металлические штуковины выглядели очень подозрительно и ненадежно.

- Мобильная установка предназначена для измерения vis vitalis, - пояснял Краюшкин, щелкая тумблерами.

- Измерения чего?

- Жизненной силы, - перевел изобретатель. - Каждый человек имеет определенный запас vis vitalis. Организм в состоянии излечить любую болезнь, любой дефект - в том случае, если vis vitalis у него в избытке. А когда жизненная сила заканчивается, подкрадывается болезнь - долгая или скоротечная, в зависимости от особенностей организма, - и

все. Пустой сосуд никому не нужен, полностью покинутое *vis vitalis* тело умирает.

- Вы так считаете?

- Так и есть на самом деле, - уверенно тряхнув длинными волосами, заявил Краюшкин. - Правильность теории доказали эксперименты. Я проводил исследования, ставил опыты. Да что там - помог многим людям!

- В самом деле? И как же?

- Пополнив запасы их жизненной силы, конечно.

- Так вы и это можете?

- А иначе какой смысл констатировать наличие или отсутствие *vis vitalis*? Врач должен не диагностировать, а помогать.

Альберт Игоревич вздохнул. Разговор получался отчасти интересный, но все же смурной. Сейчас изобретатель-шарлатан объявит, что жить Говорову осталось от силы пару лет, потребует несколько тысяч за то, что вольет в его ослабевший организм никому, кроме загадочного прибора, не видимую *vis vitalis* и пойдет дальше - искать очередную жертву обмана.

- Разрешите, я произведу замеры? - спросил изобретатель.

- Может быть, не стоит? - уныло поинтересовался депутат.

- Я ведь не требую с вас денег. Все, что нужно, - это посидеть минуту в кресле, что вы и так делаете. Прибор откалиброван на мое присутствие, поэтому результаты я могу сообщить вам практически сразу.

- Хорошо, действуйте, - внутренне осуждая себя, согласился Говоров.

- А у вас самого много жизненной силы?

- Вполне достаточно, - заявил изобретатель. - Лет на двадцать хватит.

- Двадцать лет - не так уж много. Отчего вы не хотите увеличить *vis vitalis* себе? Или в себе, как будет правильнее?

- Не знаю, как правильнее, но мне пока хватает. Для увеличения *vis vitalis* нужен донор, а я по разным причинам не могу его привлечь. В первую очередь потому, что услуги хорошего донора дорого стоят, а деньги нужны мне для продолжения исследований. Я хочу разрушить современную медицину - медицину шарлатанов и хапуг, - торжественно объявил Краюшкин.

Говоров опять затосковал, но решил с изобретателем не спорить. Пусть уж скажет что-нибудь да идет восвояси. Только о каком доноре он говорит? Что же, *vis vitalis* нужно забирать у другого человека? Да кто же ее отдаст? Или можно просто отобрать? Тогда вообще нехорошо получается...

Прибор тихо пискнул, изобретатель склонился над стрелками, покачал головой и сообщил:

- Силы много, но выходит быстро. При таком развитии событий года на четыре хватит, потом станет хуже. Уже сейчас сердце начинает

ныть и болеть, появляются проблемы с движением. Так?

- Нет, не так. Я регулярно занимаюсь спортом.

- А зря. Только силу тратите. Вам что, зачеты по физкультуре сдавать?

- То есть вы хотите сказать, что лучше сиднем сидеть? - удивился Говоров.

- В общем случае - нет. Занятия физкультурой укрепляют организм. Но если они идут через силу - никакой пользы. А бывает, что и вред. Вы слишком устаете на работе. Пополнению вашей vis vitalis будет лучше способствовать рюмочка виски, а не утренняя пробежка. Любите виски?

На такой каверзный вопрос Говоров отвечать не стал да и вообще решил выставить изобретателя за дверь под благовидным предлогом в ближайшее время. От употребления спиртных напитков Альберт старался воздерживаться, хотя виски ему нравилось, особенно ирландское, но делиться своими предпочтениями с посторонним человеком депутат не собирался.

- Не люблю, когда мне предлагают заняться черной магией. Что еще за доноры? Ненаучно это, господин Краюшкин, - извините, имени-отчества вашего не знаю.

- Сергей Валентинович, - ничуть не смутился изобретатель. - Вы с Фельдманом знакомы?

Говоров вздрогнул. Откуда изобретатель мог знать, что он вспоминал о Фельдмане какой-то час назад? Или цветущий вид Фельдмана - дело рук Краюшкина?

- Вижу, знакомы. Михаил Юрьевич не побоялся пойти на эксперимент. Точнее - на серию экспериментов. Силы в него закачали - на троих хватит. И вот результат. Здоровье, бодрость, красота.

- Прямо-таки красота, - поморщился Говоров.

- Женщины считают, что он очень красив. Они чувствуют переполняющую его жизненную энергию.

Альберт вздохнул. Женщин он любил, но времени и, главное, сил на них уже не хватало. Да только верить обещаниям шарлатана было попросту глупо.

- А ведь недорого обойдется, - заговорщицки прошептал Краюшкин. - С донором сами договоритесь, а мне причитается каких-то пятьдесят тысяч долларов. По-моему, очень дешево для десяти-двадцати лишних лет жизни. Деньги ведь с собой в могилу не заберешь.

- Я не верю, - твердо заявил Говоров.

- Вам и не нужно верить. Я докажу. Оплата - только после омоложения.

- Омоложения?

- Именно. Вы почувствуете результаты практически сразу.

Говоров пристально взгляделся в неказистые металлические

коробочки с индикаторами. Как ни странно, они внушали ему доверие. Шарлатан пришел бы с обычным ноутбуком. А тут - просто технологии каменного века. Или настоящая авторская разработка...

- И что - кровь переливать придется? Или предполагаются какие-то другие манипуляции?

- Отчего же кровь? - удивился Краюшкин.

- Ну, еще Гёте сказал: «Кровь - сок особенного свойства», - пояснил начитанный Альберт Игоревич.

- Нет, переливать кровь негигиенично и совсем не эффективно. *Vis vitalis* - материя тонкая, подверженная только электрическому воздействию.

- А что надо делать?

- Найти донора, который согласится продать вам свою жизнь, - спокойно, даже несколько равнодушно заявил Краюшкин. - Можно двух, а точнее, трех - если вы хотите провести эксперимент перед тем, как делать эфирное переливание самому.

- Да я ведь могу и у Фельдмана спросить, зачем опыты ставить?

- Он не признается, - уверенно заявил изобретатель. - Да и вообще, опасный человек. Едва меня не уходил после процедуры, но я счастливо избежал скорбной участи. Не советую задавать ему скользких вопросов, хотя вы, конечно, в моих советах не нуждаетесь.

Говоров подумал немного и понял, что Краюшкин прав. О таких вещах не болтают направо и налево - даже если они и происходят. Но до чего все странно...

- Какие требования предъявляются к донору? - без особого энтузиазма спросил Альберт.

- Чем моложе, тем лучше, но не ребенок. С детьми я не работаю - неэтично. Да и не получится... Надо, чтобы он действительно хотел отдать вам свою жизнь. Или хотя бы согласился. Лучший вариант - молодой суицидник. Или бедолага, который хочет обеспечить семью и не видит другого способа. Словом, тот, кому жизнь не дорога. Можно брать и человека постарше, но тогда ваша жизнь продлится, а вот омоложение не наступит. Проверяли уже.

- Хорошо, я подумаю, - сказал Говоров.

Изобретатель достал из кармана пиджака дорогой кожаный бумажник, в котором лежало несколько крупных купюр, вынул оттуда и протянул депутату отличного качества визитку.

- Обращайтесь.

Адрес на визитке оказался указан очень уважаемый. Насколько помнил Говоров, по этой улице в самом центре города располагался частный медицинский центр.

- Оплата по факту?

- Именно. Но советую поторопиться. И ваши дела не слишком блестящи, и цены растут. Я ведь сделал предложение не одному вам.

Краюшкин раскланялся и вышел, Говоров остался в глубокой задумчивости. Что это - происки конкурентов? Афера? Шутка? Но что-то подсказывало ему, что изобретатель вовсе не шарлатан. А перед глазами так и всплывала довольная физиономия Фельдмана, сидящего за столиком в ресторане сразу с двумя красавицами.

Следующий посетитель депутата был неопрятен и не слишком хорошо пах. Мужчина лет тридцати просил, чтобы ему помогли оформить паспорт - он только что вышел из мест лишения свободы, попал в какую-то темную историю, лишился жилья и документов и теперь не знал, как жить дальше. К депутату его надоумили обратиться собутыльники. Звали посетителя Василий Щербина. А может, и по-другому - как проверишь?

- Когда вам восстановят документы, где планируете работать? - спросил Говоров.

Ответа на этот простой вопрос проситель не дал. Похоже, так далеко в будущее он не заглядывал.

- Мне бы год протянуть, и ладно, - оскалив стальные зубы, протянул Щербина. - Туберкулез у меня, все равно подышать.

- С предыдущим посетителем вы не знакомы? - подозрительно поинтересовался депутат.

- С интеллигентиком? Да откуда ж. У нас дорожки разные, - простодушно ответил Щербина.

- Ну да, конечно, - хмыкнул порядком уставший от посетителей Говоров. - А скажите, Василий, хотели бы вы год или два пожить, ни в чем не нуждаясь? На всем готовом, ни в чем себе не отказывая? А потом - будь что будет!

Щербина прищурился.

- Грохнуть, что ли, кого-то надо, начальник?

- Да нет. Все проще. Обследование нужно пройти, а после - здоровьем пожертвовать.

- Почку, что ли, продать? Да кому она нужна? Неважные у меня почки, гражданин депутат. Битые много раз.

- И все же? - продолжал настаивать Альберт.

Сам себе он был противен - и тем, что почти поверил в сказки Краюшкина, и тем, что, даже поверив в эти сказки, может предлагать такую сделку живому человеку. В жизни его случалось всякое - большой капитал чистыми руками не сделаешь. Но вот так, как вампиру, высосать чужую жизнь?!

- Да не вопрос, - цыкнул железным зубом Щербина. - Денег сколько дашь? Сто тысяч? А то и все двести?

- Двести тысяч... - задумчиво проговорил Говоров. - Да, пожалуй, и дам. Но только после положительного результата.

- Кинуть хочешь? - насторожился мужичок. - Мне, депутат, много не надо. Пойми - тысяча в день, это чтобы ни в чем себе не отказывать. Водки пару бутылок, закуски чтобы хватило, курева, ну и другое всякое. И комната в общежитии нужна - квартиру дорого снимать. Тысяч двадцать матери пошлю - пусть порадуетса старушка напоследок. Вряд ли увижу ее больше, да и ни к чему. Поживу полгода - и кранты. Больше я на свободе не бывал, все равно легавые в оборот возьмут. А еще одну ходку мне не пережить, чую. Или сам загнусь, или убьют. Так что не жадничай. Для тебя ведь двести штук не деньги.

Альберт сообразил, что система ценностей его посетителя гораздо ниже, чем он мог себе представить, и каждый из них имел в виду разную валюту. Впрочем, так гораздо лучше. Дать больше всегда приятнее, чем торговаться.

Вынув из ящика стола пятитысячную купюру, депутат протянул ее Щербине.

- В баню сходи, помойся. Одежду новую купи. Вечером пойдем к доктору.

Глаза бывшего уголовника радостно вспыхнули. Чересчур радостно, поэтому Говоров нажал кнопку вызова секретаря.

- Леночка, позови Виталия. Он будет сопровождать моего гостя до вечера.

Секретарша удивленно приподняла брови, но тут же отправилась за охранником. Щербина криво усмехнулся и подмигнул.

- Да ты не бойся, начальник. Не сбегу. Теперь уж точно не сбегу, а так бы мог запить, да... Но твои шестерки не дадут.

Охраннику Говоров дал еще денег - пяти тысяч на приличную одежду не хватит, а таскаться по улицам с бродягой Альберту Игоревичу не хотелось.

Когда Щербина ушел, Альберт набрал номер Краюшкина.

- Сергей Валентинович, запишете на приём сегодня? Я приду не один.

- Своевременное и правильное решение, - пропыхтел изобретатель. - Жду.

Кабинет доктора Краюшкина действительно располагался в частном медицинском центре, на третьем этаже. На Щербину в китайском спортивном костюме вечерние посетители косились с подозрением. Впрочем, рядом ведь шел Говоров, а позади, чуть поотстав, - Виталий. Любой мог понять, что солидный человек привез на осмотр родственника из деревни. Какого-нибудь племянника или троюродного брата.

Изобретатель, сердечно раскланявшись с Говоровым, осмотрел выходца из мест не столь отдаленных с подозрением.

- Замерим, замерим силушку, - пробормотал он, указывая Щербине на

стул посреди комнаты. - Здесь у меня аппаратура стационарная, надежная. Вы, позвольте узнать, какими недугами страдаете?

- Чего? - удивился Щербина.

- Болезни какие перенесли?

- Разные, - буркнул тот.

Видно было, что перспектива получения денег за обследование - депутат обещал двадцать тысяч при любых результатах - и последующего «куша» греет потенциальному прожигателю жизни душу. А ну, как окажется, что болезни не те? И плакали денежки, придется бродяжничать или опять садиться в тюрьму.

Краюшкин углубился в изучение показаний приборов. Наблюдая за стрелками, он посвистывал, пофыркивал и время от времени бормотал: так-так.

- Однако на двадцать пять лет жизненной силы имеется, как ни странно, - заявил он. - А внешне не скажешь. Тускловатый субъект.

Щербина недовольно поежился, но ругаться с эскулапом не стал. Понял, что решение Говорова будет зависеть от вердикта доктора, и решил стерпеть.

- А можно взять не двадцать, а, скажем, пять лет? - осторожно спросил Альберт.

- Теоретически можно, - задумчиво пробормотал Краюшкин. - Практически сложно, технология еще не отработана. Погрешность большая. То есть лучше сразу договориться на пятнадцать лет, а я буду забирать десять. Вы ведь не хотите обидеть человека?

- Нет, не хочу, - сказал Говоров.

- Значит, договаривайтесь.

- Да мы уже обо всем договорились, - заявил Щербина. - Депутат мне бабки платит, а вы за это со мной делаете, что нужно. Режете там или кровь берете. Меня одно волнует: попользоваться деньгами я успею?

- Конечно, - ответил изобретатель. - У вас для этого останется лет десять. Устраивает?

- Нет, мне столько не нужно, - твердо заявил Щербина. - Года вполне достаточно. Только вы мне потом таблетку какую-нибудь дайте, обезболивающую. Или укол сделайте, как собаке. Чтобы усыпить.

Краюшкин едва не упал со стула.

- Позвольте, любезный, да зачем же такие сложности? Альберт Игоревич, как я понял, согласился решить ваши проблемы. Ничего особенно страшного вас не ждет.

- Туберкулез у меня.

- Вылечитесь. Поверьте, современная медицина вполне в состоянии.

- Да не хочу я, - почти злобно бросил Щербина. - Надоело! Депутат мне денег обещал.

- Сколько? - поинтересовался Краюшкин.

Говоров посчитал, что вопрос эскулапа не слишком корректен. С

другой стороны, ответственность за процедуру ложится на него, поэтому вполне понятна забота изобретателя о доноре. Но какой суммой можно оценить человеческую жизнь? Причем не всю, без остатка, а несколько лет?

- Мне хватит, - буркнул Василий.

- Я решил увеличить вознаграждение. Господин Щербина получит загородный домик и полмиллиона рублей. Его матери я переведу столько же.

Будущий донор крякнул.

- Ну, повезло моей старушке! Но она заслужила, добра от меня мало видела, в натуре. Да и для меня депутат что-то расщедрился. Не иначе, хотите меня раньше срока уходить? Или кинуть?

- Нет, - покачал головой Краюшкин. - Не беспокойтесь, все абсолютно безопасно и законно. Если хотите, я дам вам возможность пообщаться с другими донорами - студентами. Живут сейчас припеваючи, не испытывают совершенно никаких неудобств. А до того как мы им помогли, мыкались голодные по углам.

- Да ладно, просто бабки предъявите, - заявил Щербина. - И вперед.

- Деньги при вас? - поинтересовался Краюшкин.

- Нет, конечно, - ответил Говоров. - Я не думал, что можно вот так, сразу.

- Почему нет?

- А подготовка? Неужели все настолько просто?

- Совсем не просто, но вполне доступно. Если хотите, я покажу вам аппаратуру. Донору будет полезно подготовиться к процедуре заранее.

- Ну, пойдём, - с легким испугом в глазах заявил Щербина. - Может, оно мне и не надо?

Говоров поморщился. За тот неполный день, что он был знаком с потенциальным донором, Щербина успел ему порядком надоест. Или раздражение вызывали не повадки и высказывания уголовника, а неосознанное чувство вины, которое испытывал сам Альберт Игоревич? Вроде бы ничего особенного Щербина не говорил. Только смотрел иногда многозначительно, и жесты его были еще красноречивее слов. А по поведению казалось, что Говорова он одновременно презирает и боится, хочет обмануть, но не знает как.

Изобретатель привел посетителей в небольшую комнату с множеством аппаратуры и двумя кожаными креслами. Но в первую очередь в глаза бросались не кресла и не аппаратура, а стены комнаты. Они были обшиты красными медными листами.

- Помещение нужно экранировать, - объяснил Краюшкин. - Медь для этой цели весьма подходит. Лучше бы серебро, но на серебро пока денег нет. Да и доноры норовили бы кусочек от стены отколупнуть.

По лицу Щербины было заметно, что он был бы не прочь разжиться и медью, но сдерживается из страха быть пойманным.

Рядом с одним из кресел находился большой медный колпак с какой-то сложной начинкой. Поверх колпака также было закреплено несколько блоков разного размера и формы. За эстетикой изобретатель явно не гнался - выглядел колпак кустарно, без претензий на технологичность.

Перед другим креслом стояло вогнутое зеркало, а на подлокотниках располагались крепления вроде кандалов.

- Не нравится мне это, - кивнул на кресло Щербина.

- А это не для вас, - ответил Краюшкин. - Ваше кресло со шлемом. И в процессе передачи vis vitalis вы будете испытывать только приятные ощущения. Жить - хорошо. Тратить жизненные силы - приятно. А вот рождаться заново - больно, поэтому господину Говорову придется испытать довольно много неприятных эмоций и напрячь всю свою волю. Но с этим, я полагаю, проблем не возникнет.

- Не возникнет, - согласился Альберт.

- Так, а со мной что будет? - поинтересовался Щербина. - И сейчас, и потом?

- Вас облучат, - объявил Краюшкин. - Хотел бы я сказать, что процедура безопасна для здоровья, но это не совсем так, точнее, совсем не так. Ваша жизненная сила будет приходить в упадок, и вы должны четко это осознавать и не противиться. Иначе возможны накладки. Но гарантирую вам, что непосредственно после процедуры серьезные заболевания прогрессировать не будут, более того, симптомы имеющихся на время пропадут. Несколько понизится жизненный тонус. И вы постареете - буквально в течение нескольких дней. Но оставшуюся жизнь будете жить так, как договоритесь с реципиентом. То есть с Альбертом Игоревичем.

- Помимо разового вознаграждения, я буду выплачивать донору пенсию. Скажем, в размере средней зарплаты по стране, - вздохнув, сообщил Говоров.

- А ты меня не грохнешь, чтобы деньги не тратить? - насторожился Щербина. - С деньгами-то я лег на дно, и все дела. А тут - домик, мама... Сети плетешь?

- Я не бандит, господин Щербина, - устало ответил депутат.

- Когда деньги на кону, и порядочные себя по-разному ведут, - скривился будущий донор. - Ну да ладно, разберемся. Завтра бабки приготовишь, депутат? Я готов жертвовать здоровьем.

- Деньги будут, - кивнул Альберт.

- Помните: вы должны реально желать помочь, - повторил для Щербины изобретатель. - Все движения vis vitalis контролируются приборами.

- Да не лечи. Понял. Не тупой.

- В таком случае, до встречи. А с Альбертом Игоревичем я хочу еще перекинуться парой слов.

- Подожди меня в машине. Поедем ужинать, - приказал Говоров.

Когда донор ушел, Краюшкин по-родственному взял Альберта Игоревича под руку и повел из лаборатории к себе в кабинет. Там он достал из шкафчика квадратную бутылку виски, два фужера, налил себе и Говорову.

Полагая, что речь пойдет о деньгах, Говоров молчал, предоставляя инициативу изобретателю, смаковал двенадцатилетнее виски. Но Краюшкин заговорил не о вознаграждении, а о своей теории.

- Понимаете ли, Альберт Игоревич, на самом деле атрибуты человека современного общества - богатство, власть, интеллект - иллюзорны. Яснее всего это может осознать больной индивидуум. И деньги есть, и положение в обществе, и ум - но случись что-то со здоровьем, человек стремительно глупеет, деньги ему уже не нужны, почет и уважение окружающих - тем более. Но и здоровье всего лишь производная. Напрасно материалисты утверждают, что бытие определяет сознание. Более тонкие структуры руководят материальными объектами. Одна из эфирных материй - *vis vitalis*. Наверное, она не самая мощная, более того, наиболее приземленная. Куда мощнее силы, отвечающие за интеллект, за любовь. Но работать с ними я еще не научился - только слежу с благоговением. А *vis vitalis* уже могу перекачивать, распределять между людьми. С их помощью, и только с их помощью. Жизненная сила своенравна, ее не отнять насильно.

Краюшкин вынул из ящика стола плитку шоколада - можно было подумать, что какой-то скромный посетитель отблагодарил его сельского врача-терапевта, - разломил и протянул Говорову несколько кусочков.

- Вот взять хотя бы Фельдмана, - продолжил изобретатель. - Пошел на риск, потому что терять ему было совершенно нечего. Оставалось меньше года. Собирал студентов для участия в опытах по всему городу. Каждому отлично платил. Раздал половину состояния или даже больше. А забирали мы у них крохи: месяц, два, максимум - год. Остались ли эти студенты в проигрыше? Честно говоря, не знаю. Мне кажется, в детстве и юности *vis vitalis* еще имеет способность увеличиваться. Но даже если и нет - зачем студентам пять лет жизни в нищете, когда четыре года можно прожить в достатке? Нужен ли этот нищий год?

- Студенческая жизнь - самая счастливая, - тихо сказал Говоров. - Я в это время тоже был далеко не богат, а вспоминаю жизнь в общежитии с удовольствием.

- Верно. Только мы отняли у студентов год старости, а не студенческой поры. А молодые их годы сделали гораздо счастливее. Понимаете?

- Пожалуй, понимаю. Так, может, и мне лучше к студентам обратиться?

- Не стоит. Очень дорого. К тому же таким образом мои эксперименты рано или поздно привлекут слишком много внимания. Официальная медицина и ее приспешники сделают все, чтобы остановить их, а меня упрятать в тюрьму или в сумасшедший дом. Пока я не могу тягаться с ними на равных.

- Поэтому вы и предлагаете свои услуги сильным мира сего? - догадался Альберт. - Деньги для вас не главное, нужна поддержка?

- Деньги тоже нужны, - заявил Краюшкин. - Власть без денег и деньги без власти мало значат. Так что бродяга надежнее.

- Мне показалось, вам его жаль?

- Мне? - изобретатель презрительно сморщился. - Почему вы так решили?

- Вы настойчиво выпрашивали, как я собираюсь его вознаградить, понимает ли он, на что идет.

- Не нужно проецировать на меня свои комплексы, - наставительно произнес Краюшкин, расправляя примявшийся воротник белого халата.

- Я беспокоился о корректности эксперимента. *Vis vitalis* - материя тонкая, клещами ее из человека не вытянешь. Точнее, вытянуть-то можно, а направить туда, куда требуется, не получится. Жалкие обрывки никому не нужны и способны только навредить. Нам полезна лишь чистая, незамутненная сила.

- Понятно, - выдавил Говоров. Ему стало грустно. К тому, что все продается и покупается, он привык. Но жизнь? Сама жизнь? И неважно, покупателем он выступает или продавцом.

- А о бродяге не беспокойтесь. Вы платите ему больше чем достаточно. Впервые в жизни он совершит что-то полезное для своих близких и для общества. Ваша жизнь гораздо ценнее, чем его. Согласны?

- Не знаю.

- Да вы шутите, что ли? - возмутился Краюшкин. - Отставить такое настроение! Как врач вам говорю!

- Я себя вампиром чувствую...

Изобретатель оживился.

- А вот вампиры - тема крайне интересная. Полагаю, феномен и образ вампира появились не на пустом месте. Видимо, кто-то мог работать с *vis vitalis* на первобытном уровне, забирая ее у слабых и нежизнеспособных. Сильные всегда жили за счет слабых. Естественный отбор. Лестница совершенствования видов. А я построю еще одну ступеньку на лестнице восхождения человечества к сверхвозможностям. И мое имя будет выбито на ней золотыми буквами - если у меня получится сломать хребет современной медицины и заручиться поддержкой по-настоящему сильных. Лучших

представителей вида!

Глаза Краюшкина сверкали сумасшедшим блеском, а редкие волосы на голове, казалось, встали дыбом. Говорову в который раз за вечер стало не по себе. Но какие перспективы открывались...

В полутемном зале скромного ресторанчика «Бочка», куда Говоров любил приезжать инкогнито, было, как всегда, уютно. Правда, бордовые скатерти навевали сегодня какие-то зловещие ассоциации, как и алые отблески пламени искусственного камина. Щербина в своем спортивном костюме в атмосферу ресторана никак не вписывался - лихие девяностые давно прошли. Но его это мало смущало. Он заказал самые дорогие блюда, причем в количестве, явно достаточном для того, чтобы накормить троих, а напитки пробовал по очереди - то коньяк, то виски, то водку. Альберт его прекрасно понимал: зачем экономить деньги «эксплуататора» или даже случайного делового партнера? Бери от жизни все, пока она не закончилась.

- Сидел-то за что? - спросил депутат после того, как Щербина опрокинул третью рюмку. Сам он едва притрагивался к стакану с виски.

- Да ни за что, - с неприязнью ответил Щербина.

- И все же? Мы не в суде, а я не следователь.

- Такие вопросы в приличном обществе не задают, - процедил донор. - Ну а если тебе очень интересно мою жизнь знать: киоск бомбанули коммерческий, хозяина подрезали - нечего было на рожон лезть. А что, жить ведь всем хочется, а, депутат? Вот и нам с дружками хотелось. Саня на малолетку пошел, а мы с Вованом - на взрослую зону. Следующая ходка вообще смешная была - у фраера мобилу отобрал. Я и не думал, что за такое сажают. А на меня еще несколько грабежей повесили и упекли на пять лет. Ну и последняя ходка - за магазин. Не везет мне с магазинами. А ведь что магазин? Кого ты обидел, если кассу в магазине подломил, кроме богатея, что этот магазин держит и как сыр в масле катается? Нет в жизни справедливости, депутат. Так и запиши.

- А работал где? Специальность есть?

Похоже, Щербина хотел сплюнуть на пол, но в последний момент, перехватив взгляд крепкого охранника у входа, передумал.

- После школы меня забрали, сразу. Даже училище закончить не дали. Справедливо это, депутат? Может, я бы и трудился слесарем, упирался бы рогом - да не судьба.

Опрокинув рюмку водки - коньяк и виски ему не понравились, - Щербина впился зубами в запеченную, предварительно вымоченную в пиве свиную ножку. Жуя, он постоянно поглядывал по сторонам. То ли боялся, что еду отберут, то ли, напротив, смотрел, чем можно поживиться у посетителей «Бочки».

Наблюдая за уголовником, Говоров размышлял. Действительно, что хорошего сделал в своей жизни этот тип? Ничего. Горе принес он своей матери, зло и беспокойство - людям, которых грабил, ничего хорошего - самому себе. Он был никчемным человеком, ничтожеством. С ним было трудно родителям, от него страдали учителя, он наверняка притеснял товарищей, которые были слабее его... И все же... Альберт вдруг представил смешного черноволосого малыша в простой деревянной кроватке, который залиvisto хохотал и тянул руки к просто одетой, преждевременно увядшей, усталой матери. Тогда он был для нее лучшим, а она для него - всем. Но потом все изменилось. Когда-то что-то пошло не так. Где-то кому-то не хватило сил. Матери, отцу, ему. Или мир оказался слишком жестоким. А теперь... Что теперь?

Щербина никогда не станет таким, как был в детстве. Он вновь будет грабить, а может быть, убьет кого-то. Значит, гуманнее будет убить его прежде. Забрать его жизнь, его возможности. Превратить те злые дела, которые он мог совершить, в добрые поступки, которые непременно совершит сам Говоров.

А старость? Что хорошего принесут самому Щербине десять лет безрадостной старости? Болезни, одиночество, нищета. То ли дело - добротный садовый домик в экологически чистом районе, надежная пенсия, счет в банке. К такому стремится каждый человек, но далеко не каждый получает... И пусть пенсия наступит несколько раньше, чем предполагалось - это только к обоюдной выгоде. Хорошо будет каждому - и Говорову, и Щербине. Депутат получит возможность работать. Бывший уголовник, который ничего не умеет, - отдыхать. Правда, непонятно, от чего отдыхать, ну да ладно...

Вообще говоря, для общества было бы куда полезнее, если бы Щербина просто исчез. Растворился без остатка. Хорошим людям не пришлось бы кормить дармоеда. Размышляя об этом, Говоров не столько жалел своих денег, сколько представлял, как будут обслуживать наглого бездельника в магазинах, как он станет шататься по улицам, все тем же цепким взглядом присматриваться к имуществу соседей... Ведь людям всегда мало, и чем больше они имеют, тем большего им хочется. Как знать, какие склонности получают развитие у Щербины, когда ему не придется задумываться о хлебе насущном. Альберт Игоревич почему-то был уверен, что явно не добрые и хорошие. Голубей кормить бывший уголовник не станет, картины рисовать - вряд ли. Ну да за этим несложно будет проследить - даже если Щербина сбежит с деньгами и не захочет получать свою персональную пенсию. Найти человека - не проблема.

- А ты, депутат, как первый миллион заработал? - осоловевшими глазами уставившись на Говорова, вдруг проговорил Щербина. - Много людей грохнул? Или все от папы на тарелочке досталось?

- На блюдечке, - машинально поправил Альберт. - Нет, не досталось,

папа у меня был простой рабочий. Да и сам я в молодости немало кирпичей перетаскал... Работал, учился, в банк устроился. Где-то повезло, где-то пришлось много работать. Свою компанию я сам создал. Практически с нуля.

- И с законом никогда проблем не было? - хмыкнул Щербина.

- Почему не было? Всякое случилось. Но людей я не резал и не убивал.

- Хороший, стало быть, - презрительно бросил Щербина. - Белый и пушистый. Видал я таких на зоне и не только видал...

- Ладно, засиделись мы, - твердо сказал Говоров, поднимаясь и делая знак официанту. - Ночевать будешь у меня, в комнате для охраны. Или хочешь домой?

- Нет у меня дома, - фыркнул Щербина. - А дружки не заплачут, если я к ужину не явлюсь.

- Вот и отлично. Едем.

Пьяного Щербину водителю пришлось тащить в «мерседес» на себе.

Утро выдалось хмурым, Щербине было плохо после вчерашних возлияний, и он явно трусил. Говоров тоже был мрачен, но настроен решительно. Полмиллиона рублей лежали в дешевом дипломате из кожзаменителя - помощник решил сэкономить на «кошельке». Впрочем, с дорогим дипломатом Щербина смотрелся бы подозрительно. Куда больше ему подошел бы обычный холщовый мешок. Или, на худой конец, крепкая парусиновая хозяйственная сумка из супермаркета.

- Давай деньги, я на вокзале в камеру хранения положу, - предложил Щербина.

- Зачем?

- Ты меня грохнешь, а денег не дашь. Вы, богатые, жадные все.

- И что мне помешает поймать тебя около этой камеры? Или взломать ее - за полмиллиона, полагаю, специалиста найти нетрудно. Не бойся, не обману.

Щербина огорчился еще сильнее, но спорить не стал. Да и правда, что спорить? После короткого разговора настроение окончательно испортилось и у Альберта.

В лаборатории Краюшкина царил яркий теплый свет и вкусно пахло.

- Нужно непременно подкрепить силы перед процедурой, - заявил доктор.

Щербине он подал чашку с ароматным дымящимся напитком. Говорову - хрустальный стакан с мутной жидкостью. Альберт отхлебнул и чуть не сплюнул: питье было холодным, горьким и совсем невкусным.

- Пейте, пейте, - приказал изобретатель. - Так надо.

- Отравишь еще, - пробурчал Щербина. Однако категоричности в его

тоне не было, скорее - покорность. Еще несколько глотков, и по лицу донора расплылась блаженная улыбка.

- Не спать! - приказал ему Краюшкин. - Помните: вы должны помогать мне и помогать Альберту Игоревичу. Вы готовы сделать это?

- Да за полмиллиона я готов и менту помочь, - почти добродушно сообщил Щербина.

- Положите деньги на видное место, - приказал доктор.

Говоров пристроил чемоданчик прямо на полу и открыл его.

- Отлично. А теперь - по креслам.

Из подсобного помещения, смежного с лабораторией, будто по мановению волшебной палочки появились два огромных ассистента Краюшкина. Говоров вздрогнул, а Щербина идиотски захохотал. Похоже, в его питье изобретатель щедро подмешал каких-то расслабляющих препаратов.

Говорова полностью раздели и пристегнули к креслу ремнями, закрепили на теле несколько присосок и игл. Процедура оказалась не очень приятной и даже болезненной, а Краюшкин еще и «ободрил»:

- Все это мелочи. Скоро будет по-настоящему больно.

С Щербины сняли только рубашку, обнажив бледное, хилое тело, на голову водрузили шлем.

- Щекотно, - объявил он.

- Электричество, - пояснил изобретатель. - Ничего, вам неприятных ощущений опасаться не стоит.

Ассистенты скрылись в подсобке, Краюшкин спрятался за медным, с мелкими дырочками экраном. Щелкнул тумблер. Загудели приборы.

- Думайте о хорошем. Отдавайте силу. Принимайте силу, - объявил изобретатель. - Приборы фиксируют движение.

Тело Говорова пронзила боль. Болели мышцы - их словно выкручивало. Давило сердце. Крайне неприятные ощущения появились в области желудка. На голову словно надели раскаленный стальной обруч, который неуклонно сжимался.

- Так и концы отдать недолго, - выдавил Альберт.

- Терпи, депутат, - хохотнул Щербина. - Или денежек жаль?

Затея казалась Говорову все глупее. Он по-настоящему разозлился, и зло свое обратил на борьбу с болью, на то, чтобы действительно что-то получить от наглого уголовника. Ведь он и в самом деле имел на это право!

Сразу стало легче. Боль не ослабла, но стала направленной и терпимой. Энергия хлестала в Говорова, и он понял, что процесс ее поглощения действительно должен быть болезненным. Загорелась, как от ожога, кожа на лице, потом на руках, а спустя минуту горело все тело.

- Хорошо, хорошо, - подавал голос из-за своего экрана Краюшкин. - Еще минут пять - и достаточно.

Щербина вновь начал хохотать, как-то странно повизгивая. Говоров испытал к донору приступ отвращения, который внезапно сменился симпатией, и, преодолевая боль, депутат засмеялся. Он и в самом деле стал сильнее! Сердце сдавило железной рукой и отпустило. Оно больше не ныло, а стучало уверенно, гулко, разгоняя по жилам молодую, горячую кровь.

Гул приборов стих, Краюшкин подбежал к креслу, протянул Говорову зеркало. Тот взглянул на себя и не сдержал восхищенного вздоха. Лицо было красным, словно после бани, но помолодело лет на пять.

- Работает? - с довольной усмешкой поинтересовался изобретатель.

- Да, - Говоров кивнул. - Эффект не будет временным?

- Почему же не будет? Будет. Только время действия данного эффекта - десять лет. Потом нужно повторить, - с торжественными нотками в голосе объявил Краюшкин. - Поздравляю, Альберт Игоревич.

- Поздравляю, депутат, - с ехидством в голосе сказал Щербина. Не похоже было, что он постарел - разве что глаза выглядели усталыми да уголки губ опустились. - А теперь давай мои деньги, я поехал.

- Тебе завтра паспорт сделают, я распорядился, - сказал Говоров.

- Может, заберу через годик, - усмехнулся донор. - Ты мне еще и пенсию обещал, и домик. Не раздумывай - приеду. А пока бывай.

- Ладно. Деньги твои. Не бойся, отнимать не стану.

Щербина накинул рубашку, застегивать пуговицы не стал, ощерился напоследок, подхватил дипломат с деньгами и был таков.

- Я свои деньги хотел бы получить несколько позже, но сразу после того, как вы почувствуете результаты, - тон Краюшкина стал деловым. - Скажем, через неделю. Или через две. Вас устроит?

- Вполне, - кивнул Говоров.

Если выяснится, что изобретатель его обманул, всегда можно найти меры воздействия. В конце концов, Краюшкин должен понимать - если он будет вести себя недобросовестно, его просто грохнут.

Собственные мысли слегка удивили депутата - в последнее время он крайне редко обдумывал возможности разобраться «по понятиям», предпочитая действовать более или менее законными способами.

Вернувшись домой, Говоров зачем-то напился. Откупорил подаренную приятелем бутылку двадцатипятилетнего виски и выпил его едва ли не из горла. После виски хорошее настроение сменилось состоянием эйфории. Боль в помолодевшей коже притупилась, и мышцы ныли уже не так сильно.

Вечером Альберт собирался попариться, но не стал, а включил телевизор, что с ним бывало крайне редко, и посмотрел несколько передач подряд на каком-то странном, доселе неизвестном канале. На

следующее утро опоздал на работу - спешить было некуда, впереди ожидала вечность. А если и не вечность, то доставшиеся практически даром десять лет.

Приезжать на работу вовремя Говоров перестал. Депутатский прием на ближайший месяц отменил. Хорошего - понемногу. Даже депутат имеет право на отдых.

Самочувствие Альберта было просто прекрасным. Он ощущал, что может без труда пробежать десять километров, без остановки подняться на тридцать пятый этаж офисного центра, где располагалась его приемная, выгрузить вагон сахара. Но не бежал, не поднимался и, понятное дело, не разгружал. Вместо этого он предавался сомнительным удовольствиям, в том числе весьма странным. Скажем, Альберт полюбил играть со своими охранниками в домино, хотя прежде не признавал иных связанных с играми развлечений, кроме преферанса. Но расписывать «пулю» с охранниками депутату и в голову не могло прийти.

На исходе второй недели наступившей молодости прямо домой к Говорову приехал помощник Вячеслав. Депутат тут же пригласил его в гостиную, налил рюмочку, проследил, чтобы помощник выпил.

- Хорошо? - поинтересовался он.

- С утра - не слишком-то.

- Демократичный я стал последнее время, - похлопывая по плечу Славу и криво усмехаясь, проговорил Альберт. - Вышли мы все из народа, дети семьи трудовой. Так?

- Так, - не смел спорить Вячеслав.

- А ты рюмочкой брезгуешь.

- Я не брезгую. Дел много.

- А, дел, - погрустнел Говоров. - Что там случилось?

- Доктор ваш приходил. Денег просил. Говорил, что мы ему должны.

- Если и правда должны - отдадим, - не стал спорить Альберт. - Но чуть позже. Долг платежом красен, однако в свое время. Поспешишь - людей насмешишь. Так?

- Так.

- А ты возмущаешься. Навел справки насчет того посетителя, про которого я тебе говорил?

- Да. Как сквозь землю провалился. Дружки, с которыми он жил, ничего о нем не слышали.

- Поехали, проведем их, - предложил Говоров. - Тебе не сказали, ну а мне, может, расскажут. Звать-то их как?

- Дмитрий и Олег.

- Точно. Дима и Олег. Наверняка мои избиратели. Нужно посетить, - заявил Говоров, чувствуя непреодолимое желание увидеть товарищей Щербины.

По дороге в трущобный район Говоров купил три литра водки и

несколько пятилитровых жестяных банок пива.

- Порадуем избирателей, - прокомментировал он свои действия.

Дальнейшее помощник вспоминал, как непрекращающийся многочасовой кошмар. Депутат и два заросших, скверно пахнущих оборванца пили весь день. Вячеславу несколько раз пришлось бегать за рыбой и разной другой закуской. Поскольку его тоже заставляли пить, блуждание среди вросших в землю домов в поисках магазина было долгим и страшным - из выбитых окон на человека в когда-то приличном, а теперь в масляных пятнах светлом костюме смотрели с жадным любопытством. В конце концов Вячеслава остановили, отобрали деньги и колбасу, и пришлось возвращаться к собутыльникам ни с чем. Говоров долго хохотал над злоключениями помощника.

Встать в девять утра Говорову стоило больших усилий. Но он заставил себя, героически оттолкнул предложенную какой-то девушкой - кажется, Машей, он точно не помнил - бутылку холодного пива и попросил ее сварить кофе. Девушка оказалась послушной и даже сама от пива отказалась. Проблему с кофе она решила просто - дала задание домработнице, благо, та уже пришла.

- Ты веселый, - заметила Маша. - Я и не ожидала.

- Почему не ожидала? - удивился Альберт.

- А я с тобой два месяца назад в ночном клубе разговаривала. Не помнишь? Ты был не то что скучный - просто нудный. Нес какую-то пургу.

- Да? Бывает, - сказал Говоров. Ему стало стыдно - не за то, что он был нудным тогда. За то, что он слишком веселый сейчас.

- Что так рано поднялся? Дела?

- Встреча. Ты меня подожди здесь. Пойдем куда-нибудь завтракать. Или обедать. А сейчас мне надо перетереть... То есть поговорить с одним типом... То есть человеком.

Краюшкин ожидал Говорова в гостиной вместе с Вячеславом. Альберт отпустил помощника, впери в изобретателя тяжелый взгляд.

- Ты меня где-то кинул, эскулап.

- В каком смысле? - заволновался Краюшкин. - Вы стали моложе. Стали сильнее. Разве мы не об этом договаривались?

- Я стал дегенератом. Запойным пьяницей. Размазней. Мне постоянно хочется выпить, расслабиться - хотя напрягаться я совершенно перестал. Дела в компании идут через пень-колоду. Почему?

- Мне откуда знать, Альберт Игоревич? - заюлил изобретатель. - Заставьте себя работать. Сорвались на радостях - с кем не бывает. Потеряли несколько дней. Зато сколько лет у вас впереди!

- Тупые какие-то годы. Нерадостные. Ты скажи: я мог от этого Щербины чем-то заразиться?

- Нет, конечно. Ведь физический контакт отсутствовал.

- А морально?

- Морально? - Краюшкин тяжело вздохнул. - Понимаете ли, Альберт Игоревич, *vis vitalis*, эфирное вещество, доминирует над любой материальной субстанцией. Может быть, жизненная сила господина Щербины несколько отличается от вашей. Но это не значит, что вы не можете ее использовать...

- Так вот оно что! Этот подонок заразил меня своей ленью, слабоволием, разгильдяйством! А ты этому способствовал!

- Я сделал только то, что вам обещал. С тем донором, которого вы нашли.

- Никаких денег ты не получишь, Краюшкин, - нахмурившись, сообщил Говоров. - Как же мне выпутаться, как избавиться от этой заразы?

- Можно попробовать найти здорового донора. Бодрого, - предложил изобретатель.

- Да бодрый-то разве согласится свою жизнь отдать? Разве только какой-то нищий студент, и совсем немного... Но окучивать студентов у меня уже нет сил. Ты погубил меня, гад. Настоящий гад! Змий-искуситель!

- Сам ты гад! - вдруг обиделся и разгорячился Краюшкин. - И не надо мне твоих денег. Кинуть меня хочешь? Да я сам тебя кину!

Говорову послышались в интонациях изобретателя знакомые противные нотки. Таким противным кажется свой голос, когда первый раз слышишь его записанным на магнитофон. Выходит, и Краюшкину досталось что-то от Щербины? А что же, вполне разумно отдавать клиентам не всю *vis vitalis*, а только половину или три четверти. Забирать излишки, или остатки, себе. Даром. Работать над уничтожением современной медицины эскулапу новой волны будет теперь гораздо труднее. Чужая жизненная сила оказалась слишком разнородной, стремления - разнообразными. Сможет ли изобретатель продолжить начатое? Вряд ли. Значит, и для пациентов его надежды нет.

Говоров схватил первое, что попало под руку — тяжелую хрустальную вазу. Но изобретатель оказался готов к такому повороту событий — упал на четвереньки и бросился к выходу, как шустрый пес, которого хозяин застал за неподобающим занятием. Несколько тяжелых осколков хрусталя упали на Краюшкина, когда ваза врезалась в стену над его головой, но вряд ли причинили какой-то вред — во всяком случае, скорости доктор не замедлил.

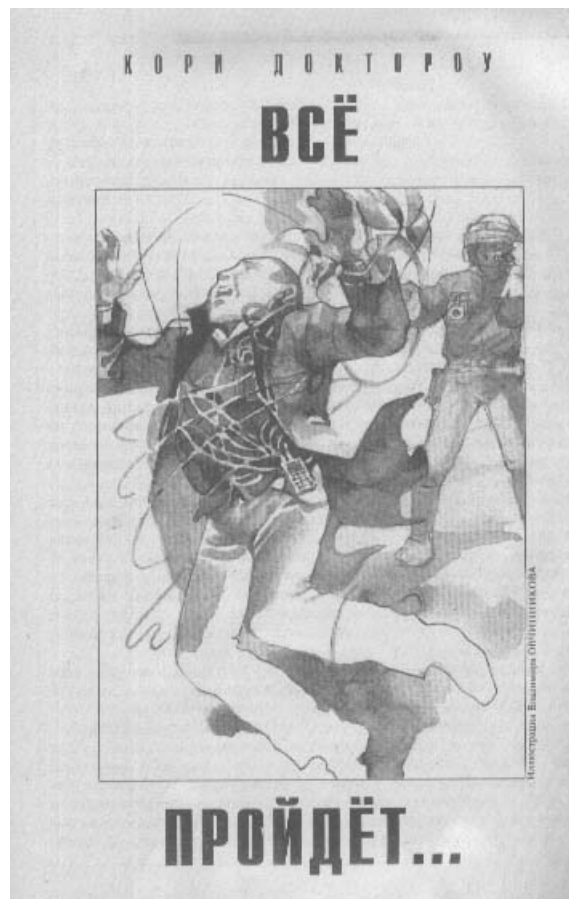
Краюшкину все-таки удалось «отбить» свои пятьдесят тысяч и даже немного больше. По его наводке Фельдман выкупил бизнес Говорова практически за бесценок и поделился прибылью с изобретателем,

который объяснил, какие подходы нужно искать к расслабившемуся от воздействия чужой эфирной энергии депутату.

Впрочем, деньги не радовали - работать над приборами по перераспределению *vis vitalis* изобретателю никак не хотелось. Он и так совершил слишком многое и имел право отдохнуть. Очень хорошо отдохнуть. А времени впереди было достаточно. Сто лет или даже Двести. Жизненной силой Краюшкин запасся в избытке.

Вот только Фельдман постоянно беспокоился, хотел чего-то, пытался заставить всех вокруг работать... Но и эта проблема снялась сама собой. Вскоре после удачной сделки по поглощению чужого бизнеса мультимиллионер свернул шею, катаясь на горных лыжах. И ведь не мальчик, а рисковал, рисковал, рисковал, словно бы опасностей не существовало. Прыгал с парашютом, катался на сёрфе по огромным волнам в Тихом океане, взбирался на гималайские скалы без страховки... Думал, что с ним никогда ничего не случится, что сил хватит на троих. Доигрался. Студенты в качестве доноров тоже оказались не лучшим материалом. Их *vis vitalis* делала человека излишне суетным, пробуждала ненужные стремления. А от бурной деятельности, как правило, слишком много проблем, опасностей, неурядиц. Не лучше ли жить спокойно, размеренно, не стремясь везде успеть, все захватить?

Сам Краюшкин в перерывах между созерцательностью подумывал над тем, чтобы окончательно забросить медицину и основать новую философскую школу. Даже главный постулат сформулировал: «Не возжелай жизни ближнего твоего».

КОРИ ДОКТОРОУ
ВСЁ ПРОЙДЁТ...

Иллюстрация Владимира ОВЧИННИКОВА

*Настанет завтра.
И тогда
Все то, что в мире жить мешало,
Пройдет, исчезнет без следа.
Джонатан Коултон.
«Настанет завтра».*

Рабочая кабинка Лоренса, украшенная священными символами монашеского ордена и изображениями святых покровителей, помогавшими ему сосредоточиться, была самым подходящим местом, чтобы поломать голову над проблемой, обнаруженной им в одном из системных журналов.

Из соседних кабинок доносилось приглушенное бормотание братьев и сестер, принадлежащих к Ордену созерцательных аналитиков; казалось, это звучат не голоса, а сама мысль - гибкая, концентрированная, мощная. Специальная программа отслеживала уровень этого шума, и на служебном участке экрана перед Лоренсом прихотливо змеилась желтая кривая, наложенная на трехмерный график нормальной активности. Судя по ее показаниям, сегодня ситуация была чуть более напряженной, чем обычно, соответственно и

работать приходилось интенсивнее.

Лоренс пощелкал «мышкой», прокручивая журнал, подумал еще немного и попытался поиграть с данными в надежде, что что-то прояснится само, но ничего не изменилось. Информация, заключенная в файле, по-прежнему оставалась бессмысленной, а ведь это был не просто системный журнал, а поток двоичных сигналов, который Орден обрабатывал и кодировал для Службы безопасности. В процессе обработки файл непонятным образом вырос на шестьдесят восемь байт, превратившись в Аномалию с некорректной контрольной суммой.

Архивы Ордена были полны различными Аномалиями - оборванными ниточками, время от времени попадавшимися в ткани реальности, или, если смотреть на дело с технической точки зрения, программными ошибками, которые Орден обнаруживал и исследовал. История о системном администраторе, который когда-то давно - еще до появления Ордена - заметил в бухгалтерских отчетах крошечное расхождение в семьдесят пять центов и сумел пройти по цепочке, разоблачив иностранную шпионскую организацию, использовавшую его компьютерную систему для взлома военных сетей, служила для монахов чем-то вроде священного предания. Произошло что-то подобное на самом деле или нет, доподлинно неизвестно, однако мораль сей истории была самоочевидна: потяни за ниточку, и мир раскроется перед тобой во всей своей сложности и многообразии.

Лоренс, однако, перепробовал уже все возможности; на большее его знаний просто не хватало. Значит, решил он, пора поговорить с Гертой.

Поднявшись, он вышел из кабинки, машинально ощупывая увешанный сенсорами пояс, чтобы сообщить личному компьютеру: он помнит о его существовании. Компьютер работал постоянно: даже пока Лоренс шел из рабочего зала в монастырский двор, многочисленные датчики считали сделанные им шаги, измеряли пульс и даже снимали электрокардиограмму.

Герта... Она не была главной, нет. Орден состоял из небольших автономных групп и подразделений, руководители которых постоянно чередовались. Работу в целом координировало специальное групповое программное обеспечение, благодаря которому не возникало никакой необходимости создавать жесткую вертикальную иерархию. И хорошо, что не возникало. Так братьям и сестрам нравилось гораздо больше. В начальники, во всяком случае, никто из них не рвался.

Другое дело, что в условиях, когда учитывается каждый удар по клавишам, каждый щелчок «мышью» и каждый пункт производительности твоего труда, очень скоро становится ясно, кто хорошо знает свое дело, а кто лишь скользит по поверхности. Герта была из тех, кто знал свою работу досконально.

- Есть вопрос, - сказал Лоренс, подходя к ней. Герта предпочитала телеграфный стиль. Никакой чепухи вроде «Доброе утро, какая

замечательная погода сегодня».

Прежде чем ответить, Герта еще трижды ударила мячом о стену, каждый раз ловко ловя отскочивший снаряд. Ее потемневшие от пота седые волосы развевались при каждом движении, стройное, подтянутое тело грациозно изгибалось. Наконец Герта в последний раз поймала мяч и бросила в стоящую на земле корзинку.

- Тебя зовут Лоренс, так? - Она улыбнулась. - Что у тебя?

- Вот это. - Лоренс отправил вызвавший его недоумение файл на приемник ее личного компьютера. Автоматический анализатор Герты тотчас спроектировал данные на стену, о которую она только что стучала мячом, то есть ближайшую ровную поверхность. Некоторое время Герта прокручивала данные, сосредоточенно щурясь и качая головой, потом вызвала какие-то свои программы и воспроизвела битовый поток, опрашивая системные журналы в узлах сетевого подключения, начиная с момента, когда основной файл вырос на шестьдесят восемь байт.

- Ты считаешь - это Аномалия? - спросила она наконец. Под носом у Герты росли тонкие седые волоски. Обычно их не было заметно, но сейчас на них блестели крошечные капельки пота, хотя дыхание ее давно успокоилось, а рука, которой она указывала на стену, почти не дрожала.

- Надеюсь, что да. Эти Аномалии - хорошая возможность для карьерного роста.

- Тогда понятно, почему ты решил, будто имеешь дело именно с Аномалией. Но взгляни сюда... - Она извлекла контрольную сумму лишних байт, потом продемонстрировала ему свои сетевые разветвления, продолжавшие отсылать и принимать пакеты информации.

Защищенный контрольной суммой блок данных двигался по маршрутизаторам без задержек - один переход, другой, третий, и вот он уже в терминале. Идентификаторы терминала сразу же выдали имя человека, которому принадлежал защищенный файл. Это был Збигнев Кротовски, логин - Збикрот. Герта записала в память компьютера номер его кельи и задумалась.

- Теперь мы не получим очередной платы, потому что данные испорчены, - сказала она. - Зато у нас есть контрольная сумма и имя пользователя. А по данным биометрии мы даже можем судить, в каком состоянии Збикрот был за пять минут и восемь секунд до того, как добавил лишние данные к файлу. Идем же, спросим у него, что означают эти шестьдесят восемь символов и зачем он вставил их в поток данных, предназначенных для Службы безопасности.

Лоренс пошел первым, показывая дорогу. Ту часть монастырского кампуса, где работал Збикрот, он знал очень хорошо. Лоренс сам жил там первые пять лет после своего поступления в монастырь, и если

Збикрот до сих пор квартировал в одном из тамошних общежитий, следовательно, он пришел в Орден сравнительно недавно.

Когда Лоренс оказался в вестибюле жилого корпуса, его пояс слегка завибрировал. Это означало, что контрольное устройство зарегистрировало его появление. Чуть менее интенсивные тактильные сигналы повторялись каждый раз, когда Лоренс поднимался на очередной этаж по чисто выметенным деревянным ступенькам. Когда-то давно он получил послушание привести эти лестницы в порядок. Своими руками Лоренс удалил со ступеней древнюю краску и грязь, выскоблил дерево так, что оно сделалось гладким, точно щека младенца, а потом покрыл десятью слоями особо прочного лака и отполировал.

Это была невероятно тяжелая и долгая работа, но сейчас Лоренс с удовлетворением отметил, что, несмотря на прошедшие годы, ступени все еще блестят.

Он дважды постучал в дверь кельи Збикрота и только потом вошел. С формальной точки зрения, любой послушник или послушница имели право в любое время дня и ночи зайти в келью к своему товарищу без предупреждения, однако нормы вежливости и уважение к частной жизни оказались сильнее правил и установлений.

Келья Збикрота была пуста. Все следы того, что здесь еще недавно кто-то жил, были тщательно уничтожены. Пол покрывал толстый слой пыли, которая плотными клубами поднялась в воздух, стоило Лоренсу и Герте сделать несколько шагов. Едва вдохнув эту пыль, оба сильно раскашлялись и были вынуждены отступить обратно в коридор и захлопнуть дверь.

- Кожа, - хрипло сказала Герта. - Отмершие чешуйки человеческой кожи, собранные, скорее всего, на фильтрах вентиляционных систем. Думаю, в этой комнате можно найти образцы ДНК всех обитателей кампуса. Иными словами, мы не сможем воспользоваться биометрией, чтобы выяснить, кто же на самом деле жил в этой комнате.

При этих ее словах Лоренс с еще большей отчетливостью ощутил во рту сухой привкус пыли и с трудом подавил рвотный рефлекс. Он, разумеется, знал, что в воздухе, которым дышит, присутствуют мертвые частички кожи других людей, но в любом другом месте их концентрация была во много раз меньше, чем в келье, в которой он только что побывал.

- Ну ладно, - вздохнула Герта. - Можешь считать, что ты заполучил свою Аномалию. Поздравляю, Лоренс.

Монастырский кампус окружала высокая металлическая стена, в которой были только одни, довольно узкие ворота.

- Разве это не опасно? - поинтересовался Лоренс у монаха-охранника,

дежурившего в будке у ворот. - Вдруг случится пожар или еще что-нибудь?

- Нисколько не опасно, - ответил охранник. Он был уже стар, и на лице его лежала печать безмятежного спокойствия, какая появляется у каждого, кто провел в Ордене несколько десятилетий. Тщательно расчесанная борода охранника была заплетена в толстую косу, свисавшую до середины живота, который только-только начинал нависать над поясным ремнем.

- Если начнется пожар, достаточно только нажать кнопку, которая меняет полярность размещенных вдоль стены магнитов. Фундамент тотчас разделится на два десятка фрагментов, и стена рухнет в течение нескольких секунд. Вот только ни незаметно сбежать, ни пробраться внутрь этим путем никому не удастся.

- Я этого не знал, - признался Лоренс.

- Ну, на самом деле все это отражено в официальных документах, хотя, надо признать, что подробности там не раскрываются. Иначе у некоторых шутников мог бы появиться слишком сильный соблазн.

Лоренс покачал головой.

- Каждый день узнаешь что-нибудь новое.

Охранник сделал рукой жест, включивший какой-то процесс в системе открывания ворот. По панелям, закрывавшим пол будки, тотчас прокатилось легкое сотрясение.

- В переходной камере мы поддерживаем давление в десять атмосфер, к тому же с внешней стороны ворота открываются вовнутрь. Никто не сможет взломать нашу дверь без того, чтобы не наделать шума. - Охранник усмехнулся в бороду.

- Но ведь для того, чтобы снова создать такое давление после каждого прохода, требуется, наверное, очень много времени, - предположил Лоренс.

- Это верно, но... К нам почти никто не приходит и еще меньше уходит, - ответил охранник. - С внешним миром мы обмениваемся, главным образом, информацией.

Задумчиво опустив голову, Лоренс похлопал себя по карманам.

- Ну что, готов к встрече с внешним миром? Все взял, что нужно?

- Вам кажется, что я нервничаю?

Старик отхлебнул чаю из стоявшей перед ним кружки.

- Ты был бы дураком, если б не нервничал. Сколько времени прошло с тех пор, как ты побывал снаружи в последний раз?

- Я не покидал монастырь с тех пор, как шестнадцать лет назад присоединился к Ордону. Мне тогда был всего двадцать один год...

- Понятно, - охранник кивнул. - Только дурак на твоём месте не волновался бы, - повторил он. - Кстати, ты следишь за политическими событиями?

- Никогда не увлекался политикой, - Лоренс покачал головой. -

Впрочем, я слышал, что в последнее время ситуация снаружи... э-э... осложнилась.

Старик хрипло рассмеялся.

- Не увлекался, говоришь?.. Что ж, пожалуй теперь тебе придется начать разбираться в том, что происходит в большом мире. Многие не следят за политикой, но политика следит за каждым.

- Это... опасно? - Лоренс невольно поежился.

- Как сказать... Кстати, ты вооружен?

- Нет. Я не знал, что можно взять с собой оружие.

- Некоторые берут, хотя, думаю, с твоей стороны подобный шаг был бы не самым разумным. Любое оружие, с которым не умеешь обращаться, принадлежит твоему врагу. Просто будь осторожнее. Слушай, прежде чем что-нибудь сказать, сначала смотри, а потом уже действуй. Там, снаружи, живут в общем-то неплохие люди, просто сейчас они оказались в трудном положении.

Лоренс переступил с ноги на ногу, поправил лямки своего рюкзака.

- Не очень-то вы меня успокоили, - сказал он, вздохнув.

- Зачем тебе вообще понадобилось выходить наружу? - поинтересовался охранник.

- Аномалия, - пояснил Лоренс. - Первая, которую мне удалось обнаружить. Я ждал этого шестнадцать лет. Кто-то испортил информацию, предназначавшуюся для Службы безопасности, и покинул кампус. Я должен отыскать этого человека и спросить, почему он так поступил.

Давление в шлюзе упало. Тяжелые створки ворот начали открываться.

- Да, похоже, это настоящая Аномалия, - проговорил охранник и отвернулся.

Лоренс неуверенно шагнул к переходной камере, но прежде чем он успел войти внутрь, охранник остановил его взмахом руки.

- Ты не был снаружи шестнадцать лет. То, что ты увидишь за оградой, может тебя удивить... неприятно удивить. Постарайся не забывать, что люди все-таки высшие существа, хотя поначалу тебе может показаться иначе.

С этими словами он слегка подтолкнул Лоренса в переходную камеру. Створки ворот с лязгом сомкнулись. В шлюзе пахло горячим машинным маслом и резиной, тесное пространство камеры едва освещали цепочки белых светодиодов, огоньки которых карабкались по стенам, словно пьяные муравьи. Это было все, что Лоренс успел заметить. Снова раздался громкий лязг, и ведущая наружу дверь отворилась.

Лоренс медленно шел по тихой, безлюдной улочке. Над ним

простиралось то же самое небо, под которым он провел последние шестнадцать лет своей жизни, да и дышал он тем же воздухом, однако стоило ему сделать шаг за порог шлюза, как все изменилось. Быть может, это было только воображение, однако организм Лоренса реагировал на перемену как на нечто вполне реальное и угрожающее: пульс его сделался частым, лицо покрылось испариной, кончики двух пальцев на правой руке, обтянутой перчаткой с обратной связью, слегка покалывало, а мысли... Мысли неслись вскачь, так что каждый раз, когда Лоренс пытался подумать о чем-то одном, ему приходилось прилагать огромные усилия, чтобы сосредоточиться, однако сосредоточиться ему не удавалось, и вместо того чтобы просто успокоиться, он продолжал волноваться и переживать из-за того, что успокоиться не получается.

Почти то же самое Лоренс испытывал шестнадцать лет назад, когда решил поступить в Орден. Он был очень зол тогда. Зол, угнетен, разочарован. Сидя перед клавиатурой своего компьютера, он смотрел на мир сквозь увеличительное стекло Сети и не находил в нем ничего прекрасного. Люди казались ему дураками, безблагодатными кретинами и хитрыми мерзавцами, в обществе которых он не мог не начать деградировать. В четырнадцать Лоренс был смышленным, подающим надежды подростком, к шестнадцати превратился в юного гения, в восемнадцать стал восходящей звездой, а к двадцати одному оказался жалким неудачником. Глубокая депрессия, в которую он погрузился, не отпускала его ни днем, ни ночью. Чтобы справиться с нервозностью, Лоренс постоянно что-нибудь ел, так что за считанные месяцы его вес достиг трехсот с лишним фунтов.

За два года он трижды поступал на работу, и трижды его увольняли.

В конце концов настал день, когда Лоренс просто встал со своего рабочего места и вышел за дверь, хотя место в этой четвертой по счету компании он нашел только недавно. Компания занималась разработкой учебных - и обучаемых - видеосистем для анализа изображений, и Лоренс пришелся здесь, что называется, ко двору, поскольку после своего последнего увольнения умудрился сохранить допуск к секретной работе. В перспективе маячило даже небольшое повышение (что-то вроде назначения замзавсектором), однако он не задумался об этом ни на секунду. Даже не выключив компьютера, Лоренс спустился на первый этаж и покинул здание.

Стоял сырой, пасмурный, ветреный день, и улицы Нью-Йорка были на удивление пустынными. Стоя на Шестой-авеню, Лоренс долго смотрел на север - на знакомые здания, машины, автобусы и решетчатые эстакады - и думал о том, что не принадлежит к этому миру. Это было как озарение. Впервые он понял, что его место не здесь, и эта мысль не вызвала в нем ни огорчения, ни протеста. Напротив, Лоренсу казалось странным, что он не догадался об этом раньше. Этот мир ему

попросту не подходил. Он отчетливо видел его недостатки и изъяны, видел несовершенство законов и пороки политической системы, которая, по глубокому убеждению Лоренса, нуждалась в полной отладке и устранении программных ошибок. И он пытался это сделать, несколько раз пытался, но все было тщетно. Лоренсу никак не удавалось убедить своих начальников, что они все делают неправильно. Ему не удавалось доказать коллегам, что он и только он знает правильные ответы на все вопросы. Система снова и снова оказывалась сильнее, и в результате Лоренс в очередной раз лишался работы. Все его попытки сделать мир лучше проваливались, а каждая новая неудача только усиливала его разочарование и раздражение окружающих.

В людях Лоренс разбирался неплохо; он видел, что коллеги злятся, и знал почему, но теперь это перестало его волновать. «Так уж они устроены, - думал он, - их не переделаешь».

Так он размышлял, стоя на ветру под проливным дождем. Лишь основательно замерзнув, Лоренс спросил себя, что же делать дальше. Его дом находился в сорока кварталах от офиса, а он еще не слишком хорошо ориентировался в новом районе и поэтому с работы и на работу добирался подземкой. Но сегодня, наперекор всему, Лоренс пошел домой пешком. Отдуваясь и прихрамывая, он все сильнее налегал на тросточку, которой начал пользоваться после того, как его вес увеличился чуть не вдвое. Коленные суставы отзывались болью при каждом шаге, но Лоренс, сжав зубы, все шел и шел. Когда же он добрался до своего многоквартирного дома, оказалось, что лифт - уже во второй раз за месяц - вышел из строя, и ему пришлось подниматься по лестнице. Подъем настолько утомил его, что, когда Лоренс оказался наконец перед дверями своей квартиры, его едва не вырвало.

Тяжело дыша, Лоренс стоял на пороге квартиры и, держась за дверной косяк, смотрел на свой диван и пыльный стол, на стопки книг и растрепанных справочников, на выгоревшие обои в жирных пятнах и оставшуюся от завтрака грязную посуду в крошечной мойке. Из крана мерно капала вода.

Когда-то Лоренс видел несколько посвященных Ордену рекламных роликов. Они бы, наверное, оставили его равнодушным, если бы не фрагмент, посвященный монашеским кельям - чистым, аккуратным, уютным. Всем своим видом они навевали мысли о глубоком, безмятежном спокойствии и умиротворении, в которых так нуждалась его душа.

А главное, они были так не похожи на его квартиру!

И, повернувшись на каблуках, Лоренс начал спускаться, не потрудившись даже запереть дверь. Он, конечно, слышал, что Нью-Йорк считается воровской столицей цивилизованного мира, но за всю свою жизнь ни разу не встречал человека, у которого обчистили бы

квартиру. К тому же ему было наплевать: если придут грабители, пусть забирают, что хотят, остальное с удовольствием подчистит домовладелец. Лоренс больше не принадлежал к этому миру - его место было не здесь.

Он снова вышел под дождь и - черт побери, почему бы нет? - стал ловить такси. Ему повезло: стоило Лоренсу поднять руку, как рядом затормозила машина. Узнав, что ехать предстоит на Стейтен-айленд, водитель скорчил недовольную гримасу, но Лоренс достал из бумажника три двадцатки и сунул сквозь отверстие в пластиковой перегородке.

Таксист нажал на педаль. Струи дождя полосовали Манхэттен и разбивались о стекла такси мутными потоками. Промелькнул за окном мост Вераццано, и Лоренс навсегда попрощался со своей прежней жизнью и с миром, к которому не принадлежал.

Он искал новый мир, частью которого мог бы стать.

Так, во всяком случае, ему казалось. Так он чувствовал, и его сердце сжималось при мысли о решительности и окончательности происходящих с ним перемен.

Реальность оказалась, однако, не похожа на рекламные ролики. Братья, встретившие его у ворот, выглядели приветливыми, но немного странными - совсем как его прежние коллеги по работе, да и вместо уютной келейки Лоренс получил койку в общей комнате монастырского общежития. Первым его послушанием стало строительство нового жилого корпуса. Имущество, которое он так скоропалительно бросил, тоже не досталось ворами и грабителям: кто-то из братьев съездил к нему на квартиру, перевез вещи в находящееся на территории кампуса хранилище и уладил все вопросы с домовладельцем. Иными словами, когда схлынуло первоначальное возбуждение, жизнь в Ордене стала казаться Лоренсу совершенно обычной, но его это нисколько не огорчало. Уже давно он не чувствовал себя нормальным человеком. Как видно, ординарность была неотъемлемым свойством Ордена. А именно в этом Лоренс нуждался больше всего.

Патрульная машина Службы безопасности приближалась, негромко жужжа электрическим двигателем. Она казалась Лоренсу похожей на детский рисунок: небольшая черно-желтая коробочка с двумя сиденьями впереди и решетчатой клеткой сзади. Машина набрала скорость, потом резко затормозила прямо перед ним, слегка качнувшись на подвеске. Бесшумно распахнулись дверцы, похожие на изломанные крылья чайки.

- Здорово!.. - вырвалось у Лоренса. Любуясь машиной, он непроизвольно отступил назад и поднес руку к висевшему у него на

шее мобильному регистратору, направляя объектив встроенной камеры на двух патрульных, которые как раз выходили из машины.

Несмотря на надетую на них броню, копы двигались плавно и быстро. Один из них с проворством змеи метнулся вперед и выхватил регистратор из пальцев Лоренса. Рука в усиленной механической перчатке сомкнулась, раздался хруст пластмассы, и на мостовую посыпались обломки деталей. Второй коп, двигаясь с той же стремительной грацией, зашел Лоренсу за спину и, схватив его за запястья, стиснул в довольно болезненном захвате.

Тем временем первый полицейский движением ноги отбросил в сторону обломки регистратора и провел ладонями в перчатках вдоль всего тела Лоренса - не прикасаясь, но держа руки на расстоянии считанных миллиметров. Этого, однако, хватило, чтобы личный компьютер Лоренса буквально взбесился. Чуткие сенсоры прибора сразу зафиксировали работу программ-идентификаторов, миллиметровых радаров, источников радиочастотного и рентгеновского излучения и прочих микроустройств, пытавшихся прощупать, просветить, просканировать Лоренса. Компьютер отреагировал на недружественное вторжение, посылая своему обладателю сенсорные сигналы, которые ощущались сначала как мурашки по коже, а потом - как уколы, толчки, вибрации. Это было неприятно. Это нервировало и пугало. Казалось, будто кто-то неведомый и враждебный ощупывает Лоренса изнутри.

Он попытался что-то сказать, но поперхнулся и издал только какое-то невнятное восклицание, когда первый коп предостерегающим жестом поднес к его носу палец в перчатке - так близко, что Лоренс невольно скосил глаза к переносице. Он молчал, пока полицейский не закончил досмотр, и лишь слегка передернул плечами, давая компьютеру знак, что все в порядке.

- Значит, ты из этих - из сектантов?.. - спросил второй коп, ловким пинком раздвинув Лоренсу ноги и толкнув в спину, так что он ткнулся лбом в борт патрульной машины.

- Совершенно верно, - отозвался Лоренс. - Я из Ордена. - Движением головы он указал на ворота, которые находились всего в нескольких метрах от него и тем не менее оставались недосягаемыми. - Мне пришлось выйти, чтобы...

- Вы, сектанты, совсем с ума посходили!.. - проворчал первый коп. - Ты что, не соображаешь, что мы могли тебя убить? При приближении патрульной машины полагается встать неподвижно, а руки развести в стороны. И упаси тебя Господь направлять на полицейских какие-либо неизвестные приборы, если, конечно, ты не решил заручиться помощью сотрудников Службы безопасности, чтобы свести счеты с жизнью. Слушай, а может, ты и впрямь самоубийца, а?..

- Нет, - ответил Лоренс. - Разумеется, нет. Я просто хотел сделать

снимок для...

- Фотографировать или фиксировать действия полиции иным способом строго запрещается, - перебил патрульный. - Как тебе известно, идет война, и... - Он нахмурился. - Черт побери, теперь нам придется тебя задержать! Не меньше десятка человек будут вынуждены бросить более важные дела, чтобы все оформить, соблюсти положенные процедуры... Ты можешь получить месяц тюремного заключения, парень. Тебе это нужно?

- Нет, конечно, - сказал Лоренс. - Я просто не знал...

- Не знал, а следовало бы знать. Раз уж ты решился выбраться из этого своего монастыря, нужно было сначала научиться вести себя как нормальные люди.

Второй полицейский, продолжавший прижимать Лоренса к черно-желтому борту машины, чуть пошевелился.

- Отпустить его? - спросил он.

Первый коп покачал головой.

- На твоём месте, парень, я бы прямо сейчас вернулся назад в монастырь и сидел там - носа не высовывал. И никогда больше никуда не выходил. Тебе ясно?

Но Лоренсу ничего не было ясно. Он не знал, приказывает ему патрульный идти назад или просто советует? Арестуют ли его, если он не вернется? В последний раз Лоренс имел дело с властями довольно давно и отвык общаться с полицией. Его грудь часто вздымалась, пот струился по спине и ручьями стекал по ногам.

- Я все понял. - Лоренс кивнул и подумал: «Теперь мне ясно только одно: с вопросами придется быть поосторожнее».

Нью-йоркская подземка осталась почти такой же, какой он ее помнил, хотя длинная очередь на входе стояла не к турникетам, а к постам безопасности, где дотошно проверяли багаж и просвечивали подозрительных рентгеновскими лучами. Но ньюйоркцы остались прежними: они старались без крайней необходимости не встречаться друг с другом взглядами, а встретившись, слегка пожимали плечами, словно говоря: «Ну что тут поделаешь?».

И запах в подземке был прежним. Пахло погребом, машинным маслом, хлорной дезинфекцией и миллионами людей, которые побывали здесь за прошедшие десятилетия и которые спустятся сюда в будущем. От этого запаха Лоренс даже растерялся и остановился у стены, на которой висела схема линий. Какое-то время он просто смотрел на нее, стараясь справиться с головокружением, потом вдруг поймал себя на том, что внимательно разглядывает схему, сравнивая ее с той, что хранилась в его памяти. Лоренс был уверен, что за годы, которые он провел за стенами монастыря, в нью-йоркской подземке

появилось немало новых станций, но ошибся. С удивлением он обнаружил, что новых станций не было вовсе. Напротив, ему показалось, что их стало меньше. Он отчетливо помнил, что одна из них располагалась на Бликер-стрит, а другая - на Кафидрал-парквей, но на схеме их не было. Они исчезли - на их месте белели только наклеенные полоски бумаги или клейкой ленты.

Почти не отдавая себе отчета в своих действиях, Лоренс коснулся кончиком пальца того места, где когда-то была станция «Бликер-стрит».

- Я тоже никак не могу к этому привыкнуть, - раздался рядом чей-то голос. - Когда я была маленькой, то каждый день пересаживалась там на свою линию и ехала домой.

Лоренс обернулся. Чуть позади него стояла какая-то женщина. Она была примерно одного возраста с Гертой, но годы оставили на ее лице более отчетливый - и более глубокий - след. Ее щеки и шею покрывали морщины, кожа на руках казалась сухой, словно пергамент, плечи сутуло опустились, но глаза казались добрыми и мягкими.

- А что случилось со станцией?

В глазах женщины что-то мелькнуло, и она попятилась.

- С «Бликер-стрит»? - переспросила она. - Разве вы не знаете? Ведь это же как... Как 11 сентября! «Бликер-стрит»... - В ее устах название станции прозвучало словно заклинание.

Лоренс нахмурился, припоминая. Он, разумеется, читал новости, но в монастыре они не казались столь животрепещущими и важными и воспринимались, скорее, как исторические хроники - как нечто, произошедшее где-то очень далеко и давно.

- Прошу прощения, - проговорил Лоренс. - Я... Меня некоторое время не было в городе, и вот... Да, Бликер-стрит. Разумеется.

Женщина, прищурившись, смерила его взглядом.

- Должно быть, вы уезжали очень далеко, - заметила она.

Лоренс попытался улыбнуться.

- Я монах, - объяснил он. - Из Ордена созерцательных аналитиков. Я был отрезан от мира на протяжении шестнадцати лет и только сегодня... Меня зовут Лоренс. - Он протянул руку, и женщина пожала ее с такой осторожностью, словно та могла рассыпаться в прах.

- Монах?.. - повторила она. - Как интересно!.. Что ж, желаю вам получить удовольствие от ваших маленьких каникул. - И, повернувшись на каблуках, она поспешно зашагала прочь. Лоренс некоторое время смотрел ей вслед, потом снова повернулся к схеме и продолжил поиск исчезнувших станций.

Когда поезд со скрежетом остановился в тоннеле между 42-й и 50-й улицами, пассажиры дружно вздохнули. Мигнул и погас свет, и снова

раздался похожий на стон вздох. Еще несколько мгновений спустя вспыхнули мертвенно-зеленые лампы аварийного освещения, а из громкоговорителей зазвучало произносимое невнятной скороговоркой объявление. По всей вероятности, это был приказ покинуть состав, поскольку пассажиры сразу двинулись вперед, к дверям, ведущим в соседний вагон. Плотный людской поток увлек за собой и Лоренса. Вместе со всеми он шел, натываясь на скамьи, и вскоре оказался в головном вагоне. Передняя дверь была открыта, и пассажиры без спешки, по одному, спускались на рельсы. Внизу каждый оборачивался, чтобы помочь следующему, потом молча пожимал плечами, словно хотел сказать все то же привычное: «Ну что тут поделаешь?», и молча уходил в плохо освещенный тоннель. Лоренс тоже остановился, чтобы подать руку шедшему за ним пассажиру, и увидел, что это была та самая женщина, которая заговорила с ним на платформе. Она тоже узнала его - во всяком случае, она чуть заметно улыбнулась и, прыгнув на рельсы, привычно повернулась, чтобы помочь кому-то еще.

Они шли гуськом по проложенной рядом с рельсами узкой бетонной дорожке. На путях через равные промежутки стояли сотрудники Службы безопасности, одетые в высокие резиновые сапоги и шлемы с приборами ночного видения. В руках у них были электрические фонарики, их ярко-белые лучи плясали над головами бредущих друг за другом пассажиров.

- И часто такое случается? - негромко спросил Лоренс, оборачиваясь через плечо. Воздух в подземном тоннеле казался неподвижным, мертвым; он поглощал звуки, словно вата, и Лоренс подумал, что женщина его, наверное, не услышала, но какое-то время спустя до него донесся ее вздох.

- Каждый раз, когда Безопасность обнаруживает ошибку в подсчетах... или когда система показывает, что в поездах слишком много или слишком мало пассажиров... примерно раз в неделю. - Он почувствовал, что женщина смотрит на него и обернулся, но она только покачала головой и ничего не сказала. Лоренс хотел кивнуть, но споткнулся и упал на колени, задев головой бетонную стену, показавшуюся ему мягкой из-за скопившегося на ней за многие годы толстого слоя пропитанных маслом пыли, сажи, паутины.

Женщина помогла ему подняться.

- Не очень-то ты похож на шпика, - пробормотала она негромко. - Но ты монах... Ты сдашь меня Службе безопасности за то, что я была слишком подозрительной?

Лоренс ответил не сразу. В течение нескольких секунд он честно пытался разобраться в смысле вопроса, потом сказал:

- Я не работаю на Службу безопасности. - Такой ответ показался ему самым лучшим в данной ситуации.

Женщина недоверчиво фыркнула.

- А у нас говорят, что все монахи... Да не останавливайся ты: если мы не станем пошевеливаться, на нас начнут обращать внимание.

В молчании они дошли до аварийного выхода и стали подниматься по ржавой металлической лестнице. Выбравшись на поверхность из вентиляционного люка, они невольно заморгали от яркого света, хотя осеннее солнце уже опустилось к горизонту и стеклянные бока небоскребов окрасились в кровавый вечерний багрянец. Потом женщина посмотрела на Лоренса и насмешливо сморщилась.

- Ты весь перепачкался, - сказала она, хлопая его по рукавам, отчего в воздух поднялись клубы пыли. Опустив взгляд, Лоренс увидел, что колени его брюк тоже перепачканы пылью и паутиной.

Прохожие, торопившиеся по своим делам, брезгливо косились на него и старались держаться подальше.

- Где я могу почиститься? - спросил он.

- А где ты остановился?

- Пока нигде. Я собирался снять комнату в общежитии Молодёжной христианской организации или в мотеле для путешественников, пока... пока не закончу.

- Закончишь?..

- Я здесь с заданием. Мне нужно найти человека, который когда-то был в Ордене.

Лицо женщины снова застыло.

- Никто не может уйти безнаказанно, так, что ли?

Лоренс почувствовал, как к его лицу прилила кровь.

- Вовсе нет! И вообще, странные у вас представления об Ордене. Мне нужно найти его, потому что он исчез... при загадочных обстоятельствах... - Лоренс запнулся. Как объяснить постороннему человеку, что такое Аномалия? - В общем, это имеет отношение к тому, чем мы занимаемся. Раскрываем тайны, разгадываем загадки... И это делает нас лучше.

- Лучше? - она снова фыркнула. - Лучше, чем кто?.. Ладно, можешь не отвечать. Идем со мной - я живу неподалеку. Приведешь себя в порядок и отправишься дальше, искать этого вашего беглеца. В таком виде ни в какое общежитие тебя просто не пустят - ты выглядишь так, словно год скитался по канализации. Скорее уж, тебя задержат как «подозрительного нищего».

Лоренс послушно двинулся за женщиной, но, пройдя несколько ярдов, снова остановился.

- Ты считаешь, что я работаю на Службу безопасности, и все равно приглашаешь меня домой? - спросил он.

Женщина покачала головой и, взяв его за локоть, заставила свернуть за угол. Некоторое время они шли вдоль длинного, занимавшего целый квартал здания, потом снова повернули и двинулись в прежнем

направлении.

- Нет, - проговорила она после паузы. - Я считаю, что передо мной человек, который не понимает, что творится вокруг, и который непременно попадет в беду, если кто-то не поможет ему сориентироваться в окружающем, и притом быстро. Мне совсем не трудно помочь тебе, к тому же ты не похож на преступника, способного ограбить, изнасиловать и убить пожилую женщину.

- Самодисциплина, - объяснял Лоренс, - заключается в том, чтобы внимательно наблюдать за миром, постоянно сравнивая видимую картинку со своими внутренними ощущениями. Когда я пришел в Орден, то был очень полным человеком... А если честно - безобразно полным. Монашеская дисциплина научила меня учитывать каждый проглоченный кусочек пищи, и очень скоро я заметил несколько важных вещей. Во-первых, я понял, что ем не меньше двадцати раз в сутки; иными словами, я постоянно что-то жую. Во-вторых, я подсчитал, что поглощаю в день больше четырех килокалорий - в основном за счет промышленных сахаров, содержащихся в таких продуктах, как кукурузный сироп и другие. В-третьих, раньше мне казалось, что я питаюсь достаточно рационально: например, на обед и на ужин я всегда ел овощной салат, однако я совершенно забывал о том, что майонез, которым я щедро поливал овощи, содержит огромное количество жиров и холестерина. Кроме того, между обедом и ужином я каждый час-полтора съедал булочку или пирожное, а перед сном «заправлялся» полпачкой мороженого.

С этого все начиналось, но это было только необходимой тренировкой. Мы в Ордене следим не только за собственным питанием, а буквально за всем: за тем, как мы спим, как работаем на клавиатуре, следим за своим настроением, за тем, как мы читаем... Вскоре я понял, что моя скорость чтения напрямую зависит от количества сна, поэтому теперь, если мне предстоит иметь дело с большим количеством информации, я стараюсь предварительно выспаться. А ведь когда-то я бывало не ложился до утра, поддерживая бодрость с помощью огромного количества крепкого, сладкого кофе. На деле же оказалось, что чем дольше я оставался на ногах, тем сильнее падала скорость чтения, а чем медленнее я читал, тем дольше мне приходилось не спать, чтобы успеть выполнить задание вовремя. Не удивительно, что колледж дал мне гораздо меньше, чем мог. - Он вздохнул. - Вот почему я остался в Ордене. Опыт, который я получил там в первые же месяцы, стал для меня бесценным откровением, хотя эти прописные истины известны со времен Ньютона и эпохи Просвещения.

Лоренс сделал еще один глоток воды, которая на вкус казалась такой

же, какой всегда была вода из нью-йоркского городского водопровода, то есть очень неплохой. Такой воды он не пробовал уже шестнадцать лет. Старый диван, на котором он сидел, был заботливо отремонтирован, а от потрескавшейся обивки чуть заметно пахло средством для ухода за седельной кожей. Уют и тепло помогли ему расслабиться, и у него слегка развязался язык.

Пози (так звали женщину) сидела напротив на табурете, который она принесла в свою крошечную гостиную из кухни. Она была без туфель - в одних чулках, - и ее ноги утопали в ворсе добротного ковра, несколько пятен на котором скрывали умело расставленная мебель и самодельные вязаные половички.

Лоренс чувствовал, что должен рассказать ей все. Нельзя понять, что такое Орден, если не знаешь всех подробностей.

- Я неудачник, Пози. Вернее, был им. Мы все были неудачниками. У меня хватало и способностей, и честолубия, но в мире мне было плохо и неудобно. Я никак не мог найти себе в нем подходящего места. Горечь, разочарование, злость на окружающих с годами накапливались, заставляя меня огрызаться и грубить тем, кто был ко мне небезразличен и кто оказывался недостаточно проницателен, чтобы нанять меня на работу. Я всегда считал себя умнее других, и мне не составило труда убедить себя в том, что во всех моих бедах виноват вовсе не я, а то стадо кретин и непроходимых идиотов, которые окружают меня каждый день и каждый час. Потребовалось множество наблюдений, измерений, эмпирических опытов, прежде чем я понял, из чего складывается моя жизнь, и научился управлять ею, чтобы в конце концов стать таким, каким мне хотелось быть.

- Похоже, кое-чего ты достиг. Во всяком случае, мне ты кажешься вполне приличным молодым человеком, - заметила Пози. Ее тон был совершенно нейтральным, но Лоренсу в ее словах почудился намек на то, что ему пора уходить. За те полтора часа, что он провел в квартире Пози, Лоренс отдохнул и переделался в чистые брюки, но уйти он не мог. Пока не мог. Сначала ему нужно было узнать ответ еще на один вопрос.

- Почему ты подумала, будто я... что я могу работать на Безопасность? - спросил он.

- Ты и сам это знаешь. - Пози чуть заметно усмехнулась. - Не может быть, чтобы человек с такими глубокими аналитическими способностями и привычкой наблюдать за миром, не мог ответить на такой простой вопрос.

Лоренс медленно кивнул. Кажется, он и вправду начинал что-то понимать.

- Мы действительно исполняем кое-какую работу для Службы безопасности, - осторожно начал он. - Орден заключил с СБ коммерческий договор, согласно которому... В общем, это один из

способов, каким монастырь поддерживает собственное существование. - Насколько ему было известно, основатели Ордена зарабатывали необходимые средства заправкой картриджей для принтеров и другой фотокопировальной техники. В XXI столетии это, вероятно, служило чем-то вроде замены традиционному монашескому пивоварению и разведению пчел, но Орден на этом не остановился. Впоследствии послушники освоили удаленное управление И-технологиями, «добычу данных»^{*1} и информационную безопасность, что было только естественно для собранных в монастырях Ордена специалистов.

- Но вся наша работа основывается на принципе строгой анонимности, - добавил Лоренс. - Мы не доносим на людей, а только выискиваем отклонения, аномалии в данных и сообщаем о них. И мы делаем это не только для Службы безопасности, но и для других организаций и частных фирм.

Соскользнув с табурета, Поза подошла к окну, для чего ей пришлось отодвинуть в сторону два кресла на колесиках - до того маленькой была ее гостиная. Из окна был виден расцветенный миллионами огней Манхэттен: его сверкающее, перемигивающееся покрывало тянулось до самого Бруклина. Легким движением руки Поза подозвала Лоренса, и он с трудом втиснулся между ней и стоявшим вплотную к окну столом. Квартира располагалась на двадцать третьем этаже - вот уже много лет он не забирался на такую высоту и не смотрел на город, лежавший, казалось, у самых его ног. Было просто поразительно, как меняется мир, если смотришь на него сверху вниз.

- Вон там, - сказала Поза, указывая на многоквартирное здание напротив. - Видишь?.. Ну, квартира, где выбиты окна?

Лоренс кивнул. Несмотря на сгущающиеся сумерки, он сумел разглядеть два окна, наглухо закрытых картоном или фанерой.

- Хозяев забрали две недели назад. Я не знаю почему, и никто не знает. Просто ты каким-то образом обращаешь на себя внимание, и однажды за тобой приезжают и увозят. А потом... Предлог, чтобы отправить человека в тюрьму, всегда находится.

Лоренс почувствовал, что начинает злиться. В конце концов, он никого не арестовывает, он просто ищет ошибки в базах данных!

- Если предлог всегда находится, - сердито сказал он, - не означает ли это, что...

У Поза сделалось такое лицо, словно она готова была его ударить, и Лоренс невольно отшатнулся.

¹ * «Добыча данных», «информационная проходка» - анализ информации в базах данных с целью отыскания закономерностей и аномалий без выяснения смыслового значения записки. (Здесь и далее прим. перев.)

- Мы все в чем-то виноваты, Лоренс. Все. Я, ты, он... Таково главное правило игры. Если внимательно изучить жизнь каждого отдельного человека, обязательно что-то найдется: мелкая спекуляция, мошенничество, нарушение авторских прав, незадекларированный доход, посещение порносайтов в Интернете, нездоровые химические вещества в крови... Этот диван, на котором ты только что сидел, я купила десять лет назад у полицейского. Он жил по соседству и, когда переезжал на новую квартиру, не захотел брать его с собой. Разумеется, он не дал мне ни расписки, ни квитанции, следовательно - не заплатил ни цента налогов, что, с формальной точки зрения, делает преступниками нас обоих. Или вот это... - Поззи хлопнула ладонью по радиаторной батарее. - Я отключила автоматический регулятор через десять минут после того, как его установили. Все так делают. Для этого достаточно только засунуть монетку между контактами - и готово: муниципальные власти больше не смогут оставить тебя без отопления в разгар зимы. Просто, правда?.. А между тем я уверена, что это сделано специально. Вряд ли муниципалитет стал бы устанавливать такие простые регуляторы, если бы не рассчитывал, что жители начнут с ними «химичить». А раз это делают все - значит, невиновных нет.

Люди из дома напротив... Я не знаю, может быть, они были пакистанцами, бангладешцами или шриланкийцами... не важно. Женщину я несколько раз встречала в автоматической прачечной, и она показалась мне вполне порядочной, даже приятной. С ней всегда было двое малышей из дневного детского садика. Она... - Поззи не договорила и, отвернувшись, снова уставилась за окно. - Однажды она полезла в сумочку в поисках мелочи для автомата. Ее рукав закатался, и я увидела, что у нее на запястье вытатуирован номер. - Поззи содрогнулась. - Когда приехали их забирать, она бросилась к окну, разбила стекло и стала звать на помощь. Я слышала ее крики даже отсюда.

- Это ужасно, - искренне сказал Лоренс. - Но какое отношение все это имеет к Ордену?

Поззи вернулась к своему табурету и устало опустилась на него.

- Ты не слишком сообразителен для человека, который, по его собственным словам, хорошо себя изучил.

Лоренс шагнул к ней. Ему хотелось попросить у Поззи прощения, но он не знал за что, поэтому ограничился тем, что отнес свой стакан в мойку и поблагодарил за помощь и гостеприимство. В ответ Поззи только покачала головой.

- Будь осторожен, Лоренс, - сказала она. - Желаю тебе поскорее найти этого вашего беглеца.

О Збигневе Кротовски Лоренс знал только то, что тот был коренным

жителем Нью-Йорка и пришел в Орден всего четыре года назад. Первые два года он провел, пытаясь вовлечь старожилов в бесплодный обмен мнениями относительно этической допустимости работы на Службу безопасности, но потом успокоился и стал образцовым монахом. Время, которое послушникам предписывалось использовать для занятий, не имеющих отношения к текущей работе (чуть меньше пяти часов в сутки), он тратил на изготовление приспособлений для аэрофотосъемки, оборудуя воздушные змеи и аэростаты миниатюрными камерами, которые в монастыре обычно использовали для контроля за телесной биомеханикой и выработки максимально эргономичных движений.

Среди братьев рабочий рейтинг Збикрота находился на уровне восьмидесяти пяти баллов, что считалось достаточно высоким показателем. Сам Лоренс то опускался до семидесяти баллов по стобальной шкале, то - в зависимости от обстоятельств - поднимался до восьмидесяти восьми. Судя по всему, Збикроту особенно нравилось работать с землей, и не только в больших монастырских садах, где братия выращивала для себя овощи, фрукты и даже пшеницу, но и на маленьких, экспериментальных огородах или в теплицах, где он осуществлял причудливые эксперименты по скрещиванию разных сортов растений. Впрочем, селекция всегда была довольно популярным занятием среди монашествующих.

Массив данных, к которым Збикрот добавил шестьдесят восемь байт, давно отправился по назначению, но это ничего не меняло. Несанкционированное вмешательство имело место, а именно такими вещами и занимался Орден. Учитывая время и некоторые другие характеристики, Лоренс предполагал, что поток битов, возможно, содержал сведения о покупках, сделанных гражданами в скобяных и бакалейных лавках. Анализируя эти сведения, можно было выявить отклонения от среднего стандарта, указывающие на то, что кто-то приобретает детали и вещества для изготовления самодельного взрывного устройства. Збикрот работал с подобными данными постоянно; только в день своего исчезновения он проконтролировал шесть информационных потоков. А к седьмому добавил шестьдесят восемь байт - и исчез.

В памяти Лоренса всплыл еще один обрывок информации, который мог оказаться полезным. В Нью-Йорке у Збикрота была сестра... по крайней мере, это установить удалось. Анна Кротовски когда-то жила в кооперативном доме на 23-й улице, неподалеку от Лексингтон-авеню. Эти сведения относились, однако, к периоду четырехлетней давности, когда Збигнев поступил в Орден. С тех пор его сестра куда-то переехала - во всяком случае, ее телефоны не отвечали.

Кооперативный многоквартирный дом Анны некогда был вполне приличным домом для представителей среднего класса - с красным

козырьком над парадным и нишей для консьержа. Теперь он обветшал, козырек выцвел и покосился, в дверной панели не хватало стекол, а дыры были загорожены толстым картоном. Консьержа не было и в помине.

Лоренса, впрочем, не удивили эти признаки запустения и разрухи. Насколько он успел заметить, схожая судьба постигла большинство городских зданий. Чем-то они напоминали ему дома, которые он видел в Белграде, когда - еще до Ордена - начальник отдела отправил Лоренса в зарубежную командировку, чтобы консультировать сотрудничавших с фирмой внештатных программистов. Белградские дома тоже выглядели заброшенными; лишь некоторые из них были кое-как отремонтированы равнодушными жильцами, которым к тому же остро не хватало нормальных строительных материалов.

Между тем время шло к обеду, и в подъезд дома, где когда-то жила Анна Кротовски, вливался жиденький поток местных обитателей. Наблюдая за ними, Лоренс подметил одну трогательную и грустную деталь: подходя к двери, все эти люди сохраняли на лицах неприступное выражение типичных городских жителей, которое как бы говорило: «Иди своей дорогой, а со мной лучше не связывайся!», но стоило им вступить в вестибюль (Лоренс видел это сквозь уцелевшие стекла), как плечи их устало опускались, они улыбались и кивали друг другу, ставили на пол сумки и портфели, снимали шляпы и приглаживали волосы, словом, начинали вести себя как самые обычные люди.

Все это было хорошо знакомо Лоренсу. Когда-то и у него было как бы два лица: одно он демонстрировал всему миру, а другое приберегал для домашней обстановки. Лишь в Ордене необходимость притворяться перед окружающими отпала. В монастыре Лоренс мог позволить оставаться собой и днем, и ночью.

Немного поколебавшись, он двинулся к двери, и компьютер на поясе сразу завибрировал, реагируя на присутствие зондирующих устройств. Домовая система хотела знать, кто он такой и что у него за дело, и пыталась зафиксировать его приметы, начиная с внешности и заканчивая особенностями походки.

Остановившись у двери парадного, Лоренс отрегулировал интенсивность идущих от личного компьютера сигналов и стал терпеливо ждать. Несколько минут спустя в вестибюль спустился один из жильцов. Это был мужчина среднего возраста, который вел на поводке небольшую собаку - рахитичного шнауцера с начинавшей сидеть мордой. Заметив сквозь пыльное стекло неподвижную фигуру Лоренса, он резко остановился, крепче натянув поводок.

- Что вам угодно? - спросил мужчина сквозь дверь. Открывать ее перед незнакомцем он явно не спешил.

- Здесь живет Анна Кротовски? - ответил Лоренс вопросом на вопрос.

- Я разыскиваю ее брата.

- Отойдите, пожалуйста, от двери. - Мужчина смерил его подозрительным взглядом.

Лоренс послушно отступил на пару шагов.

- Скажите, могу я видеть мисс Кротовски? - повторил он.

Мужчина ненадолго задумался, потом покачал головой.

- Извините, ничем не могу вам помочь, - сказал он, пристально следя за реакцией Лоренса.

- Не знаете или просто не хотите говорить?..

- Нечего вам торчать на крыльце. Если кто-то стоит здесь больше трех минут, система автоматически вызывает полицию.

Убедившись, что Лоренс отошел на безопасное расстояние, мужчина выскользнул из парадного и, захлопнув за собой дверь, торопливо зашагал прочь, волоча за собой пса.

Неудача не обескуражила Лоренса. Он твердо решил попытаться счастья еще с кем-нибудь из жильцов, но прежде чем в вестибюль спустился очередной обитатель дома, зазвонил его телефон. Лоренс наклонил голову, чтобы ответить на вызов, но вспомнил, что его регистратор сломан, и полез в нарукавный карман за микрофоном. Этот микрофон был соединен с пульсометром, но в случае необходимости его можно было использовать и для связи.

Отцепив микрофон от «липучки», Лоренс поднес его к губам.

- Алло?

- Это Герта. Хотела узнать, как поживает твоя Аномалия.

- Не очень хорошо, - честно ответил он. - Я нахожусь у дома сестры, но со мной никто не хочет разговаривать.

- Ты подходишь к незнакомым людям и начинаешь расспрашивать их о соседке, правильно?

Лоренс поморщился.

- Ну, в общем и целом верно. Да, теперь я понимаю, почему у меня ничего не выходит. Но пойми и ты: я чувствую себя в Нью-Йорке этаким Рип ван Винклем. Мне еще нужно освоиться, привыкнуть... Здесь все так изменилось!

- Люди остаются людьми, Лоренс, и в каждом из нас есть две стороны: хорошая и плохая. В этом отношении все по-прежнему, хотя пропорция, безусловно, несколько изменилась, да и обстоятельства, вызывающие позитивную или резко негативную реакции, тоже. Ты хорошо изучил себя, Лоренс... Попытайся столь же внимательно отнестись к людям, с которыми беседуешь.

Лоренс слегка воспрянул духом.

- Я попробую...

- Ты ведь никуда не торопишься, так что времени у тебя достаточно.

Лоренс машинально кивнул, соглашаясь. Да, никакого конкретного срока перед ним не поставлено, да ведь и сам он знал людей, которые гонялись за своими Аномалиями буквально годами. Но с другой стороны... с другой стороны, сейчас ему больше всего хотелось снова оказаться в уютной и привычной обстановке монастыря.

- Я хотел бы переночевать в кампусе, - проговорил он.

Герта досадливо прищелкнула языком.

- Только не сдавайся, Лоренс, - сказала она. - Это обычная агорафобия, она скоро пройдет. Кроме того, ты еще не слышал мои новости...

- Я вовсе не собираюсь сдаваться, просто я хочу лечь в собственную постель. Так какие у тебя новости?

- Ты не можешь позволить себе терять по четыре часа в день на очереди к пунктам проверки, так ты никогда не выполнишь свое задание, - категорично заявила Герта. - А новости у меня такие: как мы и предполагали, Збигнев Кротовски проделывал подобные штуки уже не в первый раз. Я подняла журналы регистрации за три года и обнаружила, как минимум, десять информационных потоков, которые умышленно испортил наш Збикрот. Нужно отдать ему должное: каждый раз он придумывал новый способ и потому попался только сейчас. Кроме того, в каждом случае он использовал замаскированные сигнальные алгоритмы, которые известили бы, если бы кто-нибудь наткнулся на его «художества». Похоже, все эти годы бедняга жил как на вулкане и только и ждал момента, когда ему удастся вырваться. Откровенно говоря, ему не позавидуешь.

- Так чем он все-таки занимался? - уточнил Лоренс. - Шпионил?

- Несомненно, - подтвердила Герта. - Весь вопрос в том, на кого он работал? На какие-то зарубежные организации? На Службу безопасности?..

Некоторое время Лоренс и Герта обсуждали, не следует ли им сообщить в СБ о происшествии, но потом решили этого не делать. Орден выполнял для Службы определенную работу, но старался не взаимодействовать с ней по другим вопросам. Между двумя организациями действовало как бы негласное соглашение: куда Орден успешно справлялся с «проходкой» информационных потоков, он мог не сообщать в СБ о странных случаях среди братии, хотя во внешнем мире подозрительность и доноительство процветали. У Безопасности были, разумеется, и спутники, и завербованные агенты, и подслушивающие устройства, и миллиметровые радары, и другая сверхсовременная электронная разведывательная техника, которая следила за ситуацией в каждом кампусе, в каждом монастыре, однако, по большому счету, монахи всегда оставались для СБ «чудиками», которые не сумели ужиться в обществе и в итоге были вынуждены уйти из мира, чтобы общаться только с себе подобными. Кроме того,

«чудики» были весьма и весьма полезными работниками. Короче, Служба относилась к Ордену так же, как начальники в фирмах, где Лоренсу доводилось работать, относились к системным администраторам: для СБ монахи были просто человеческим материалом, который никого не интересует до тех пор, пока не случится какое-нибудь ЧП.

Нет, не было ровным счетом никакого смысла сообщать в Службу безопасности о лишних шестидесяти восьми байтах.

- Не понимаю, зачем СБ понадобилось портить собственные инфопотоки, - вслух подумал Лоренс.

Герта усмехнулась.

- А тебе известно, что, когда Советский Союз ушел из Финляндии, в местной штаб-квартире КГБ обнаружили сеть проводных подслушивающих устройств, общая длина которой составляла 40 километров - и это при том, что в самом здании было всего двенадцать этажей! Подозрительность рождает подозрительность - это прописная истина. Вот почему самым страшным, самым опасным врагом Службы безопасности является сама Служба безопасности.

Лоренс машинально обернулся. По улице за его спиной то и дело проносились оранжево-черные патрульные машины СБ. Чуть слышный звук их электрических двигателей висел над городом, сплетаясь в причудливую мелодию.

- О'кей, - сказал он, - значит, они сделали это по привычке шпионить за всем и вся. Только мне это ничем не поможет - я по-прежнему не знаю, как найти Збикрота. В доме, где жила его сестра, со мной никто не хочет разговаривать.

- Люди напряжены, они боятся. Ты должен как-то их успокоить. Расскажи им правду - это часто срабатывает, - посоветовала Герта.

- А тебе известно, как жители Нью-Йорка относятся к Ордену? Лоренсу вспомнилась Поза. - Не знаю, поможет ли мне такая правда...

- Ты пробыл в Ордене шестнадцать лет, Лоренс, - напомнила Герта. - И ты больше не косноязычный изгой, который никому не нужен и не интересен. Попробуй поговорить с ними.

- Но...

- Действуй, Лоренс. Ты умный мальчик, ты что-нибудь придумаешь.

Но действовать Лоренс начал только ближе к вечеру, когда жители дома стали возвращаться в свои квартиры. Кто-то тащил пакеты с продуктами, кто-то прогуливал собаку, кто-то шагал усталой, но быстрой походкой с намерением как можно скорее завалиться в кровать. Он почти решился обратиться к молодой, симпатичной девушке, но вовремя сообразил, что она вряд ли заговорит на улице с незнакомым мужчиной. В конце концов Лоренс остановил свой выбор на молодом мужчине лет тридцати, одетом в джинсы и просторную армейскую куртку, которая выглядела так, словно кто-то из его предков

воевал в ней на Восточном фронте.

- Прошу прощения за беспокойство, - сказал Лоренс. - Я ищу одного человека, который жил когда-то в этом доме.

Мужчина остановился и внимательно оглядел Лоренса с головы до пят. Под курткой на нем был надет очень красивый, явно импортный свитер, один вид которого наводил на мысли о Милане, Париже или Токио. По сравнению с этим великолепным дизайнерским изделием дешевый полимерный плащ и скромный, хотя и довольно теплый темно-коричневый костюм монастырского кроя выглядели просто жалко, и сейчас Лоренс ощутил это с особенной остротой.

- Что ж, желаю удачи. Может, вам повезет, - сказал обладатель свитера. Он уже собирался двинуться дальше, когда Лоренс в отчаянии схватил его за рукав.

- Еще раз простите, но... мне очень нужна помощь! - воскликнул он. - Для меня все здесь очень непривычно, и я... Возможно, при других обстоятельствах я сумел бы убедить вас, что меня можно не бояться, но сейчас я просто не представляю, как это сделать. Я вообще не очень-то умею общаться с людьми, но мне действительно нужно найти девушку, которая когда-то жила в этом доме.

Мужчина остановился и окинул Лоренса еще одним пристальным взглядом. Быть может, он понял, что за этими словами стоит что-то по-настоящему важное, а может быть, его просто обезоружил искренний тон Лоренса. Как бы там ни было, он повернулся к нему и спросил:

- А зачем вам это?

- Долго рассказывать, - ответил Лоренс, но тут же спохватился: - Дело вот в чем: я монах из Ордена созерцательных аналитиков. Один из насельников нашего монастыря внезапно исчез. В этом доме когда-то жила его сестра... может, и сейчас живет. Я хотел спросить у нее, не знает ли она, как мне найти ее брата.

- И никто из моих соседей, по-видимому, не захотел вам помочь, - догадался мужчина.

- Вы второй человек, к которому я обратился, но...

- Мы в нашем мире не очень-то любим беседовать друг о друге с незнакомцами: слишком велика вероятность наткнуться на шпика. Но вам повезло: моя собственная сестра тоже в Ордене, только в Орегоне, поэтому я знаю, что вы, монахи, не доносите. Так кто вам нужен?

Лоренс почувствовал, как его охватывает чувство признательности к пижону в шикарном свитере.

- Анна Кротовски. Она жила в квартире Г-11.

- Ах вот как... - проговорил мужчина. - Кажется, я понимаю, почему никто из соседей не захотел говорить с вами об Ане. Видите ли, ее здесь очень любили...

- Любили?

- Да. Но потом она уехала.

- Куда?!

- Как вас зовут, дружище?

- Лоренс.

- Так вот, Лоренс: Аня уехала. Надеюсь, мне не нужно объяснять, что это значит? Такие вещи, как правило, случаются глубокой ночью. Никто, разумеется, ничего не слышал, да и камера наружного наблюдения, как назло, вышла из строя. Во всяком случае, на следующий день на диске не было никаких записей - ни единого кадра.

- Может быть, она убежала, скрылась?

Мужчина покачал головой.

- Нет. На ее адрес сразу же перестали доставлять рекламные листовки и проспекты, а насколько мне известно, в нашем мире только одна организация способна противостоять персонализированному маркетингу*²...

- Ее забрала СБ? - догадался Лоренс.

- Так мы все подумали. В квартире, где жила Аня, ничего не осталось - ни щепки от мебели, ни ворсинки от ковра. Ну и понятно - мы стараемся поменьше это обсуждать. Учитывая обстоятельства, излишнее любопытство может быть чревато...

- Как давно это случилось?

- Года два назад, - ответил мужчина. Еще двое жильцов прошли мимо; оба старательно делали вид, будто не замечают ничего вокруг. - Послушайте, Лоренс, - добавил он, - по большому счету я вовсе не против монастырей. Это просто замечательно, что разные... словом, те, кто не сумел найти свое место в реальном мире, могут обратиться в Орден. С другой стороны... Откровенно говоря, мне не очень нравится, как вы зарабатываете средства на собственное содержание. Я даже говорил об этом с сестрой, когда она в последний раз приезжала меня навестить, но она здорово рассердилась. Ей безразлично, сама она следит за собой или это делает кто-то другой. Вы понимаете?

Лоренс глубокомысленно кивнул.

- Да, разумеется. Так и есть. Мы не проводим резкой границы между наблюдением за собой и за другими. Каждый член Ордена регулярно знакомится с личной статистикой остальных братьев и сестер. Это помогает нам быть честными.

- Это прекрасно, но только когда у тебя есть выбор: быть субъектом

² * *Персонализированный маркетинг - интерактивная маркетинговая деятельность, которая создает и использует прямые связи между продавцом и потребителем (действительным или потенциальным): зачастую продавцы или агенты продавца контактируют с потребителями путем личных встреч, обращений по телефону, по почте и т. д.*

или объектом наблюдения. Если выбора нет... - мужчина не договорил и отвел взгляд, а Лоренс вдруг подумал о том, что они стоят чуть не посреди улицы, где ходят люди и работают многочисленные камеры наблюдения. Вдруг кто-то из прохожих - шпик или осведомитель? Полицейские, с которыми он столкнулся при выходе из ворот кампуса, собирались упрятать его на месяц только за то, что ему пришлось в голову записать их изображения. СБ могла наблюдать за ним сколько угодно, но у него такого права не было.

- Я понимаю. - Лоренс вздохнул. Он начал замерзать. Вокруг давно стемнело, а у него до сих пор не было ни места для ночлега, ни малейшего представления о том, где ему искать Анну Кротовски, не говоря уже о ее брате. Зато теперь ему стало понятно, почему исследование Аномалий всегда считалось таким трудным делом.

За этот день Лоренс прошел 18 453 шага - чуть не втрое больше, чем обычно в кампусе. Пульс его несколько раз учащался, но не от физических усилий. Это был стресс. Лоренс чувствовал, как натянулись, закаменели все мускулы. Чтобы справиться с ситуацией, ему необходимо было применить методику биологической обратной связи^{*3}, успокоиться, а потом проверить регистратор и проанализировать, как реагировал его организм на встречи с незнакомыми людьми.

Увы, его регистратор превратился в обломки уже много часов назад. Что касалось биологической обратной связи, то Лоренс с трудом выдержал только первые двадцать две секунды сосредоточенной работы над своими реакциями и рефлексам. Остальные 200 секунд дались ему с куда большим трудом и, кажется, не принесли желаемого результата.

Все это Лоренс проделывал уже в отеле. Номер, в который его поместили, когда-то был офисом, а еще раньше - половиной полноценной комнаты. На поцарапанном линолеуме виднелись следы от колесиков офисных кресел, а перегородка, делившая комнату пополам, была такой тонкой, что Лоренс отчетливо слышал каждый шорох, доносящийся с другой стороны. Дверь в его половину прорубили прямо из коридора, и сквозь щели между стеной и дверной

³ * Биологическая обратная связь - безмедикаментозная методика, позволяющая пациенту усилием воли контролировать частоту дыхания, пульс и некоторые другие физиологические параметры. В процессе использования этой методики контролируемые функции организма часто выводятся на экран компьютера в виде графиков или гистограмм, чтобы пациент мог наглядно отслеживать результаты своих усилий.

коробкой просачивался слабый свет.

«Нью-Йоркер» был старым отелем; когда-то он знавал лучшие дни, зато цены в нем оказались сравнительно невысокими - Лоренсу как раз по карману. Кроме того, отель находился недалеко от центра, и он отчетливо слышал пульс ночного города за окном (ему досталась как раз та половина комнаты, где окно было). Этот шум Лоренс хорошо помнил - звук одиноких шагов и шум моторов в ночи, а когда он подошел к окну, чтобы взглянуть на перемигивающиеся внизу огни, то снова, как когда-то, испытал легкое головокружение и ощущение полета.

Клерк за стойкой регистрации сделал его цифровую фотографию, подробно записал все биометрические данные и только потом вручил ключ-поводок, к которому личный компьютер Лоренса отнесся с изрядной долей подозрения. Через каждые несколько шагов ключ начинал передавать во все стороны личные данные постояльца, к тому же без него было невозможно вызвать лифт. Кажется, смонтированный в ключ передатчик даже сообщал гостиничной системе, в какой половинке бывшей комнаты остановился гость, и Лоренс невольно задумался, что именно будет делать администрация отеля со всей этой информацией?

Как - что?.. Конечно же, она сразу перешлет ее в Службу безопасности, а та, в свою очередь, отправит ее в Орден, где данные исследуют и проанализируют на предмет наличия подозрительных Аномалий. Ничего удивительного, что братьям и сестрам в кампусе приходилось так много работать. Сколько отелей в Нью-Йорке? А во всей стране? Плюс сотни тысяч школ, плюс миллионы такси... Нет, без работы Орден точно не останется.

В довершение всего гостиничная сеть попыталась помешать Лоренсу установить защищенное соединение с локальной сетью Ордена. К счастью, программное обеспечение, которым пользовались монахи, было классом выше, чем стандартные гостиничные программы. Лоренсу потребовалось совсем немного времени, чтобы, используя тоннельный метод, установить связь с Орденом. Линия, правда, оказалась не слишком быстрой, поскольку борьба с гостиничными программами отбирала часть ресурсов, но его это устраивало.

Как выяснилось, за прошедшие часы Герта успела подготовить для него подробное досье на Збикрота, в том числе сведения, касающиеся его работы в Сети. В кампусе у Збигнева Кротовски оказалось немало знакомых - в основном людей, с которыми он вместе обедал, играл в одной команде (спортивной или сетевой) или занимался экстремальным программированием^{*4}. К записям бесед с ними Герта

⁴ * *Экстремальное программирование - одна из методологий разработки программного обеспечения.*

сочла необходимым приложить кое-какие заметки о личной жизни и привычках Кротовски. В итоге информации получилось довольно много, и Лоренс, вздохнув, погрузился в работу.

Начал он с того, что попытался систематизировать записи по длине, количеству слов и параграфов. Когда все было готово, Лоренс стал просматривать самые короткие файлы, но сразу понял, что почерпнуть здесь что-либо полезное вряд ли удастся. Многие из них напоминали, по сути, что-то вроде недоуменного пожатия плечами: мол, не знаю, не могу сказать, затрудняюсь ответить.

Ничуть не более содержательными оказались и самые длинные записи. Все их можно было разделить на две основные категории: пространные жалобы общего характера от новичков, которые еще не освоились с повседневной рутинной работой Ордена, и не менее многословные протесты старожилов, проработавших со Збикротом достаточно долго, чтобы считать его образцовым братом.

С этой частью работы Лоренс тоже справился достаточно быстро и перешел к файлам средней длины. Довольно скоро он убедился, что большинство из них также полны общими словами и характеристиками, которые обычно дают коллегам во время ежегодной аттестации: приятный, общительный, хороший работник и т. д. и т. п.

Возможно, впрочем, что где-то в этом стоге сена (Лоренс подсчитал общее количество слов и получил 140 тысяч - примерно два полноценных романа) и скрывалась пресловутая иголка - некий ключ, с помощью которого он смог бы разобраться в природе обнаруженной Аномалии. Правда, на то, чтобы пропустить через себя всю информацию, ушло бы добрых три дня, но другого выхода Лоренс не видел... «Что ж, - подумал он, - придется постараться».

Но прежде чем снова засесть за работу, Лоренс спустился вниз, купил в круглосуточной кондитерской на Пенсильванском вокзале кое-что из продуктов и снова поднялся в свой номер. Долгая, кропотливая работа давно его не пугала, к тому же он был не прочь немного отдохнуть от пребывания на улицах.

<Я так и думал, что Бик в конце концов сбежит. В Ордене ему тяжело приходилось. Мы часто удивлялись, почему он остается, если ему здесь так не нравится.>

<Вы когда-нибудь встречали парня, который при каждой встрече пытается объяснить, почему вы не должны любить то, что вы любите? Парня, который готов убедительно доказать, что все ваши мечты - глупость и ерунда? Так вот, Збигнев и был таким...>

<«Ах, брат Энтони, ну зачем ты тратишь драгоценное время, коллекционируя старые механические игрушки? Они некрасивы, черт знает как сделаны и годятся лишь на то, чтобы служить экспонатами в

музее истории рабского труда - особенно эти твои любимые заводные танки, выпущенные в оккупированной Японии! Почему бы тебе в таком случае не начать собирать макраме, сплетенное женщинами из концентрационных лагерей?..» - вот как он говорил. Он умел подбирать слова, добиваясь, чтобы наши увлечения стали казаться нам самими пустыми и ничтожными. А чаще всего он цеплялся именно ко мне, потому что я любил заниматься экстремальным программированием у себя в келье, на украшение которой я потратил немало времени и сил. (См. рис. внизу. Эти полки я спроектировал, отполировал и развесил сам. См. также увеличенную фотографию стыков. А ведь когда я поступил в Орден, я и гвоздя не мог забить! Впрочем, в этой конструкции ни одного гвоздя нет - все соединения выполнены на шпунтах и с высокой точностью благодаря лазерному инструменту. Аи да я!..)>

<...Но больше всего он любил критиковать Орден. Вы знаете, как про нас говорят: мол, тоталитарная секта, промывание мозгов, вторая Служба безопасности и так далее. Он был убежден, что все наши компьютеры поставляют информацию непосредственно в СБ. Бик постоянно об этом твердил, особенно когда ему поручали анализировать очередной поток. «Не о тебе ли говорится в этом массиве двоичных данных, брат Энтони? - спрашивал он. - А может, обо мне? А может, это просто статистика, отражающая какую-нибудь мелочь вроде количества спусков воды в унитазе на каждого живущего в западном крыле?»>

<...Спорить с ним было бесполезно. Он просто не признавал пользы самонаблюдений. «И чем это отличается от того, чем занимаются они? - говорил он и показывал пальцем на потолок, словно точно знал: именно там находятся веб-камера и микрофон Службы безопасности. - Наблюдая за собой, ты сначала перегружаешь себя избыточной информацией, а потом пытаешься отыскать в ней что-то полезное. Почему бы не определить заранее, на какие аспекты собственной жизни тебе следует обратить внимание в первую очередь? Ведь получается, что ты хочешь уследить за всем сразу. Ты шпионишь за собственным телом, дружище, а это неблагоприятное занятие!»>

<Почему же я продолжал работать с ним? Что ж, на этот вопрос я могу ответить. Во-первых, Бик был классным программистом. Я знаю, что в последнее время его показатели опустились до семидесяти восьми баллов, но он все равно был способен сделать любую написанную мною программу вдвое короче и вдесятеро рациональнее. К сожалению, мы пока не научились учитывать подобные вещи должным образом, а зря. Сам я считаю, что кому-то давно пора этим заняться. Вот уже несколько месяцев я разрабатываю базовую структуру для подобной программы, но об успехах говорить пока рано...>

<Кроме того, было что-то невероятно притягательное в том, как он высмеивал других людей, их ничтожные увлечения и привычки. О, он умел быть колким и язвительным, но умел и вскрывать суть вещей. И мне это нравилось. Возможно, это характеризует меня с не слишком привлекательной стороны, но такова объективная реальность. Да и кто из нас без греха?>

<И наконец, он умел быть очень приятным парнем, когда не пребывал в одном из своих саркастических настроений. Бик играл защитника в нашей регбийной команде, перехватывающего в бейсболе, был ведущим в командных онлайн-играх. На него можно было положиться...>

<Вот почему мне будет его не хватать. Быть может, кому-то это покажется странным, но это так. Мне будет его не хватать. Если, конечно, Бик исчез навсегда. Я бы вовсе не удивился, если бы в один прекрасный день он снова появился в кампусе и заявил: я, мол, просто ходил в самоволку. А что тут такого особенного?>

Подобных записей Лоренс обнаружил множество, но эта была самой полной и информативной. Он прочитал ее трижды и только потом отправил в файл, в котором собирал все полезные сведения. Файл, впрочем, был очень небольшим.

Герта продолжала слать ему записи бесед с братьями. Среди этих последних опрошенных неожиданно оказалось несколько человек, которым было что сказать.

<Да, как-то раз он упомянул о сестре. Помнится, мы с братьями говорили о том, с каким пониманием родные отнеслись к нашему решению поступить в Орден. Когда очередь дошла до него, он поднял глаза к небу и сказал: «Когда моя сестра узнала, что я решил стать монахом, она назвала меня идиотом. А когда я спросил, как же, по ее мнению, мне следует поступить, она ответила: «На твоём месте я бы постаралась исчезнуть, пока кто-нибудь *не исчез меня*». Разумеется, мы все захотели узнать, что именно имела в виду его сестра, но ответ Бика почти ничего не прояснил. Он сказал, что она, мол, любила говорить иносказательно, так как в современном мире это весьма полезное искусство, и что, когда она следила за собой, ей удавалось навешать окружающим лапши на уши, но время от времени она забывалась и тогда вдруг выпаливала правду - всю правду как есть.>

Лоренс отметил, что о сестре Збикрот рассказывал в прошедшем времени. По всей вероятности, тогда он уже знал о ее исчезновении.

В задумчивости Лоренс рассматривал стены своего номера. Другую половину комнаты занимали сейчас четверо, хотя вообразить это было сложно. Как они только сумели там разместиться? Может, стоя? Но ведь стоя не поспишь... И все-таки он был уверен, что из-за тонкой, как бумага, перегородки доносятся голоса именно четырех человек, быстро переговаривавшихся друг с другом на китайском или каком-то

другом похожем языке.

Тем временем снаружи уже наступило утро, и солнце поднялось достаточно высоко, чтобы осветить лежащий далеко внизу город. Под его лучами ярко поблескивали стекла проносившихся по улицам машин, сверкали окна домов и офисных зданий. Глядя на раскинувшуюся перед ним картину, Лоренс подумал, что полученная от Герты информация никуда его не приведет. Сестра?.. Но как искать ее в этом огромном городе?.. Он оказался в тупике, из которого не видел выхода. Вот разве что...

Встав на колени, Лоренс сунул руку под кровать и стал шарить там в поисках башмаков, вздрагивая от отвращения каждый раз, когда его рука натыкалась на чьи-то поросшие мягкой пылью носки и другой гостиничный мусор.

Офицер Службы безопасности остановил Лоренса, когда тот проходил мимо Пенсильванского вокзала. Он властно махнул рукой, и Лоренс ткнул себя пальцем в грудь, словно хотел спросить: «Кто, я?..». Патрульный снова указал на него, потом на комнатку дежурного у входа на станцию.

Личный компьютер Лоренса, обнаружив попытки сторонних программ считать защищенную информацию, запаниковал и едва не начал форматировать жесткий диск.

- Прошу прощения, сэр, - сказал Лоренс, - но мой компьютер буквально сходит с ума. Можно мне опустить руки, чтобы отключить брандмауэр?

Но патрульный словно не слышал. Приблизившись, он стал водить ладонями в перчатках вдоль тела Лоренса.

- Идите за мной, - проговорил он, указывая на дверь в задней стене дежурки.

Узкий коридор за дверью вел в глубь вокзала и заканчивался в главном вестибюле. Людей здесь было довольно много; они сновали туда и сюда, а поминутно отходящие поезда извергали из своего нутра всё новые и новые порции пассажиров. Все они старательно избегали встречаться друг с другом взглядами; казалось, никто из них вовсе не смотрит по сторонам, но перед полицейским и Лоренсом толпа волшебным образом расступалась и снова смыкалась позади.

Компьютер был здесь практически бесполезен. Установленные на вокзале дистанционные сканеры и другие контролирующие устройства непрерывно атаковали его защитные системы, и компьютер слал своему хозяину отчаянные тревожные сигналы, отчего у Лоренса зудело и чесалось все тело. Острый дискомфорт, к которому примешивалось нарастающее с каждой минутой чувство тревоги, привели к тому, что пульс его участился, а дыхание стало неглубоким и

прерывистым. Это, в свою очередь, вызвало еще один шквал панических сигналов. Компьютеру нужно было, чтобы Лоренс успокоился, но помочь ему он ничем не мог. С технической точки зрения, это было серьезным сбоем в работе; ни с чем подобным Лоренс раньше не сталкивался. Теперь нужно будет составить отчет об ошибках и...

Вот только когда он сможет этим заняться и сможет ли?

Отделение Службы безопасности на Пенсильванском вокзале сияло чистотой, словно кабинет зубного врача, от которого оно, однако, отличалось толстыми решетками на окнах да замками на дверях, каковые при запираии издавали три отчетливых щелчка, а уж за ними следовало негромкое шипение пневматического уплотняющего устройства. Такая же дверь была и в комнате, куда патрульный привел Лоренса. Привычным движением приковав его наручниками к пластмассовому стулу, который, в свою очередь, был привинчен к полу, коп подошел к защищенному регистрационному терминалу. Лоренс слышал, как он что-то набирал на клавиатуре и диктовал в микрофоны, но разобрать ничего не смог. Больше в комнате никого не было, но на потолке Лоренс заметил сразу четыре камеры слежения. Они показались ему огромными, и поначалу Лоренс решил, что это устаревшая модель - палеолитический предок современных миниатюрных устройств. Только потом он догадался, что эти камеры были сделаны такими большими, чтобы задержанный видел их, знал, что за ним наблюдают.

Закончив свои секретные переговоры, полицейский отвел Лоренса в помещение для допросов. Видеокамеры там были такими же большими, и все они смотрели прямо на него.

- Рассказывайте всё, - приказал патрульный. Забрало шлема он поднял, так что Лоренс видел его лицо: совсем юное, но суровое и жесткое. Когда Лоренс вступил в Орден, этот парень, должно быть, еще лежал в колыбели.

Мысль, впрочем, была мимолетной и тут же исчезла. Лоренс начал говорить, опуская, правда, некоторые подробности. Ни к чему, решил он, рассказывать офицеру СБ о Збикроте и о том, как этот последний обошелся с адресованными Службе безопасности информационными потоками. Еще большей глупостью было бы упоминать о поисках Анны Кротовски, поэтому Лоренс солгал, полагаясь на то, что на фоне общего возбуждения, в котором он пребывал, вызванный ложью эмоциональный всплеск останется незамеченным. В иных обстоятельствах он бы даже не стал пытаться обмануть датчики полиграфа, которые, вне всякого сомнения, были сейчас направлены в его сторону.

И Лоренс сказал патрульному, что вышел в большой мир только затем, чтобы найти ушедшего из Ордена брата и попытаться уговорить

его вернуться. Что он собирается отыскать Збикрота через его прежних знакомых и родственников. Что он рассчитывает добиться успеха в течение ближайших двух дней и вернуться в монастырь, так сказать, со щитом. Лоренс намекнул даже, что Орден считает возвращение беглеца весьма важным делом, а коль скоро Орден и Служба безопасности являются давними партнерами, следовательно, он и СБ сражаются на одной стороне.

На протяжении всей его маленькой речи лицо полицейского оставалось бесстрастным. Лишь время от времени он машинально поправлял крошечную бусину наушника и слегка наклонял голову, словно прислушиваясь, из чего Лоренс заключил, что его показания слушает кто-то еще и не просто слушает, а сообщает патрульному какие-то дополнительные сведения.

Когда Лоренс закончил, полицейский придвинул стул ближе к нему и, слегка подавшись вперед, впился взглядом в его лицо.

- У нас нет никакой информации о мистере Кротовски, - сказал он. - Я советую вам забыть о нем и как можно скорее вернуться в монастырь.

Слова были произнесены ровным, лишенным всякого выражения голосом, но именно это напугало Лоренса больше всего. Он был уверен: информации не существует, потому что Збикрот ликвидирован.

Потом Лоренс задумался, что он скажет этому тяжеловооруженному подростку теперь. Или, может, ничего не говорить, а просто подмигнуть? Извиниться за то, что отнял время? Ему советовали сначала слушать, потом говорить. Может быть, и сейчас ему следует немного подождать?

- Спасибо, что предупредили, - проговорил он после довольно продолжительной паузы. - Я очень ценю ваш... совет. - Лоренс очень надеялся, что его слова не прозвучали как насмешка.

Патрульный кивнул.

- Вам необходимо перенастроить личный компьютер. Сейчас он работает в таком режиме, что можно подумать: вам есть, что скрывать. По существующим правилам, личные компьютеры не должны препятствовать считыванию информации официальными средствами контроля. Доступ к идентификационным данным должен предоставляться немедленно. Вам ясно?.. Займитесь этим безотлагательно.

Лоренс подобострастно кивнул. Рассказывая свою историю, он уже представлял, как проведет месяц в камере, пока Служба безопасности будет проверять его досье.

- Благодарим за сотрудничество, - эти слова произнес не патрульный - звук доносился из спрятанных в стене динамиков. Должно быть, запись включила какая-то автоматическая служба. Как бы там ни было, услышав их, патрульный поднялся и отпер дверь. Послышались щелчки, шипение - он потянул за ручку.

- Выходите.

Лоренс повиновался.

Несколько минут спустя они уже стояли перед дверью дежурки у входа в Пенсильванский вокзал. Патрульный снова поднял забрало шлема, и Лоренс увидел, что его лицо сделалось чуть менее суровым и непреклонным. Патрульный слегка улыбнулся.

- Хочешь добрый совет?

- Конечно, - Лоренс кивнул.

- Это Нью-Йорк, приятель... - Полицейский обвел рукой пространство перед вокзалом. - И все мы хотим жить спокойно. В городе хватает плохих парней; в последнее время они набрали силу и даже пытаются бросать нам вызов, но мы не допустим, чтобы на улицах воцарился хаос. Если желаешь, чтобы тебе ничего не угрожало, ты должен доказать, что не принадлежишь к плохим парням. И приехал сюда не для того, чтобы играть с нами в грязные игры. Мы, защитники города, сразу чувствуем тех, кто прибыл с враждебными намерениями - как ты, наверное, чувствуешь начинающуюся простуду. То, как ты ходишь, оглядываешься, жестикулируешь... Я и со ста ярдов разглядел бы, что ты здесь недавно. Так вот: если хочешь избежать неприятностей, постарайся хотя бы *не выглядеть* чужаком. Ты понимаешь, что я говорю?

- Да, понимаю, - подтвердил Лоренс. - Большое спасибо, сэр. И прежде чем полицейский успел добавить что-то еще, Лоренс развернулся и зашагал прочь.

Сосед Анны Кротовски был сегодня уже в другом свитере. Просторный, толстый, из шерсти густого шоколадного цвета, он выглядел еще шикарнее и дороже. Лоренс буквально залюбовался на роскошную вещь. От мужчины пахло хорошим одеколоном (что-то лимонное, решил не искушенный в этих вещах Лоренс), а его волосы опускались на уши столь аккуратными волнами и выглядели так натурально, что попросту обязаны быть искусственными. Едва завидев своего знакомого в дальнем конце кофейни «Старбакс», Лоренс испытал иррациональное желание как можно скорее переодеться во что-нибудь получше, чтобы не выглядеть рядом с этим парнем неотесанным замарашкой. Ему даже пришлось напомнить себе, что он тоже коренной ньюйоркец, вернее, был им когда-то.

- Привет, Лоренс. Вот не ожидал встретить тебя здесь! - Мужчина пожал ему руку, как старому знакомому, и улыбнулся лукавой, заговорщицкой улыбкой. - Как твой «обряд поиска видений»?⁵

⁵ * *Обряд поиска видений - известен примерно у половины племен американских индейцев и преследует цель заручиться поддержкой*

- Что-что?..

- Я имею в виду Аномалию. Ведь именно ее ты исследуешь, не так ли? Мне показалось - для тебя это что-то вроде обряда инициации. В прошлом году моя сестра тоже прошла через нечто подобное. Она рассчитала, что некоего молодого человека, который каждую неделю путешествует из Форт-Уорта в Портленд и обратно, на самом деле не существует и что вместо этого фиктивного персонажа между городами перемещаются вполне реальные курьеры, перевозящие героин и наличные. Бог мой, сестра так гордилась, когда подтвердились ее предположения, что постоянно об этом говорила, и мне никак не удавалось заставить ее помолчать хоть минутку. А вчера вечером, когда мы с тобой разговаривали, в твоих глазах горел тот же священный огонь.

Лоренс почувствовал, что краснеет.

- На самом деле «священный» - не самое подходящее слово, - пробормотал он. - Религиозная терминология, которой пользуются в Ордене, - в значительной степени метафора. Духовность как таковая занимает в нашей повседневной деятельности не самое первое место.

- Ну, граница между духовным и материальным в любом случае весьма относительна. Не беспокойся, я вовсе не считаю тебя религиозным фанатиком или чем-то подобным. Во всяком случае, не больше чем любого другого человека. Так ты не ответил: как идут твои дела?

- Никак, - ответил Лоренс. - Похоже, я оказался в тупике. Надеюсь, моя следующая Аномалия окажется попроще.

- Это звучит ужасно! - воскликнул мужчина. - А я-то думал, монахам нельзя сдаваться и бросать дело недоделанным.

Лоренс обернулся, чтобы убедиться, что их никто не слышит, и сказал:

- Эта Аномалия имеет отношение к Службе безопасности. Что касается моего задания, то в каком-то смысле я его выполнил. Я почти уверен, что человек, которого я разыскивал, находится там же, где и его сестра.

Лицо мужчины вдруг сделалось неподвижным, словно высеченным из самого твердого мрамора.

- Ты, должно быть, очень огорчен, - произнес он ровным, невыразительным голосом. - Ну что же... - Перегнувшись через столик со специями, мужчина потянулся за салфеткой. Держатель слегка заело, он потянул сильнее и выдернул целую пачку.

- Слушай, помоги мне засунуть их обратно, а?

духа-покровителя. По обряду, юноша, достигший возраста инициации, уединяется на несколько дней без еды и питья в месте, якобы посещаемом духами, где молится, взывая к их покровительству.

Лоренс нажал на рычаг и держал, пока его приятель аккуратно укладывал лишние салфетки обратно. В какой-то момент он ухитрился сунуть Лоренсу в руку маленький кусочек плотной бумаги размером с визитку, который тот сначала спрятал в ладони, а потом - сделав вид, будто ему нужно поправить личный компьютер, - убрал во внутренний карман пиджака.

- Спасибо, - поблагодарил мужчину, снова усаживаясь на свое место. - Что же ты теперь будешь делать? Вернешься в монастырь?

- Завтра утром, - твердо ответил Лоренс. - Сначала я хотел бы походить по Нью-Йорку как обычный турист, может быть, даже побывать на бродвейском шоу...

Мужчина рассмеялся.

- Ну что ж, вполне понятное желание. Надеюсь, тебе понравится. - С самым обыденным видом он пожал Лоренсу руку и ушел, держа на весу бумажный стаканчик с кофе. По его виду было совершенно невозможно догадаться, что он только что вовлек Лоренса в некое подобие заговора.

Записку Лоренс прочел, сидя на скамейке в безлюдном Брайан-парке. При этом он ел из бумажного пакета жареные каштаны, складывая скорлупки аккуратной горкой. Записка была написана карандашом на обратной стороне кусочка картона, аккуратно вырезанного из коробки от растворимой овсянки, и выглядела совершенно невинно.

В 20-30.

Кафе «Полумесяц».

2-я авеню, 164.

Это место Лоренс знал. То есть не сам «Полумесяц», а улицу, где он находился. Шестнадцать лет назад Нижний Ист-Сайд считался самым модным городским районом. По-видимому, таковым он и остался - почему-то Лоренс был уверен, что его приятель в шикарном свитере не станет посещать второразрядные заведения.

Он не ошибся. «Полумесяц» явно был одним из тех ультрамодных городских заведений, над которыми не бывает ни вывесок, ни какого-нибудь другого знака, указывающего на их существование. Матовая стеклянная дверь номера 164 была втиснута между прачечной самообслуживания и пакистанской продовольственной лавкой. С бьющимся сердцем Лоренс вошел. Длинный темный коридор, куда он попал, заканчивался еще одной дверью, которая оказалась чуть приоткрыта. Из щели лился тусклый свет, и Лоренс двинулся туда, стараясь пройти коридор побыстрее: он был уверен, что из темноты за ним наблюдает множество камер.

На двери в конце коридора висел простой листок бумаги, в центре его было напечатано на лазерном принтере КАФЕ «ПОЛУМЕСЯЦ». Из-за двери доносились разнообразные аппетитные запахи, негромкое позвякивание столовых приборов и приглушенные голоса. Открыв

дверь, Лоренс шагнул вперед и оказался в небольшом сводчатом зале, освещенном мигающими огоньками стоящих на столиках свечей. Стены были задрапированы собранными в складки портьерами, что делало его похожим на просцениум в античном театре. В центре зала стояло четыре или пять небольших столиков, и один - длинный - у дальней стены. За большим столом сидело несколько человек, на столешнице поблескивали серебряные ведерки со льдом, из которых торчали мокрые бутылочные горлышки.

На небольшом возвышении прямо перед Лоренсом появилась красивая молодая девушка в темно-синем костюме консервативного покроя. Пожалуй, она выглядела бы еще красивее, если бы не волосы, подстриженные «ежиком» и выкрашенные в цвет, который Лоренс определил для себя как «голубой электрик». Слегка приподняв бровь, девушка вопросительно взглянула на него и сказала:

- Добро пожаловать в наше кафе, сэръ. У вас заказан столик?

- Н-нет, но... - Записку, полученную от мужчины в свитере, Лоренс разорвал на мелкие кусочки и, чувствуя себя не то настоящим заговорщиком, не то настоящим идиотом, выбросил в шесть разных мусорных контейнеров (только потом ему пришло в голову, что сам факт посещения шести мусорок выглядит достаточно *аномально*, чтобы привлечь внимание). Как бы там ни было, сейчас он ничем не мог подтвердить свое право находиться в этом кафе и слегка растерялся.

- Я договорился встретиться здесь с другом, - проговорил он наконец.

- А как зовут вашего друга? - улыбнулась девушка.

Лоренс опустил голову и прижал подбородок к груди, давая компьютеру команду перестать сигнализировать об учащенном дыхании и повышении температуры.

- Я не знаю, - проговорил он и вытянул шею, стараясь заглянуть за плечо девушки, но в зале было слишком темно, и он никак не мог разглядеть своего знакомого.

Тот появился словно ниоткуда.

- А-а, вот и ты... Добрался наконец?.. - На нем был надет еще один неправдоподобно красивый свитер, связанный плотной «елочкой», с валиками вдоль рукавов. Перехватив взгляд Лоренса, он сказал: - Вязаные вещи - моя слабость. Если бы не я, мировые производители шерсти давно бы разорились. - Он похлопал девушку по плечу. - Мой друг сядет за наш стол.

С этими словами парень многозначительно улыбнулся Лоренсу и чуть заметно подмигнул.

- Очень хорошо, что ты пришел, - говорил он, пока они пробирались между столиками, за которыми ворковали влюбленные или обсуждали что-то хорошо одетые бизнесмены. Одна пожилая пара просто молчала, получая удовольствие от еды, обстановки и общества друг

друга.

- Ведь это твой последний вечер в городе, не так ли?

- Что это за заведение? - спросил Лоренс вместо ответа.

- Просто кафе. Собственно говоря, с точки зрения закона, это даже не кафе, а так... частная кухня. Место, где отлично кормят. Ормунд готовит просто волшебю! Он специально купил этот подвал, чтобы угощать друзей. Мы собираемся здесь каждую среду. Сегодня, кстати, вечер вегетарианской кухни. Ты очень удивишься, когда узнаешь, какие замечательные блюда можно изготювить из обычной зелени и сладкого картофеля. А горячий шоколад с перцем и авокадо - это что-то!..

Насколько Лоренс мог разглядеть, за большим столом сидели в основном молодые, не старше тридцати - тридцати пяти, мужчины и женщины, имевшие вполне респектабельный, даже преуспевающий вид. Одежда из дорогой ткани, которая ниспадала или облегала тело именно так, как требовалось; бижутерия, сочетавшая старинную бронзу и современные пластики; тяжелые бусы из терракоты, которые при каждом движении щелкали, словно бильярдные шары... Все женщины были, как на подбор, красивы или, по крайней мере, привлекательны, но внимание Лоренса приковала одна - с выступающими, словно точеными скулами и длинной породистой челюстью. Пожалуй, такой интересного лица он не видел еще никогда в жизни. Под стать женщинам были и мужчины - красавцы или, как минимум, не уроды, с модной трехдневной щетиной или аккуратно подстриженными усами. Негромко переговариваясь или отпуская какие-то шуточные замечания, они передавали друг другу судки и блюда с зеленью, апельсинами и овощами и, ловко орудуя вилками, накладывали еду себе в тарелки.

- Прошу минуточку внимания, - объявил мужчина в свитере. - Хочу представить вам моего сегодняшнего гостя... - Лоренс так и не назвал ему своего имени, и теперь его знакомый сделал вид, будто дает ему возможность представиться самому.

- Меня зовут Лоренс, - сказал Лоренс и неловко помахал собравшимся рукой. - Приехал в Нью-Йорк буквально на один день, - добавил он, продолжая совершать судорожные движения ладонью. - Скоро уеду... - Лоренс опустил руку. Ближайшие из сидевших за столом, в том числе женщина с удивительными скулами, повернулись к нему, помахали в ответ, улыбнулись. Те, кто сидел дальше, замолчали; кто-то наклонил голову, кто-то показал на него тупым концом вилки.

- Привет, я - Сара, - сказала женщина со скулами. Первое «а» она произнесла нараспев, и получилось «Са-а-а-ра», но прозвучало это просто и без претензий.

Легкая вибрация компьютера подсказала Лоренсу, что он все еще слишком нервничает, тяжело дышит и потеет. «Кто эти люди, - подумал он. - Зачем они здесь собрались?»

- А меня зовут Рэнди, - представился мужчина в свитере. - Извини, я

должен был назваться раньше. Садись... - И он придвинул Лоренсу стул.

Тотчас ему передали несколько блюд. Еда оказалась почти такой же вкусной, как в кампусе, чем Лоренс был приятно удивлен. В Ордене не было недостатка в послушниках-поварах, посвящавших свое свободное время гастрономическим изысканиям. В своих проектах они использовали рассчитанные на компьютере математические модели, создавая ни на что не похожие, изысканные блюда.

А вот компания за столом была другой - не такой, к какой Лоренс привык в монастыре. Этим мужчинам и женщинам не нужно было никуда убегать, чтобы найти свое место в жизни. Здесь они были у себя дома. Сара управляла специализированным букинистическим магазином, и в запасе у нее были сотни занимательных историй о покупателях и их причудах. Рэнди работал в архитектурно-дизайнерской фирме - с Сарой он познакомился, когда переделывал что-то в магазине. Кроме них за столом сидели актеры, официанты, менеджер страховой фирмы, член городского управления, еще кто-то... Они наслаждались вкусной едой, сплетничали, обсуждали какие-то известные им события и людей, отчего Лоренс почувствовал себя чужим, словно пришелец из какого-то другого, очень далекого мира.

На десерт подали портвейн и кофе. Беседа понемногу угасала, присутствующие начали расходиться. Сара ушла одной из последних. На прощание она слегка обняла Лоренса и поцеловала в щеку.

- Счастливого пути, Лоренс, - шепнула она. Летучий аромат ее духов был похож на запах мандаринов рождественским утром - запах, который ассоциировался у него с детством. Впрочем, о детских годах он не вспоминал уже много лет.

Некоторое время Лоренс и Рэнди смотрели друг на друга через заставленный грязной посудой стол. Потом официант принес на маленьком серебряном подносе счет, и Рэнди, бросив быстрый взгляд на колонку цифр, достал из кармана брюк пухлую пачку двадцаток, скрепленных металлическим зажимом. Отсчитав несколько штук, он положил их на поднос, прежде чем Лоренс успел достать свои деньги.

- Позвольте мне внести свою долю, - проговорил он, но официант уже шагал прочь.

- В этом нет необходимости, - покачал головой Рэнди, бросая зажим с деньгами на стол. Толстая пачка двадцаток в нем почти не уменьшилась. До того как поступить в Орден, Лоренс нечасто держал в руках наличные, да и за время своего пребывания в городе он ни разу не видел живых денег. Банкноты на столе с их качественной глубокой печатью производили впечатление старинных, хотя и выглядели совершенно новенькими, словно только что выскочившими из станка. Как видно, правительство все еще печатало деньги, хотя мало кто ими пользовался.

- Я могу себе это позволить, - сказал Лоренс и, видя, что его знакомый продолжает качать головой, добавил: - Спасибо, ужин был замечательным. У вас такие интересные друзья...

- Сара - само очарование, не так ли? - Рэнди улыбнулся. - Когда-то... в общем, одно время мы встречались. Она очень интересный человек. Как и ты, Лоренс...

Личный компьютер уведомил Лоренса, что он снова начинает нервничать. Ему даже пришлось еще немного уменьшить интенсивность сигнала, чтобы не отвлекаться.

- Нам известно, что ты старателен и умен. Твой трудовой рейтинг - восемьдесят восемь баллов, а если судить по тому, как ты справляешься с работой, которую мы тебе подкинули, это еще не предел. Я, правда, не могу сказать, что как частный сыщик ты добился значительных успехов. Если бы не я, ты бы, наверное, до сих пор торчал перед домом Анны Кротовски и приставал к прохожим.

Компьютер был готов вызвать «скорую помощь». Опустив взгляд, Лоренс увидел, что его руки непроизвольно сжались в кулаки.

- Вы... из Службы безопасности, - пробормотал он.

- Я не сосед Анны Кротовски - давай сформулируем это так. - Рэнди безмятежно улыбнулся.

- Вы из Службы безопасности, - повторил Лоренс. - Но я не сделал ничего плохого...

- Ты пришел в ресторан, - перебил Рэнди. - У тебя были все основания считать, что ты участвуешь в чем-то незаконном, но ты пришел. Кроме того, днем на Пенсильванском вокзале ты солгал патрульному.

Лоренс пошевелился, отключая обратную связь компьютера, чьи панические сигналы мешали ему сосредоточиться. В памяти всплыли слова Позы о монетке в контрольном автомате системы отопления.

- С той самой минуты, когда я вышел за ворота кампуса, - медленно проговорил он, - вы относились ко мне так, словно я в чем-то виноват. Вероятно, именно поэтому я в конце концов и начал поступать как преступник... И все, кто живет здесь постоянно, ведут себя так же! В вашем ханжеском мире честные граждане вынуждены мнить себя преступниками, только потому что мир относится к ним, как к лжецам и мошенникам!

- А ты не думал, что мы относимся к ним так, потому что они ведут себя соответственно?

- Вы все перепутали, - возразил Лоренс. - Причину и следствие. Вы обращаетесь с нами, как с преступниками, и единственный способ избежать наказания - это хитрить, лгать, мошенничать. Если бы я рассказал патрульному на вокзале все как есть, меня бы...

- Вы окружили монастырь стеной, - сказал Рэнди. - Зачем? Чтобы сдерживать нас, дикарей и варваров? Или чтобы не выпускать наружу

братьев, потому что их внутренний мир чересчур хрупок?

Лоренс с силой ударил ладонью по столешнице. Зазвенел хрусталь, но никто из оставшихся посетителей ресторана не повернул голову в их сторону. Казалось, они старательно игнорируют двух мужчин за большим столом.

- Разумеется, чтобы оградить Орден от вас! От тех, кто относился к нам, как...

Рэнди встал. Из полумрака позади него выступили массивные фигуры в бронированных костюмах. Эти люди могли быть молодыми и старыми, белыми или чернокожими, но Лоренс мог думать о них, только как о патрульных Службы безопасности. Он тоже медленно поднялся и развел руки в стороны, словно сдаваясь, но как только копы немного расслабились, Лоренс совершил сложный кувырок через стоявший позади стул. Он сшиб находящийся неподалеку столик на двоих и с такой силой треснулся затылком о кафельный пол, что голова загудела, как колокол, но сумел вскарабкаться на ноги и стремглав бросился к выходу, задевая столы и опрокидывая стулья.

Прежде чем врезаться плечом в дверь, Лоренс успел заметить симпатичную метрдотельшу, которая подняла перед собой руки, словно защищаясь от удара. В следующий момент он уже оказался в узком, темном коридоре. Задевая за стены, Лоренс помчался к матовой стеклянной двери, ведущей на Вторую-авеню, где с шипением проносились поздние машины и такси.

Выскочив на тротуар, он врезался в какого-то толстяка в бейсболке с эмблемой «Метс», оттолкнул и побежал в направлении центра города. Редкие прохожие торопливо отскакивали с его пути. Благодаря регулярным занятиям с мячом на кортах кампуса Лоренс был в хорошей физической форме. Он промчался мимо одного магазина, другого... и тут кто-то схватил его сзади за пояс. Схватил, дернул, повалил на асфальт.

Лоренс попытался встать на четвереньки и вывернуться, но не сумел. Тогда он обернулся. Это был тот же толстяк в бейсболке «Метс». Он громко пыхтел, зубы были оскалены, дыхание отдавало луком.

- Ты что это на людей налетаешь? Ослеп ты, что ли?!.. - прохрипел болельщик «Метс», продолжая прижимать Лоренса к мостовой.

Но уже в следующую секунду давящая тяжесть куда-то исчезла, словно толстяк вдруг взлетел в воздух. Краем глаза Лоренс успел заметить, что двое копов в одинаковых костюмах рывком подняли его на ноги. Воспользовавшись моментом, Лоренс встал на колени и, словно бегун с низкого старта, рванулся прочь. Он, однако, успел преодолеть не больше десяти футов, прежде чем обжигающая молния ударила его прямо между лопаток. В одно мгновение все его мускулы окаменели, сведенные резкой судорогой, и Лоренс лицом вниз грохнулся на тротуар, не чувствуя ничего, кроме обжигающей боли от

электрического разряда тазера. Его компьютер задымился и с шипением отключился, успев послать последний тактильный сигнал на все вшитые в костюм датчики. Еще одна судорога заставила Лоренса разбросать ноги и руки наподобие буквы Х. Голова его еще несколько раз спастически дернулась, Лоренс ударился лицом об асфальт и почувствовал, как хрустнул сломанный нос. Потом окружающее померкло у него перед глазами, и он провалился во тьму.

Замки в комнате, где очнулся Лоренс, были такими же, как в полицейском участке на Пенсильванском вокзале. Он лежал на полу, лицо его было заклеено пластырем и болело. Туалета в комнате не было, зато имелись привинченный к полу стул и три бросающиеся в глаза видеокамеры под потолком.

Копы бросили его здесь, чтобы он побыл наедине со своими мыслями и с усиливающейся болью в разбитом лице, в раненых ладонях и коленях. Кожа на них была содрана, крошечные песчинки, осколки стекла и камней вошли глубоко в мясо, из ран сочилась сукровица.

Усилием воли Лоренс заставил себя думать не о боли, а о своем положении. Несомненно, офицеры Службы безопасности хотели, чтобы он испугался и впал в отчаяние, чтобы запаниковал при мысли о неизбежном признании, об унылых одиночных камерах, о своем прежнем образе жизни и о том существовании, которое ему придется влачить в ближайшее время. Он должен как-то этому противостоять!

Лоренс закрыл глаза. Последние шестнадцать лет он провел, пытаясь научиться владеть собой, своим телом и своими чувствами. Удастся ему справиться с собой и теперь. Не открывая глаз, Лоренс сделал несколько глубоких, спокойных вдохов и постарался сосредоточиться на тех участках тела, в которых ощущал напряжение и боль. Он старался расслабить каждый нерв, каждый мускул, и ему это удалось. Даже лицо, пострадавшее сильнее всего, стало меньше болеть, а рот расслабленно приоткрылся.

Время от времени мысли Лоренса все же возвращались к его незавидному положению, но он только фиксировал их на пленке ментального стримера, так что они почти не задевали его разума. Шестнадцать лет ежедневной практики не пропали даром - Лоренс стал своего рода экспертом в самоконтроле, но сейчас ему приходилось нелегко. Беспокойные мысли возникали едва ли не быстрее, чем он успевал от них отделаться. И все же в конце концов Лоренс сумел совладать со своим разумом и обрести собранность и спокойствие, лежавшие на самом дне глубокого колодца, заполненного черным клубящимся отчаянием.

Потом Лоренс услышал щелчки дверных ригелей, шипение уплотняющей пневматики и вынырнул из глубин своего безмятежного

спокойствия. Это был Рэнди. Он вошел в комнату со своим стулом. Лоренс смотрел, как Рэнди подходит ближе, ставит стул, садится.

- Невинные люди не бегут, Лоренс.

- Я бы не назвал этот тезис в должной степени объективным, - возразил Лоренс. Холодные ленты с записями тревожных мыслей по-прежнему скользили, почти не касаясь его разума, и растворялись, таяли в пространстве. - Впрочем, мне кажется, вы приняли какое-то решение. Глупцом вы не выглядите, так что... Было бы любопытно знать, как вы убедили себя, будто все это... - Лоренс обвел рукой пустую комнату, - что это действительно необходимо. Я имею в виду...

Рэнди сделал ему знак замолчать.

- Это допрос, а не диалог.

Лоренс слегка улыбнулся.

- Интересно, вы когда-нибудь замечали, что, когда вы испытываете смущение или неловкость, слегка подаетесь вперед и начинаете говорить громче? Впрочем, это свойственно многим, не только вам.

Рэнди нетерпеливо дернул плечом.

- Ты работаешь с потоками информации, предназначенными для Службы безопасности, так?

- Я работаю с большими массивами информации, в том числе с материалами Службы, однако поступающие к нам данные почти всегда зашифрованы. В основном я занимаюсь выявлением случаев несанкционированного сбора секретной информации - анализирую дату создания и размеры файлов, что позволяет установить наличие аномалий. Аномалий с маленькой буквы, - добавил Лоренс и улыбнулся.

Затронутая тема невольно увлекла его; когда он говорил, лицо болело сильнее, но стоило ему задуматься о том, что сказать дальше, и боль уходила, а мысли о тюремной камере, куда ему предстояло в скором времени отправиться, отступали куда-то далеко.

- Между прочим, - добавил Лоренс с воодушевлением, - подобный анализ бывает особенно эффективен, если не имеешь понятия о содержании информации, с которой работаешь. Конкретика в данном случае только отвлекает... Это, как фокус с кроликом или стаканом воды, понимаете?.. Человек сосредотачивает внимание на воде или на кролике и бывает очень удивлен, когда иллюзионист делает что-то неожиданное. Тот же фокус, скажем, с камнями выглядел бы совершенно обыкновенным.

- Тебе известно, с чем работал Збигнев Кротовски?

- Нет. Откуда?!.. Я же сказал - потоки битов шифруются на маршрутизаторе личным ключом работника и дешифруются только после обработки. При этом используется схема с нулевым

разглашением^{*6}. Ее еще называют методом разделения секрета.

- И ты, конечно, ничего не знал?

Лоренс поймал себя на том, что улыбается. Это оказалось довольно болезненно, к тому же из носа снова потекла кровь, и он ощутил на губах ее горячую струйку.

- Выявление попыток несанкционированного перехвата конфиденциальной информации кое-чему меня научило, поэтому я сразу понял, что это был поток битов, адресованный Службе безопасности, и что Збигнев что-то с ним сделал. И уже не в первый раз. То есть это не был первый поток, который он изменил.

- Изменил?

Улыбка сползла с лица Лоренса.

- Да. Разве я вам этого не говорил?

- Нет. - Рэнди наклонился вперед. - Но теперь скажешь. Ну-ка давай выкладывай, что знаешь!

В камере - обитом толстой резиной крошечном помещении без мебели - было темно. Несколько красных светодиодов на потолке были бессильны рассеять мрак, должно быть они только подсвечивали его скорченную фигуру, облегчая работу инфракрасных устройств видеонаблюдения. В темноте он не видел ничего, кроме этих красных точек высоко над головой. Сколько сейчас может быть времени, Лоренс не знал, но был уверен, что на дворе уже глубокая ночь. Впрочем, даже если бы наступил день, лично для него это ничего бы не изменило.

«Асимметрия» - написал Лоренс на одной из воображаемых магнитных лент, которые он продолжал заполнять впечатлениями, мыслями и чувствами. Написал - и позволил ленте скользнуть в окружающую темноту и раствориться без следа..

В камеру, где он сидел, проникали только звуки. Лоренс слышал далекое шипение дверной пневматики, раздававшееся через каждые сорок шесть - пятьдесят пять вдохов, и он предположил, что это открывается и закрывается тяжелая дверь, соединяющая тюремный блок с другими помещениями штаб-квартиры СБ. Вероятно, это обходили камеры надзиратели или прибывал курьер с текущим отчетом, а может быть, просто кто-то из охранников, страдающий болезнью мочевого пузыря, ходил в туалет.

Кроме этого шипения обостренный темнотой слух Лоренса улавливал

⁶ * *Схема с нулевым разглашением (информации) - интерактивный протокол, позволяющий одной из сторон (проверяющему) убедиться в достоверности какого-либо утверждения, не получив при этом никакой другой информации от доказывающего.*

еще более тихий, но отчетливый скрежет, так же повторявшийся через правильные интервалы времени. Впрочем, эту вибрацию он скорее ощущал, чем слышал. Судя по всему, где-то далеко внизу проносился поезд подземки. Этот давно знакомый и привычный городской звук, слегка похожий на мурлыканье личного компьютера, действовал на него успокаивающе.

Кроме этого, камеру наполняли лишь шелест его собственного дыхания - глубокого и мерного, как океанский прилив, - да воображаемый шорох воображаемых пленок, которые продолжали отправляться в небытие, унося на себе его тревоги и сомнения.

Лоренс думал: он покинул свою келью, чтобы выйти в мир, а оказался в камере. Его засунули сюда, чтобы разозлить, заставить совершать ошибки, но, по-видимому, просчитались. За шестнадцать лет в Ордене он прошел хорошую школу и нисколько не нервничал.

И почти не боялся.

- Выходи... - Тяжелая дверь камеры на хорошо сбалансированных петлях отворилась с глухим, ватным звуком, и в камеру хлынул свет, заставивший его сощурить глаза.

- Я думал о ваших друзьях, - сказал Лоренс. - Ну о тех, из ресторана...

- А-а... - протянул голосом Рэнди четкий черный силуэт, появившийся в дверном проеме. - Они... как бы это сказать? Словом, и среди воров встречаются благородные люди. К тому же они получили кое-какие новые возможности...

- Они все на чем-то попались, - констатировал Лоренс.

- Рано или поздно все попадают, - философски заметил Рэнди.

- Ну конечно, ведь каждый в чем-то виновен... Полагаю, это очень удобно. - Лоренс снова вспомнил Поззи. - Вы просто берете перечень специальностей, умений, потом находите подходящего человека и прикидываете, в чем он мог провиниться - с учетом, так сказать, его профессиональной квалификации. Это должно здорово облегчать процесс вербовки.

- Все не так просто, как ты думаешь, - покачал головой Рэнди. - Ты и представить не можешь, с какими трудностями нам приходится сталкиваться.

- Значит, Збигнев Кротовски был одним из ваших агентов?

Силуэт в дверях (теперь Лоренс различал черты лица и новый свитер Рэнди - светлый, с высоким воротом и прямыми плечами) пошевелился. Это означало «да» - Лоренс был уверен на сто процентов. Несмотря на сдержанные, вкрадчивые манеры, Рэнди часто выдавал свои мысли и намерения произвольными телодвижениями или характерными жестами. Должно быть, в свое время на этом он и попался.

- Выходи, - снова сказал Рэнди, протягивая руку. Лоренс ухватился за нее и с трудом поднялся. При этом подсохшая корка у него на коленях

лопнула, и по ногам снова потекла липкая, теплая кровь.

- Вы не намерены оказывать мне медицинскую помощь до тех пор, пока я не соглашусь на вас работать? - осведомился Лоренс.

В ответ Рэнди дружески обнял его за плечи.

- Ты, вижу, уже все понял. Молодчина!

- Не все. Я пока не знаю, что именно от меня требуется. Если бы вы сказали... В этом случае все могло бы быть намного проще.

- Можешь считать, что все это время мы искали подходящий способ сделать тебе предложение...

- Предложение, от которого я не смогу отказаться?.. Кстати, как вы завербовали Збигнева? Шантажировали сестрой?

- Нет. Он согласился работать на нас по другой причине.

- По какой же?

- Ему очень хотелось доказать, что он гораздо умнее окружающих.

- И вы велели ему портить ваши же собственные битовые потоки?

Рэнди промолчал, только внимательно посмотрел на него, и Лоренс задумался. Зачем Службе безопасности понадобилось менять собственные данные? Разве СБ не могла арестовать кого угодно под каким угодно предлогом? Кто не боялся Службы безопасности?

В следующее мгновение он понял. Ну конечно, только сама Служба безопасности!..

- Вы использовали его, чтобы ловить других офицеров СБ?

На этот раз Лоренс ничего не смог прочесть в глазах Рэнди. Его взгляд не выражал ровным счетом ничего, и Лоренс вдруг испугался, что никогда не выйдет из этого здания. Быть может, физически он когда-то его и покинет, но связь с СБ не прервется никогда.

И это было ужасно. Лоренс попытался дышать мерно и глубоко, попытался снова вызвать в воображении шуршание лент, на которые он записывал свои тревоги, но на этот раз испыганный прием не сработал.

- Идем, - сказал Рэнди и повел его по длинному пустому коридору. Дверь зашипела, отворилась. За ней Лоренс увидел пожилого надзирателя, который, стоя на посту, чуть приседал, мелко перебирая ногами. Болезнь мочевого пузыря, как он правильно догадался.

- ...Дело в том, - говорил Рэнди, - что система никуда не исчезнет, как бы мы ни старались, что бы ни делали. Служба безопасности будет существовать вечно. Мы чересчур долго относились к гражданам, как к преступникам; это привело к тому, что каждый из них стал преступником, и с этим уже ничего не поделаешь. Если завтра мы исчезнем, они останутся, и тогда начнется хаос: убийства, взрывы, насилие. Вот почему мы продолжаем существовать.

Кабинет Рэнди, был просторным, удобным, даже уютным. На стенах висели в рамках старинные цирковые афиши с изображением бородатой женщины, шпагоглотателя, танцовщиц в трико, а

потрескавшийся кожаный диван, на который опустился Лоренс, при каждом движении дружелюбно вздыхал, издавая аромат хорошего табака и средства для ухода за кожей. С высокого шкафа красного дерева Рэнди снял аптечку первой помощи и протянул Лоренсу. Внутри оказались дезинфицирующий раствор и упаковка марлевых салфеток, с помощью которых он попытался очистить ссадины на руках и коленях. В последнюю очередь Лоренс занялся лицом. Когда он отклеивал пластырь, из носа снова потекла кровь; она капала на пол, но на фоне серой каменной плитки красные капли были почти незаметны.

Рэнди придвинул к нему мусорную корзину, которая понемногу заполнялась окровавленной марлей.

- Здорово тебе досталось, - сочувственно заметил он.

- Пустяки, - отозвался Лоренс. - Вот только голова трещит.

- Это после выстрела из тазера. Скоро пройдет. Впрочем, если хочешь - в аптечке, в отделении для таблеток, должен быть кодеин. Только не увлекайся, от него ужасно хочется спать.

Пока Лоренс прибинтовывал к ссадинам смоченные дезинфицирующим раствором марлевые тампоны, Рэнди лениво барабанил пальцами по стоявшему на столе монитору. Монитор выглядел совсем как интерактивные экраны в рабочих кабинках монастыря. На мгновение Лоренс почувствовал себя так, словно заглянул на чашечку кофе к кому-то из братьев, и испытал острый приступ ностальгии. «Интересно, как там Герта», - подумал он.

- У тебя правда есть сестра? - спросил Лоренс.

- Правда. И она действительно живет в Орегоне, в монастыре Ордена.

- Она тоже работает на вас?

Рэнди фыркнул.

- Разумеется, нет. Я бы никогда так с ней не поступил. Но мои начальники знают, что всегда могут добраться до меня через нее, так что в каком-то смысле мы оба работаем на них.

- А я работаю на тебя?

- В общем и целом - да. Збикрот здорово испугался, когда ты на него вышел, поэтому он... Поэтому его больше нет.

- В каком смысле - нет?

- Этого мы не раскрываем. Никогда. Быть может, ему удалось успешно исчезнуть, и теперь он вместе с сестрой живет где-то под чужим именем, а может, Збикрот исчез в результате одного из наших оперативных мероприятий. Незнание, друг мой - одна из тех вещей, которые удерживают наших агентов в игре.

- И я теперь тоже ваш агент?

- Как я уже говорил, система никуда не исчезнет: СБ переживет многое и многих. К примеру, вчера вечером ты встретился с нашими сотрудниками... Каждый из них в свое время на чем-то прокололся и

теперь старается делать хорошую мину при плохой игре, но, как ты сам видел, наша жизнь не так уж плоха. Кроме того, мы считаем, что в меру наших скромных сил делаем мир лучше. Кому-то ведь нужно исполнять грязную работу, так почему бы не нам? По крайней мере, мы не даем хода явным психам и дремучим садистам... - Рэнди отпил небольшой глоток кофе из стоявшей у него на столе крышки от термоса. - Для этого нам и понадобился Збикрот.

- Он помогал выявлять «дремучих садистов»?

- Это было одной из его основных задач. Говорят, что власть развращает, но она же притягивает всякого рода извращенцев. Существует определенный тип людей, которые - можешь себе представить? - мечтают стать сотрудниками Службы безопасности с детства. Эти-то и представляют главную опасность.

- А я?

- Что - ты?..

- Я тоже буду выявлять садистов?

Рэнди усмехнулся.

- Ты схватываешь все буквально на лету.

Стена, окружающая кампус, выглядела снаружи более чем внушительно. Высокая, покрытая соединенными бесшовным методом металлическими плитами, выкрашенная в строгий темно-серый цвет, она казалась неприступной. Вдоль подножия стены тянулась полоса земли шириной в несколько ярдов, где не росло ни единого кустика. Со стороны могло даже показаться, будто внешний мир не смеет приближаться к этой цитадели Ордена вплотную.

Интересно, как Збикроту удалось покинуть территорию монастыря?

Лоренс понимал, что этим вопросом ему следовало задаться раньше, когда он еще только покидал кампус. Увы, тогда он слишком нервничал, чтобы подобное могло прийти ему в голову. Но и сейчас он не знал ответа на этот весьма интересный вопрос.

Так как же он все-таки вышел?.. Взломал ворота? Но ведь старый монах-охранник говорил, что шлюз находится под высоким давлением и что преодолеть его, не наделав шума, невозможно.

Нет, если Збикрот покинул монастырь через ворота (а как еще, скажите на милость, это можно сделать?), то он вышел через них совершенно свободно. Иными словами, его кто-то выпустил, причем сделал это так, что в электронном журнале не осталось никаких записей. Кто-то из работающих в кампусе братьев изменил поток информации, идущий от датчиков ворот, и все сведения о преодолевшем шлюз человеке оказались стерты, уничтожены. Что ж, теперь по крайней мере ясно, что кроме Збикрота в монастыре были и другие мастера-фальсификаторы, работавшие на Службу

безопасности.

Лоренс упрямо тряхнул головой. Он принадлежал Ордену, и его место было там, за этой стеной. В монастыре он познал себя, научился оценивать и анализировать свои мысли и поступки с той беспощадной объективностью, которую раньше применял исключительно к окружающим. Первая Аномалия, которую ему удалось обнаружить, служила для него источником радости и тайной гордости - Лоренс рассматривал ее в первую очередь как свидетельство своего растущего мастерства, как показатель готовности шагнуть на новую, высшую ступень. Откуда же теперь эта неуверенность, эти колебания?..

Лоренс еще немного подумал, потом позвонил Герте. Рэнди снабдил его новым личным компьютером со специальной прошивкой, которая копировала всю входящую и исходящую информацию и отправляла ее по защищенному каналу в Службу безопасности. С тех пор как Лоренс загрузил комп в первый раз, его не покидало странное ощущение двойственности. Как будто внутри него поселился кто-то чужой. И этот чужак пристально за ним наблюдал.

- Алло, это ты?

- Я ужасно рад снова слышать твой голос, - совершенно искренне сказал Лоренс. «Интересно, знает ли Герта об агентах и помощниках СБ внутри монастыря, - подумал он. - А может, она и сама одна из них?» И все же слышать ее голос ему действительно было приятно. Компьютер, впрочем, поспешил уведомить Лоренса: что бы он ни делал, это будет ему нравиться. Но он знал это и без подсказки.

- Ты несколько дней не выходил на связь. Я волновалась.

- Да, насчет этого...

- Что случилось?

И снова Лоренс заколебался. Если он все расскажет Герте, она тоже окажется завязана... если уже не завязана. Если он все расскажет, они быстро найдут на нее какой-нибудь компромат. Нет, не нужно ничего говорить. Самым разумным в его ситуации было просто вернуться в монастырь, а потом улучшить момент и изменить какой-нибудь поток битов. Он справится с этим лучше, чем Збикрот. Никто ничего не заподозрит. Никто не сумеет выявить его Аномалию. И даже если сумеет - что с того?.. Ведь до момента, когда это случится, он успеет прожить в кампусе еще несколько дней, месяцев, а может быть, и лет.

К тому же если он этого не сделает, то сделает кто-то другой.

Кто-то другой.

Обязательно.

Лоренс больше не колебался.

- Я звоню, чтобы попрощаться. Прощаться и поблагодарить за все. Думаю, мы больше не увидимся.

Откуда-то издалека до его слуха донеслось веселое жужжание

электродвигателя патрульной машины. Компьютер поспешил сообщить Лоренсу, что его дыхание участилось, и ему пришлось усилием воли воздействовать на свои дыхательные центры, чтобы надоедливый прибор наконец заткнулся.

- Лоренс?.. Что ты...

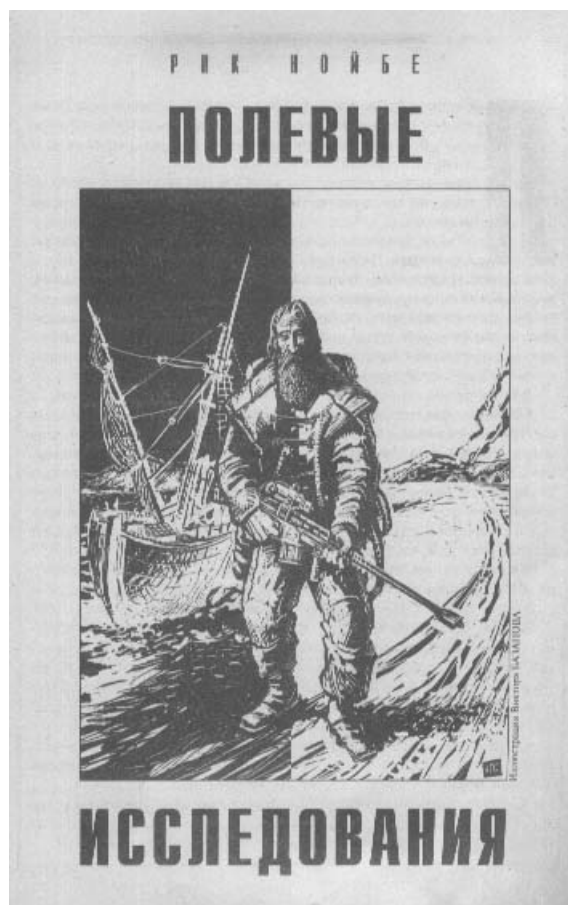
Он прервал соединение. Черно-желтая патрульная машина СБ показалась в его поле зрения. словно пчела на цветок, она неслась к монастырской стене.

Лоренс закрыл глаза, и перед его мысленным взором снова возникли блестящие магнитные ленты, которые с легким шуршанием разматывались и исчезали, растворялись где-то в голубоватой дали. Исчезали... Да, он мог это сделать. Мог попасть в то заветное место, откуда открывался путь куда угодно.

И это было единственным, что имело значение.

Перевел с английского Владимир ГРИШЕЧКИН

© Cory Doctorow. The Things That Make Me Weak and Strange Get Engineered Away. 2008. Печатается с разрешения автора.

РИК НОИБЕ
ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Иллюстрация Виктора БАЗАНОВА

Лед треснул, стоило мне сойти с валуна. Я отскочил на безопасное расстояние, а льдина ушла под воду. С ботинок капало, от страха меня прошиб озноб. Я опустился на камень и сидел, пока пульс не упал ниже сотни. Солнце еще воспламеняло облака на горизонте, когда на небо поднялась луна. Издалека донесся победный крик утки.

«Ты здесь уже четыре года, старик. Пора бы дать этим уткам нормальное имя».

И тюленям. И множеству других инопланетных животных и растений, которых моя лень продолжала приравнивать к земным аналогам.

Раздался второй, затем третий крик. Во время весеннего гона мужские особи каждую ночь дерутся за поддержание своего статуса. Я посмотрел на часы. До ночи, к счастью, оставалось еще два часа - вполне достаточно, чтобы прогуляться пешком к кораблю. В бой с ревом вступила еще одна утка.

Единственное, что делало этих инопланетных созданий похожими на уток - их клювы и перепончатые лапы. Летать они не умели, а их плотные крылья заканчивались множеством когтей. На этом континенте они занимали нишу высшего хищника, вроде полярного медведя. Впрочем, полярный медведь рядом с уткой показался бы просто котенком. В свое время я пытался компенсировать разницу в возрасте и положении и называл этих существ *ursus duckus*⁷, желая показать своим магистрам, что у меня есть чувство юмора.

Я все еще вспоминаю юные лица этой тройки студентов, бежавших по тропе, фыркая и покрикивая друг на друга, пытаюсь выиграть забег до нашего корабля. Проигравший должен был приготовить ужин.

Хотя и отстал я всего-то на несколько минут, к тому моменту, когда вышел из ущелья, от них остались только разбросанные куски и несколько конечностей. Утка приседала на своих абсурдно длинных ногах и клонилась к булыжнику, собираясь уснуть после неожиданного пира. Ее блестящие глаза до сих пор являются мне в кошмарах, но она, видимо, была уже слишком сыта для десерта.

- Конечно, - пробормотал я себе под нос, с горечью слушая одинокий человеческий голос, - наша ДНК наверняка оказалась ядом для этой твари.

Я соскользнул с камня с другой стороны и мягко ступил на лед. Лед выдержал. Я прошел, а вернее, даже прошаркал мимо трещин и продолжил свой путь домой.

⁷ * *Утка-медведь (лат., искаж. англ.).*

У профессора ксенобиологии, работающего в поле, есть одно преимущество - можно растянуться на посадочном катере, греться в скудных лучах весеннего солнца, наблюдать за местными жителями и утверждать, что занимаешься исследованиями.

Пончики обожали, когда на них смотрят. При росте всего в полтора метра и среднем весе в девяносто килограммов они, местные жители, защищались от окружающей среды воздушными полостями, располагавшимися между кожей и внешним слоем жира. Каждое движение заставляло их безволосую серую плоть колыхаться, словно желе метровой ширины. Их выпирающим головам не хватало ушей и глаз, но эти функции выполняла «маска Зорро» - черная, бугристая ткань, состоящая из чувствительных клеток.

Домом эти инопланетные кочевники называли свой лагерь. Также слово «дом» могло означать их континент - или чью-то палатку. Мне нравился их язык, поразительно сложный с учетом того, что состоял он всего из 1006 слов.

Кочующие пончики собирались в группы, по численности своей не превышающие расширенный клан, то есть тридцать восемь особей. Слишком много.

Прошлой зимой двенадцать из них умерли бы от голода, если бы я не вмешался. Я полетел к морю и обстрелял океан из импульсной пушки со своего катера. Рыбы, которую я затем собрал с поверхности, хватило на то, чтобы избавить их от гибели.

Если бы мои магистры пережили свой первый год полевых исследований, я не осмелился бы так нарушать правила. Моя карьера повисла бы на волоске по возвращении в Деймосский университет.

Хотя, возможно, я все равно сделал бы это - и к черту последствия. Надеюсь, что сделал бы. Профессиональная этика - это одно, но я все-таки родился и вырос марсианином. Мы гордимся тем, что марсиане - настоящие люди. А настоящие люди никогда не позволят своим питомцам умереть с голоду.

- К черту правила, - пробормотал я.

- Снова разговариваешь сам с собой, мохнатый? - спросил Старейшина Плавать.

Буквально он сказал только «снова разговариваешь, мохнатый».

Остальная часть предложения состояла из движений его четырехпалой руки.

Слово «старейшина» означало его положение как лидера клана. Настоящих дедов называли просто «родителями» - так же, как матерей, отцов и бабушек. А вот почему они всегда использовали глаголы в качестве имен, я так и не выяснил.

- Наверное, у меня снежное бешенство.

- Это происходит зимой, а не весной.

- Мохнатые - не пончики. Мы можем сходить с ума, когда захотим.

- Присоединишься к нашей охоте? Мы выходим завтра утром, с Бросать, Спать и детьми. - Он указал на кучку детишек, швырявших друг в друга экскрементами.

- Не маловаты ли они для охоты?

Я напрягся. Иногда пончики применяли детоубийство как один из способов ограничения своей популяции.

Старейшина поднял узкие плечи, показывая тем самым, что понял ход моих мыслей. Затем его большие пальцы хлопнули по мясистым ладоням - так пончики смеялись.

- Этим летом на фестивале старейшиной станет Бегать. Он с братьями заберет детей.

В результате из уравнения исчезнет дюжина ртов - вполне достаточно для того, чтобы клан Плавать пережил следующую зиму без потерь. Бегать был их лучшим охотником, хорошим кормильцем.

- Он останется Ходоком? - спросил я. - Или поведет их к океану? Бегать как-то провел целое лето с Морскими кланами, не так ли?

- Бегать сделает то, что сделает.

Только тогда я понял всю глупость своего вопроса. Клан не разделится до фестиваля, посвященного началу лета. А Морские пончики уже отплыли бы на север несколько месяцев назад, в своих костяных каноэ.

Я мысленно сделал себе заметку - спросить Бегать о его планах на будущее. Клан Ходоков редко становился Морскими кланами, слишком многое приходилось им изучать. Бегать, впрочем, завел много друзей - это помогло бы переходу его клана.

Переквалификации его клана можно будет посвятить отдельную главу, прекрасную главу.

Меня поражало, как лодки, сделанные из костей и шкур, могут продержаться в океане достаточно долго, чтобы доставить путешественников на архипелаг богатых зеленью островов, находящихся в девятистах километрах от континента. Морские кланы сажали там несколько зерновых культур и пировали, охотясь за мириадами птиц, гнездившихся на островах. В конце лета они возвращались на континент, следуя сезонному изменению течений, вместе с тюленями. Там, во время осеннего фестиваля, они объединялись с Ходоками. На фестивале они торговали привезенной с островов древесиной, клубнями и засоленной птицей.

Ходоки после летнего фестиваля удалялись на сотни километров в глубь замерзшего континента в поисках других товаров - опалов, золотых самородков и железных метеоритов, питаясь тем временем мхом и жуками.

Третья ветвь пончиков населяла Пальцы - четыре полуострова на том

же континенте. Пещерные пончики жили в туннелях, вырытых ими в толстых слоях древней пемзы. Там они добывали уголь и обрабатывали металл, снабжая своих кочевых собратьев инструментами и драгоценностями.

Об этом уникальном разделении труда можно будет написать целые тома, когда я вернусь в Деймосский университет. Я вздрогнул, подумав о том, что последний том, посвященный культуре пончиков, будет, вероятно, начинаться с панегирика и упоминания об их исчезновении. Их вымирание - всего лишь вопрос времени.

- На кого вы будете охотиться, Старейшина?

- На таа, - ответил он.

Так называли грызунов размером с собаку. Поскольку они обладали шестью ногами, то не походили ни на одно из знакомых мне животных, и я называл их местным именем. В вяленом виде их мясо имело недурной вкус.

- Я присоединюсь к вам, Старейшина.

Он попытался улыбнуться, подражая мне, но ему не хватало лицевых мышц. Настал мой черед понять его мысли. С моим пистолетом и биноклем охота будет удачной. Именно то, что нужно для клана после долгой голодной зимы.

У шлюза, ведущего в катер, меня ждала беременная. Ей приснился плохой сон, и она хотела потереть мою макушку на удачу.

- Я не верю в удачу, - проворчал я.

Удача, однако, была краеугольным камнем всей местной культуры. Если лопался ремень, на котором тащили салазки, если в небе появлялось облако необычной формы, если кто-нибудь ломал ногу - старики тут же собирались в кучку и начинали обсуждать причины невезения.

- Хорошее питание важнее удачи, - сказал я, просовывая руку в холодильник, находившийся в шлюзе, и доставая рыбу, завернутую в водоросли.

Она не поблагодарила меня за еду - это сулило бы ей невезение. К счастью, она не предложила и секс - традиционную благодарность за оказанную услугу.

Я попытался представить, как буду описывать половую жизнь пончиков. Обычно все они были мужчинами, но в середине зимы некоторые из них внезапно становились женщинами, и начинались оргии, длившиеся месяцами. Затем, за несколько месяцев до летнего фестиваля, женщины рожали и снова превращались в мужчин.

Предсказать, кто именно сменит пол, было практически невозможно - никакой закономерности в этом не просматривалось. Прежде чем Тамара Кил стала утиным ужином, моим студентам удалось найти

необычные молекулы феромонов, но эти молекулы составляли лишь частичку биологического процесса.

Половая жизнь пончиков станет гвоздем моих первых статей, когда я вернусь в Деймосский университет. Такая «клубничка» сразу привлечет внимание к моим лекциям.

Жаль только, что это - самая скучная сторона их жизни.

Дюжина пончиков двигалась цепью, метрах в трех друг от друга. Каждый из них нес пару метательных дубин, с огромным трудом выточенных из утиных ребер.

Я осмотрел широкую равнину в бинокль. Под некоторыми камнями все еще лежал снег. На солнечных местах гнезился фиолетовый мох. Грызуны, на которых мы собирались охотиться, были травоядными и после долгой спячки обожали лакомиться весенним мхом.

По долине пробежал таа. Дети принялись метать дубинки, но промахнулись. Я выхватил пистолет и выстрелил, подражая стрелкам из старых вестернов, словно мне снова было пятнадцать. Таа упал.

- Неплохо для ста пяти...

Стоило похвастаться своим возрастом, как рука тут же начала дрожать. Она напомнила о том, что мне, несмотря на омоложение, уже не пятнадцать, и эта экспедиция станет для меня последней.

Несколько мелких таа прыгнули, собираясь укрыться за холмами. Спать вонзил острый конец своей дубинки в затылок одного из них, я подстрелил второго.

Шум вспугнул еще пятерых, но я их упустил. На пути грызунов оказалась парочка детей - те не промахнулись. Когда дети засмеялись, размахивая своими трофеями, я почувствовал себя еще старше.

- Что это? - спросил Старейшина. Сказал он только «это», предложение дополнили его руки.

Я поднял бинокль. Два пончика тащили сани и неслись так, словно за ними черти гнались. Я пробежал взглядом по их следам, ожидая увидеть голодную утку. Ничего. Я несколько раз выстрелил в вечную мерзлоту, привлекая их внимание. Беглецы повернулись к нам.

- Они напуганы, - заметил Старейшина, принимая властную позу.

Я сменил обойму, хотя оставалось еще восемь пуль, и пожалел, что не взял винтовку. Девять миллиметров - не лучший калибр против стаи злых уток.

Сани наткнулись на камень. Костяные полозья спружинили, затем раскололись. Сани перевернулись и закрутились, сметая пончиков, словно кегли. Одного из них придавило.

Мы рванулись к месту крушения. Убедившись, что уток поблизости нет, я осмотрел разбившиеся сани. Незнакомцы упаковали все свое имущество - гарпуны, копья и метательные дубины, палатку из

тюленьих шкур, несколько мотков веревки из сыромятной кожи, зимние шапки и одеяла, две чаши из тюленьих черепов, каменную лампу с гравировкой, заменявшую им печь. Во время крушения лопнуло несколько тюленьих пузырей, в которых хранилось масло - теперь оно разбрызгалось во все стороны.

Экономичность их образа жизни потрясала. Я, отправляясь в этот мир, взял с собой девяносто тонн провизии и снаряжения, а пончик мог отправиться на Марс с шестьюдесятью килограммами, не забыв при этом ничего нужного.

С поясов беглецов свисали железные ножи - очевидно, нам попались богатые пончики.

- Каб, - с трудом выдохнул разбившийся пончик.

Второй пострадавший, пытавшийся вылезти из ремней, простонал:

- Каб.

Мне никогда раньше не доводилось слышать это слово. Но страх, исходящий от пончиков, почувствовал бы и слепой. Старейшина Плавать заглотил воздух, словно утопающий.

Я положил руку на пистолет и медленно обернулся, осматривая торф. Мест, где могло спрятаться достаточно крупное существо, было не так уж много.

- Что бы их ни преследовало, похоже, они от него убежали.

- От каба нельзя убежать, - прошептал Старейшина.

Спать склонился над разбившимся беглецом и посмотрел на Старейшину, сжавшего правую руку в кулак. Спать вытащил нож незнакомца и зарезал беднягу. К сожалению, это и было вершиной здешней медицины.

Старейшина выкрикнул приказ. Бросать поспешил к лагерю вместе с шестеркой самых младших детей. Спать собрал старших и перевернул сани. Незнакомец погрузил своего спутника сверху на их имущество. Затем пятеро подняли сани и потащили их на руках.

Я удивился, как быстро они смогли бежать с таким весом. «Быть может, - подумал я, - мне стоит называть их атлетами».

Старейшина смотрел на юг, метательные дубинки в его руках дрожали.

- Что такое каб?

- Один из Безымянных, - ответил он.

У пончиков была богатая мифология, но мне еще только предстояло расколоть этот орешек. Истории о богах передавались из уст в уста, из поколения в поколение. Всех своих богов они обобщенно называли Безымянными. Если назвать их иначе, боги могли явиться на зов, а их бесконечные капризы слишком часто приводили к неудачам.

Мифы открыли мне путь в их общество - ведь боги постоянно посещали местных, сопровождаемые сверхъестественными явлениями. Так что, когда мы приземлились рядом с лагерем пончиков,

нас приняли за кучку Безымянных.

- Подожди, ты же только что назвал его имя. Как он может быть Безымянным?

- Подниматься сказал, что каб убил весь его клан.

- Кабы плохие?

- Такое мог спросить только мохнатый.

- Может, проверим их лагерь? Посмотрим, не осталось ли других выживших?

Необычное богатство беглецов вдруг вызвало у меня подозрение.

- А не могли ли они ограбить свой клан? Может, они солгали про каба, чтобы скрыть свое преступление?

Старейшина Плавать хрюкнул:

- Солгать про каба? - Он покачал головой. - Только мохнатый... - Он тронул мои волосы, свисающие из-под шапки. - Но кто-то и правда может нуждаться в нашей помощи.

- Где находится их лагерь?

- Возле озера. Два-три дня. -

Здорово, вот только здесь сотни этих озер. У пончиков был один весьма раздражающий обычай - они не использовали географических названий. Они могли пройти тысячу километров через снежную бурю и отклониться от цели всего на сантиметр, но рассказ о том, как попасть туда, занял бы целую вечность.

- Если покажешь дорогу, мы слетаем туда и обратно еще до темноты. К тому же, если этот каба - что-то вроде злого божества, мне потребуется винтовка. Есть у меня одна приносящая удачу молитва, для которой необходимы бронебойные патроны.

- Чем быстрее мы туда доберемся, тем лучше.

Пришельцы жили в ста километрах от нашего дома, в зимнем лагере. Палатки укрывали сверху куски льда, защищающие от бурь и холода. Озеро оказалось большим - наверняка они обосновались здесь, предчувствуя хороший улов. К тому же в двадцати километрах отсюда начинался океан.

Я приземлился в центре поселения. Надев варежки, я щелкнул предохранителем и прижал винтовку к себе. Каменистую почву между четырьмя холмами покрывало замерзшее озеро крови.

Старейшина указал на сушилку. Дерево, не обычная кость. Беглецы не были единственными богатыми членами клана - такие сушилки встречались редко. Впрочем, внимание Старейшины привлекло не это. У сушилки лежал ломоть мяса - жирный, серый с одной стороны. Не похоже на плоть ярко-зеленых тюленей.

- Кто-то здорово ободрал этих пончиков. Каннибалы?

- Не понимаю, - прошептал Старейшина. - Кабы убивают. Они нас не

едят.

- Может, это сделали другие пончики? - В их мифологии хватало историй о каннибализме, вызванном зимним голодом.

- Не весной. Что за напасть послали нам Безымянные?

Старейшина бормотал над куском мяса, а я ходил кругами. В семь палаток мог уместиться клан численностью в двадцать пять - тридцать пончиков, минус двое беглецов. Может быть, эти двое вернулись с охоты и увидели бойню? Я заглянул в одну из палаток. На полу, покрытом шкурами, лежало сломанное копье. Брызги крови отмечали то место, где кто-то расстался с жизнью. В носу защекотало от знакомого запаха.

Где их транспорт? Я нашел следы и пошел по ним. Прямо за поселением начинались колеи тринадцати саней. И еще там обнаружались следы ботинок.

- Пончики не носят ботинок, - я сглотнул. - Так же, как боги и демоны.

Следы вели на северо-восток, к океану.

- Значит, конец света все-таки начался.

Теров IV - уникальное явление среди тысяч обитаемых планет нашей Галактики. Обычно верхнюю ступень эволюционной лестницы занимает доминирующий вид, сумевший победить все остальные и подняться на вершину пищевой цепочки. На Терове из-за особенностей географии таких видов было два.

В северном полушарии, на континенте размером с Азию эволюционировали жившие на деревьях существа, похожие на орангутангов. Они создали цивилизацию, аналогичную по уровню технического развития земному девятнадцатому веку. А по своему политическому устройству раздражительные ракены так и не ушли дальше городов-государств. Сотня Спарт - их национальным спортом до сих пор оставалась война. К счастью для пончиков, ракены обладали тяжелой костью и малым количеством жира и потому не умели плавать. Они тонули, как камни, и это не вдохновляло их на путешествия через океан, двенадцать тысяч километров которого отделяло ракенов от южного континента.

Изучением ракенов занимались три отдельные университетские команды, и все члены экспедиции были убиты. Некоторых пытали, желая получить информацию о новых технологиях. В результате обе Торговые Комиссии запретили дальнейшие исследования в этом направлении.

Катастрофа назревала уже давно: рано или поздно ракены двинули бы морем на юг. Их любовь к войнам в сочетании с технологиями означала для культуры пончиков смерть.

«Но зачем, черт возьми, они зажарили пончиков?» - спрашивал я сам

себя.

Ракены славились тем, что калечили пленников, но я никогда не слышал, чтобы они съедали своих врагов.

Вернувшись в лагерь, я продолжил расследование. Оказалось, что они не оставили ни крошки еды, если не считать того, что отрезали от несчастного пончика.

Старейшина так и не двинулся с места.

Я положил руку ему на плечо.

- Нам нужно возвращаться домой. Вели нашему... своему клану двигаться в глубь материка, подальше от моря. Эти скоты приходят с воды.

Следы не вели в сторону его клана, но ракены могли выслать разведчиков.

- Нет, подожди, есть идея получше. - Я склонился к лицу Старейшины, надеясь расшевелить его. - Мы погрузим весь клан в мой катер. Проклятые ракены сюда уже не вернуться. Я...

- Ракены? Ты знаешь, кто это сделал? Знаешь этих... этих монстров?

- Виновники злодеяния не Безымянные. Не кабы. Те, кто это сделал, просто убийцы. Здесь клан будет в безопасности. Тут должна отлично ловиться рыба. Клан может пожить в этом месте, пока я разберусь с ракенами.

- Мы не сможем жить здесь. Это место проклято.

Именно поэтому культура пончиков развивалась так медленно. Люди давно уже ограбили бы лагерь. Но пончики, несмотря на то, что этот клан был в десять раз богаче их клана, сочли все вещи проклятыми, и даже сто лет спустя скарб ракенов останется нетронутым.

На то, чтобы перебазировать весь клан с его пожитками на северный берег озера, потребовалось три ходки. К тому же мой матрас и вся припасенная рыба были украдены.

Даже оказавшись в десяти километрах от места убийства, пончики все равно боялись подхватить неудачу от кровавой бойни на другой стороне озера.

Я кружил над побережьем, надеясь найти флот ракенов с помощью радара. Пусто. Удалился на тысячу километров в обе стороны - пусто. Когда настала ночь, я включил инфракрасные камеры и тепловизоры. Пусто. Облетел весь континент на шести махах - пусто. Как они ухитрились спрятать целый флот?

И тут до меня наконец дошло. Не было никакого флота. Один из кораблей попал в шторм, и его пронесло через полмира. Неподготовленные, без припасов, умирающие от голода... Это объясняло каннибализм. Они сушили мясо, собираясь возвращаться назад.

В конце концов я нашел маленькое рыбацкое судно, едва ли пятнадцати метров в длину, в одном из узких заливов. И как такой крошечный корабль смог проделать столь далекий путь по этому опасному морю? Впрочем, проплывали же сотни километров каноэ из костей и шкур.

Ракены вытащили свой корабль на галечный пляж. Корпус был закованным в медь, по бокам свисали затянутые сетями кронштейны, похожие на крылья. Руль поднимался, позволяя высаживаться на побережье. Умно.

Я порывался взорвать их судно, но потом разум все-таки возобладал. Осмотрев корабль, я смогу понять, сколько их было. А значит, узнаю, скольких мне нужно убить. Уничтожив судно преждевременно, я только рассею каннибалов по округе, и они будут наводить ужас на пончиков до самой зимы.

Ракены славились своей свирепостью, но они все равно не шли ни в какое сравнение с зимой этой безымянной земли. Зимой они не продержатся и месяца.

Я приземлился у корабля, перед выходом надел скафандр. Кевларовое волокно, предназначенное для защиты от маленьких метеоров во время выходов в космос, остановит и пули. Из шлюза я вышел с винтовкой в руке.

Между мной и кораблем встали с полдюжины пришельцев. Их певучие голоса звучали уверенно и явно предлагали мне сдаться. Их однозарядные ружья заряжались с дула, невероятно длинного: руки ракенов тянулись от плеч до самых ступней.

Я выпустил обойму с десяти метров. Двое успели послать заряды до того, как я их подстрелил. Первая пуля скользнула по шлему - ничего страшного. Вторая попала в живот. Хотя сквозь скафандр она не прошла, такого удара я еще никогда не испытывал.

Меня стошнило прямо в шлем, и это оказалось еще хуже удара.

Прежде чем снять шлем, я сменил обойму. А затем передо мной раскололся базальт - осколки камня царапнули щеку и ухо, после того как пуля прошла мимо. Снайпер скрылся за бортом корабля, перезаряжаясь. Я выстрелил прямо в корабль, и ракен закричал, как испорченная сигнализация: бронебойные патроны оказались непривычны для него так же, как вяленое мясо местных жителей - для меня. Снайпер держался за свое круглое лицо, пытаясь остановить кровь, а я вытащил пистолет. Пришлось выстрелить дважды, прежде чем я попал.

Затем я вернулся в катер, чтобы отчистить свой шлем. Нейтрализатор кислотности успокоил мой бурлящий кишечник, синяк разросся до размеров тарелки. Я снова перезарядил оружие, выжидая. Судя по тому, что я читал о ракенах, они не из терпеливых. Они побегут. К тому же знал я и этот арктический ад. Время играло мне на руку.

Час спустя я забрался на рыбацкий корабль. Уцелевшие сбежали, кому-то даже хватило времени забрать оружие у стрелков. Я нашел капитанскую каюту размером с кладовку, а также помещение, в котором висело девятнадцать гамаков. Они, наверное, чувствовали себя, как в тесной, убогой тюрьме, пока плыли сюда все эти месяцы.

За вычетом тех семерых, что я убил, оставалось всего тринадцать.

Их след отмечали сушеная рыба и вяленое мясо пончиков, а также мешочки с порохом и плащи. У края оврага, начинавшегося от пляжа, тесным рядом стояло десять саней. Ракены растеряли множество вещей, пытаясь погрузить на сани только самое необходимое.

Два следа вели на юг, один - на запад. Во время своих поисков я видел поселение пончиков километрах в двадцати к западу отсюда. Убийцы легко найдут себе жертв.

Вернувшись в катер, я поднялся вверх. Сенсоры быстро среагировали на тепло: от страха с беглецов лил пот.

Я снизился, нашел подходящее место и приземлился. Ракены выбежали из темноты прямо на меня. Один голос пропел что-то - вероятно, спрашивая, что за колдовство породило красный огонек у него на груди. Пять выстрелов, четыре трупа - спасибо моему лазерному прицелу.

Осталось девять.

Я снова поднялся в воздух. На поиск оставшихся двух саней потребовалось несколько часов. Самих ракенов я не нашел, только сани. И мертвую утку с отверстиями от пуль. И еще одну мертвую утку - пальцы ракена застряли у нее между зубов. Затем я пристрелил раненую тварь, которая редела от боли неподалеку.

Сезон гона. Утки обожают сражаться в лунном свете за клюв своей возлюбленной.

Даже самый тупой пончик знал: весной нельзя путешествовать по ночам.

На месте высадки ракенов я работал несколько дней. Похоронил останки пончиков под пирамидой из камней (похоронил не все, а лишь большую часть мяса - примерно килограмм я упаковал и спрятал в морозилку для последующих генетических исследований). Затем я убрал с саней все украшения и отполировал сани так, словно они только что сошли с конвейера.

Я подумывал передать ружья ракенов клану. Пещерные пончики, возможно, смогут изготовить порох, но их навыков обработки металла не хватит, чтобы создать новые ружья. Тогда зачем они им? Пончики скорее перебьют друг друга, чем станут охотиться на уток. Ружья я выбросил в море.

Возвращаясь к клану, я представил, как утки убивают всех

пришельцев. Хищник ex machina⁸.

Под благовидным предлогом я отвел Плавать и Бегать к кораблю ракенов, надеясь на то, что амбиции нового лидера клана перевесят суеверия пончиков.

- Насколько это удачно? - спросил я, когда мы наткнулись на сани.

Бегать пожал плечами, ничуть не заинтересовавшись. Тем не менее он подошел к ним с видом парня, покупающего свою первую подержанную машину.

- Они из проклятого лагеря у озера? - спросил Плавать.

- А стали бы Безымянные красть сани? Они ездят на огне, а не на санях, - ответил я.

- Ты назвал их ракенами.

- Возможно, я ошибался. Смотри, ни в одних нет упряжи, и я знаю почему. Потому что сюда их перенесли Безымянные. Должно быть, они оставили их здесь для того, чтобы нашел какой-нибудь удачливый пончик.

Убогое объяснение, но ничего лучшего мне в голову не пришло.

Бегать осмотрел полозья.

- Хорошая работа.

- Дары от Безымянных. Они здорово пригодятся, когда клан разделится.

- Только мохнатый может такое сказать, - ответил Плавать.

- Старейшина, на них нет ни упряжи, ни резьбы. Может, Безымянные и правда оставили их здесь для нас. И они принесут удачу нашему клану, - сказал Бегать.

- Что это? - Плавать указал на море.

Я чуть не закричал.

Прилив унес рыбацкое судно. Волна вспенилась, подняла корабль и обрушила его на зазубренные скалы в сотне метров от берега.

Вот и конец моему плану - я собирался научить Бегать управлять кораблем. При такой грузоподъемности с далеких островов можно было бы привезти тонны дерева и еды, вместо тех жалких пятидесяти килограммов, которые помещались в каноэ. Эта лодка могла бы изменить их мир.

- Это большое каноэ.

- Чушь, столько дерева нет в целом мире, - безапелляционно заявил Старейшина.

- Посмотрим, что там, - я указал на кучу вещей, сваленных в начале ущелья.

В эту кучу я заранее сложил все неиспользованные веревки, корзину с ножами и топорами, ящик с инструментами и бочонок гвоздей. Я готов был поспорить, что вес металла заставит их взять сани, вне

⁸ * *Перефразированный вариант латинизма «deus ex machina».*

зависимости от соображений удачи. Десять килограммов гвоздей и тридцать килограммов инструментов равнялись годовому запасу железа, производимого из метеоритов, собранных кланами Ходоков. Одни только топоры и ножи сделают их богатейшим кланом на континенте.

- Большая удача, - согласились пончики.

- Безымянные и впрямь благосклонны к нам, - добавил Старейшина. Сказав это, он тем не менее бросил на меня сердитый взгляд.

После летнего фестиваля я стал свидетелем разделения клана. Плавать увел свои сани на юго-восток, в то время как Бегать пошел на юго-запад. Ирония судьбы: столь неожиданно найденное ими богатство привлекло десять пончиков из менее удачливых кланов. В итоге мои старые друзья так и не избавились от проблемы перенаселенности.

Присоединение чужаков к их кланам могло вызвать у Плавать и Бегать головокружение от успеха, и следующей зимой им грозил голод. Впрочем, если новые пончики окажутся хорошими добытчиками...

Следуя своему расписанию на последний год пребывания на этой планете, я отправился на восточное побережье Пальцев и поселился возле системы туннелей, где жили три Пещерных клана. Меня, как всегда, приняли со свойственной пончикам доброжелательностью.

Я ожидал, что их оседлый образ жизни приведет к большому социальному неравенству, однако я не заметил никакой разницы, за исключением того, что женщины здесь оставались женщинами круглый год. Большую часть жизни кланы тратили на охоту и собирательство, подобно их сородичам. Производство инструментов и драгоценностей, как и добыча угля, было для них скорее хобби, чем индустрией. Хотя они торговали намного больше других кланов, но все равно зависели от моря.

Я должен был заняться систематизацией гигабайтов моих заметок и интервью. Но летнее солнце пробудило во мне снежное бешенство.

По крайней мере, так сказали мне пончики.

Воспользовавшись фактом своего безумия, я отправился на север. Целый день я летал над морем и топил своей импульсной пушкой каждый корабль ракенов вместе со спасательными шлюпками. Ночью я атаковал доки приморских городов-государств, чтобы уничтожить еще больше кораблей. Пожар, разгоревшийся в одном из доков, уничтожил потом целый город. Я летал три дня, убеждая себя в том, что смогу дать пончикам еще несколько лет мира. После уничтожения двухсотого корабля я перестал считать.

Эта вспышка психоза не вошла ни в мои отчеты, ни в книгу..

Вернувшись на полуостров, я потратил оставшуюся часть года на

изучение инопланетян, как и подобает профессору ксенобиологии.

У пончиков есть слова, означающие «завтра», «на следующей неделе», «в следующем году». Но у них нет слова «будущее».

И это, боюсь, неспроста.

Перевел с английского Алексей КОЛОСОВ

© Ryck Neube. Studies in the Field. 2007. Печатается с разрешения автора. Рассказ впервые опубликован в журнале «Asimov's SF» в 2007 году.

НЕКУДА БЕЖАТЬ

**Голливуд снова доказывает: делать деньги можно на чем угодно.
В том числе на конце света**

Пожалуй, едва ли не самое живучее, что есть в любом народе, - это его мифы. Давным-давно нет ни одного древнего грека, а мы продолжаем следить за подвигами Геракла. Разрушена цивилизация майя, а спустя пятьсот лет умы лихорадит, оттого что их календарь обрывается на 2012 году по европейскому летосчислению. Словно это изощренная индейская месть сквозь века за погубленную бледнолицыми культуру (впрочем, скандалист Мел Гибсон своим «Апокалиптио» постарался доказать, что те лишь довершили дело самораспада),

Рубеж тысячелетий продолжает будоражить настроения обывателей, и кинематограф отражает их в зеркале экрана в виде всевозможных фильмов-катастроф и постапокалиптических картин. Отдельный вопрос, на который до сих пор нет ответа, чего же больше в таких фильмах: массовой психотерапии, позволяющей аккуратно «сбросить пар» тревог, или нагнетания массовой истерии. Сперва конец света

назначили на 1999 год, настолько «привлекательной» оказалась дата. Затем принялись устрашать народ «проблемой-2000». Потом реанимировали уничтоженную в начале 90-х сеть Скайнет, которая таки обеспечила еще не одно пришествие киборга Т-800. Но уже и 1999-й, и 2000-й, и даже 2003-й позади, Уже и киноастероиды в количестве нескольких штук едва не столкнулись с Землей. И вот на счастье пугателей подходит 2012 год. Не прячьте ваши денежки, иначе будет беда,.. Может сложиться впечатление, что настойчивое муссирование «роковой» даты кто-то сознательно использует, дабы отвлечь зрителей, слушателей и читателей от менее очевидной и эффектной, но более серьезной опасности. Действительно, что там какой-то финансовый кризис по сравнению со вспышкой солнечной активности!

Очередной масштабный фильм-катастрофа Роланда Эммериха под названием «2012» был проанонсирован заранее. Однако детали сюжета особенно не разглашались. Было понятно, что в сценарии планете уготован пространственный «абзац», но как именно погибнет мир и как именно спасутся герои, - а выжить они должны были бы по определению, - оставалось неясным. Ходили слухи, что дело даже коснется иных измерений. Однако новые «Звездные врата» Эммерих решил не открывать и ограничился геологией. Режиссер признался, что давно хотел снять фильм о всемирном потопе, а дата оказалась только удобным сюжетным поводом. К тому же последний фильм маэстро отсылает к его ранней, студенческой работе «Ноев ковчег: Бегство во Вселенную», снятой еще на родине, в Германии. Тем не менее вышел стопроцентный фильм от «американского» Эммериха. Все, что мы ожидаем от картин такого рода и к чему уже привыкли, мы увидим и здесь. Земля будет в прямом смысле уходить из-под ног героев, в последний момент успевающих запрыгнуть в очередное средство спасения, посреди всеобщего хаоса найдется место шуткам и прибауткам, а кое-кто из персонажей ухитрится в ходе борьбы за выживание даже закрутить роман. Режиссер в интервью сказал, что не хотел бы сравнений с его собственным фильмом «Послезавтра». На деле же в сюжете соединились именно «Послезавтра» и спилберговская «Война миров». От первого - линия ученого, борющегося со стихией за человеческие жизни, от второго - линия «простого американского парня», который, разумеется, в разводе и пытается среди апокалипсиса и паники спасти свою бывшую семью. Научная логика, как всегда, принесена в жертву действию: как четвертый ледниковый период в «Послезавтра» наступил за пару дней, так и потоп случается даже быстрее своего библейского предшественника.

Однако есть по меньшей мере три момента, которые выделяют «2012» из других катастроф в целом и творчества Эммериха в

частности.

Во-первых, это зрелищная сторона. Собственно, именно она, а не спекулятивная цифра в названии, заставляет публику штурмовать билетные кассы. Со времен «Дня независимости» режиссер по мелочам не разменивался и насылал на Америку, а вслед за ней и на весь мир все новые и новые напасти. Атаки пришельцев, нападение гигантского ящера-мутанта, упомянутый четвертый ледниковый и теперь, наконец, глобальные сдвиги земной коры. После того, что устроил с планетой Эммерих в «2012», его последователи должны по меньшей мере взорвать Солнечную систему. Зритель в деталях успевает рассмотреть, как десятки и сотни машин, словно разноцветные драже, сыплются с автострад в тектонические разломы, гигантские цунами опрокидывают корабли, а городские кварталы складываются, как плашки домино. В каждой сцене действий разрушений больше, чем в целом «Послезавтра», который упрекали за то, что все тамошние спецэффекты показали еще в рекламном ролике.

Во-вторых, это мелодраматическая часть. Эммерих, конечно, не избежал присущего жанру излишнего пафоса и надрывной игры на семейных ценностях. Однако проявил чувство такта, которое выгодно отличает его фильм от той же «Войны миров» Спилберга, и сходство фабулы это лишь подчеркивает. Он не поет оду личному спасению «маленького человека». Его герои в общей неразберихе выживают, как могут, но спасутся по стечению обстоятельств только те, кто заботится не только о ближнем, но и о дальнем. Причем основные персонажи - интеллектуалы, будь то признанный темнокожий ученый или неудачливый белый писатель. Режиссер, как во всех своих последних фильмах, не прибегает к услугам раскрученных кинозвезд, а приглашает характерных актеров. Именно благодаря характеру персонажа в проект удалось привлечь Джона Кьюсака, прочно олицетворяющего амплу типичного американца с «ай-кью» выше среднего. Любопытно, что Кьюсак третий раз подряд исполняет роль писателя в фантастическом фильме, после «1408» и «Марсианского дитя». Небезынтересно и то, что в его линии мы видим новый, доселе не встречавшийся вид политической корректности: творчество почти что графомана (роман тиражом в 500 экземпляров даже в отечественной фантастике книгой не считается) уравнивается с произведениями, например, Леонардо да Винчи.

Кроме того, Эммерих избегает всеобщей идеализации, как было в «Столкновении с бездной» или «Армагеддоне». Правительство вовсе не состоит из мудрых отцов нации. В критический момент «у руля» оказывается хитроумный, изворотливый политик, совершенно лишенный принципов и морали. И без того этически спорное дело спасения немногих в специальных «ковчегах» делается отнюдь не чистыми руками. Наконец, далеко не все центральные персонажи

способны в ответственный момент проявить героизм. Перед нами обычные люди в необычных обстоятельствах.

В-третьих, это уникальная концентрация русских персонажей. Тут и президент Макаренко с брежневскими бровями, и олигарх, копирующий стереотипного итальянского мафиози, и бравый летчик, и неременная блондинка. Причем акценты уравновешены. Так, за очередной подлой выходкой олигарха почти сразу же следует гуманный жест русского президента. На фоне участвовавших в голливудском кино антироссийских выпадов такой ход можно даже посчитать глотком свежего воздуха.

Роланд Эммерих пока больше не намерен снимать фильмы-катастрофы. Он собирается поставить драму о Шекспире, а потом заняться экранизацией цикла романов Азимова об «Основании». Планы режиссера явно простираются дальше 2012 года. И то хорошо,

Аркадий ШУШПАНОВ

рецензии

**GAMER
(ГЕЙМЕР)**

Производство компании Lionsgate, 2009.

Режиссеры Марк Невелдайн и Брайан Тейлор.

В ролях: Джерард Батлер, Эмбер Валлетта, Майкл С.Холл, Кира Седжвик, Logan Lerman, Элисон Ломан, Терри Крюс и др.

1 ч. 35 мин.

Джон Тиллман приговорен к пожизненному заключению за преступление, которого не совершал. Чтобы получить свободу, он вынужден участвовать в смертельно опасной игре и одновременно реалити-шоу «Убийцы», где участниками удаленно управляют настоящие геймеры. У шоу неслыханные рейтинги; сам Джон, продержавшийся на арене больше других игроков, тоже пользуется популярностью. Однако ни организаторам шоу, ни таинственным мятежникам, желающим уничтожить игру, не выгодно, чтобы Джон стал победителем...

Несмотря на название, «Геймер» - это не фильм про игры. Это картина о возможном недалеком будущем человечества, когда технологии позволят управлять живыми людьми, а не только бездушными симмами на экране монитора. Увы, кроме этой идеи,

которую сложно назвать свежей, в картине больше ничего и нет. Общество будущего показано слишком схематично и сплошь состоит из странных личностей и психов, начиная с идеолога шоу «Убийцы» и заканчивая обычным пользователем местной социальной Сети. Ощущение камерности происходящих на экране событий не покидает ни на минуту. Причем от создателей успешного боевика «Адреналин» Марка Невелдайна и Брайана Тейлора следовало хотя бы ожидать вменяемые экшен-сцены, но и они выполнены пресновато. Казалось бы, подрагивающая камера во время перестрелок была призвана добавить в них жизни, однако ничего, помимо неразберихи и раздражения, она не принесла.

У создателей «Геймера» был превосходный материал для того, чтобы сделать крепкий фантастический триллер. Но они не сумели им воспользоваться, увлекшись формой, а не содержанием. Фильм заинтересует, пожалуй, только заядлых игроманов, которые наверняка умилительно вздохнут при виде такой картины будущего, где можно сутками не вылезать из дома, бродить по социальным сетям в любом желаемом образе и играть живым человеком.

Степан Кайманов

ИНОПЛАНЕТНОЕ ВТОРЖЕНИЕ (ALIEN TRESPASS)

Производство компании Rangeland Productions, 2009.

Режиссер Р.В.Гудвин.

**В ролях: Эрик Маккормак, Дженни Бейрд, Роберт Патрик, Джоди Томпсон, Дэн Лория, Аарон Брукс, Сара Смит, Эндрю Данбар и др.
1 ч. 30 мин.**

В районе небольшого американского городка терпит бедствие летающая тарелка. В тарелке оказываются страшный монстр и галактический полицейский, принявший облик местного астронома. Злобный пришелец начинает терроризировать городок, мечтая захватить планету Земля, а галактический полицейский пытается его уничтожить, заручившись поддержкой ветреной блондинки...

Звучит как бред? Все правильно. Потому что перед нами - фильм-стилизация под кинофантастику 1950-х годов. Летающая тарелка выглядит как летающая тарелка, с кучей разноцветных лампочек на корпусе. Злобный пришелец, склеенный из папье-маше, походит на помесь осьминога, огромной сардельки и циклопа. Скафандр галактического полицейского сделан из фольги и шлема мотоциклиста. Спецэффекты выглядят как оживший кошмар сотрудников студии «Industrial Light & Magic». Цветовая гамма картины чересчур яркая,

насыщенная, неестественная.

По словам режиссера Р.В.Гудвина, во время работы над «Инопланетным вторжением» он вдохновлялся такими фильмами, как «День, когда Земля остановилась» (1951), «Война миров» (1953), «Пришелец из космоса» (1953). Но перед съемками, видимо, даже краем глаза не взглянул на детище Т.Бартонна «Марс атакует!», где изящно, с юмором были обыграны все клише кинофантастики прошлого века. Стилизация Р.В.Гудвина, ранее замеченного в работе над «Секретными материалами», ничем подобным похвастаться не может. Поэтому смотреть фильм в эпоху дорогих блокбастеров скучно. Нет даже намек на пародийность, юмор или забавную сценку. Все в «Инопланетном вторжении» сделано именно так, как если бы его действительно снимали полвека назад. Но тогда совершенно непонятно, ради чего затевались - эти съемки? Если уже есть и «Война миров», и «День, когда Земля остановилась».

Алексей Старков

МУЛЬТТРАНЗИТ: КОПЕНГАГЕН - БОГОТА

Фантастическая анимация, которую мы не замечаем

Продолжаем рассказ о современной фантастической анимации в разных странах мира, начатый в прошлом номере. Цель - попытаться отыскать драгоценный камень воображения, который может остаться не замеченным нами из-за того, что обычно мы обращаем внимание только на мультпродукцию США и Японии. Первая часть обзора завершилась на фильмах, сделанных в Центральной Европе. Самое время переместиться на север, в Скандинавию.

Больше всего анимационных лент снимают в самой маленькой из

всех скандинавских стран - **Дании**. В основном это детские сказки (причем по оригинальным сценариям!), но в 2008-м вышла и отличная научно-фантастическая картина - «Экспедиция на Сатурн» (реж. Крестен Вестбьерг Андерсен, Торбьерн Кристофферсен и Крэйг Франк). Поставленный по популярному комиксу Клауса Делюрана, этот фильм сочетает в себе едкую сатиру, приключенческий сюжет и социальную проблематику: в нем рассказывается о команде патентованных неудачников, которых финансовый магнат посылает в экспедицию якобы с исследовательскими целями, а на самом деле - чтобы вступить в контакт с захватившими Сатурн инопланетянами и продать им всю воду на Земле... Невозможно обойти вниманием мультипликационный видеоклип на инструментальную композицию датской серф-группы «SPEkTR» «Те, что шумят в ночи» (2007, реж. Томас Порс): участники группы предстают в нем в виде ученых, которые ищут во Вселенной следы разумной жизни, посылают в пространство мощный радиосигнал - а на Земле тем временем сигнал этот воздействует на живность, порождая новые, невиданные еще виды растений и животных...

Норвегия в последние годы фантастическую анимацию игнорирует, а вот **Швеция** и **Финляндия** выпустили по ленте, которые можно при желании назвать детской фэнтэзи. Шведский фильм называется «Гномы и тролли: Секретная кладовая» (2008, реж. Роберт Родин); он о приключениях гнома-изобретателя Джуниора, который отправляется по следам троллей, ограбивших гномью кладовую, где хранились припасы на зиму для всего леса.

Финская картина вообще-то не совсем финская, но отчасти и русская. Финские продюсеры пригласили для съемок фильма «Ролли и Эльф: Невероятные приключения» (2007) группу, работавшую над нашумевшим в свое время отечественным мультимом «Князь Владимир». В результате у этого фильма есть три оригинальных варианта озвучки - русский, финский и английский. Имеются и разночтения касательно вклада создателей; на обложке отечественного DVD указаны два режиссера - Пекка Лехтосаари и Андрей Игнатенко, тогда как энциклопедический сайт о кино www.imdb.com считает режиссером одного Лехтосаари, а Игнатенко называет художником-постановщиком. В любом случае источник вдохновения тут финский - картина опирается на телесериал 1986 года «Ролли» о забавном лесном народце. Как водится, его безоблачному счастью постоянно кто-то угрожает и для спасения бедолаг все время нужно совершать подвиги. В данной финско-русской копродукции - отыскать некое волшебное сердце.

Любопытно, что и чисто финская короткометражка «Уральская бабочка» (2008, реж. Катариина Лилквист) не обошлась без русской темы. В этой кукольной ленте дается версия биографии основателя

современной Финляндии маршала Маннергейма, хотя центральный персонаж ни разу не назван по имени. И творятся с этим персонажем очень неприглядные вещи: он и убийца, и сексуальный извращенец, и вообще в сговоре с inferнальными силами (что и переводит мультфильм в разряд мистики). Неудивительно, что в Финляндии после показа «Уральской бабочки» разгорелся нешуточный скандал с судебными исками и парламентскими запросами.., Впрочем, мы слегка отвлеклись, а коли речь зашла о **России**, почему бы не взглянуть на состояние фантастической анимации у нас в стране? Опускать эту тему в настоящем обзоре было бы неправильно, российская мультипликация - часть мировой, и проблемы у нее такие же, как и у других европейских анимационных школ.

Улётов против барона Флюга

С точки зрения статистики положение дел в отечественной анимации не такое уж и плохое. Да, полнометражных мультфильмов, рассчитанных на кинопрокат, выходит два-три в год. Но это вполне объяснимо: во-первых, нет должных традиций, студия «Союзмультфильм» всегда ориентировалась на 10-, 15-, 25-минутные ленты. Во-вторых, экономика. Затраты на полный метр немаленькие, а вот удастся ли отбить их в нашей стране, с ее уровнем видеопиратства и традиционно завышенными ожиданиями публики? Невеселая прокатная судьба «Дня рождения Алисы» (2009, реж. Сергей Серегин) вполне показательна: фильм-то достойный, неглупый, хорошо отрисованный - однако, с одной стороны, его моментально «спиратили», в том числе через Интернет, а с другой - всячески изругали те, кто либо не нашел достаточного сходства с «Тайной третьей планеты», либо был недоволен расхождениями с повестью Кира Булычёва... Прочие полнометражные мультфильмы России последних двух лет - детские сказки, а вот в 2006-м выходил у нас снятый в технике 3D «Особенный» (реж. Кирилл Злотник), который имеет прямое отношение к научной фантастике. Главный герой «Особенного», школьник Сашка из провинциального города Кошкин, разоблачает злодея, задумавшего при помощи секретного аппарата зомбировать все местное население...

Если же говорить о коротком метре, то, похоже, российская мультипликация переживает настоящий бум: на последнем традиционном смотре в городе Суздаль было представлено около 100 работ! Просто перечислить все заслуживающее внимания в настоящем обзоре и то немислимо, а уж проанализировать - тем более. Тут нужна отдельная большая статья... Потому ограничимся упоминанием важнейшей тенденции и нескольких главных короткометражек. Тенденция состоит в том, что в России сейчас снимается очень много мультфильмов, базирующихся на христианской мифологии. Наверное,

числить их по разряду анимационной фантастики было бы некорректно: все-таки и для авторов, и для большинства зрителей это никакая не выдумка, а то, в реальность чего они верят. Но тогда тем более приятно отметить, что и в этом своеобразном жанре случаются настоящие удачи. Такие, как «Солдатская песня» по произведению Саши Чёрного (2009, реж. Елена Чернова). Сказка о том, как сговорились ангелы-хранители вора усювестить и позор на люди не выносить, может, и выглядит нарочито старомодной, но глубокое содержание и блистательное художественное исполнение гарантируют ей благосклонность публики. Что касается работ, авторы которых не афишируют свои религиозные убеждения, то прежде всего стоит обратить внимание на мультфильм «Дерево детства» (2009, реж. Наталья Мирзоян). Это, конечно, рассказ о взрослении, о необходимости в какой-то момент разрушить мир детства, а также о важности воспоминаний о нем. А в плане сюжета - это фантазмагорическое путешествие «в глубь себя», скитания по духовному пространству... Более традиционны «Изобретатели» (2008, реж. Константин Голубков), тут все просто: есть злой гений барон Флюг и его антагонист по фамилии Улётов. Вот они-то и соревнуются между собой, изобретая доселе невиданное, - не без участия Штопора (так собаку зовут)... Завораживает история, рассказанная в ленте «Камилла» (2008, реж. Юлия Аронова): герой, нелепый очкастый клерк, живет в анимационной вселенной и влюбляется в девушку из кинофильма. Этот самый кинофильм снят уже с живыми актерами в духе нуара 40-х годов. Раз за разом клерк отправляется прямо через стену кинотеатра в сцену развязки, не зная заранее, кем окажется - спасителем героини или убийцей... Кстати, «Камиллу» отобрали в свою программу организаторы фестиваля «FutureShorts» - самого влиятельного в мире смотря экспериментальных короткометражек.

Но довольно о российской мультипликации, разговор о ней так или иначе будет продолжен, а мы должны еще половину мира осмотреть, Начнем с Восточной Европы. Тут явный лидер - **Чехия**, страна с богатейшими анимационными традициями, один великий Карел Земан чего стоит. В 2007-м в чешский прокат вышла «Одна ночь в городе» (реж. Ян Балей) - что-то вроде альманаха страшилок, объединенных временем и местом действия, которые указаны в названии. Страшилки здесь на любой вкус: не понравится история о человеке-дереве, живущем на берегу водоема и подружившемся с карпом, вот вам другая - о том, что бывает, если отрезать собственное ухо и пришить ухо Ван Гога. Западные критики, разумеется, принялись сравнивать этот кукольный фильм с анимацией Тима Бартонa, однако копать стоит глубже: «Одна ночь...» стоит на фундаменте богатейшего городского фольклора Праги. И на нем, похоже, можно выстроить еще немало зданий. Уже через год, в 2008-м, режиссер Ян Томанек закончил работу

над «Козлиной историей» - в сюжет о крестьянине, прибывшем в чешскую столицу работать на строительстве Карлова моста, вплетена тема сделки с дьяволом, которую заключил некий бедный студент... И ведь никакой иной мультфантастики восточные европейцы за последние годы не произвели, что сближает их с жителями стран Африки и Ближнего Востока, которые об упомянутом жанре, похоже, и не слыхивали.

Чудеса подводного мира

А вот в **Индии** уже кое-что отыщется. Только это «кое-что» тоже не вполне фантастика, но анимационные вариации на тему местных религиозных верований. Индусы могут либо рассказать в форме мультфильма о всех воплощениях бога Вишну («Дашаватар», 2008, реж. Бхавик Тхакор), либо взять другое божество и отправить его на Землю под тем предлогом, что ему захотелось поиграть с современными детьми («Возвращение Ханумана», 2007, реж. Анураг Кашьяп). Совсем иную философию исповедуют **филиппинские** аниматоры, сделавшие первую в этой стране полнометражную ленту с компьютерной обработкой каждого кадра. Все-таки есть принципиальная разница между богами, в которых веришь, и персонажами низшей мифологии, которыми только детей пугать. «Путешественник в стране Элементалия» (2008, реж. Роберт Квилао) буквально кишит тварями из тамошнего мифологического пантеона. Однако фабула картины вполне интернациональна и заставляет вспомнить об «Унесенных призраками»: 11-летний Бубуй должен вернуть своих дедушку и бабушку, похищенных и перемещенных в волшебную страну.

Наш мульттранзит завершится в испано- и португалоговорящих странах. Может, кто-то и удивится, узнав, что фантастику там очень любят и мультфильмы снимают во множестве. Образец для подражания, конечно, **Испания**. Тут и изобилие анимационной продукции для детей («Приключения мышонка Переса», «Пропавшая рысь», «Донки Хот», «Дух живого леса»). И политический бурлеск а-ля «Скотный двор» Оруэлла, рассчитанный исключительно на взрослых («Кризис плотоядных», 2007, реж. Педро Риверо). И традиционнейшая спейс-опера о низвержении злобного правителя планеты Эль-Танат («Благословение: Тайное наследство», 2008, реж. Хесус Мануэль Монтане). И подростковая приключенческая лента о поисках украденной «эссенции жизни», сюжетом слегка напоминающая «Звездные войны» («Миссия на Мокленд», 2008, реж. Хуанма Суарес). Два фильма заслуживают повышенного внимания. Режиссеры и сценаристы Адриа Гарсия и Виктор Мальдонадо вынесли на суд публики удивительный мир «Ноктюрны» (2007). В этом мире живут и работают странные существа, которые делают ночь именно такой,

какой мы ее знаем. Однако привычный порядок вещей кому-то не по нраву, и вот уже звезды начинают пропадать с небес. Выяснить, кто за этим стоит, предстоит земному мальчику Тиму, его коту Тобермори и Кошачьему Пастуху - последний, если вы не в курсе, отвечает за то, чтобы все дети вовремя засыпали... Картина «Из глубины» («De Profundis», 2007) лишена столь захватывающей интриги. Ее автор, известнейший испанский художник комиксов Мигельансо Прадо, совместно с **португальскими** аниматорами создал медитативное и затягивающее зрелище, от которого почти невозможно оторваться. Впрочем, если зритель превыше всего ценит бойкий экшен - вряд ли он оценит историю героя, который уплыл от своей возлюбленной из домика прямо посреди моря, погиб в кораблекрушении, но долго еще скитался по подводному миру, созерцая его чудеса...

Все хорошо в Испании и с коротким метром - здесь его активно спонсируют провинциальные советы по культуре. И это очень чувствуется. Скажем, в Галисии появились две короткометражки на галисийском языке, причем одна из них - пересказ местной легенды («Ведьма, сосущая кровь», 2007, реж. Пабло Миллан), а во второй отразился быт этого рыбацкого края: персонажи «Художника Хаоса» (2008, реж. Хорхе Мораиш Балле) пытаются магическими средствами противостоять бесконечным штормам. Мультпересказом собственного предания («Легенда о дереве повешенных», 2009, реж. Сами Натшех) может теперь похвастаться и Андалусия.

Прочие испаноязычные страны по мере сил тянутся за бывшей метрополией. В **Мексике** сняли картину «Легенда Навалы» (2007, реж. Рикардо Арнаис) - в ней во всей красе показаны обычаи, связанные с празднованием Дня мертвых - уникальной мексиканской традиции, в которой христианство смешалось с ацтекскими поверьями. Все эти сахарные черепушки и пляшущие скелетики служат фоном для повествования о заброшенном особняке и обитающем в нем злом духе. Дух этот почти сумел завладеть миром живых, да храбрый 9-летний ребенок помешал ему... Интересна короткометражка «Река вуду» (2007, реж. Хавьер Гутиеррес): куклу вуду по ошибке укусил электрический москит, и та вдруг ожила в заброшенной хижине. Скоро ей предстоит понять, каким целям она служит... **Аргентинские** кинематографисты создали фильм «Ковчег» (2007, реж. Хуан Пабло Бускарини) - это очередная версия библейского сюжета, полностью соответствующая первоисточнику. Фантастичность, а лучше сказать - сказочность, придает ей то обстоятельство, что животный мир показан вполне разумным и способным вести смешные разговоры. Словом, «собрать всякой твари по паре» было ой как непросто... И даже **Колумбия** уже не чужда мультфантастике: лента «В августе» (2008, реж. Андрес Барриентос и Карлос Андрес Рейес) поведаст о городе будущего и странных видениях, в которых приоткрывается то, чему

суждено случиться...

Наше путешествие подошло к концу. Достигнута ли его цель - это каждый читатель решит для себя сам. Автор обзора надеется, однако, что путешествовать вместе с ним было интересно, что среди имен и названий, которые были упомянуты, найдутся те, что станут для вас приятным открытием. Для того ведь, честно говоря, все и затевалось.

Александр РОЙФЕ

премьера

В ГРЕЦИИ ВСЁ ЕСТЬ!

В ГРЕЦИИ ВСЕ ЕСТЬ!

Предлагаем вашему вниманию традиционный обзор российских фантастических кинопремьер ближайшего полугодия. Даты премьер предварительные и могут быть перенесены.

Январский репертуар откроет джазовый анимационный мюзикл от Диснея «*Принцесса и лягушка*» (*The Princess and the Frog*), повествующий о юной девушке из Нью-Орлеана, магии Вуду, а также поющих лягушках и даже крокодиле. Далее зрителя решат поугадать и предложат вампирскую сагу об опустошенной страшной эпидемией Земле - «*Воины света*» (*Daybreakers*). Не очень понятно, чем думали кинопрокатчики, ставя на Рождество и середину каникул премьеру российской комедии «*Счастливый конец*» - о плейбое, от которого однажды ушел, превратившись в человека и заживя собственной жизнью... нет, не нос, а совсем другой орган тела. Герой-одиночка Илай в исполнении Дензела Вашингтона в постапокалиптической Америке должен добыть некую книгу, способную спасти человечество, - об этом фильм «*Книга Илая*» (*The Book of Eli*). Очередная мертвая девочка на этот раз будет наблюдать с Того Света за своими убийцами в картине «*Милые кости*» (*The Lovely Bones*). Режиссер Оливер Паркер, уже несколько раз обращавшийся к творчеству Оскара Уайлда, теперь представит миру очередную экранизацию «*Дориан Грэй*» (*Dorian Gray*) с Колином Фертом в главной роли. Поклонники творчества Терри Гиллиама ждут не дождутся его новой фэнтезийной драмы «*Воображариум доктора Парнаса*» (*The Imaginarium of Doctor Parnassus*) с блестящей когортой актеров - в фильме участвуют Джонни Депп, Джад Лоу, Колин Фаррелл, Кристофер Пламмер и даже

трагически погибший в январе 2008 года Хит Леджер. Под занавес месяца кинотеатры порадуют нас семейной комедией «Зубная фея» (*Tooth Fairy*) и устроят мистическим триллером «Легион» (*Legion*).

По не очень понятным причинам на **февраль** перенесен российский кинорелиз семейной фэнтези «Там, где живут чудовища» (*Where the Wild Things Are*) - весь остальной мир узнал историю маленького мальчика, попавшего в удивительную страну, еще в октябре предыдущего года. Юных зрителей должен вдохновить анимационный сюжет «Красная Шапка против Зла» (*Hoodwinked Too! Hood VS. Evil*) - о девочке, ставшей секретным агентом и спасающей мир. Российский мистический триллер «Фобос» Олега Асадулина отнюдь не о спутнике Марса, а вовсе даже о ночном клубе с таким «страшным» названием - там оказалась заперта в полной темноте горстка гламурной молодежи. Поморозит кровь в жилах зрителей ретро-хоррор Джо Джонсона. Многие называют популярный книжный сериал Рика Риордана о Перси Джексоне «американским ответом Гарри Поттеру». Неудивительно, что экранизировать первую книгу - «Перси Джексон и похититель молний» (*Percy Jackson & the Olympians: The Lightning Thief*) - саги о дрязгах проживающих до сих пор с нами по соседству олимпийских богов и современном подростке, сыне Посейдона, противостоящем возрождению Кроноса, поручили знаменитому Крису Коламбусу, постановщику первых «поттериан». Очередную загадочную историю-клише о серии исчезновений жителей маленького американского городка предложит лента «Четвертый вид» (*The Fourth Kind*) с Милой Йовович. В российском сиквеле «Мы из будущего 2» герои первой ленты вместе с парочкой современных украинских националистов проваливаются на этот раз в 1944 год, в момент начала Львовско-Сандомирской операции.

Знаменитый Тим Бартон представит зрителям свою версию «Алисы в Стране чудес» (*Alice in Wonderland*) в начале **марта** - и никого уже не удивит участие в картине Джонни Деппа (он сыграет Шляпника) и целого сонма других голливудских звезд. Герой российской ленты «Центурия. В поисках зачарованных сокровищ» должен разыскать в современной России пять нацистских артефактов, во время войны ставших трофеями советских солдат, и не подозревает, что с помощью этих артефактов заказчик алчет захватить власть над миром. Во времена рыцарей перенесет зрителей мистическая картина «Время ведьм» (*Season of the Witch*) с Николасом Кейджем в главной роли. Если зрители что-то не поняли в мифологических экскурсах фильма о Перси Джексоне, им предоставят «видеокурс»: эпическое полотно «Битва титанов» (*Clash of the Titans*). Сиквел семейной фэнтези «Моя ужасная няня 2» (*Nanny McPhee and the Big Bang*) подгадают как раз к весенним каникулам. Также в каникулы появятся на экранах четыре анимационные ленты: многократно переносимая российская

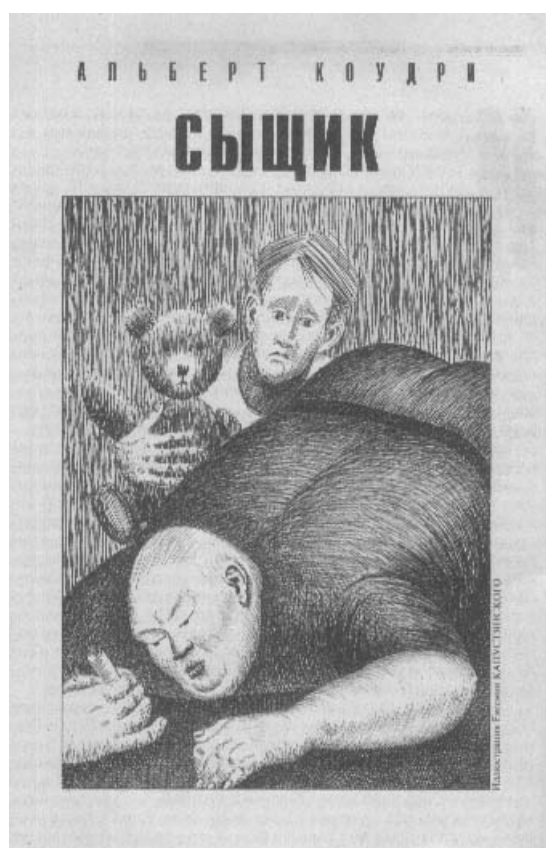
лента «Звездные собаки Белка и Стрелка», фэнтези «Как приручить дракона 3D» (*How to Train Your Dragon*), комедию «Бесподобный мистер Фокс» (*The Fantastic Mr. Fox*) и мюзикл «Ослепительный Барри и червяки диско» (*Disco ormene*).

Чтобы мы не подзабыли понятие «японский подростковый хоррор», **апрельский** репертуар предложит нам очередной образчик жанра «Лабиринт страха 3D» (*Senritsu meikyu 3D*). Экскурс по жанрам и странам продолжит французский доисторический боевик «Последний неандерталец» (*Ao, le dernier Neandertal*). Российская романтическая городская фэнтези «Поцелуй сквозь стену» Вартана Акопяна поведает о современном юноше, научившемся проходить через стены - но поможет ли ему это в любви, не ясно. Очередную историю человека с необычными способностями покажет еще одна российская лента - герой фильма Владимира Фатьянова «Правосудие волков» умеет убивать взглядом: в картине рассказывается о ключевых моментах его жизни. Франко-американский режиссер Александр Ажа, наделавший шороху римейком «У холмов есть глаза», представит свой новый эстетский хоррор «Пирания» (*Piranha*), также римейк. Под еще одну новую версию классического ужастика нам предложат подрожать в конце месяца - на этот раз это будет «Кошмар на улице Вязов» (*A Nightmare on Elm Street*).

Май по традиции месяц масштабных сиквелов. Потому нам не избежать просмотра кинокомикса «Железный человек 2» (*Iron Man 2*) Джона Фавро и четвертой части приключений замечательного зеленого огра «Шрек навсегда» (*Shrek Forever After*). Долгоиграющий проект экранизации модной компьютерной игрушки «Принц Персии: Пески времени» (*Prince of Persia: Sands of Time*) даст наконец ответ - можно ли договориться со стражниками?

Июнь начнется релизом социальной НФ-драмы «Экспроприаторы» (*Repo Men*), которая поведает о неуютном мире будущего, где, если ты не заплатил вовремя за пересаженный тебе орган, то специальная команда должна будет извлечь его. Линейку сиквелов поддержит долгожданная «История игрушек 3» (*Toy Story 3*). С греческими мифами продолжит разбираться лента «Война богов» (*War of the Gods*). Знаменитый режиссер М. Найт Шьямалан закончит зрительский июнь, представив масштабную фэнтези «Повелитель стихий» (*The Last Airbender*) - игровую версию культового мультсериала «Аватар: Легенда об Аанге».

Дмитрий БАЙКАЛОВ

АЛЬБЕРТ КОУДРИ
СЫЩИК

Иллюстрация Евгения КАПУСТЯНСКОГО

Иногда известность приходит совершенно случайно, к тому же к совершенно случайным людям. Именно это довелось испытать на себе Джимми Джону (Джей-Джею) Линку.

Его родной город Бугалоу, штат Луизиана, был когда-то одним из самых скромных и неприметных поселений, таким тихим, что, когда на перекрестке Главной-стрит и Длинной-авеню появился первый светофор, шестилетний Джей-Джей мог целыми днями сидеть на бордюре тротуара, наблюдая, как меняются цвета. Но затем понастроили выезды на федеральную скоростную трассу номер двенадцать - и тут же на Главной и Длинной улицах появились придорожные кафешки для дальнобойщиков, и сутки напролет слышались скрежет огромных грузовиков, щелчки переключения передач, взрык моторов и шипение пневмотормозов. Прошло еще несколько лет, и пострадавшие от урагана беженцы из болотистых южных районов зароились в округе Сент-Женевьев, притащив с собой казино, шлюх, мошенников, метамфетаминные лаборатории, приюты для избиваемых женщин, неизбежные фаст-фудовские забегаловки и неизменную сеть супермаркетов «Уол-Март».

Урбанистическая культура добралась до Бугалоу и так или иначе затронула каждого. Папаша Джей-Джея заполучил контракт с

руководством ФАЧС (Федерального агентства по чрезвычайным ситуациям) и выгодно подвел газ в свой трейлерный парк «Хомут», обеспечив дешевым жильем бездомных. Мамаша Джей-Джея сбежала с шофером-дальнобойщиком транспортной компании «Атлант», нанеся этим чрезвычайно тяжелую травму сыну, который уже тогда был чудаковатым оригиналом, но после ее побега стал еще более странным. Джей-Джей бросил колледж и начал зависать в новом казино «Прибрежное», где с крайним удивлением обнаружил, что способен видеть лицо карты, глядя на ее рубашку. Он обштопал нескольких джентльменов постарше и побогаче, вбухал всё выигранное в покупку здоровенного сияющего автодома «Виннебаго», который поставил в отцовском «Хомуте», и наострил было лыжи из родных мест, мечтая повидать мир.

Тем временем сливки городского общества Бугалоу образовали модную тусовку под названием «Фортуна», и в 2008 году в Лунди-Гра, или Жирный Понедельник, устроили в холле Национального банка «Дельта» первый городской бал-маскарад. Состоятельные мужчины с красными лицами и большими руками взяли напрокат фраки в новом магазине под названием «Дорогой и модный», а их жены купили эффектные цветастые платья в «Дамском счастье». Управляющий банком Т.Кристиан Рэпп был королем бала, а его новоприобретенная по Интернету жена Марша (смахивавшая на Долли Партон в ее лучшие времена) - королевой. Группа «Байу Стомперз» обеспечивала праздник афроамериканской танцевальной музыкой всю ночь, до самых первых часов Марди-Гра, Жирного Вторника, когда наиболее стойкие гуляки с утомленными стонами сдавались и направлялись в Новый Орлеан.

А в Пепельную среду, в первый день Великого поста, когда еще не стихла головная боль с грандиозного похмелья, уже начала распространяться новость о ранее невиданном в Бугалоу преступлении. Джей-Джей как раз одевался для визита в казино, и тут в «Виннебаго» ворвался его папаша и сообщил, что двенадцатилетняя дочка Рэппа Сара похищена и за нее требуют выкуп.

- Да ты не волнуйся, Большой Расс с этим справится, - уверил он сына.

Отец имел в виду шерифа, Рассела Чу, китайца-американца весом в сто двадцать килограммов с залезшими назад белыми волосами, чьи обширные формы, с трудом втиснутые в форму полицейского, воплощали закон и порядок в округе Сент-Женевьев.

Шериф Чу занимался охотой на оленей и в сезон, и вне сезона, а его жена превращала их в андуиль-франсез, фирменную луизианскую колбасу, которую он предпочитал кисло-сладким деликатесам своей исторической родины. В оставшееся время шериф Чу присматривал за растущим городом и контролировал урбанистический кризис. И хотя каждый год криминальная статистика неудержимо подскакивала, народ

снова и снова выбирал его, рассуждая примерно так: «Вы только подумайте, как бы обстояли дела, если бы у нас не было Большого Рассы!». Когда местные средства массовой информации (а именно, еженедельник «Бюллетень Бугалоу») вконец утомляли его статистикой убийств, он ворчал: «Я всего лишь старый узкоглазый деревенский парень, стараюсь как могу». Люди его за это обожали. Какие бы прегрешения ни висели на шерифе Чу, как, например, полнейшая некомпетентность и безудержная продажность, он НЕ БЫЛ политкорректным.

Но сейчас народ ожидал, что шериф распутает похищение Сары, сделает это быстро, а если возможно, то пришьет похитителя, дабы никакой хитрозадый адвокат из Нового Орлеана или Батон-Руж уж точно не отмазал отморозка-неудачника от заслуженной кары. В первый раз за свой долгий полномочный срок пребывания в должности шериф Чу должен был представить результаты по серьезному правонарушению. Ждали долго, целую неделю, но видимых достижений все не было, и родители Сары, объявив о награде от себя лично за любую помощь в расследовании, бомбардировали его требованиями действовать.

На той же неделе у Джей-Джея случилась личная беда, которая впервые дала ему вкусить известности. В письме редактору «Бюллетеня» он выразил недовольство, что казино «Прибрежное» лишило его права посещения по обвинению в том, что он считает карты, хотя на самом деле он всего-навсего обладает экстрасенсорными способностями - так разве это справедливо? Редактор был родственником - троюродным братом мужа племянницы отца Джей-Джея, - и по этой причине письмо появилось на третьей странице издания под заголовком «Экстрасенс из Бугалоу под запретом». Большой Расс это заметил. И потянулся к телефону.

Было 10 часов утра. Джей-Джей валялся на койке в «Виннебаго» и утешал себя за провал в казино в своей привычной манере. Тихо ругаясь, он обтер прозрачную пленку «Алоэ-вера крема, густого и нежного» с правой руки, шлепнул по кнопке громкой связи на блеющем телефонном аппарате и услышал безошибочно узнаваемый сиплый голос:

- Это ты, Джей-Джей?

- Да, сэр, - ответил он.

Джей-Джей отучился три семестра в Университете Южной Луизианы в Сорренто, который в устах выпускников неизменно сокращался из Луизианского универа до Лузера. На этом его образование закончилось. Хотя юноша был не глуп. Он знал, кто командует в Сент-Женевьев, и добавил еще более угодливо:

- Чем могу быть полезен, сэр?

- Иди сюда, ко мне, - проворчал шериф. - Может, сгодишься в

помощники. Тут нарисовалась, так сказать, эль проблемос, как говорят латиносы.

Поскольку дело Рэппа всю неделю оставалось в городе основной темой пересудов, Джей-Джей смог освежить в памяти эту историю, пока собирался и одевался. Каждый день после полудня шофер на огромном джипе забирал Сару прямо от дверей академии Сент-Мэри и отвозил в балетную школу или на занятия по верховой езде. В Пепельную среду автомобиль семьи Рэпп появился, девочка пошпыхала о чем-то по-французски с водилой - тусклая фигура в фуражке с большущим козырьком, - затем любезно села в машину. Вот и все. Больше ее никто не видел. Шофер, черный почтенный старик по имени Вильям Вуд, который работал на мистера Рэппа приблизительно с начала времен, был найден в обширном гараже банкира между «кадиллаком» и «БМВ» с сотрясением, но без единого клочка памяти о том, кто его так мощно приложил. Садовник по имени Альферд (именно так!) Финч исчез, вследствие чего был объявлен предполагаемым похитителем.

Впоследствии «Бюллетень» сообщил, что мистер Рэпп заплатил изрядный выкуп телеграфным переводом на анонимный счет в банке на Каймановых островах, откуда они испарились в киберпространство. Но купленная им таким образом информация о местонахождении дочери оказалась враньем чистой воды. Сару так и не нашли, и ФБР, к тому времени уже подключившееся к делу, предполагало, что банкира поставят на дополнительные деньги. Или что Сара уже мертва. Или и то, и другое.

Короче говоря, положение дел представляло собой нечто большее, чем «эль проблемос»: близилась настоящая катастрофа. Недоумевая, чем он мог бы помочь в этой ситуации, Джей-Джей поспешал к суровому строению красного кирпича, где с фасада размещалось полицейское управление, а в задней части здания - тюрьма. Он вошел в богато обставленный кабинет шерифа с широким письменным столом, который украшали флажки, бронзовые фигурки и дорогие письменные принадлежности, фотографии Чу с мертвыми животными и живыми аристократами, а также портрет, подписанный бывшим губернатором штата Эдвином Эдвардсом, сделанный еще до его ареста. У Джей-Джея душа в пятки ушла, когда шериф заявил, что его таинственная волшебная сила была последней надеждой найти Сару Рэпп живой.

- У тебя есть дар, Джей-Джей, и пришло время пустить его на важные дела, вместо того чтобы валять дурака, - сказал Большой Расс (чья жизнь была полностью посвящена дуракавалянию).

- Сэр, я ничего такого раньше никогда не делал, - запротестовал Джей-Джей. Но шериф прервал его, как отрезал:

- Лады, думаю, сейчас самое время начать. - И припечатал молодого

человека взглядом василиска.

Он выделил Джей-Джею маленький кабинетик, заполненный изрядно подержанной металлической мебелью зеленого цвета. Напротив, в коридоре, он посадил на складном стуле своего заместителя по имени Вейд Гармиш, который не сделал головокружительной карьеры в подразделении СС «Мертвая голова» только потому, что родился слишком поздно и не в той стране. Гармиш получил приказ не выпускать Джей-Джею, пока тот не придумает что-нибудь дельное.

С трудом пытаюсь сохранить равновесие на сломанном вращающемся стуле, который пару раз сбросил своего нового хозяина, прежде чем тот к нему приноровился, почти целый час Джей-Джей размышлял, как, ради всего святого, он сможет приняться за поиски Сары. Да, он был способен разглядеть короля червей сквозь рубашку с велосипедной тематикой на игровой карте, но совершенно не представлял себе, каким образом определить местонахождение пропавшей двенадцатилетней девочки. К счастью, он провел большую часть жизни перед телевизором, на канале Sci Fi, загрузившем его разум сборной солянкой из космических кораблей, инопланетян, привидений, зомби, вампиров и вервольфов, в которую затесался некий медиум, умевший находить людей, поглаживая одежду, обувь и прочие вещи, пропитанные аурой пропавших.

«Хм-м», - подумал Джей-Джей. Он осторожно встал и опасливо открыл дверь. Заместитель Гармиш поднял глаза от журнала «Пентхаус» и одарил его взглядом, каким рыба-молот достаивает человеческую ногу.

- Мне нужна какая-нибудь вещь Сары, - сказал ему Джей-Джей. - Что-нибудь из одежды, например.

- Дрочить, что ль, с этим будешь? - ухмыльнулся Гармиш; подобные выражения у него считались остроумными.

- Возможно, - ответил Джей-Джей. - И мне надо поговорить с шерифом. Наверное, он предоставит мне нужное.

Вейд Гармиш зарычал - письменно это выглядело бы примерно так: гр-р-р-р, - но поднялся и, шатаясь, потащился прочь, грохоча по покрытому линолеумом фанерному полу ножищами сорок пятого размера, которые он частенько использовал для работы с подозреваемыми. Целый час Джей-Джей полулежал на столе в офисе, пролистывая «Пентхаус» и жалея, что у него нет с собой «Алоэ-вера». Потом дверь с грохотом распахнулась.

- Матушка Сары считает тебя сумасбродным дубиной, - заявил Гармиш, швырнув на пол звонко шлепнувшуюся картонную коробку. (Он имел в виду, конечно, ее мачеху, ибо родная мать почил в бозе.)

Заместитель схватил свой журнал и вывалился в коридор. Джей-Джей медленно и аккуратно просмотрел содержимое коробки, нежно перебирая кучку милых и трогательных детских нарядов, не менее

умилительных от того, что маленькие платьица и всякая всячина были задорого куплены в Хьюстоне и Новом Орлеане в эксклюзивных магазинах для модных детей и подростков. Каждая вещь была тщательно вычищена, ни одна из них не источала ни малейшей вибрации. Вдруг на самом дне коробки он увидел плюшевого мишку - удивительно старого и потрепанного. Может, это любимая игрушка, без которой Сара не может заснуть? Он дотронулся до мишки - ух ты! Его словно током ударило.

Джей-Джей удержал равновесие на своенравном стуле и обеими руками прижал игрушку к груди. Он никогда не испытывал столь сильной и глубокой тоски. Где бы Сара ни находилась, она была жива, но ужасно напугана, возможно, в темноте - да-да, он с уверенностью ощутил, что она в темноте, - ей страшно, ей как никогда нужен ее спасительный медвежонок. Время от времени ужас сменялся гневом, когда девочка думала об Альферде В.Финче. Сукин сын, когда-то он пропалывал розы на клумбах и, втираясь в доверие, часто дарил ей цветы. «Они почти такие же красивые, как и ты, дорогуша», - вспоминала она его слова. Вспоминала с ненавистью. А эта маленькая леди, почувствовал Джей-Джей, прекрасно умела ненавидеть.

К тому же Альферд действовал не один. Кое-чего Джей-Джей до сих пор не знал. Как только садовник отвез Сару достаточно далеко от школы, они остановились, и в джип забрался грузный неуклюжий человек в бандитской шапке-маске. От него пахло сухим вином и табаком, он накинулся на девочку, завернул ее в грязное одеяло, свалил на пол и поставил на нее ноги. Там она лежала очень долго, возможно, несколько часов. Плотная тряпица была удушающе жаркой и пыльной - Джей-Джей даже несколько раз чихнул, столь яркими были воспоминания, - и в результате Сара обмочилась. Она переживала такой конфуз и столь невероятную злость, что если бы обладала способностями к телекинезу, оба ее похитителя испарились бы бесследно, как они того в полной мере и заслуживали.

Наконец Альферд остановил джип в какой-то пустынной глуши, развернул девочку и дал попить холодного чая, пока его сообщник стоял на стреме. Она бросила несколько внимательных взглядов на мужика в маске, достаточных, чтобы запомнить: он невелик ростом и широк, и его сандалии «Найк» тоже небольшие и широкие, будто бы в них помещались ноги очень большой утки. Затем - видимо, в чай был подмешан какой-то наркотик - Сара впала в глубокий сон и спустя неизвестно сколько времени проснулась, обнаружив, что лежит в темноте на твердых, деревянных досках. Ощупав пространство вокруг себя, она нашла пластиковую бутылку с водой и ломоть хлеба. Она подумала, что находится в ящике комода, потому что над головой сверху нащупала крышку. В ящике было жарко и трудно дышать, а свежий воздух тонкой струйкой втягивался внутрь через гибкий

садовый шланг. Время от времени девочка то спала, то теряла сознание, у нее невыносимо болела голова, и она начала бояться, что медленно умрет от удушья.

Джей-Джей тоже этого боялся. В чужой голове он гостил не первый раз. С тех пор как ему исполнилось года четыре или пять, время от времени его внезапно и непредсказуемо одолевали странные ощущения. Но пребывать в тесной темнице с Сарой было на несколько порядков... иначе. Во-первых, она сильно мучилась и страдала, а во-вторых, ее жизнь зависела от него. К тому же он не мог сказать, где она находится, потому что она и сама этого не знала.

В расстройстве Джей-Джей потерял душевное и физическое равновесие, и стул снова скинул его на пол. Он кое-как поднялся, не выпуская мишку из рук, и стал, спотыкаясь, бродить по комнате, врезаясь в стены и наскакивая на старую зеленую мебель, растерянный и полностью дезориентированный в пространстве.

А потом он кое-что заметил. Интенсивность страданий Сары была не абсолютно одинаковой во всех точках кабинета. Около северной стены ощущения были чуть-чуть сильнее, около южной - чуть слабее. Как в детской игре «Горячо-холодно».

Ага!

Он вышел из кабинета. Вейд Гармиш на посту отсутствовал - наверное, он в туалете, потому что «Пентхаус» тоже исчез. Джей-Джей прошел вниз по коридору, нашел входную дверь и принялся снова по парковке среди больших блестящих полицейских автомобилей. Ощущения колебались более заметно. Теперь сомнений не оставалось - мишка служил приемником Сариных эмоций, компасом, указывающим ее местонахождение.

Джей-Джей бросился обратно в здание и вломился в большой кабинет, где шериф Чу беседовал с полдюжиной неприглядных, изрядно потертых личностей, совокупно составляющих полицейскую комиссию, то есть правление округа Сент-Женевьев. Но Джей-Джею было все равно. Прижимая мишку к груди, он выпалил, задыхаясь:

- Мне нужен водитель. Думаю, что могу привести вас к Саре Рэпп.

Он никогда не видел, чтобы двадцатикилограммовый человек двигался так быстро.

Продолжение этой истории вскоре стало известно за пределами Сент-Женевьев и даже еще дальше. Шериф вытащил заместителя Гармиша из сортира и приказал ему заводить колымагу. Втроем они впрыгнули в авто и сорвались с места, при этом Джей-Джей по-прежнему крепко прижимал мягкую игрушку к груди. Гармиш попытался вернуть какую-то насмешливую ремарку и тут же получил ответ Чу:

- Заткни свою поганую пасть и рули.

Они блуждали в путанице узких щебеночно-асфальтовых улочек, пересекающих округ Сент-Женевьев во всех мыслимых направлениях,

а Джей-Джей непрерывно бубнил: «Тут налево. Здесь направо». Наконец взорам спасателей предстала свалка в засохшем русле, и они в недоумении остановились на берегу. Узкие глаза шерифа быстро осматривали землю, пока зоркий взгляд охотника не отметил почти невидимый след, тянувшийся по грязи вокруг свалки, *отпечатки шин джипа*.

Тут же Джей-Джей вылетел, Гармиш выпрыгнул, а Чу выкатился из полицейской машины, и они пошли по следам в самый отдаленный и заброшенный уголок кустарникового леса в Новом Свете. Они пробили себе дорогу через чащи колючих вьющихся растений и нашли кусок садового шланга, торчащий из квадрата потревоженной и осевшей почвы, отмечающий могилу Сары. Срочно вызванный шерифом экскаватор вытащил из-под земли маленькую девочку, лежащую в импровизированном гробу - прочном упаковочном ящике, - все еще живую, хотя жизнь едва теплилась в ней.

Дальнейшее продолжение истории разворачивалось, пока Сара, прижимая медвежонка к сердцу, проходила курс реабилитации в больнице в Батон-Руж. След джипа вел к асфальтовому шоссе LA1313, где и исчезал. Разослали ориентировку на транспортное средство, и уже пошли сообщения о том, что его видели на пути от Нома до Патагонии. Больше ничего эта линия поисков не дала. Но вдруг случайный рыболов, празднично плывущий на лодке в окрестностях озера Бокаж - одного из полужаренных водоемов, забытых беспокойной Миссисипи при очередной смене русла в плейстоценовую эпоху, - заметил необычную активность в стайке горбыля. Он подобрался поближе и обнаружил этих рыб с говорящим названием суетящимися внутри и вокруг затопленного джипа, где они доедали останки Альферда В.Финча.

Неделю спустя окружной судмедэксперт доложил, что труп утратил глаза и волосы, но зато (видимо, в качестве компенсации) приобрел 9-миллиметровую пулю, застрявшую в размягченных останках мозга. Фраза «стиль экзекуции» не сходила с уст говорящих телевизионных голов, как и следующий за этим банальный вопрос: кто этот смертоносный сообщник Альферда?

Дело не было закончено, и Вейд Гармиш поделился своими мыслями об этом «висяке» с Джей-Джеем во время душевной беседы в полицейском управлении. Как, интересно знать, спросил помощник шерифа, Джей-Джей узнал, где искать Сару? Очевидно, он и был тем самым сообщником. Тогда зачем он привел шерифа к девчонкиной могиле? Чтобы забрать и премиальные, и выкуп. Джей-Джей напряженно следил, куда же приведут эти размышления, и заметил в табачного цвета глазах Гармиша вспышку (возможно ли такое?) *восхищения*.

Положив тяжелую руку на плечо юноше, Вейд сказал:

- Джей, малыш, в тебе больше дерьма, чем в страдающей запором свинье. Но хочу тебе сказать, сынок, ты неглуп. Когда в следующий раз соберешься проверить непыльную работенку, ты возьмешь в дело меня, ясно? Но никаких пуль в голову, ясно? Я тебе не Альфи Финч и не собираюсь кануть на дно.

Джей-Джей уходил из управления с мыслью: «Вот он, изъян фан-клубов - никогда не знаешь, кто туда может вступить».

Как-то утром, спустя пару недель после этого события, он сидел дома, развалившись на койке в запортом «Виннебаго», с «Алоэ-вера» и чистым полотенцем под рукой, когда папаша открыл дверь ключом, который Джей-Джей неблагоразумно выдал ему, чтобы тот заходил в любое время. Отец даже бровью не повел, заметив, чем занимается сынок, а сказал:

- Джей-Джей, немедленно кончай свои треклятые занятия, натяни хоть какие-нибудь штаны и шагай в мою контору. С тобой хочет поговорить ФБР.

Джей-Джей был подавлен вторжением, и не только потому, что пришлось в спешке заканчивать свои дела. Он намеревался в этот самый день сняться с якоря и отбыть, чтобы и страну посмотреть, и избежать опасных последствий свежеприобретенной славы.

Теперь он понял: всё, чего он действительно хотел от жизни, было уединение, чтобы он мог делать то, что он - хм - делал, без свидетелей. Но с тех самых пор, как он нашел Сару, люди просто не оставляли его в покое. Рассказ шерифа Чу об экстрасенсе из маленького городка, который помог ему спасти похищенного ребенка, были неопровержимым доказательством для СМИ. Новоорлеанская «Таймс-Пикаюн» и батон-ружская «Адвокат» высоко отзывались о Джей-Джее. Блоггеры обсуждали экстрасенсов в Сети. Отец Сары, нарочито не пожав ему руки, выразил «полнейшую и всестороннейшую» благодарность вкупе с чеком на пять тысяч долларов на церемонии в кабинете шерифа Чу, пока молодой афрооператор держал их в прицеле огромной камеры, снимая сцену для Четвертого новостного канала. Мачеха Сары одарила его малиновым поцелуем, а сама Сара, серьезная юная леди с бледным лицом, четким пробором в каштановых волосах и огромными глазами Мадонны, торжественно взяла его за напрасно протянутую мистеру Рэппу руку обеими своими ладошками и произнесла невозмутимо и чисто, на правильном английском, без малейшего намека на местный акцент:

- Я очень благодарна вам за спасение моей жизни, мистер Джей-Джей.

Позже, когда убрали камеру, она по секрету добавила:

- Вы точно такой, каким я вас себе представляла, когда была в том ужасном ящике. Я чувствовала вас рядом и знала, что вы меня спасете.

Он нашел эту фантазию весьма трогательной.

Вознаграждение давало ему возможность уехать. Джей-Джей рассчитывал, что сможет время от времени останавливаться в индейских казино, аккуратно восполнять свои финансовые ресурсы, выигрывая понемногу, а то ведь могут и опять запретить посещение (или вообще скальпировать). План был вроде неплох, но теперь это чертово ФБР привязалось. Глубоко вздохнув, он вымыл руки, обрел приличный вид и появился, как было приказано, в конторе трейлерного парка.

Федеральный агент был именно таким строгим и бесцветным, как от него и ожидалось, но немного пониже ростом. Случись ему оказаться у перекрестка, когда туда подъезжает пожарная машина, ему бы точно засунули брандспойты в оба уха. Столь неприметным он был с точки зрения Джей-Джея. Эта уполномоченная шишка предъявила свое удостоверение и представилась агентом Хикки.

- Вы Джеймс Джон Линк? - осведомился он, пронзая юношу взглядом маленьких круглых карих глаз, которые благодаря усердным тренировкам в академии ФБР излучали почти абсолютную бесстрастность, словно пара сильно потертых одноцентовых монет.

- Нет, сэръ. По паспорту я Джимми Джон. Но люди чаще всего зовут меня Джей-Джей.

Агент Хикки нахмурился. Он не ожидал, чтобы кто-то именовался Джимми Джоном по паспорту.

- В газетах сообщают, что вы оказали ценную помощь шерифу Чу в обнаружении и спасении жизни Сары Луэллен Рэпп. Это верно?

- Ну... да.

- Я имел довольно продолжительную беседу с мисс Рэпп, и ее описание сообщника Финча - мы называем его Подозреваемый Альфа - с вашими приметами не совпадает.

Взгляд Хикки скользнул по худощавой и угловатой фигуре и длинным, узким ступням Джей-Джея. Агент нахмурился:

- Мне бы хотелось услышать, как это вы так точно определили, где искать жертву?

Джей-Джей почувствовал: стальные челюсти западни начинают захлопываться, потому что, как и в казино, *он слишком много знал*. Чуть дрожащим голосом парень начал выкладывать правду агенту Хикки, который, конечно же, не поверил ни единому слову.

- Должен вам сказать, мистер Линк... - (вроде бы слишком официально, но в любом случае лучше, чем Джимми Джон), - вы только что выдали мне величайшую кучу полнейшего вздора, каковой я не получал с тех пор, как присутствовал на заседании Сената

Соединенных Штатов. Вам бы следовало подумать о чем-нибудь более убедительном, чтобы разумный человек мог вам поверить, или же принять к сведению факт своей личной заинтересованности в похищении Сары Рэпп.

- Полагаю, вы пытаетесь меня запугать?

- Да, - сказал Хикки, явно уверенный, что это ему удалось, и был абсолютно прав.

Тогда Джей-Джей, не подумавши, выпалил:

- А если я помогу вам найти Подозреваемого Альфа, вы снимете меня с крючка?

- Я не уполномочен совершать какие-либо сделки, мистер Линк. Тем не менее ваше сотрудничество с властями вполне может быть рассмотрено положительно Государственной прокуратурой США в Новом Орлеане. Как конкретно, - ах, с каким обожанием этот человек произнес слово «конкретно»! - вы предлагаете помочь нам?

- Дайте мне вещь, принадлежащую Подозреваемому Альфа, что-нибудь такое, к чему он хоть как-то привязан, и я приведу вас к нему.

Хикки пристально посмотрел на него, как медик-исследователь внимательно изучает заразный вирус, а затем с суровой улыбкой извлек из правого кармана пиджака маленькую перевязанную коробочку и положил ее на стол.

- Внутри помещен некий объект, мистер Линк. Поскольку у вас имеются сверхъестественные способности, вам не требуется моя подсказка для определения, что это такое.

Чувствуя себя шулером, пойманным на блефе с четверкой червей, Джей-Джей неохотно прикоснулся к коробочке, и - ух ты! - по кончикам пальцев забегали едва уловимые сигналы. Но ведь он не мог этого делать еще неделю назад! Зато сейчас он знал - не просто думал, но *знал*, - что «некий объект» был... твердым... холодным... круглым... дырявым... гладким.

- Это кольцо, - сказал он, и не надо было обладать экстрасенсорными возможностями, чтобы уловить реакцию Хикки. - Не обручальное, слишком большое... Может, клубное? Боже мой, это же Лузерское кольцо, одна из тех штуковин, которые они раздают спортсменам за выигранный сезон!

Хикки кашлянул:

- Это весьма примечательный трюк, - признал он.

Джей-Джей не обратил на него внимания. Владелец кольца был обеспокоен. Знал, что потерял вещицу, но не представлял, в каком месте. Конечно же, не... в раскопанной яме? Джей-Джей почувствовал прилив страха.

- И где же оно было? - полувопросительно пробурчал он. - Закопано в грязи на дне ямы? Вы, наверное, притащились на место преступления с металлодетектором, так и нашли его?

В этот раз Хикки просто вытаращился на Джей-Джея во все глаза. Обращаясь в основном к самому себе, Джей-Джей продолжал вытягивать сведения из щекочущихся wi-fi сигналов, которые лишь он один мог выловить из безмолвного металла. Его манерная, растянутая речь от волнения стала более торопливой.

- Он, ага... ага-ага, снял его, когда они затаскивали коробку в яму. Положил кольцо в карман рубашки. Наверное, наклонился (он этого не помнит, но полагает, что так оно и было), оно выпало, и они опустили на него ящик. Потом они поехали за Сарой, и во всей этой суматохе он забыл про кольцо, пока не ухлопал Альферда. Наконец вспомнил и заглянул в карман, но там было пусто. Теперь он шевелит своими тупыми извилинами с левой нарезкой, пытаюсь за это кольцо зацепиться, и по этой вот причине я чувствую и вытягиваю эти сведения.

Хикки задумчиво уставился в пространство маленькими круглыми глазами, такими же пустыми, как две старые пуговицы, которыми плюшевый мишка глазел на мир. Потом внезапно сдался.

- Так вы можете отвести меня к нему? - прошептал он. - Должен вам сказать, мистер Линк, Бюро пребывает в затруднительном положении в связи с данным делом. Нет никаких зацепок, кроме этого кольца, но и оно никуда не ведет. Мистер Рэпп - выдающийся деятель и солидный инвестор республиканцев, и нас постоянно тычут в спину губернатор, два конгрессмена и один чрезвычайно неприятный и опасный сенатор.

Джей-Джей наконец просек причину всего этого глупого фарса и самоуверенно произнес:

- Ладно, сэ, полагаю, можно попробовать...

В агентском «форде» цвета легкого загара Хикки забрал у Джей-Джея коробочку, перочинным ножиком срезал завязки, открыл ее и достал кольцо - массивный кусок позолоченного олова и синяя стекляшка, окруженная гордыми словами «Чемпионы ЛУ 2005». (Джей-Джей решил, что ошибка в слове осталась незамеченной, потому что по сравнению с обычными людьми спортсмены практически неграмотны, да и тренер от них недалеко ушел.)

- Надень его, - сказал Хикки. - Конечно, это между нами, но если ты его потеряешь, я тебя пристрелю. Так, в какую сторону едем?

- Тудыть, - Джей-Джей, изображая неуклюжего деревенщину, указал вниз по Длинной-авеню к выезду на федеральную скоростную трассу 1-12.

Пока они ехали, Хикки вводил его в курс дела, накачивая сведениями по основной улике:

- Такие кольца попали к шестнадцати ребятам баскетбольной команды в 2005-м, после того как они выиграли чемпионат какой-то там

дрянной мелкотравчатой лиги.

Джей-Джей кивнул:

- В лиге «Цветущего хлопка». В тот год наши парни побили «Хеттисбургских технарей» со счетом 107:106. Я видел по телеку. На поле устроили большую драку, и двенадцать человек получили по заряду электрошокера. Великолепная была игра.

- Похоже на то, - сухо сказал Хикки. - Ладно, мы проследили пятнадцать спортсменов, включая парочку отбывающих в тюрьме за наркоту. А когда отправились за шестнадцатым, узнали, что на него свалилось дерево во время урагана Катрина. Его мать утверждает, что кольца на теле не было, значит, какой-то мародер снял его с трупа. Так что тут тоже тупик.

В его голосе слышалась горькая досада.

Федеральная скоростная трасса состояла из двух бетонных полос, разделяемых жалкими кучками чахлых деревьев; по ней текла шальная и капризная транспортная река: на восток - во Флориду, и на запад - в Калифорнию. Джей-Джей указал восточное направление, и Хикки с высокомерной легкостью бывалого гонщика ловко втиснул «форд» в промежуток между двумя рычащими двухприцепными тягачами. Мелькали повороты на Хаммонд, Пончатулу, Мэдисонвилль, Ковингтон, МанDEVИЛЛ, впереди маячил величественный Слиделл. Они проносились мимо торговых центров, нескончаемые «Best Buy» и «Petco», бесконечные окраины районов «только для белых», надежно отделенные двадцатью пятью милями озера Понтчартрейн от черносмуглого Нового Орлеана на юге.

- Следующий поворот, - скомандовал Джей-Джей, радуясь возможности отдавать приказы фэбээровцу.

Здесь весь транспорт сбивался в кучу и закупоривал дорогу, бывшую до недавнего времени (когда Джей-Джей был подростком) проселочной. Позади тонкого заслона из хилых деревьев виднелись коммунальные жилые комплексы с названиями типа «Лесистый пейзаж» или «Булонский лес», в каждом из которых типовые дома пугали своей одинаковостью. Джей-Джей опустил стекло и втянул щедрый аромат свежее испеченного хлеба из заведения «Сдоба». Кольцо жужжало, как пойманный шмель.

На обочине появились знаки, которые направляли к казино «Прибрежному» заблудших и, самое главное, желающих таковыми стать. Для Джей-Джея эти места были родными и знакомыми, и он приказал Хикки свернуть на прямую как стрела четырехполосную асфальтированную дорогу, которая прорезала болотистую местность до самого края озера, где у причала стояло на якоре насквозь фальшивое речное судно. Хикки вырулил на вместительную парковку, полупустую даже после полудня, и наемный полицейский указал ему свободное место.

Внутри речного судна все блестело и сверкало от «одноруких бандитов» и автоматов видеопокера с жадными монетоприемниками, куда пенсионеры раз за разом по доллару записывали свои социальные выплаты. С потолка подмигивали разноцветные звездочки, а стены были украшены аляповатыми изображениями разнообразных Ретов Батлеров в белых костюмах, с должным профессионализмом прокладывающих игрой путь к счастью и успеху, и восхищенно глядящих на них красавиц Скарлетт в пышных кринолинах. Неоновые знаки вели жаждущих в бар «Бурбон-стрит», а голодных - к буфету с дарами моря под названием «Есть крабы». В центре зала казино пластмассовый дуб зарастал пластмассовым мхом.

Джей-Джей огляделся вокруг и вздохнул. Он чувствовал себя изгнанником Адамом, с тоской оглядывающимся на райские кущи. И словно в ответ на его мысли, к нему придвинулся широкоплечий человек. Короткие рукава рубашки открывали поросшие черным мехом руки, к шее была привязана бабочка, к уху прилеплена пуговка микрофона, а из кармана на груди торчала неизвестного назначения электронная коробочка размером с ладонь. Он взял Джей-Джея за локоть.

- Вон, - коротко приказал он.

- Взгляни на это, - подоспел на помощь фэбээровец, - ловко извлекая из кармана кожаные «корочки» со своими крутыми полномочными причиндалами.

Качок глянул вниз и отпустил Джей-Джея.

- Этот человек сюда не играть пришел, - уверил его Хикки таким тихим голосом, что даже ближайшие игроки, которые, возможно и скорее всего, были туговаты на ухо, не смогли бы его расслышать. - Он помогает нам в расследовании дела, включающего похищение и убийство. Полагаю, вы не захотите нести ответственность за сопротивление ФБР.

- Вам лучше поговорить с боссом, - сказал здоровяк, слегка качнув головой влево. Они с Хикки проследовали к двери, со всех сторон просматриваемой камерами охраны; она бесшумно открылась, они зашли внутрь, и дверь за ними тут же закрылась.

А Джей-Джей пошел по залу, ведомый пульсацией кольца. В это время дня ритм жизни казино был замедленным, но никак не мертвым; колесо рулетки лежало недвижно, но на трех столах по полям зеленого сукна резвыми терьерами скакали кости. За пластмассовым дубом в игре был и стол для «Блэк Джека». Табличка на груди у дилера гласила «Фил», а единственным игроком был полный мужик с двумя пятерками и двойкой на руках.

- Еще, - сказал толстяк, и Джей-Джей, увидевший, что ему сейчас придет, едва не застонал вслух.

Дилер кинул мужику десятку, и тот проиграл с суммой в двадцать два.

Он соскользнул со стула, прохрюкал: «Теперь ты садись за эту чертову игру» - и поковылял по направлению к бару.

Фил перестал складывать фишки в лоток и замер, уставившись на кольцо, которое тут же откликнулось на эмоции хозяина, укусив Джей-Джея за палец, как вредная мошка. Юноша сел на теплое виниловое сиденье, и они с Филом внимательно посмотрели друг на друга.

- Я видел тебя по телеку, - сказал дилер. У него было вялое гнусавое произношение уроженца Среднего Запада. - Ты тот парень, что нашел ребенка.

Он был широким и низкорослым. От него несло сухим шампанским. Его пальцы покрывали пятна от никотина. Джей-Джей не мог видеть его ступни позади полукруглого стола, но чувствовал абсолютную уверенность, что они похожи на утиные лапы. Итак, это тот самый парень, который похоронил живьем маленькую девочку! Джей-Джей обычно никого не мучил, вообще не одобрял пыток, но для Фила решил сделать исключение.

- Вижу, тебе нравится мое кольцо, - начал он разговор. - Выглядит так себе, не правда ли? Но оно ужасно дорогое.

- Да? И сколько же, по-твоему, оно стоит?

- Около десяти штук.

Фил выпучил глаза. Возможно, это был первый случай, когда он находился не с привычной для себя стороны шантажа и вымогательства. Джей-Джей начал получать удовольствие от своей роли.

- Но я и мысли не допускаю, что ты хочешь его заполучить, - продолжал он.

Фил, пытаясь говорить обычным голосом, заметил:

- У меня было кольцо, похожее на это. Когда я его потерял, люди заметили. Никто не смотрит на лицо дилера, все смотрят на его руки. И спрашивают: «А где твое большое кольцо, Фил?».

Джей-Джей кивнул:

- Я думаю, если бы они только знали, где нашли эту вещицу, они сумели бы сложить два и два. Возможно, лучше ты все-таки подумаешь о том, чтобы купить его?

- У меня нет десяти штук.

- Думаю, есть. С такой-то работенкой ты мог бы настричь эту сумму меньше чем за неделю.

- Только если бы захотел оказаться в ящике с крабами. Наш повар устроил такой специально, кладет туда крабов после линьки, чтобы они отъелись. Обычно кормит их курами с душком, но крабы не слишком привередливы в еде. Они сожрут все, в том числе и меня.

- Да ладно, - усомнился Джей-Джей и доверительно понизил голос. - Я знаю, что ты вытряс эти денежки из старика Р...

Вдруг он замер с открытым ртом. Ахнул от изумления. Он уловил

промелькнувшую вспышку в голове Фила.

- Черт возьми! Так это она их забрала! Иди и скажи Марше Рэпп, что тебе нужна ссуда.

Фил заметно испугался.

- Господи, - прошептал он. - Значит, ты действительно можешь делать то, о чем трепали по телеку. Слушай, у меня нет ни единого шанса выудить их у нее. Она заплатила мне две штуки и одну дала Альферду, итого - три. И большую часть я уже потратил. Ее муж получил всю эту огромную кучу деньжищ, и она, возможно, прямо сейчас едет на встречу с ним.

- Рэпп сам похитил свою дочь?

Теперь Фил выглядел разочарованно:

- А я-то думал, ты и впрямь экстрасенс! Тупица, не он, а ее муж. Он живет в Грунже, в Хорватии, откуда и она родом. Это городишко, где все только и делают, что разводят козлов да мошенничают по Интернету. У него целый букет веб-сайтов, предлагающих взять замуж готовых на все красоток третьего мира, и он их пристраивает выгодно для себя. Девица выходит замуж за парня, высчитывает, как получше выдоить его сбережения, находит местные таланты для грязной работы, а ее муж по фамилии Сливович ведает передачей денег, в результате никто, ни ФБР, вообще никто не может проследить, куда они деваются. Он компьютерный гений.. - Возьми карту, - добавил Фил, запуская одну через стол. - Пока мы разговариваем, лучше выглядеть при деле.

- Еще одну, - сказал Джей-Джей, даже не взглянув на лежащую рубашкой вверх семерку. - Ты что, так близко знал ее, что она тебе обо всем рассказала? Давай еще одну.

- Это было уже после того, как я стал с ней спать. Мы встретились тут, за этим столом, и я сразу понял, что в ней слишком много женщины для такого мелкочленистого старикана, как Рэпп. Ну, ты знаешь, как некоторые бабы любят потрепаться в койке.

На самом деле Джей-Джей этого не знал. Зато он знал карты - и спереди, и сзади.

- Давай еще, - снова потребовал он, и у него оказались семерка, шестерка, тройка и двойка. - И еще одну.

- Уверен?

- Да.

Фил выдал ему еще одну двойку.

- Сукин ты сын, - в голосе дилера явно слышалось уважение. - Five Card Charlie, пять карт без перебора. Если бы мы не притворялись, ты бы выиграл.

- И так почти всегда, - сказал Джей-Джей. - Поэтому они меня забанили. Слушай, Фил, мне не выплатят ни гроша за то, что я тебя сдам. Но с тех пор, как я не могу больше играть, мне нужны деньги. Так

что тебе придется помозговать, как их добыть, каждый чертов пенни, или ты в глубоком дерьмовиче, сынок.

«Это заставит ублюдка попсиховать», - подумал он и соскользнул со стула. Хикки по-прежнему обретался среди пропащих, поэтому Джей-Джей вышел из зала побродить и остановился на палубе, где мог наблюдать за выходом на случай, если Фил попытается сбежать. Полицейский на парковке дремал в теньке большого внедорожника, сидя на складном стуле. «Может, пойти разбудить его», - как раз подумал Джей-Джей, когда около уха раздался мягкий голос.

- Пойдем-ка, - сказал Фил, - прогуляемся по палубе на другую сторону. А когда мы придем туда, ты отдашь мне кольцо.

Не надо было обладать экстрасенсорными способностями Джей-Джея, чтобы определить природу твердого предмета, уткнувшегося в ребра.

- Ты не можешь застрелить меня здесь, снаружи, на публике, - запротестовал он, двигаясь к правому борту «Прибрежного». - Кто-нибудь услышит.

- Настоящий игрок ничего не услышит, даже если я буду отстреливать парней по обеим сторонам от него, - заявил Фил. - Они такие. Да и персонал... они все следят за игроками и друг за другом. Теперь давай мне чертово кольцо. Сейчас у меня перерыв, и целый день я с тобой тут торчать не намерен.

Джей-Джей повертел кольцо, делая вид, что оно плотно сидит на пальце. Он пытался забраться в мысли Фила, выведать, действительно ли дилер убьет его прямо здесь и сейчас, перед Богом и людьми. Выловил он лишь пару устрашающих слов: *ящик с крабами*.

Он огляделся в поисках подмоги. Тщетно. Озеро, тускло мерцая, простиралось вдаль, к свинцовому горизонту. Ну почему он не подождал Хикки?! Ну почему не предугадал заранее, что Фил убьет его, потому как ему нечего терять?! Ну почему он не ударился в бега сразу, как только представился случай?! Крепко зажмурившись, Джей-Джей стянул кольцо и приготовился бросить его за борт, на мелководье, где ФБР сможет снова найти его. Он знал: за это Фил его тут же застрелит, но юношу и без того не покидала твердая уверенность, что его смерть, так сказать, выпала на картах судьбы при любом раскладе.

Вдруг он услышал глухой звук, типа «вумп!». Дилер пошатнулся, согнулся и плавно опустился на палубу возле него. Пистолет стукнул подоскам. Джей-Джей глубоко-преглубоко вдохнул. Наконец-то Хикки! Федеральное бюро расследований! Разведка США! Расслабившись, он быстро повернулся.

Перед ним стояла Сара Рэпп рядом с пожилым черным мужчиной - туповатое выражение лица, синяя шоферская форма, шоферская же фуражка на белых, словно ватных, волосах, - который держал в руках монтировку и глазел на человека, распростертого на палубе.

- Посмотрим, как тебе понравится сотрясение, паразит! - сказал Вильям Вуд.

Передав Фила и кольцо агенту Хикки, Джей-Джей и его спасители в огромном новом джипе Рэппа поехали обратно в Бугалоу, в офис шерифа Чу, чтобы сделать официальное заявление. Сара предупредила, что там они увидят уже наверняка арестованную двоюмужницу Маршу.

- Откуда ты узнала, что она в деле? - спросил Джей-Джей. - И вообще, как ты меня нашла?

- Так же, как и вы меня, - ответила Сара. - Мне Марша никогда не нравилась. Знаете, как девочки обычно бывают настроены против мачех, особенно против мачех с большими буферами. А когда я лежала в ящике и думала, вдруг сообразила, что именно она стоит за всем этим. Я всегда была немножко ясновидящей, не как вы, конечно, но там, в темноте оно вдруг стало реально проявляться, потому что это была моя единственная связь с внешним миром. Сегодня я обнаружила в гардеробной Маршу, она паковала чемоданы, и я уже точно знала: она собирается сбежать. Тогда я заперла ее там, позвонила шерифу и попросила его прийти арестовать ее.

- И он сделал то, что ты сказала?

- Он всегда делает то, что говорят Рэппы, - с высокомерной уверенностью ответила Сара. - Марша кричала и барабанила в дверь гардеробной, и тогда я наврала: сказала, что выпущу ее, если она расскажет мне, кто был тот человек с утиными ногами. Она раскололась, что это дилер «Блэк Джека» из «Прибрежного» казино. Вдруг у меня возникло такое ощущение, что вы направляетесь прямо в ужасную опасность, которая исходит от этого человека, и тогда я оставила орущую Маршу в гардеробной, позвала Вильяма, и мы поехали, не дожидаясь полиции. Знаете, мистер Джей-Джей, когда вы спасли мне жизнь, я в вас влюбилась.

- Да?

- Это самое замечательное переживание в моей жизни, во всяком случае, до сих пор ничего подобного еще не было. Скажите, сколько вам лет?

Он смущенно взглянул на сидящую перед ним лолиту. Ее темные, сияющие глаза пристально и требовательно взирали на него, и за этим взглядом с легкостью просматривалась стальная воля. Он пробормотал:

- Двадцать четыре.

- Мы не сможем пожениться прямо сейчас, - задумчиво рассудила она. - Но через шесть лет мне будет восемнадцать, а вам, хм, тридцать. Да, реальная старость. Ну ничего, мне нравятся пожилые. Вот тогда

поженемся, и у нас будет куча детей.

- Детей? - квакнул Джей-Джей.

- Это наш долг перед генофондом, - проинформировала его Сара. - Неплохая мысль, да? На канале Sci Fi об этом говорили. Я имею в виду, сколько на свете людей с таким даром, как у нас? Думаю, будет ужасно интересно вывести сверхрасу, не правда ли?

- Ну...

- Конечно, папе это не понравится, - задумчиво продолжала она. - Он бы хотел выдать меня за какого-нибудь скучного старого адвоката, или врача, или еще кого. Но если он будет доставать, я просто напомню ему, как он женился на Марше из Интернета за ее здоровенные сиськи и чуть не позволил ей убить меня. Это точно заставит его замолчать.

Она торжественно взяла руку Джей-Джея своими двумя и крепко держала ее.

- Я могу выйти замуж и в шестнадцать с разрешения папы, но мне кажется, не следует торопить события, верно? Я еще буду очень легкомысленной из-за всех этих гормонов, а вы уже достаточно зрелый мужчина, и вам это не понравится. Во всяком случае, мне бы хотелось перед замужеством поднабраться некоторого сексуального опыта, и думаю, что мальчики моего возраста будут в самый раз, чтобы освоиться с этим делом. Девственность - это так глупо, как вам кажется? Я имею в виду, когда повзрослеешь.

Даже оглушенный шоком, Джей-Джей услышал с водительского места фырканье Вильяма. Очевидно, Сарины командирские манеры были ему давным-давно знакомы. Остаток пути ехали в тишине, а крепкие, сильные молодые руки держали безвольную ладошку Джей-Джея.

В офисе шерифа их ждал непредсказуемый финал. Шериф Рассел Чу, пристально глядя враждебным взором гигантского взбешенного пекинеса, сообщил им, что Марша сбежала.

- Я послал эту ж-ж... простите, мисс Рэпп, эту задницу... Я послал Вейда Гармиша взять ее. Как я мог предположить, что вместо этого она подговорит его сбежать вместе с ней?!

- Интерпол выследит их, - пообещал Хикки, врываясь в офис. Его пленник, удерживаемый несколькими более массивными фэбээровцами, был в надежных тисках закона, готовый предстать и перед местным, и перед федеральным судами, стоило негодяю только очнуться от удара, которым наградил его Вильям.

- Вы, федералы, можете иметь право первой ночи с похитителями и вымогателями, - прорычал Большой Расс. - А с Вейдом я разберусь сам. В Китае когда-то применяли одну штучку, и я хочу испытать ее на нем. Что-то вроде утопления, только очень и очень медленного, а потому гораздо более эффективного.

Когда они вышли, на парковке, среди полицейских автомобилей, Сара сказала Джей-Джею «оревуар». Вильям завел джип и сидел за рулем,

ожидая юную хозяйку.

- Пока до свидания, Джей-Джей, - сказала она, в первый раз пропустив слово «мистер», скромно клюнула его в щеку и перешла на «ты». - Мне пора в балетную школу. Сегодня я предположительно встану на пуанты, а это трудно, но ужасно волнительно. Просто помни о наших планах на будущее и в этот промежуток времени не растрачивай себя на других женщин. Я этого ни капельки не потерплю.

Когда они уехали, Джей-Джей долго, очень долго смотрел вслед. Ждать шесть лет, пока подрастет эта мелкая командирша, и только для того, чтобы провести остаток жизни, порождая и воспитывая паранормальных детишек? Мало-помалу избавляясь от оцепенения, он пошел, все быстрее и быстрее, к трейлерному парку «Хомут». Потом побежал.

Две недели спустя Джей-Джей сидел в пропыленном «Виннебаго» в кемпинге среди других вагончиков и прицепов в пригороде Флагстафа, Аризона, и писал Саре письмо. Он переживал, что уехал, не попрощавшись, и вовсе не хотел, чтобы она горевала о нем.

«Дорогая Сара», - написал он, зачеркнул и вывел: «Уважаемая мисс Рэпп», снова зачеркнул, взял другой лист бумаги и написал:

Мисс Сара, у меня все в порядке, надеюсь, что у вас тоже. Я путешествую по стране первый раз в жизни, и мне еще многое предстоит увидеть и пережить. Надеюсь, вам нравится танцевать на мысочках, потому что это очень мило получается у милых маленьких девочек. Лично я никогда точно не знал, которая из моих ног левая, ха-ха. Надеюсь, вы вырастаете и познакомитесь с милым молодым доктором или адвокатом, а потом выйдете за него замуж. Что касается меня, я встретил милую молодую леди по имени Вера, и скоро мы поженимся в Рино. Желаю вам всего наилучшего, как всегда, искренне ваш, Джимми Джон (Джей-Джей) Линк.

Он дошел до въезда в кемпинг и бросил письмо в почтовый ящик. Был прекрасный вечер, огромная одинокая луна поднималась в флуоресцентное небо. Джей-Джей помедлил, ощущая неопределенное романтическое ощущение и легкую утрату. Как только он где-нибудь осядет, обязательно позвонит отцу и попросит высылать на его постоянный адрес «Бюллетень». Он будет следить за жизнью Сары на страничке светского общества и вернется в Бугалоу, когда она благополучно выйдет замуж. Путешествие оказалось познавательным, но юноша пришел к заключению, что он по сути своей человек домашний.

Разработав план, он почувствовал себя хорошо. Завтра он посетит индейское казино, чтобы восполнить денежный ресурс, а сегодня... да, сегодня у него свидание с Верой. Улыбаясь, он повернулся и

направился обратно в «Виннебаго».

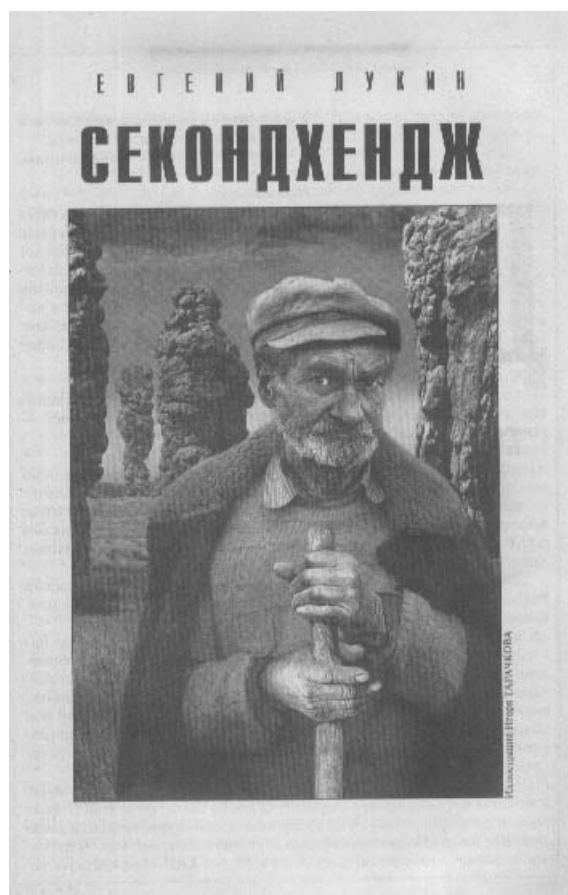
Три дня спустя Сара прочитала записку Джей-Джея, пока Вильям вез ее в конюшни, где ждала ее любимая кобыла Императрица.

- Он так думает! - только и проговорила она, перед тем как смять письмо в комок и выкинуть в окно.

Вильям знал, что означает подобный тон, но ничего не сказал - вел машину в молчании, неотрывно следя за дорогой.

Перевела с английского Татьяна МУРИНА

© Albert E. Cowdrey. The Private Eye. 2009. Печатается с разрешения журнала «The Magazine of Fantasy & Science Fiction».

ЕВГЕНИЙ ЛУКИН
СЕКОНДХЕНДЖ

Иллюстрация Игоря ТАРАЧКОВА

Как будто в корень голову шампунем

Мне вымыл парикмахер Франсуа.
Осип Мандельштам.

Глава 1

Давненько ночное литературное кафе «Авторская глухота» не видывало такого наплыва публики. Охрана перекрыла вход, каждый пригласительный проверяли ультрафиолетом. Оставшиеся снаружи топтались под фонарем или сидели на корточках возле утопленных чуть ли не вровень с тротуаром окон, хотя различить, что там творится в полуподвальчике, заведомо не представлялось возможным: чуть приоткиннутые стекла были зеркальными, а звук, проходя сквозь тесные щели, искажался немилосердно.

- Ауа... ауы... - глухо доносилось оттуда.

- Ауы... - расстроено передразнил кто-то из неудачников, с болезненным коленным хрустом выпрямляясь во весь рост. - Ну и что это значит? То и значило.

- Ауа, ауы! - проникновенно выдохнул там, внутри, бледный одутловатый юноша заключительную строку - и замер в ожидании. Кафе откликнулось аплодисментами и тоненьким девичьим воем. Классики баклужинской поэзии, стеснившиеся за двумя столиками в углу, хранили надменное выражение на несколько искривленных лицах. Рукоплескали вяло.

Два месяца назад бледного одутловатого пробило на Космический Разум - и он начал вдруг сочинять стихи, правда из одних гласных. С концертов его выходили просветленными.

Злые языки утверждали, будто контакт с Высшей Мудростью наверняка был краток, иначе бы счастливчик успел освоить всю фонетику в целом. Языки подбробнее объясняли такую усеченность выразительных средств тем, что гласные звуки внушены человеку Богом, а согласные - дьяволом. Кто прав, сказать трудно. До сих пор вон спорят, не является ли игра на черных клавишах тайной разновидностью сатанизма. Некоторые выдающиеся наши пианисты даже пытались покаяться и уйти в монастырь - грехи замаливать.

И чего только не придумают скептики, лишь бы опорочить святое! Спрашивают, например, с ехидцей, зачем правительства тратят миллиарды на астронавтику, в то время как любой астралоходец за долю секунды способен достичь границ Солнечной системы. Как будто сами не знают, что дешевле запустить к Марсу картографическую тележку на колесиках, чем обучить экстрасенса картографии! И вообще чему бы то ни было.

В полуподвальчике тем временем все шло по плану.

Из-за ближайшего столика поднялся хмурый красавец в безупречно

пошитом костюме и, подойдя к глашатаю Вселенской Гармонии, подал ему руку для пожатия.

- Речь! Речь! - закричали вокруг. Сразу стало ясно, что отнюдь не ради встречи с пробитым на Космический Разум собралось сегодня в «Авторской глухоте» столько народу и что подан был поэт, так сказать, для затравки.

- Речь!

Радости на лице поднявшегося не возникло, тем не менее крики продолжались. Делать нечего - дождался тишины.

- Вавилонскую-то башню так и не достроили, - как бы обвиняя в этом присутствующих, напомнил он. - И коммунизм не достроили. Почему? - Помолчал, окинул оком внимательные до преданности лица. - Вот в том-то вся и штука. Учит, учит нас история, что не с того конца начинаем, а толку? Разобьем дорогу до колдобин - и давай туда щебень сыпать, асфальтом закатывать... Смотришь, через три дня опять ухаб на том же месте. А как же ему не возникнуть, если материальную колдобину залатали, а духовная-то осталась! Матрица-то колдобины осталась! Когда же до нас дойдет, что физическое - это слепок с астрального?

Одутловатый родоначальник гласной поэзии сообразил наконец, что кончилось его время. На цыпочках вернулся к своему стулу, сел, обиделся. А говорящий продолжал угрюмо выковывать фразу за фразой:

- Наше Баклужино - духовная колдобина. И сколько бы мы ни трудились, все будет разваливаться и крошиться. Как нам обустроить астрал - вот настоящая задача. Решим ее - тогда и жизнь пойдет на лад. Что для этого нужно? Положительная энергетика. А что мы видим вокруг? - Крупные губы оратора пошевелились с омерзением, словно готовясь к плевку. - Белые маги враждуют с черными, имущие слои - с неимущими, криминалитет - с милицией, новая поэзия - с традиционной. Вот прозвучали стихи из одних гласных. Замечательно! А если кто вздумает работать исключительно с согласными? Опять вражда? Опять разборки? Опять отрицалово? Поймите: нет ни черной, ни белой магии - есть просто магия. Нет ни новой, ни старой поэзии - есть просто поэзия. То же и с неимущими. Даже если ты роешься на мусорке, кто мешает тебе иметь духовно особняк и два мерседеса? Ты создаешь этим матрицу, парадигму, по которой будет созидаться твое же будущее...

Все внимали угрюмому златоусту, за исключением разве что обиженного поэта да еще нескольких невоспитанных молодых людей, которых неизменно видишь на встречах лидеров с народом, где вместо того, чтобы ловить каждое слово оратора, они демонстративно озираются со скучающим видом, причем каждый в свою сторону.

Обычно глаза у молодых политиков ласковы и несколько выпуклы от

искренности, словно их владелец готов, не сходя с места, отдаться избирателю. Этот же обращался с аудиторией обескураживающе бесцеремонно. Так ведут себя лишь в двух случаях: или достигнув высшей власти, когда уже все равно что говорить, или когда терять нечего до такой степени, что, даже если начнешь бороться за правду, хуже не станет.

Двое сидящих у самого выхода скорбно переглянулись. Затем тот, что постарше (желчный, сухопарый), встал и покинул полуподвальчик. Второй, крепыш с немигающими совиными глазами, был, казалось, недоволен таким поступком, однако тоже поднялся и вышел следом.

Выбравшись в вечерние сумерки, они протолкнулись сначала сквозь толпу неудачников, затем сквозь усиленный наряд милиции и молча направились в сторону чего-то строящегося. Фонари горели вполне накала, колыхалась юная листва, по тротуарам бродили смутные тени.

- Велика ты, мудрость народная, - отойдя подальше, язвительно изрек старший. - А уж глупость-то народная как велика...

Совиноглазый крикнул, запустил правую руку под пиджак, хотел, видно, что-то там по привычке поправить - и сильно расстроился, не найдя искомого.

Над решетчатыми воротами, перекрывавшими путь на стройку, был укреплен подсвеченный сбоку и снизу плакат: «Храмостроители! Обеспечим Господа жильем!», а на стреноженной цепью калитке лепились две таблички: «Избирательный штаб православных коммунистов» и «Агитхрам».

Двое отомкнули висячий замок и, оказавшись на своей территории, двинулись напрямик к вагончику, временно исполнявшему роль агитхрама и штаба. Вошли, включили свет. Огненно взглянула на них из угла икона Краснознаменной Божьей Матери Баклужинской, писанная явно под Делакруа: в левой руке - алое полотнище, в правой - младенец, под босыми ногами - баррикада.

Совиноглазый крепыш первым делом отомкнул сейф, притулившийся под иконой, и, достав что-то огнестрельное с глушителем, пристроил под пиджак. Видно было, что раздосадован до последней степени.

- Ну, спасибо тебе, товарищ Арсений!.. - неистово пробурлил он.
- Чем недоволен? - устало молвил сухопарый, присаживаясь к столу.
- Битый час сидеть и слушать этого, прости Господи, мракобеса! Шмальнуть бы разок в поганца...
- Из чего?
- Да уж пронес бы как-нибудь!
- Пронес один такой! Видал, какой у них шмон на входе? Ну, допустим, пронес... А толку? Вынуть бы не успел...

- Успел бы.

Возразить на это было нечего. Судя по ухваткам, обладатель совиных глаз знал, что говорит.

- А смысл? - сердито спросил товарищ Арсений. - Ты что из него, Авраама Линкольна сделать хочешь? Юлия Цезаря хочешь сделать? Поздно шмалять, товарищ Артём! Проглядели.

- Кто проглядел?

- Я проглядел!!!

Совиноглазый товарищ Артём издал утробное урчание. Оббитые в классовых боях кулаки его сжимались и разжимались.

- Ты посмотри, как принимают! - с горечью продолжал Арсений. - Месяца не прошло, а какую силу взял! Околдовал он всех, что ли?

- Может, и околдовал, - угрюмо откликнулся его молодой товарищ. - На то он и колдун...

Глава 2

Прикладная эзотерика сплошь и рядом сталкивается с такими загадочными, на первый взгляд, явлениями, как пробой и замыкание, когда отдельная особь оказывается вдруг закорочена на людскую массу, а то и вовсе на космические силы, что, собственно, и произошло с бледным одутловатым юношей, ставшим вдруг сочинять стихи из одних гласных.

Простейший пример: если, допустим, ваша сослуживица, добрейшей души человек, с неожиданной свирепостью заявляет, что, будь ее воля, всех бы умников перебила, вряд ли она могла сама додуматься до такого зверства. Скорее всего, имело место мимолетное замыкание на социум - и устами женщины высказался народ в целом.

Как известно, каждый человек разумен и глубок, в чем легко убедиться, обсуждая что-либо вдвоем-втроем. Сами, наверное, замечали: стоит вмешаться четвертому - происходит замыкание и разговор немедленно глупеет, вырождается, теряет связность, сползает в цинизм. Поэтому классический способ распития поллитровой бутылки водки требует именно трех участников. Не зря же заповедал Христос: «Где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них». Если уж на то пошло, что такое традиционно проклинаямый принцип тоталитарных режимов «больше трех не собираться», как не проявление заботы о поддержании интеллекта и совести граждан на должном уровне!

И чем больше людское скопление, тем меньше проскакивает в нем искорки разума и добра. Изложите вкратце мировую историю, и окажется, что все нации без исключения вели и ведут себя подобно группе дебильных подростков, по каждому из которых давно плачет

либо психушка, либо детская комната милиции.

А теперь несколько слов о Глебе Портнягине, том самом ораторе, на которого молилось теперь все Баклужино (разумеется, за исключением политических противников) и которого, затаив дыхание, только что слушали в «Авторской глухоте».

Примерно полмесяца назад какая-то безымянная сволочь, так и оставшаяся неизвестной, прокляла бедолагу, закоротив его энергетику на стихию, именуемую народом. По сравнению с такой бедой, упомянутые выше замыкания не более чем мелочи жизни. Ну ляпнет человек что-либо социально значимое! Ничего страшного. Тут же вышибет у него в мозгах от напряжения некий предохранитель, помолчит человек, опомнится - смотришь: опять нормальный, о бабах заговорил, о рыбалке.

Но если умышленно закоротили... В девяноста девяти случаях из ста жертва подобного проклятия скоростижно гибнет за Отечество, и только в одном случае происходит обратное. Именно такой случай выпал ученику чародея Глебу Портнягину, с чего, собственно, и началось стремительное восхождение его звезды на политическом небосклоне.

Способствовал этому и сам исторический момент: суверенная республика Баклужино, полгода считавшаяся самопровозглашенной, перестала наконец считаться таковой и готовилась избрать первого своего Президента.

- Проигрываем выборы... - подвел невеселые итоги желчный сухопарый Арсений. - И откуда он такой взялся? Экстрасенсы, колдуны... Они ж всегда, как кошки, были - каждый сам по себе! А этот из них коалицию сколотил. Месяц назад в голову бы никому не пришло...

- Ну так... - с надеждой подсказал совиноглазый Артём, выразительно запуская растопыренную пятерню под пиджак.

- Сказано тебе: нет! - отрезал старший товарищ и спустя малое время пояснил: - Ну, замочишь! Думаешь, ихний блок сразу и распадется? Еще крепче станет! Был просто блок, а станет блок с иконой. С мучеником. Невинноубиенным подколдовком Глебом Портнягиным...

Оба замолчали подавленно.

- Компромат бы на него какой сыскать... - молвил с тоской Арсений. - Так ведь он на виду-то без году неделя... Ни на чем еще подорваться не успел...

Внезапно его собеседник насторожил уши. Уши у него, кстати, тоже были весьма примечательные. Волчьи.

- Что там?

Снаружи отчетливо лязгнула цепь на сваренной из железных прутьев

калитке. Кто-то пытался проникнуть в агитхрам.

- Поди взгляни.

Волчеухий товарищ Артём поправил под мышкой ствол и вышел в ночь. Вскоре вернулся, подталкивая в спину - кого бы вы думали? - одутловатого глашатая Вселенской Гармонии.

- Так... - озадаченно сказал Арсений, чуть отшатнувшись от незваного гостя. - А ты тут что забыл, нехристь космический?

У космического нехристя было отчаянное лицо. Сел на ближайший табурет, сгорбился, скрипнул зубами.

- Дедавиву! - сдавленно выговорил он.

Двое переглянулись, но уже в следующий миг до обоих дошло, что произнесено было слово «ненавижу». То ли родоначальник новой поэзии после контакта со Сверхразумом раздружился со всеми согласными скопом, то ли и раньше не слишком с ними дружил. Думается, известные строки Сергея Есенина прозвучали бы в его исполнении примерно так:

*И нефто дуфы не потвезовыт,
И нефто ее не бвофит в двоф...*

- Что ж ты? - ворчливо упрекнул его Арсений. - То руку поганцу жмешь, а то вдруг взял да и возненавидел!

Ничего, кстати, удивительного. Черт его разберет, почему, но чем выше искусство, тем более непонятно поведение его представителей в быту. Самые похабные анекдоты сочиняются музыкантами, а лирический поэт в смысле склочности даст сто очков вперед любой пенсионерке. Возможно, высота помыслов, согласно какому-то мировому закону, в данном случае уравнивается низостью умыслов.

Особенно трудно беседовать с гениями. Пушкин того и гляди бильярдным шаром в лоб засветит и тебя же на дуэль вызовет, Лев Толстой по крестьянской привычке обматерит машинально, Достоевский глянет разок - да и забудется в эпилепсии.

Уровня классиков бледный одутловатый самородок, ясное дело, еще не достиг, но, судя по всему, шансы имел, поскольку характер у него уже выработался достаточно мерзкий.

Как удалось понять из общей невнятицы, вина молодого лидера общественно-политического движения «Колдуны за демократию» перед мировой поэзией была ужасна. По сути, угрюмый красавец в безупречно пошитом костюме сорвал бледному одутловатому творческий вечер, стянув на себя внимание публики и даже не предложив из вежливости прочесть еще пару стихов.

Да за такое убить мало!

- Ну вот шел бы домой и там ненавидел, - буркнул Арсений, выслушав жалобу до конца. - Сюда-то чего приперся?

Поэт поглядел на него с удивлением. Пришел к врагам своего врага -

помощь предложить. Чего тут непонятного-то?

- Отомстить, что ли, хочешь?

- Отомфтить!

- Мститель нашелся...

- А я внаю! - таинственно произнес поэт.

- Чего ты знаешь? - сердито переспросил Арсений, успевший, видать, приноровиться к особенностям речи пробитого на Космос собеседника.

- Знает он...

- Внаю! - настаивал тот, нервно подергивая себя за галстук от известного баклужинского кутюрье Столыпина-младшего.

Товарищ Артём обернулся, уставился по-совиному. Да и сухопарый товарищ Арсений, несмотря на ворчливый тон, тоже, кажется, был заинтригован.

- Ну давай говори, раз знаешь.

Открыватель новых поэтических материков с загадочным видом поманил обоих и, жутко понизив голос, выдохнул:

- Фэкондфендф...

Собеседники его были настолько потрясены услышанным, что на пару секунд оцепенели. Первым очухался Арсений.

- Слышь! - на повышенных тонах задрезжал он. - А не пошел бы ты к Богу в рай? Вот тебе карандаш, вот бумага. Садись и пиши, что ты сейчас такое сказал. Крупно и разборчиво!

Одутловатый самородок в столыпинском галстуке с готовностью вскочил, подсеменил к столу и, схватив карандаш, склонился над перевернутой предвыборной листовкой. Крупно и разборчиво юноша бледный вырисовывал букву за буквой. - Вот... - выдохнул он и выпрямился.

Товарищи по партии с озадаченным видом склонились над листом. Начертанное там одно-единственное слово смахивало то ли на заклинание, то ли на вывеску магазина:

«СЕКОНДХЕНДЖ».

Глава 3

С виду не подумаешь, но дубрава была реликтовой. Ахнешь - и тут же смекнешь, что отголосок, загулявший меж стволов, никакое тебе не эхо.

Собственно, что есть эхо? Слышимое свидетельство извечной нашей забитости и нищеты. Век за веком сдвигал мужичонка рваную шапку на унылые брови и, скребя в затылке, исторгал нутряное «эх», гулко отзывавшееся в лугах и перелесках. А эта, видать, дубрава как-то вот ухитрилась затаиться, не тронутая ни татарским игом, ни крепостным правом, ни лесоповалами советских времен, ни ужасами приватизации.

Ахо в отличие от эха звучит язычески ликующе и в то же время несколько затаенно. Есть еще, говорят, такие чащобы, где отголоски не ахают и не эхают, а жутко молвить - ухают. Но в подобные дебри лучше не соваться, а то, не приведи Господь, набредешь ненароком на какого-нибудь покойного атамана Уракова, в чьей шайке сам Стенька Разин состоял в кашеварах, покуда не застрелил своего учителя разряженным пистолетом.

В городе давно бесчинствует апрель, а здесь еще держит оборону март. Правда, из последних сил. Бугорки просохли, в низинках изнывает слоистый, слежавшийся снег. Серая прошлогодняя трава свалялась, как шерсть на дохлой собаке, хотя уже пробивается кое-где ярко-зеленая щетинка.

Дубрава внезапно раздалась - и на обширной поляне глазам трех путников предстала толпа мегалитических столбов, глумливо величаемая в баклужинской прессе Секондхенджем, хотя, согласно данным радиоуглеродного анализа, хваленый английский Стоунхендж был нагроможден гораздо позже.

Сельские в рощу не заглядывали, справедливо считая капище заклятым местом. Городские - те как-то раз додумались, привели экскурсию и долго конались впоследствии, чья вина. Было из-за чего: одна туристочка, постояв в центре двойного каменного оцепления, вскорости впала в депрессию и траванулась, еще двое любителей неолита угодили в психушку. Да и остряк репортер, прилепивший доисторическому памятнику насмешливое прозвище, тоже, говорят, добром не кончил.

- Ну и чего ради мы сюда перлись?

- Капиффе, - зловеще пояснил одутловатый визави Космического Разума. - Это капиффе!

- Видим, что капище. Перлись чего?

- Фто «фево»? Фто «фево»? - взволновался поэт. - Мефто гибвое!

- Да, может, оно только для добрых людей гиблое! А он-то колдун.

- Двя ффех! Двя ффех гибвое!

Желчный сухопарый Арсений нахмурился и, подойдя к покосившейся ребристой глыбе, потрогал коряво начертанный автограф: «Здесь был Ва...».

Дальше надпись обрывалась.

Обернулся к совиноглазому Артёму:

- Что скажешь?

Тот был очень недоволен происходящим. Если честно, ему еще вчера не понравилась затея, предложенная косноязыким глашатаем Вселенской Гармонии.

- Негоже, - угрюмо проговорил он, изучив нагромождения камней.

- Чего негоже-то? - ворчливо переспросил старший товарищ.
Родоначальник гласной поэзии оглядывался то на одного, то на другого сообщника. В глазах его тлела жажда мести.

- Мы - коммунисты, Арсений, - сурово напомнил Артём. - Православные коммунисты. И не пристало нам прибегать к помощи вражьих сил. Дзержинский чему учил? Холодный ум, горячее сердце, чистые руки. Да и апостол Павел тоже...

- А мы разве прибегаем? - возразил сухопарый. - Заманить поганца в самую середку...

- И что будет?

- Н-ну... что-нибудь да будет.

- Капиффе! - с трепетом напомнил поэт.

- Примолкни, а? - посоветовал ему через плечо волчеухий Артём. - Без тебя знаем, что капище. Не слепые.

Постояли, посомневались. В дубраве орали вороны.

- А может, оно и неплохо, что вражья сила... - помыслил вслух более опытный товарищ Арсений. - Скажут: доигрался чернокнижник. Поделом ему...

- Да ерунда это все! - взорвался Артём. - В английском Стоунхендже что ни день туристы толкуются, исследователи всякие - и ничего, живы-здоровы...

- Ну то Англия... - уклончиво отозвался Арсений. - А у нас, знаешь, всяко бывает... Как бы только узнать, действует оно или... - Взгляд его остановился на родоначальнике гласной поэзии.

- Вот на нем и проверим, - с мужской прямоотой брякнул совиноглазый. Будущая жертва попятилась в ужасе.

- Вы фто? Вы фто? Ф ума фофли?

Дернулся кинуться наутек, но тут же сообразил, что по такой местности при его физических данных далеко не убежишь. Во всяком случае, от товарища Артёма. И быть бы ему загнанным для опыта в магический круг камней, что даже справедливо отчасти, ибо не рой другому яму, когда раздался поблизости надтреснутый старческий голос:

- Вам что, голуби, жить надоело?

Глава 4

Обернулись. Рядом с каменным столпом, опираясь на батожок, стоял некто бомжеватой наружности и щурил на троицу недобрые охальные глазенки. Откуда взялся, неясно. Впору было усомниться в естественном происхождении пришельца. Не зря же баклужинская желтая пресса то и дело публиковала сообщения о древнем хранителе Секондхенджа, что показывался порой грибникам.

Но нет, уж больно одет современно. То есть относительно современно: ветхая шубейка из Чебурашки и такая же шапчонка.

- Ты из местных, что ли, дед? - оправившись от неожиданности, спросил сухопарый Арсений.

Однако местные, по данным той же баклужинской прессы, реликтовой дубравы боялись до дрожи. Старожилы, ежели их расспросить, выложат как на духу: кто сюда из сельских когда ходил (пьяный или на спор) и кто на каком дубу потом петельку себе ладил.

- А сами-то вы, я гляжу, не местные, - прозвучало в ответ.

- Ученые мы, дед, - соврал Арсений.

- Не-э... - осклабился старикан. - Это вы еще неученые. А как учеными станете, поздно будет.

Кажется, перед злоумышленниками стоял тот, кто мог бы развеять многие их сомнения относительно заклётого места. Уяснив это обстоятельство, Арсений шагнул к старикану, протянул руку и открыл было рот, чтобы представиться, но тот предостерегающе приложил сухой пергаментный палец к сухим пергаментным губам. Видимо, содрогать воздух именами вблизи капища было неразумно и небезопасно.

- Вы, я вижу, человек сведущий, - сказал Арсений, перейдя на «вы», как и подобает ученому. - Можно задать вам пару вопросов?

- Отчего ж нельзя? Задавай...

- Это действительно гиблое место?

- Гиблое, - кивнул старикан.

- И им действительно владеет вражья сила?

- Какая вражья? - не понял тот.

- Ну... дьявольская.

- Ни-эт... - решительно сказал старикан. - Дьяволу сюда тоже соваться не стоит. Копыт не соберет.

Трое очумело глянули в кривой просвет меж тесаными столпами, где лежала пегая от влаги заклётая земля Секондхенджа.

- Так что же там? - с запинкой спросил Арсений.

- По-нашему говоря, размыкало, - последовал ответ.

- Э-э... простите...

- Размыкало, - повторил старикан, беря батожок под мышку. Хлопнул в ладоши, секунду подержал их сведенными, затем резко развел. Вынул батожок из-под мышки и, выжидательно глядя на собеседника, оперся снова. Вернее даже не на собеседника он глядел, а поверх его головы. По старой подпольной привычке Арсений оглянулся. Нигде никого.

- И-и... простите... что же оно размыкает?

- Всё.

- Ну, например?

- Например, нас.

- С чем, простите?

- Да почитай, со всем.

- А подробнее?

- Подробнее... - Старичок призадумался. - Ну вот, скажем, ты - герой. Родину защищал. Многих ее врагов насмерть положил. Подвигов на совершал - не счесть. И дернуло тебя, понимаешь, зайти туда... - Указал батожком в кривой просвет меж камнями. - Хлоп - и разомкнуло! Отшибло напрочь, что ж это за Родина и чего ты ради столько народишку побил. Подумаешь так, подумаешь, достанешь ствол да и застрелишься...

- Й-оксель-моксель... - еле слышно вымолвил свиноголазый Артём. Но такая случилась тишина, что все расслышали.

- А... а как же в газетах пишут... про Секондхендж...

- Да мало ли что там в газетах!

Преодолев оторопь, переглянулись.

- Ну, допустим! - с неестественной бодростью заговорил Арсений. - А если, скажем, политик? Тоже разомкнет?

Ответил дедок не сразу. Смикитил, видать, что выспрашивают не просто из любопытства.

- Разомкнет... - малость помедлив, согласился он.

- А этого-то с чем?

- А с идеей! Ради которой он все свои пакости творил. Бац - и готово. Пакости помнит, а идею забыл.

- Но... не убивал же никого...

- Политик? - недоверчиво привизгнув, переспросил старикан. - Не убивал? Окстись! Да на политиках больше кровушки, чем на всех героях вместе взятых. И вот ка-ак это все разом до него, до политика то есть, дойдет...

- До политика?! - теперь уже привизгнул Арсений. - Господь с тобой, дедушка! Ты что такое говоришь?

- Нет, тут-то, понятно, не дойдет, - нимало не смутясь, пояснил тот. - А там... - покосился он на каменные громады. - Там - мигом.

И все невольно отодвинулись от исполинской надолбы.

- Ты пойми, - проникновенно молвил дедок, с участием глядя на собеседника, - пока ты вместе со всеми, какой с тебя спрос? А как разомкнет - тут-то тебе даже и спрятаться не за кого... ни за Родину, ни за партию...

- Ну а, допустим, совсем молодой политик? - продолжал осторожно и неспроста выпытывать Арсений. - Юный, так сказать, неоперившийся...

- Да может, оно еще и хуже, что неоперившийся, - поразмыслив, сказал бомжеватый мудрец. - Молодой - он в идею крепче старого верит. Есть что с чем размыкать...

Замолчал товарищ Арсений, задумался. Видя такое дело, в беседу решил вступить товарищ Артём.

- А скажи-ка, дед... - завел он, и был в свою очередь внимательно

осмотрен желтоватыми охальными глазенками.

- Тоже ученый? - с подковыркой любопытствовал дедок.

- Нет, - чуть замывшись, отозвался тот. - Я так... лаборант... - И опять поправил сбрую под пиджаком.

- И о чем же ты, лаборант, спросить хотел?

- Да насчет Стоунхенджа. Который в Англии... Там тоже так же?

- А, ты вон о чем... Нет, то размыкало, которое в Англии, оно давно уж не работает.

- Почему? Энергия кончилась?

- Как она тебе кончится? Капище-то на земное ядро закорочено.

- А почему ж тогда?

- Ключевую перемычку со столбов сняли - с тех пор и не работает.

Совиноголазый обернулся и внимательно осмотрел сумрачные каменные громады.

- А где она здесь, эта перемычка?

- Так тебе все и скажи! - ухмыльнулся старикан.

Теперь уже задумался Артём.

- Плавильно ви я... - запинаясь, начал поэт и тоже замолчал.

- Правильно, правильно... - ласково успокоил его дедок. - Все ты, голубь, понял правильно. Только соваться тебе туда не след.

Бледный одутловатый юноша в столыпинском галстуке зачарованно смотрел в просвет меж камнями. О чем он думал? Возможно, о том, что вот куда бы загнать всех этих классиков баклужинской литературы с их надменно искривленными лицами. Что они смыслят в новой космической поэзии, скованные традициями педанты? И, наверное, сладостно было представить, как сработает древнее размыкало - и прозреют слепцы, и поймут с ужасом, что всю жизнь следовали мертвым бессмысленным канонам, поклонялись мумиям...

- Вафы идовы - девево... - прошептал он так тихо, что не был понят никем. Поэтому последнюю фразу его есть резон перевести.

«Ваши идолы - дерево», - так прозвучала бы она в традиционном произношении.

- Спасибо тебе, дед! - внезапно выпав из раздумий, произнес сухопарый Арсений. - А вот где бы обо всем об этом еще и прочесть?

- Прочесть? - оторопел старикан, замигал. - Да понаписано-то много всего... Тебе как? Поволшебнее? Понаучнее?

- Понаучнее, - сказал Арсений.

- Если понаучнее, то был такой Савелий Сирота...

- Почему был?

- Потому что весь вышел, - насупившись, отвечал старикан. Не любил, должно быть, когда перебивают. - А называется книжка «Промывка ауры в корень».

- Как? - не поверил Арсений.

Старикан сухо повторил.

- А кто он, этот Сирота?

- Ауриолог.

- Это которые, что ли, урологию отрицают?

Возможно, вопрос был задан вполне серьезно, по незнанию, однако прозвучал как неуклюжая попытка пошутить. Старикан обиделся окончательно, повернулся и, даже не попрощавшись, двинулся прочь, в сторону Колдобышей. Трое озадаченно глядели ему вслед.

- Выясни потом, кто такой, - негромко велел Арсений.

Артём кивнул.

- «Промывка ауры в корень», - недоверчиво повторил Арсений и, хмыкнув, покачал головой.

Ветхая шубейка из Чебурашки помаячила-помаячила и скрылась за ребристым плечом мегалита.

- Это все ладно, - хмуро сказал Артём. - А как ты сюда Портнягина собираешься заманивать?

- Понятия не имею, - честно признался Арсений. - Для начала неплохо бы со старичонкой разобраться. Может, он тут голову нам морочил...

- Зачем?

- А так. По деревенской привычке. Хлебом не корми - дай городскому лапшу на уши повесить. Тем более ученому...

- Ну так проверить-то не поздно, - заметил Артём и оглянулся. - Э!.. - ошеломленно вскричал он. - А этот куда делся?

Глашатая Космической Гармонии в окрестности не наблюдалось. Сообразил, видать, нехристь, что одной попыткой загнать его на заклятую землю Секондхенджа товарищи по партии не ограничатся, и счел за благо незаметно удалиться, покуда цел. Уходил, надо полагать, осмотрительно ступая по сухому, поскольку следов на влажной почве высмотреть также не удалось.

- Ладно, бог с ним! - буркнул Арсений. - Ты, кстати, тачку-то замкнул? Не угонит?

- Не угонит, - сказал Артём. - А все-таки. Как заманивать будем? Если Портнягин и вправду настоящий колдун...

- Колдун, колдун, - заверил Арсений.

- ...значит, все об этих местах знает. Его ж в размыкало на аркане не затащишь... - запнулся, что-то прикинул. - Хм... А правда! Чего мудрить? Подстеречь, сунуть в багажник, привезти сюда...

- А охрана?

- С охраной разберемся.

- Даже и не вздумай! - оборвал старший товарищ. - С ума стряхнулся? Похищение лидера... Весь муравейник разворошишь!

Совиноглазый сплюнул с досады, поморщился - и вдруг что-то, видать, неподалеку приметил.

- Чего там?

- Наследил-таки наш придурок, - с довольным видом сообщил Артём. -

Во-он там... Только куда ж это его понесло?

Товарищи по партии приблизились к участку влажной почвы. Следы поэта отпечатались на нем с типографской четкостью. И вели они напрямиком в размыкало.

- Он что, сбрендил? - вырвалось у Артёма.

Насколько все-таки обыватели превратно истолковывают высокие порывы творческих натур! Ну почему обязательно сбрендил? Почитайте классиков. Истинный служитель муз всегда бежит от суетного света, всеми фибрами своей ранимой души желает отрешиться от ненавистного общества. А тут рядом Секондхендж. Пять шагов - и ты волен и независим. Тебе-то чего бояться, если рукой твоей водит Космический Разум? Ей-богу, нужно быть последним мещанином, чтобы не рискнуть и не воспользоваться такой возможностью.

Судорожно перезвездясь, оба православных коммуниста заглянули в каменный проем. В десятке шагов от них произрастал корявый спрутообразный дубок, раскинувший щупальца почти над самой землей. Так что пришлось самородку вешаться в сидячем положении. В качестве веревки он, как это вообще принято у интеллигентов, воспользовался галстуком.

Видно, не только с традиционной поэзией разомкнуло горемыку, но и со своею собственной. Понятие Космического Разума исчезло, а сомнительное стихотвореньице осталось. Вник, пришел в ужас - ну и...

- Так... - хрипло вымолвил товарищ Артём. - А снимать кто будет? Я туда не полезу.

Сухопарый Арсений молчал, угрюмо играя желваками.

- Не будем мы его снимать, - постановил он чуть погодя. - Так оно даже лучше... в рамках предвыборной кампании. Вчера он поганцу руку публично пожимал, а там вышел, пошел - и удавился. Жаль только, на дубу. Ну да что делать, осины здесь не растут...

Глава 5

«Поскольку описание мироустройства в неприкрашенном виде обычно производит удручающее впечатление, лицам с неустойчивой психикой эту главу лучше пропустить. Изложенная простым, недоступным специалисту языком, она покажется им лишеной таинственности и до омерзения понятной», - таким несколько надменным предупреждением открывает свой немноготомный труд Савелий Сирота.

Многие полагают, будто Савелию Петровичу сильно повредило его парикмахерское прошлое. В идеале оккультисты не должны владеть никаким иным ремеслом, поскольку это неминуемо скажется на их основной деятельности. Сказанное приложимо и к политикам. А то

один по привычке командует державой, как полком, другой в упор не видит разницы между браздами правления и штурвалом комбайна. Да и философы тоже. Ладно, если оптик. Пошлифует-пошлифует линзу - и давай шлифовать дефиниции, причем теми же самыми приемами. А ну как сапожник? В Элладе таких цыкутой травили.

Как ни прискорбно, но ясный, незамутненный взгляд на мироздание свойствен одним бездельникам.

В оккультизм Савелий Сирота подался, так сказать, уже оформившись профессионально. Призер международного конкурса куаферов, автор книги по трихологии, обладатель престижной «Серебряной гребенки», своим уходом он даже вызвал легкую панику среди поклонниц. Пресса сочла неожиданный поступок стилиста обычным пиаровским ходом и, как вскоре выяснилось, в корне была не права. Спустя каких-нибудь полгода мировая эзотерика пережила нешуточную оторопь, ознакомившись с выложенной в Интернете новой теорией астрала. Небрежно изложенная, во многом бездоказательная, она тем не менее, как многим померещилось, опрокидывала чуть ли не все устоявшиеся взгляды на тонкие миры.

Первыми взвыли ауурологи (в виду имеются исследователи человеческой ауры, а вовсе не лица, отрицающие урологию, как бестактно предположил сухопарый Арсений). Они-то, кстати, и начали травлю, приведшую Савелия Сироту к трагическому финалу. В оккультной прессе замелькало оскорбительное слово «парикмахер». Возмутителя спокойствия упрекали в профанации, незнании сакральных текстов, кощунстве, подозревали в нем вульгарного мистификатора и тайного хулигана, причем следует заметить, что за исключением двух последних выпадов все перечисленные обвинения имели под собой почву.

В чем-то, конечно, Савелий Сирота сам виноват. Слишком уж отчетливо слышится в его писаниях шорох расчески и щелканье ножниц. Когда он, к примеру, говорит о посекшихся энергетических волокнах или о воспитании как о завивке и укладке ауры, невольно возникает ощущение, что над вами просто издеваются.

Удрученный многочисленными нападками бывший куафер ни разу не возразил своим недругам, что поначалу даже дало им повод усомниться в его существовании.

Новые идеи оказались, однако, достаточно притягательны. Невесть откуда взявшиеся сторонники Савелия повели себя, не в пример учителю, крайне агрессивно: придумали для своих оппонентов унижительное прозвище «досиротики» (по образцу «досократиков»), а себя, естественно, нарекли «сиротиками», что тоже, согласитесь, не совсем благозвучно.

В любом случае, картина потустороннего мира, предложенная Сиротой, независимо от того, насколько она соответствует

действительности, привлекает изяществом и непротиворечивостью, чего не скажешь о традиционных системах, представляющих, как правило, нагромождение противоречащих друг другу сведений.

Обладатель «Серебряной гребенки» начинает с утверждения, будто человеческая аура - это естественная реакция нашего духовного начала на окружающую действительность, проще говоря, вставшая дыбом астральная шерсть. Подшерсток ее многослоен, что, дескать, и легло в основу учения о семи аурических оболочках.

Невольно вспоминается, что у Савелия, кроме профессии, было еще и хобби: собаковод-любитель. Редкая газета не перепечатала душераздирающей истории о его пуделе, умершем от тоски на могиле хозяина.

«Такое впечатление, - пишет Сирота, - что, кроме этого подшерстка, оккультисты вообще ни о чем не желают знать. Его-то они и называют аурой, причем толкуют о каких-то ее границах, в то время как любая аура безгранична. Подшерсток же образуется в результате энергетической давки, возникающей в непосредственной близости от нашего эфирного тела, где тонкоматериальная ость теснится особенно густо. По мере удаления от поверхности астральные волоски разбегаются в пространстве и как бы исчезают. На самом деле исчезновение это мнимое - просто по отдельности различить их крайне сложно».

Оставив коллег-эзотериков копошиться в оческах аурического пуха, Сирота прослеживает разбегание незримых волосков, уходя за ними в глубокий астрал.

Большинство полагает, что они связывают нас с внешним миром. Точно также полагает и Савелий Сирота, с одним, правда, уточнением, от которого у большинства мороз по коже. Суть уточнения такова: кроме этих силовых линий, в мире вообще ничего нет. Именно из них соткано все, что мы именуем окружающей реальностью.

Хотя «соткано» - не совсем то слово. Скорее уж «запутлякано». Беспорядочно переплетаясь, нити сбиваются в колтуны, многие из которых достигают со временем материальной плотности.

Самый огромный колтун - несомненно, Мироздание, однако неуклюжие филологические попытки бывшего парикмахера связать со словом «космы» такие термины, как «микрокосм», «макркосм», «Космос», выглядят в достаточной мере наивно и способны вызвать лишь досаду.

Самое забавное (или печальное) заключается в том, что, изложив это Савелий Сирота более или менее традиционным языком, его труд ни у кого бы не вызвал протеста, хотя, с другой стороны, возможно, остался бы незамеченным. Но представить себя этакой энергетической кошмой, отвердевшим кудерышком Мироздания многим показалось оскорбительным. Бог им судья. Из атомов, видите ли, состоять не

стыдно, а из силовых линий почему-то за обиду стало...

Глава 6

- Он что, издевается?! - яростно завопил товарищ Арсений, метнув книжку в угол вагончика. - Это же читать невозможно!

Товарищу Арсению стоило посочувствовать. Сами подумайте: убить столько времени, продраться сквозь заумную, не то эзотерическую, не то парикмахерскую терминологию, уяснить картину Мироздания по Савелию Сироте - и при этом не узнать ничегошеньки сверх того, что уже было сказано вчера бомжеватым старикашкой возле мегалитического сооружения, известного как Секондхендж...

И все же в чем-то товарищ Арсений был не прав. Кто его вчера за язык тянул? Просил понаучнее - заполучи.

- Ты осторожней, - осуждающе сказал товарищ Викентий, поднимая оснащенное очками кувшинное рыло от заваленного бумагами стола. - Чуть в Богородицу не угодил...

Разгневанно сопя, товарищ Арсений походил по вагончику, затем малость успокоился, подобрал книжку с пола, непочтительно бросил на сейф. Чтения, естественно, не продолжил.

- Как с компроматом? - отрывисто спросил он.

- Да никак... - отозвался товарищ Викентий, снимая очки и утомленно потирая то место, где лоб у него переходил в нос. У прочих там обычно располагается переносица. - Родственников нет. Полтора года отбыл на зоне... Ну, ты ж этого трогать не велел.

- Не велел, - подтвердил Арсений. - Он там вместе с нашим кандидатом срок мотал. По одному и тому же делу. А после освобождения - ничего?

- Ничего. Сразу подался в ученики к колдуну.

- Личные связи?

- Нету.

- Не может такого быть!

- Ну вот тем не менее...

Товарищ Арсений посопел, потом взял с сейфа книгу и бегло принялся листать наудачу, надеясь выудить из этой белиберды хоть что-нибудь существенное. Внезапно в тексте мелькнуло имя вождя.

«Как неосторожно выразился однажды Владимир Ильич Ленин: «Идея, овладевшая массами, становится материальной силой», - и с несвойственной ему опрометчивостью выдал главный секрет большевиков, принятый, к счастью, за ораторскую метафору.

Самое время вспомнить, что материя, по Савелию Сироте, это

именно свалывшаяся до затвердения неразбериха силовых линий.

Спутываясь воедино, волокна многих аур образуют коллективные колтуны, именуемые народом, верой, партией, причем образования эти живут собственной жизнью, управляя своими составляющими, как марионетками, и используя астральные волокна в качестве нитей.

Так называемый пробой на массу, с нашей точки зрения (излагает далее Сирота), есть мгновенная заплетка отдельных волокон в некое подобие косицы, прочно связывающей нас с коллективным колтуном.

Существуют, однако, так называемые гиблые места, представляющие собой участки астрала с повышенной энергетикой, где даже сильно свалывшаяся аура начинает пушиться, мнимо увеличиваться в объеме, а вышеупомянутые косицы стремительно расплетаются. «Сиротики» называют такое явление промывкой ауры в корень, «досиротики» - воздействием отрицательных полей, а народ - просто размыкалом.

Представьте себе на секунду, что ваше уютное Мироздание встает дыбом, все колтуны расходятся на волокна и по мнению одних «сиротиков» - исчезают, по мнению других - теряют смысл.

Обычно гиблые места разбросаны вдоль линий высоковольтных передач, хотя на самом деле все обстоит наоборот: линии высоковольтных передач неосознанно прокладываются людьми по наиболее гиблым местам...»

- Знаешь, - честно признался кувшиннорылый Викентий. - Зря вы это все с Артёмом затеяли... Ты что, надеешься, Портнягин придет в Секондхендж компромат выкапывать? Или на свиданку к кому-нибудь прибежит?

Товарищ Арсений нахмурился и вновь отложил книжицу. Сам чувствовал, что пошел на поводу у ненормального стихоплета... земля ему пухом. Кстати, сегодняшние газеты, две из которых валялись среди прочих бумаг на прорабском столе, довольно подробно освещали операцию по извлечению тела самоубийцы с территории капища. Сперва пришлось подогнать к дубку радиоуправляемого робота с гидравлическими ножницами, чтобы перерезать галстук, а затем воспользоваться арканом.

Арсений покосился на заголовок, крупными буквами клеймящий колдунов и интеллигенцию. Рядом подверстано было интервью с известным кутюрье Столыпиным-младшим. И в голову забрела странная, словно бы чужая мысль: даже удавившись на собственном галстукке, принадлежность свою к интеллигенции не подтвердишь. Напротив, опровергнешь. Кто такой интеллигент? Это прежде всего личность, разорвавшая связь с народом. То есть размыкало ему уже не страшно, А раз удавился, значит была связь-то, пусть слабенькая, но была.

Или Секондхендж размыкает тебя не только с обществом, но и с самим собой? А ведь и впрямь: астральные волокна, о которых повествует Савелий Сирота, в интеллигентной ауре должны быть запутляканы еще сильнее, чем, скажем, у простого работяги-риэлтера. Колтун на колтуне и колтуном погоняет. И вот, оказавшись в зоне высокой энергетики, все это начинает распускаться, распрямляться, пушиться... Хотя у таких субъектов астральная шерсть что ни день безо всякого размыкала сама собой дыбом встает. Истинный интеллигент - он ведь о чем подумает, в том и усомнится...

Примерно так мыслил товарищ Арсений, все больше запутывая незримые волокна своей ауры, когда дверь вагончика распахнулась и на пороге временного агитхрама возник совиноглазый товарищ Артём, причем вид у него был несколько таинственный, торжественный и отчасти зловещий.

- Ну? Что?

- Хлюпик наш рифмоплет!

- Это я и сам понял. Что еще?

- Значит, так... - Товарищ Артём сунул руку за борт пиджака, но извлек, разумеется, не ствол, а некий выведенный на принтере список. - Из тех, кто ходил в Секондхендж, самоубийц немного - процентов десять. Но долбануло практически всех. Кто в запой ударился, кто на иглу сел...

- Тоже неплохо.

- ...и у всех отвращение к прежнему роду деятельности. Брокер не может слышать о бирже, доярка - о коровах...

- Так-так-так...

- Интересен случай с одним попом. Лет пять назад пытался освятить капище. На другой день сверг с себя сан и подался в безбожники. Потом посетил капище вторично и начал громить атеизм.

- Вот как? Это что же... клин клином вышибают?

- Не знаю. И никто не знает.

- А выводы?

- Выводы такие, что, если нам даже повезет заманить Портнягина в Секондхендж, с собой он, скорее всего, не покончит. Мужик крепкий.

- А и не надо! - Товарищ Арсений повеселел, возбужденно потер ладони, прошелся из угла в угол. - Пусть живет! Главное, что он смысл своей деятельности утратит, понимаешь ты это, товарищ Артём? Выборы через неделю. И вот представь: этот их единый блок «Колдуны за демократию» лишается своего кандидата в Президенты! А?!

- Да, но заманивать-то как будем?

Погрустнели товарищи, закручинились. Незримые волокна трех аур клубились в тесном помещении подобно паутинкам. Сплетались, расплетались и все никак не могли сбиться в единый колтунок. То бишь

план операции.

- А что со старичонкой? - чуть погодя хмуро спросил Арсений. - Выяснил, кто он такой?

- Нет, - с сожалением признался Артём. - Походил вчера по Колдобышам, поспрашивал... Там таких дедков - пруд пруди! И все не те... Наверное, не местный он.

- Жаль не догадались мы его тогда сфотографировать, - посетовал старший товарищ. - Может, фоторобот изготовить?

- Фоторобот я уже смастрячил. Вот.

- Ну-ка, ну-ка, - оживился Арсений, принимая портретик шесть на девять. - А что? Похо-ож...

- Позвольте... - вмешался товарищ Викентий, отбирая карточку.

- Нет! - сказал он, приглядевшись. - Не может быть!

- Что такое?

Товарищ Викентий сорвал очки с кувшинного рыла, всмотрелся невооруженным глазом.

- Вы не поверите, товарищи, - объявил он, сам заранее удивляясь тому, что намерен был сообщить. - Знаете, кто это? Это же Ефрем Нехорошев! Бывший учитель Глеба Портнягина...

- Личность известная? - хищно прищурился товарищ Арсений.

- Более чем. Старейший чародей Баклужино. Сильно запойный. До сих пор гадают, черный он маг или белый...

- К выборам какое-нибудь отношение имеет?

- Никакого! Политиков на дух не переносит. Считает общественную активность результатом порчи. Очень расстроился, когда ученичок его подался в кандидаты...

- Что значит расстроился? Ушел в запой?

- Хуже, - мрачно произнес товарищ Викентий. - Вышел.

Глава 7

Старый колдун Ефрем Нехорошев сидел, трезвый и угрюмый, на шатком табурете в опустевшей своей однокомнатке и с брюзгливым выражением смотрел, как по истоптанному в войлок ковру, играючи одолевая клоки серо-белой кошачьей шерсти, неспешно шествует вконец разнуздавшийся таракан. Наконец, не выдержав, чародей протянул руку, взял не глядя с краешка стола колбу дихлофоса, добавляемого в некоторые зелья, и, привстав, расстрелял наглеца в упор. Наложить заклятие не было сил. Отправил баллончик на место и снова присел, наблюдая без интереса, как мечется по полу, вычерчивая сложные кривые, издыхающая тварь.

Внезапно показалось, будто стремительные эти метания складываются в некие знаки. Ефрем всмотрелся.

«В-С-Е-Х Н-Е П-Е-Р-Е-Т-Р-А-В...» - удалось разобрать ему. Он досадливо поморщился, а когда взглянул снова, таракан уже лежал, опрокинувшись навзничь, и легонько подергивал лапкой.

Сам по себе таракан - существо сметливое, но бессмысленное. Способности к письменной речи прорезаются у него лишь на уровне коллективного разума, кстати сказать, довольно высокого. В данном случае, как легко догадаться, жертву инсектицида пробило на социум, и она в агонии выдала единым росчерком главные чаяния всей тараканьей громады.

А вы думали, одних только людей пробивает?

Шла третья неделя одиночества старого колдуна.

Еще утром первого дня он ощутил с тревогой, что вполне естественный, напрашивающийся в его положении поступок требует нешуточного усилия воли. Всего-то навсего: свернуть пробку и принять первые сто двадцать капель. Движение, совершаемое на уровне инстинкта. Сердечники принимают так корвалол.

Когда кто-либо из ваших знакомых бросается в лестничный пролет или иным подобным способом решает раз и навсегда свои проблемы, сочувствующие задают всего два вопроса: сильно ли был пьян и долго ли пил до этого. Услышав, что сильно и долго, успокаиваются, приходят в доброе расположение духа, даже позволяют себе скорбную жабую улыбку: вот она, водка-то... Отчасти они правы: большинство смертельно больных умирает от вынужденной передозировки лекарства. Так и тут. Да, пил, не просыхая, в течение полугода, потом удавился. А иначе удавился бы еще полгода назад.

С молодых ногтей внушают человеку: «Трудись, а то задумаешься! Учись, а то придется думать самому!». Однако ленив человек и упрям: нет-нет да и пораскинет умом на досуге. Вот тут-то и приходит на помощь алкоголь. Для обычных людей выпивка - не более чем охрана границ: встретить мыслишки на дальних подступах, пока они еще не оккупировали мозг. Есть и другие способы профилактики. Слышите пульсацию динамиков? Раньше так глушили вражеские радиостанции. Теперь так глушат собственные мысли. Не зря же говаривал царь-мученик или кто-то из его приближенных: «Идеи надлежит давить и тщательнейшим образом вычесывать».

Охранять границы рассудка Ефрему Нехорошеву было поздно. Для постижения сути бытия природа отпустила человеку довольно малый срок, и она права, поскольку жить дальше вряд ли кому захочется. Суть бытия старый колдун постиг сызмальства и с тех самых пор, как выражаются медики, жил в минус, на одном спиртном, принимая его взамен обезболивающего.

В последнее время, правда, отпустило чуток. Не было счастья -

несчастье помогло. Год назад Ефрема угораздило взять воспитанника, хотя не раз зарекался, наученный горьким опытом: будя! Никаких питомцев. Из этого, впрочем, не следует, что старый чародей был плохим педагогом. Напротив! Это был настолько талантливый педагог, что послушные ученики не пробуждали в нем интереса. Алмаз, сами знаете, гранится алмазом, а Ефрему как назло попадался слишком податливый человеческий материал. Ловили с трепетом каждое слово, не прекословили ни в чем, велишь им в окошко сигануть с пятого этажа - за честь почтут. Но этот... сомневался во всем, даже в сомнениях наставника. Чуть до кулаков не доходило. Много он Ефрему крови попортил, пока не допрыгался окончательно. Нет, не умер - ушел в политику, но тут, сами понимаете, разница невелика: был человек - нет человека.

Теперь же, лишившись необходимости парировать неуклюжие выпады юного задиры, разрушать вздорные аргументы и пресекать наивные попытки приписать бытию хотя бы видимость смысла, старый колдун остался один на один со своей правотой. Выход из подобной ситуации очевиден: свернуть пробку и принять первые сто двадцать капель, но даже в этой малости Ефрему, как видим, было отказано.

В прихожей послышался протяжный мелодичный скрип дверных петель.

- Это здесь, что ли, можно рекламу в астрале разместить? - прямо, без экивоков спросил чей-то на редкость мерзкий голос.

Старый колдун Ефрем Нехорошев отвлекся на миг от созерцания нескрытой бутылки. Держал он ее наотлет, как череп Йорика.

Кувшинное рыло, просунувшееся в приотворенную дверь, было под стать голосу.

- Какую еще рекламу? - брюзгливо уточнил Ефрем.

Кувшиннорылый скользнул в прихожую.

- Рекламу-то? - деловито переспросил он. - Ну, скромную такую, неброскую... Скажем, предвыборную.

- Не по адресу, - скупо известил колдун. - Работаю только с частными лицами.

- Так а я и есть частное лицо!

- Кто? Ты? - Чародей опустил руку с бутылкой и, обернувшись целиком, с ядовитой ухмылкой оглядел посетителя, особо сосредотачивая внимание на его конечностях. - Да ты ж на поддегушках весь, как Буратино!

При всей своей хлесткости сравнение особой точностью не отличалось. Марионеткой Буратино, скорее всего, не был, но что правда, то правда: от астрального тела посетителя отходили взлохмаченные энергетические шнуры (косицы, как их называет

Савелий Сирота), состоящие из слипшихся воедино аурических волокон и красноречиво свидетельствующие о том, что к старому колдуну заявлялась даже и не личность, а так, составная часть партийного аппарата.

Попади он на территорию Секондхенджа, ох несладко бы ему там пришлось!

- Это вам к кому-нибудь из черных магов надо, - продолжал Ефрем, с особой гадливостью выговаривая слово «вам». - Вон к Платошке Кудесову. Двор перейдешь - первый подъезд, второй этаж. Квартиру спросишь...

Но кувшиннорылый, по всему видать, был не из тех, кому достаточно указать разок на дверь. Не спрашивая разрешения, рекламодатель довольно-таки развязно опустился в кресло для посетителей и посмотрел на престарелого колдуна так, словно тот был гостем, а хозяином - он сам.

- Вы правы, Ефрем Поликарпович, - заговорил пришелец другим голосом, должно быть, принадлежащим его политической, а то и уголовной группировке. - Реклама в астрале меня, честно сказать, интересует мало. Точнее, совсем не интересует. А пришел я к вам по очень серьезному делу, от которого зависит не только наше, но и ваше будущее...

Давненько не беседовали с маститым чародеем в подобном тоне. Впрочем, удивляться тут нечему: незнакомец, напоминая, говорил не от своего лица, а причастность к коллективному разуму, как известно, предполагает полную утрату индивидуальной совести.

- Только не вздумайте пугать меня тем, что наложите заклинание, наведете порчу и все такое, - бесстрашно продолжал он. - Человек я верующий, партийный и, думаю, без помощи не останусь. Словом, хотите вы этого, не хотите, а потолковать нам придется...

Не пришлось. Оба сотовых телефона заголосили одновременно. Тот, что принадлежал Ефрему, заиграл «Как ныне собирается Вещий Олег...», а переговорное устройство гостя грянуло первые такты гимна (слова Жуковского, музыка Александрова).

Какофония вышла умопомрачительная.

- Что? - крикнул в трубку кувшиннорылый. - Сюда?! Сейчас?..

- Ефрем Поликарпович? - в тот же миг осведомился сотик чародея. - С вами говорит референт кандидата в Президенты Баклужино...

- А что, Глебушка сам уж и позвонить не мог? - несколько даже ошалел старый колдун.

- Глеб Кондратьевич просит вас принять его через десять минут, - невозмутимо продолжал крохотный динамик. - Пожалуйста, никуда не уходите. Будьте на месте.

Вот жизнь пошла! Ефрем хмыкнул и дал отбой. Кувшиннорылого посетителя в комнате уже не наблюдалось. Сгинул. Слышно было, как

он низвергается по лестнице, затем хлопнула внизу дверь подъезда - и все стихло.

С телефоном в левой руке и невскрытой поллитровкой в правой маститый кудесник некоторое время пребывал в оцепенении. Потом повертел бутылку, словно бы впервые видя перед собой нечто подобное, и бережно поставил непечатый сосуд на край стола, рядом с колбой дихлофоса.

Глава 8

Вскоре (ровно через десять минут, надо полагать) вновь запела входная дверь, и в захлавленную однокомнатку ступил кандидат в Президенты суверенной республики Баклужино от блока «Колдуны за демократию» Глеб Портнягин.

Вероятно, сказалась дурная привычка старого колдуна мыслить заклинаниями. Взял вот и вызвал нечаянно. Хотя, с другой стороны, государственные мужи, чем их ни заклинай, на призывы простых избирателей отзываются редко.

Из-под кровати раздалось радостное поскуливание ученой хыки. Узнала, кинулась навстречу.

- Соскучилась... - с ностальгической улыбкой молвил Глеб. Нагнулся, потрепал жуткое исчадие потустороннего мира по незримой холке, затем выпрямился и, растроганно вздернув брови, разгладил просевшую эфирную оболочку правого косяка.

- Ну, здравствуй, что ли... - прочувствованно произнес он.

Прищуренным глазом старый чародей окинул выученика с головы до ног. И у этого тоже аура в косицы свалялась. Чисто осьминог!

А ведь, пожалуй, и впрямь Президентом станет.

- Здравствуй, здравствуй... - прошамкал колдун и кивком указал на свободный табурет. Присаживайся, мол.

Где они, привычные джинсы и кожаная куртка! Одетый с иголки (будьте уверены, лучшей иголки Баклужино), рослый кандидат в Президенты шагнул к табуретке и, как в добрые старые времена, сел напротив учителя.

А вот любопытно: визит к бывшему наставнику у него в плане мероприятий был заранее отмечен или как?

- Вот зашел узнать... - со сдержанной грустью молвил высокий гость. - Не нуждаешься ли в чем...

- Я? - Старый колдун помолодел от изумления. - Ты, Глебушка, часом не прихворнул? Третий глазик у тебя как? В порядке?

Действительно, если верить третьему глазу, лучистая аура Ефрема Нехорошева по-прежнему отливала глубочайшей синевой: верный признак того, что маститому чародею давно уже все фиолетово, в том

числе и собственные нужды.

- Ну... - замялся Глеб. - Я ж не во вселенском смысле... Так, в житейском... Жилплощадь расширить, пенсию хорошую устроить...

Старый колдун утавил на него охальные желтоватые глазенки, потом захихикал:

- Ну ты сказанул! Пенсию! По инвалидности, что ли? В сорок-то восемь лет...

- Сколько?! - ужаснулся Портнягин.

Честно сказать, он всегда полагал, что наставнику его не меньше восьмидесяти.

А тот, все еще похмыкивая, покосился на край стола, где в непорочной целокупности стояла непочатая бутылка водки, и почувствовал вдруг, что нет ничего проще, чем свинтить пробку и принять первые сто двадцать капель. Жизнь возвращалась. Визит блудного питомца произвел на старого колдуна поистине волшебное действие.

- Ты уж, Глебушка, не крути, не надо... - веселея на глазах, посоветовал старикан. - Это не у меня, это, брат, у тебя во мне нужда припала... С чем пожаловал?

Глеб Портнягин крякнул, нахмурился. За полмесяца стремительной политической карьеры его еще никто не посмел раскусить с такой оскорбительной легкостью. Напрочь отвык.

- Ладно, - натужно усмехнувшись, признался он. - Просто зашел...

- А это ты поди хыке расскажи. Она поверит.

Портнягин встал, словно собираясь в знак протеста покинуть зал заседаний, потом вспомнил, где находится, и снова сел. Засмеялся, не разжимая губ.

- Да... - сказал он наконец. - Давненько не видались. Целых две недели... В чем нужда, говоришь? - Вскинул глаза, стал серьезен. - В тебе, Ефрем.

- Эк ты! - поразился тот. - Ну-ну...

- Пойми: ты нужен движению! - Портнягин повысил голос. - Именно ты! Старейший... - Тут он запнулся, вспомнив, что старый колдун Ефрем Нехорошев, оказывается, не так уж и стар. - Да, старейший! - с вызовом повторил кандидат, упрямо сводя брови. - Старейший чародей Баклужино... Люди к тебе тянутся... Вот и поддержи нас!

- Смешной вы народ, - сказал колдун. - Чуть во что уверуете - тут же всех давай в свою веру на веревке тащить. То ли скучно одному, то ли совестно...

- Ефрем! - укоризненно прервал его Глеб. - Нам необходимо сильное, справедливое Баклужино. Держава, которой можно было бы гордиться! Вспомни, сам же столько раз власти бранил, говорил: до революции доведут... Ну так вот он, наш случай: взять власть самим...

- Мало ли что бранил! - невозмутимо возразил Нехорошев. - С кем не случается? Мне вон таракан в аккурат перед твоим приходом тоже на

ковре целую прокламацию выписал...

Портнягин взглянул на пол, тронул носком туфли трупик насекомого, потом всмотрелся, свел брови. Прочитать астральные знаки, начертанные издыхающей тварью, для питомца чародея не составляло труда. Тем более свежие еще, не выдохшиеся.

- В-С-Е-Х Н-Е П-Е-Р-Е-Т-Р-А-В... Вот видишь? - упрекнул он учителя. - Даже таракан - и тот сознает, что сила в единстве...

- С дихлофоса - чего ж не осознать... - проворчал тот. Затем как-то по-особенному покосился на выученика - и решительно протянул руку к бутылке.

- Зря ты, - обеспокоенно предупредил Портнягин.

Не слушая, старый колдун привычным движением свинтил пробку, наполнил мутноватый граненый стаканчик, но вместо того, чтобы принять его самому, подал Глебу.

- Ты выпей, - сочувственно произнес он.

Кандидат в Президенты недоверчиво воззрился на бывшего своего учителя.

- Выпей, выпей... - настаивал тот.

И неспроста. Водка подчас расплетает волокна ауры не хуже размыкала. Не зря же бытует в народе выражение «промыть мозги».

- С ума сошел? Мне сейчас мост открывать!

- Какой мост?

- Через Чумахлинку. Ленточку золотыми ножницами резать, речь говорить...

- Ох и житуха у тебя!.. - посочувствовал чародей. - Тогда так... - отставил стаканчик на стол и с кряхтением поднялся с табурета. Достал из кармашка засаленного халата уголек и, с видимым трудом опустившись на карачки, начертал на полу неровную замкнутую кривую.

- Становись в круг.

Портнягин усмехнулся:

- Боишься от меня идей нахвататься?

Дело в том, что, когда работаешь с сильно запущенным клиентом, первое правило: ставь болезного в круг, а то, не дай бог, порчу подцепишь. Ефрем Нехорошев обычно такой предосторожностью пренебрегал, говоря, что зараза к заразе не липнет. И если он теперь вспомнил об этой уловке, значит уже и сам опасается.

Печально, печально... Хотя, с другой стороны, такая осторожность лишний раз подтверждала завораживающую притягательность предвыборных обещаний Глеба Портнягина. Это радовало.

- Плохо ты обо мне думаешь, Глебушка, ой, плохо... - посетовал с ухмылкой старый колдун, видимо, угадав тайные чувства питомца.

- Там у меня... - наклонил башку и потыкал хрупким пальчиком в проплешину на макушке, - такая давка, что ни одна чужая мыслишка не

втиснется. А втиснется - ей же хуже. На словечки разорвут да по ветру пустят...

- Тогда зачем...

- Сейчас поймешь. Становись в круг.

Молодой человек пожал плечами и, вставши с табурета, переступил угольную черту.

- Дальше, - велел старикан. - Посередке стань...

Портнягин шагнул в центр круга и вдруг пошатнулся. Импровизированное размыкальце сработало. Конечно, до Секондхенджа ему было, как батарееке до электростанции, и тем не менее привычным колдовским глазом Ефрем Нехорошев отчетливо различал, как начинают слегка лохматиться энергетические канатики, связывающие Глеба с людским скопищем, как отслаиваются от них отдельные аурические волокна.

С неслышным взвизгом метнулась под койку ученая хыка.

Старый колдун огляделся, запахнул поплотнее халатишко и, покряхтывая, присел на табурет.

Глеб Портнягин стоял неподвижно. Глаза кандидата в Президенты опасно блуждали - классический вид внезапно разбуженного сомнамбулы.

- Слышь, Ефрем... - испуганно выдохнул он вдруг. - Я ж вроде не пьяный был! А столько дури наплел...

- Да не то чтобы совсем дури... - задумчиво молвил Ефрем. - Тут еще с какой стороны посмотреть... Ежели с государственной - все по делу, все разумно...

- Ой-й!.. - зажмурившись, тихонько взвыл Портнягин. - А на митинге-то, на митинге...

- Табурет дать? - с тревогой на него глядя, осведомился наставник. - Голова не кружится?

- Нет...

- Здоров... - оценил старый чародей. - Которые послабже, бывало, и с копыт падали...

Портнягин глубоко вздохнул, пришел было в себя - и тут же снова обмер, зажмурился:

- Йо-о!..

Что-то, видать, еще припомнил.

Присел по-тюремному на корточки, посидел так, посидел, головушку свеся, а там и вовсе опустился на пол. Нет, не то чтобы обмяк или там ослаб в коленях - просто подчинился порыву души. Шутка, что ли - разом от всего опомниться!

- Костюмчик испачкаешь, - заметил колдун. - Эх, не смикитил я что-нибудь подстелить...

- Не последнее, чай, донашиваю... - ответ прозвучал хрипловато, но все-таки это был ответ - Портнягин стремительно приходил в себя.

Могучий организм, ничего не скажешь!

Размыкальце выдыхалось. Напряжение астрала, сфокусированное заклинанием в центре круга, быстро падало. Для настоящей, серьезной промывки ауры в корень требуются куда более высокие энергии.

- Пересел бы все-таки на табуретку...

- Нет, не надо. Тут посижу... - Портнягин вскинул голову. - Ка-ак они меня все достали, Ефрем! - вырвалось у него. - Шагу самому ступить не дают: ногу поставь так, голову поверни так, подбородок вздерни повыше... Референты, имиджмейкеры, политтехнологи, тудить иху перетудить!.. Думаешь, я речи сам сочиняю? У меня тут... - потыкал пальцем в правое ухо, - динамик вставлен. Вот и повторяю все за ним, как попка... Эх, если бы не народ баклужинский! Бросил бы все к чертовой матери...

Распушившиеся было аурические нити кандидата вовсю уже сплетались в привычную идеологическую неразбериху.

- Глеб Кондратьевич, - послышалось из прихожей. - Пора. Надо ехать... - Далее почтительный голосок пресекался: - Ой, да что ж вы на полу-то сидите?! - взвизгнул он.

За каких-нибудь несколько секунд в комнате стало шумно и людно. Кандидата в Президенты подняли, отряхнули, сдули последнюю пылинку и, укоризненно косясь на Ефрема Нехорошева, повлекли вон. Открывать мост через Чумахлинку и резать ленточку золотыми ножницами.

- Я еще загляну... - только и успел пообещать он, обернувшись напоследок в дверях.

Глава 9

Боготворные эволюционисты рассчитали однажды, как изменится человеческий профиль, если им в течение долгого времени рассекал воду. В итоге на мониторе возник абрис дельфина. Прямо скажем, невеликое открытие. Не только вода, но даже преодолеваемое нами бытие незаметно обтачивает нам физиономию. Наиболее обтекаемый вариант - кувшинное рыло. С бытодинамической точки зрения оно совершенно: раздвинешь любую толпу, проникнешь в любой кабинет.

Волевой подбородок в качестве рассекателя неплохо смотрится в кинематографе и благосклонно принимается глотателями детективов, однако в обыденной жизни это, как правило, первичный признак неудачника. А уж проминать повседневность высоким, выпуклым лбом - и вовсе гиблое дело.

Наука физиогномика обманывает редко. И трех минут не прошло с момента отбытия кандидата в Президенты на торжественную церемонию, а загадочный обладатель кувшинного рыла вновь

прошмыгнул в прихожую, даже не потрудившись открыть дверь полностью.

Сказывалось совершенство обводов.

- Н-ну... - вновь помрачнев, молвил хозяин. - И о чем же ты, мил человек, со мной собрался беседовать?

- Будем откровенны, Ефрем Поликарпович, - прямо предложил тот, с достойной зависти непринужденностью располагаясь в кресле.

- Конечно же, мы с вами противники и таковыми останемся...

- А ты, я гляжу, высоко себя ценишь, - заметил тот, усмехнувшись. - Ко мне в супротивники еще, знаешь, не всякий годится.

- Я имел в виду не личные, а идейные разногласия, - уточнил гость. - Вы колдун, то есть представитель чуждого нам мировоззрения... Кстати, можете называть меня товарищ Викентий. Хотя нет... Для вас - просто Викентий.

- Можно и так, - не стал перечить покладистый чародей.

- С темными силами оккультизма, - продолжал Викентий (просто Викентий), - мы, как вы знаете, намерены бороться беспощадно. Но в данном случае, мне кажется, наши интересы совпадают.

- А наши - это чьи?

- Лично ваши, Ефрем Поликарпович, и наши партийные.

- Так-так... - заинтригованно молвил колдун. - Ну-ка, ну-ка...

- Вы потеряли ученика и друга, а нас угораздило приобрести сильного политического врага.

- Ну так на то они и ученики. Выучатся да упорхнут.

- А друзья?

Колдун насупился, взял с краешка стола так и не опорожненный стаканчик и, осмотрев, поставил обратно.

- Что-то ты, Викентий, не с того конца заходишь...

- Предпочитаете, чтобы я начал с угроз?

- Да хотелось бы...

- А вот не дождетесь! - сказал Викентий. - Нет, не потому что угрожать нечем. Есть чем. В господнадзоре сидит наш человек, и он может лишить вас лицензии хоть сегодня. Но какой смысл? Через неделю Портнягин становится Президентом - и лицензию вам вернут в золоченой рамке. Неделю без практики, я думаю, вы продержитесь...

- Продержусь... - кивнул чародей.

- Чем еще можно вас запугать? Физической расправой?.. Ну вот видите, вы и сами улыбнулись! Угроза вас наверняка не впечатлила, а если мы приведем ее в исполнение, то выйдем, согласитесь, полными кретинами. Учинить перед выборами расправу над немощным стариком! Что о нас избиратели подумают?

- Да-а, плохи ваши дела... - соболезнующе молвил Ефрем.

- Вот, - сказал кувшиннорылый. - Потому я и пришел к вам, Ефрем Поликарпович, так сказать, с чистой душой и открытыми картами. Это,

конечно, образно выражаясь. С азартными играми мы тоже боремся...

- Короче, Викентий... - насупив косматые брови, прогудел старый колдун. - Кончай крутить. Что вы там, голуби, затеяли?

Викентий заколебался, но лишь на секунду.

- Секондхендж, - внятно выговорил он, глядя в глаза старику.

- Вона как! - подивился тот. - А ко мне чего пришел? Неужто за советом?

- Не совсем, Ефрем Поликарпович, - сказал Викентий. - К вам я пришел не столько за советом, сколько за помощью. Мы прекрасно понимаем, что Глеб Портнягин, сам будучи колдуном, ни за что и близко не подойдет к этим заклятым местам.

- Ну почему же? - мягко возразил Ефрем. - Раньше он туда полез бы запросто. Из упрямства, из любопытства... А теперь... Да и теперь, пожалуй. Просто некогда ему. Да и не пустит его никто туда. Берегут...

- В том-то и дело, - подтвердил Викентий. - Поэтому остается единственный вариант. Вот если бы вы, Ефрем Поликарпович, согласились назначить своему бывшему воспитаннику встречу в Секондхендже...

Старый колдун Ефрем Нехорошев долго и внимательно смотрел на кувшиннорылого искусителя.

- Признайтесь, вам ведь тоже приходило в голову нечто подобное, - нисколько не оробев, продолжил тот. - Не зря же вы там были позавчера... Может быть, даже заходили в кольцо камней, - испытующе добавил он.

Старый колдун Ефрем Нехорошев смотрел.

- Неужто вправду заходили? - ахнул Викентий.

- Вчера - нет... - чуть помедлив, отозвался чародей. - А вообще заходил, конечно. Было время - сутками оттуда не вылазил. Первый раз, помню, на спор... перед пацанами выпендривался. Ну а потом уже так, мозги на прочность проверить. Местечко-то интересное...

- И-и... что? Никаких последствий?!

- А какие могут быть последствия? Аура, что ли, дыбером встанет? Так она у меня с четырнадцати лет дыбером... без всякого Секондхенджа... Слышь, мил человек! - не выдержав, перебил себя старый колдун. - Может, хоть ты этот стаканчик примешь? Чего он тут, понимаешь, стоит? Ну не обратно же его, согласишься, вливать! Или вы и с пьянством тоже боретесь?

- А как же! - с достоинством сказал Викентий, неприязненно отодвигаясь от предложенной ему граненой мутноватой стопки. - С пьянством - в первую очередь.

- Иэх!.. - укоризненно молвил Ефрем, вот уже в третий раз ставя стаканчик на место.

Моралисты! Прогуляли в детстве урок физики и с тех пор свято убеждены, будто положительное и отрицательное взаимно

отталкиваются. Думают, раз ты непьющий и ведешь здоровый образ жизни, то и музей никогда не ограбишь. В то время как даже малое дитё знает: не изымешь ты полотно из охраняемого зала без ясной головы и хорошей физической подготовки!

Как же они, интересно, собираются строить свое государство - ежели, конечно, к власти придут?

Нет, правда! Разве не с Указа о борьбе с пьянством и алкоголизмом начался распад Советского Союза? Разве не запрет горячительных напитков вверх Америку в пучину преступности, а затем и в Великую депрессию, выкарабкаться из которой удалось лишь после отмены «сухого закона»? А попытки одолеть исламский терроризм так и останутся попытками, пока государственные мужи не поймут, что он прямое следствие трезвого образа жизни, предписанного Магомедом.

А началось все с библейского Хама - того самого, что, обличая бражничество, отца родного не пощадил. И какого отца! Патриарха Ноя, дважды спасшего человечество: первый раз в ковчеге, второй - когда вино придумал...

- Ну, положим, назначу встречу, - раздумчиво заговорил старый колдун. - Положим, придет... И что?

- Как что? - взволновался Викентий. - Вы же сами не раз высказывались в том смысле, что политика - это порча. Вот и избавьте от нее вашего питомца... Кстати, - насторожился он вдруг. - А почему вы раньше так не сделали?

- Раньше! - с досадой бросил Ефрем. - Когда раньше? Полмесяца назад? Когда Глебушку на массу прошибло?

- Ну да...

- Так полмесяца назад новолуние было! В новолуние размыкало вообще не работает.

- А в полнолуние?

- А в полнолуние - на полную мощь!

Обомлел кувшиннорылый, прикинул. До полнолуния оставалось три дня. Стало быть, есть еще шанс.

- Я смотрю, старшой-то ваш, - ворчливо заметил колдун, - так книжку и не прочел.

- Книжку?..

- Савелий Сирота, - напомнил Ефрем. - «Промывка ауры в корень»?

- М-м... нет. Точно нет. Во всяком случае, не осилил. Он при мне ее в угол швырял.

- Талантливый был мальчонка, - молвил со вздохом старый колдун, должно быть, имея в виду безвременно ушедшего ауролога. - Даром что парикмахер. Жаль, затравили... Так вот у него там в книжке этой все по фазам луны расписано. Насчет размыкала.

- Тоже ваш ученик?

- Не-эт... Даже и не встречались ни разу. Тусовки-то разные. Он -

теоретик, я - практик. Да и возраст тоже... Ну да дело прошлое, что о нем толковать? Ты мне лучше, мил человек Викентий, вот чего скажи... Положим, разочаровался Глебушка в политике. Послал всех к черту перед самыми выборами. Пришли вы к власти. И начали, стало быть, бороться с темными силами оккультизма. То есть с кем? А со мной и с тем же Глебушкой... - Колдун замолчал, вперил испытующий взор в кувшиннорылого.

Тот был скорее задумчив, нежели смущен.

- Знаете, Ефрем Поликарпович, - с некоторым даже сожалением заговорил он. - Мне почему-то казалось, что вы сильнее в диалектике. Как ни странно, предстоящая наша борьба с оккультизмом и есть залог вашего будущего благоденствия.

- Даже так?

- Да, представьте. Я ведь перед тем, как сюда явиться, тщательнейшим образом изучил все доносы в госнадзор на вас и на вашего ученика - во всяком случае, за последние полгода. Как вы думаете, кто их туда посылал? Не знаете? Так я скажу! Бесчисленные ваши коллеги, которые спят и грезят, как бы вас съесть с потрохами. Как перехватить вашу клиентуру. Как навести на вас порчу. На Глеба-то, кстати, навели... А Савелия Сироту и вовсе затравили... Так вот именно с ними, с вашими недоброжелателями, мы и намерены вести борьбу. Открытую и беспощадную.

- А со мной, значит, нет?

- С вами - нет.

- Из благодарности, что ли?

- Ну, во-первых, согласитесь, пока еще благодарить не за что. А во-вторых... Видите ли, с кем бы государство ни принималось бороться, оно обязательно оставляет парочку врагов в целостности и сохранности.

- Вроде как на развод?

- Нет-нет, отнюдь не на развод. Оставляет для того, чтобы в любой момент их можно было предъявить международному сообществу. Дескать, извольте убедиться, дамы и господа: мы боремся не со всеми колдунами, как нас обвиняют, а только с плохими колдунами. С теми, кто приносит явный вред населению. Но у нас есть и хорошие колдуны. Вот, пожалуйста, маститый чародей Ефрем Нехорошев, мировая величина. Вот достойный продолжатель его дела Глеб Портнягин. Да, инакомыслящие! Но с ними мы не боремся. Мы холим их и лелеем...

- Так-так...

- Иными словами, мы предлагаем вам, Ефрем Поликарпович, роль хорошего колдуна. Вам и вашему питомцу. Однако все это при условии, что операция «Секондхендж» пройдет успешно... Лет-то уже немало, а, Ефрем Поликарпович? А конкуренты все наглее, все бесцеремоннее, беспощаднее... Вы говорите: борьба! Какая борьба? Та жизнь, которую вы ведете сейчас, - вот это действительно борьба! Борьба за

существование. Кстати, такое впечатление, что вы ее проигрываете...

И товарищ Викентий соболезнующе оглядел убогую однокомнатку, и впрямь похожую больше на склад старьевщика, нежели на человеческое жилище.

- А что вам сейчас предлагал Портнягин? - неожиданно любопытствовал он.

Колдун пожал острыми старческими плечами.

- Да примерно то же самое, что и вы... - Слово «вы» опять-таки прозвучало с подчеркнутой гадливостью: не ты, дескать, лично, а твой идеологический колтун. - Жилплощадь расширить, пенсию оформить...

- Да, - согласился кувшиннорылый. - Материально вы и в том, и в другом случае ничего не теряете. Даже приобретаете. Но все-таки, насколько я понимаю, порчу с выученика вам снять хотелось бы...

Ефрем присел наконец к столу, отодвинул стаканчик, подпер кулаком щеку, пригорюнился.

- Знаешь, в чем беда? - посетовал он. - Штаб-то избирательный у Глебушки - из одних колдунов. Как узнают, что он на капище собрался - костями лягут, а не отпустят... Ладно. К завтраму, глядишь, что-нибудь придумаем.

Глава 10

Проводив мудрое кувшинное рыло, Ефрем Нехорошев дошкандыбал до тусклого кухонного оконца, однако, выглянув во двор, товарища Викентия так нигде и не углядел. Зато углядел дородного седовласого красавца, решительным шагом направлявшегося напрямиком к его, Ефрема Нехорошева, подъезду.

Колдун озадаченно ругнулся в бороденку и, покрутив головой, вернулся в комнату. Сел на табурет, обернул морщинистое личико к порогу, стал ждать.

Вскоре спели немазанные петли, заменявшие Ефрему дверной звонок, и в прихожую шагнул Платон Кудесов, известный баклужинский нигромант и сосед по двору. Седая грива, львиный лик, на устах самоуверенная улыбка.

- Здорово, Поликарпыч! - запросто приветствовал он престарелого коллегу. - Все горюешь?

Следует заметить, что открытый визит черного мага к белому сам по себе событие довольно редкое. Хотя, с другой стороны, многое за последние полмесяца изменилось в Баклужино. Призывы Глеба Портнягина к объединению откликнулись во многих сердцах. Кроме того, колдовская ориентация старого чародея Ефрема Нехорошева, как ни крути, по-прежнему представлялась загадочной. Черные в нем подозревали белого, белые - черного. Подчас даже закрадывалось в

душу сомнение: да уж не по ту ли он сторону добра и зла?

Тем временем орлиный глаз Платона Кудесова углядел мутный граненый стаканчик на краешке стола.

- Ну вот! - развеселился жизнелюбивый нигромант. - А мне говорили, ты и пить бросил! Я уж беспокоиться начал...

- Выпей, - мрачно предложил Ефрем Нехорошев. - Выдыхается.

- Ты ж знаешь, Поликарпыч, я такую гадость не пью. Коньяк, текила - это да, а водку, тем более самопальную...

- Коньяк, текила... - противным голосом передразнил гурмана Ефрем. - Садись, раз пришел!

С огромным сомнением Платон Кудесов оглядел облезлое, засаленное кресло для посетителей. Поразмыслив, решил побереечь прикид.

- Спасибо. Пешка постою.

- Случилось, что ли, чего?

- Да вот, гляжу, день у тебя сегодня приемный. Подъезд-то твой из моих окон - как на ладони. С самого утра идут и идут. Дай, думаю, и я загляну.

- Да это так, клиенты... - буркнул колдун. - Кому судьбу узнать, кому зубы заговорить...

- Ну, насчет зубов это и мы можем, - глубокомысленно заметил Платон. - Крутые, однако, у тебя клиенты! На двух джипах приезжают. Только почему-то за уголком ставят, а сами до подъезда ножками-ножками и все вдоль стеночки, все с оглядкой... Потом смотрю: мать честна! Кандидат в Президенты собственной персоной пожаловали. Уважил, стало быть, старика... Сколько он у тебя уже не был?

- Да почитай, все полмесяца...

- А за неделю до выборов, значит, вспомнил. Похвально, похвально... Как он, кстати, на твой взгляд?

- Как-как! - хмуро отозвался Ефрем. - Порченный - он и есть порченный.

- Да ладно тебе! - пристыдил его Платон. - В кандидаты угодить - шутка? погоди, будут тебя еще на старости лет по школам водить, будешь детишкам рассказывать, как такого орла воспитал. Только, слышь, - озабоченно добавил он, - про художества его особо не распространяйся. Ну там как склад продовольственный взломал... Или это он до тебя еще?

- До меня.

- А сейчас он с тобой о чем говорил?

- Да если бы со мной! - бросил в сердцах старый чародей. - Он тут в моем лице всему баклужинскому народу речи толкал. О единстве и процветании. Чуть ли не в партию вступить агитировал. Сунул я его в размыкало, чтоб опомнился малость...

Платон Кудесов моргнул.

- А размыкало откуда?

- Сам на скорую руку сварганил. Что подвернулось - из того и...

Маститый нигромант уважительно выпятил губы и медленно поцокал языком. Словно лошадка под окнами прошла. Как бы там ни было, а Ефрем Нехорошев все равно оставался первым колдуном Баклужино. Верно говорят: мастерства не пропьешь.

- Еще, я слышал, хорошее средство - в прорубь головой окунуть, - заметил чернокнижник. - А после того, как в размыкале побывал? Что говорил?

- Жалился, - вздохнул Ефрем. - Никакой, говорит, жизни. Ни вздохнуть, говорит, ни кашлянуть...

Платон Кудесов задумчиво выпятил массивную нижнюю губу и свел брови, отчего лик его стал окончательно львиным. Хоть над подъездом лепи.

- Да, пожалуй, в чем-то ты и прав, - молвил он со вздохом. - Как говаривал Карлос Кастанеда, не по Хуану сомбреро... И ведь хороший колдун из него уже получался! А политик... Ну вот честно скажи, Поликарпыч, какой из него к черту политик? Ни ступить, ни молвить не умеет...

- За него там и молвят, и ступят, - проворчал Ефрем.

- Знаю... - горестно отозвался Платон. - Ох, знаю... Сам, между прочим, в избирательном штабе состою.

- Кем? - с неожиданным проблеском интереса спросил колдун.

- Так... на подхвате...

- Но влияние-то имеешь?

- А как же! Не мальчик, чать...

Оба задумались - и, скорее всего, об одном и том же.

- Честно сказать, - снова заговорил Платон, - не столько его, сколько тебя жалко. Маешься же... Да! Обормот, хулиган, но ученик, ученик... Всю небось душу в него вложил, а он... Эх!

- Ну так и твой тоже в политику полез... - недовольно заметил Ефрем.

- Два сапога пара.

После таких слов Платон Кудесов должен был, по идее, закручиниться еще сильнее, но вместо этого почему-то замялся, принялся выскребать ноготком из краешка глаза воображаемую соринку. Действительно, его собственный ученик Игнат Фастунов тоже принимал участие в выборах и даже шел запасным кандидатом от того же блока «Колдуны за демократию». А Портнягин, стало быть, основным.

- Ну, с моим-то все ясно... - небрежно сказал Платон, справившись наконец с соринкой. - Нигромант он, между нами, средненький - прямой ему резон в чиновники податься... А твой-то при всех его закидонах, что ни говори, а талант! Самородок... Слушай, может, не поздно еще переиграть? - неожиданно спросил он. - Лучше, знаешь, хороший колдун, чем плохой Президент...

Старый чародей Ефрем Нехорошев вздернул косматую бровь.

- В смысле?

- Н-ну... сам же говорил: после размыкала в нем сразу что-то человеческое проклюнулось... на пару минут... Вот я и думаю...

- Как бы Глебушку перед выборами на капище затащить? - прямо спросил колдун. - В Секондхендж?

Врасплох застал. И податься интригану было некуда. А раз некуда, значит нужно стоять насмерть.

- Да, - не дрогнув, твердо отвечал Платон Кудесов. Львиный лик его был суров. - Пойми, Поликарпыч, это единственный выход и для тебя, и для него, и для всего Баклужино. Конечно, я как член избирательного штаба мог бы организовать в Секондхендже что-нибудь этакое предвыборное... с его участием... Но ты ж сам понимаешь, без твоего слова все это не более чем химера. А вот если там будешь ты...

Долгое время старый чародей пребывал в глубоком раздумье.

- А выборы не продуете? - с сомнением спросил он.

Глава 11

Казалось бы, душераздирающие публикации о самоубийстве бледного одутловатого поэта-новатора должны были отпугнуть народ от Секондхенджа. За границей, кстати, так бы оно и произошло. У нас же, как всегда, случилось обратное. Уже к вечеру первого дня окрестности неолитического капища заметно оживились. Городские приезжали на внедорожниках, сельские большей частью приходили пешком - и все ради того, чтобы подобраться к прогалу меж каменных столпов, посмотреть на спрутообразный дубок и, обмирая от сладкого ужаса, увидеть на одном из его корявых щупалец обрывок столыпинского галстука.

Этим, впрочем, и ограничивались. За мегалиты никто не совался - слава богу, ума хватило.

Преобладали, конечно, праздные зеваки, однако появлялись и приносившиеся рыльца делового пошиба - из самых вертких да востреньких: журналисты, агенты туристических фирм, всевозможная колдовская шушера.

Был среди них фоторепортер политически нейтральной газеты «Баклужинец», долговязый унылый тип, обладавший драгоценным для нейтральной прессы качеством - появляться на месте съемки не раньше чем через сутки с момента сенсации. Особо распространяться о нем не стоит, поскольку личность это малоинтересная, да и участие его в излагаемых событиях весьма незначительно.

Запоздало сфотографировав обрезок галстука, он зачем-то решил обойти Секондхендж по периметру, залез в болотце, вылез, поискал иных путей, забрел на какой-то взгорок, увенчанный тремя дубами, где

ощутил некую дрожь в воздухе, легкий озноб во всем теле и услышал невнятные замогильные голоса. Повеяло сенсацией - и этого было достаточно, чтобы многоопытный газетчик удалился оттуда на цыпочках, не гневя судьбу и даже не пытаясь запечатлеть слабое дрожание воздуха меж стволами.

- Ну, этот хоть сообразительный, - буркнул старый колдун Ефрем Нехорошев, неприязненно глядя вслед прыгающему с бугорка на бугорок фоторепортеру. Приподнялся со складного туристического стула и, запахнув поплотнее шубейку из Чебурашки, воссел вновь. - Говорил же, не выйдет спокойно потолковать...

Оба его собеседника виновато крикнули. Настояв на том, что встречу следует провести где-нибудь подальше от людских глаз, они явно недооценили нездоровое любопытство баклужинцев. Даже еще и рассестись как следует не успели, а уже прозвенел издали восторженный мальчишеский голос: «Гля! Во алкаши городские наглюют! Стулья принесли, гля!..». И пришлось Ефрему Нехорошеву с Платоном Кудесовым к неудовольствию товарища Викентия принять колдовские меры предосторожности. Ну да ради конспирации на что не пойдешь!

А с другой стороны, где ее еще было назначать, эту встречу? В вагончике, что ли, временно исполняющем роль агитхрама? Или в избирательном штабе Глеба Портнягина? Да и убогая однокомнатка Поликарпыча вряд ли подошла бы для такой цели: и на виду, и клиенты поговорить не дадут. Вот и решили потолковать здесь, на природе: два политических противника и до мозга костей аполитичный пожилой чародей.

- Значит, хотим-то мы все одного, - угрюмо подвел черту Ефрем Нехорошев. - Только по разным причинам. Тебе, Викентий, Глебушка сейчас главный враг. Тебе, Платоша, лишь бы Игнашку в Президенты просунуть. А мне бы вот только порчу с дурака снять. Школил его, школил, а он, вишь...

Рассердился и замолчал.

- Честно сказать, - недовольно покашливая, вступил Платон Кудесов, - я не совсем понимаю, что здесь делает товарищ Викентий...

- Просто Викентий, - немедленно поправил тот.

- Хорошо. Просто Викентий. В конце концов, это частное дело двух колдунов, черного и белого. Зачем привлекать еще кого-то с той стороны баррикады?

- А я вот тоже не понимаю, - тут же окрысился Викентий. - За каким, простите, дьяволом, Ефрем Поликарпович, было посвящать в наш с вами план...

- А ну-ка тихо вы! - сказал Ефрем, и стало тихо. - Да ежели бы не

нужда! Ежели бы я один смог все это сварганить - стал бы, что ли, вязаться с двумя такими чудаками, как вы?

Двое поняли, что зарвались, и малость прижухли. Ефрем продолжал:

- Я тебе, мил человек Викентий, в прошлый раз уже говорил: в избирательном штабе у Глебушки колдунов, как собак нерезаных. И все они знают, что такое капище в полнолуние. Ну назначу я ему там свиданку! Сможет он уйти тайно, сам по себе?

- Не сможет, - вздохнул Платон. - Вцепятся и не отпустят. Как смертника, стерегут...

- Во-от... Стало быть, нужен свой человек в штабе, который все бы это и устроил. Чтоб комар носа не подточил. Машину к подъезду, сам рядом с шофером - и вперед, на капище. Есть такой человек? Есть. Вот он тут сидит. Платон Кудесов...

- погоди, Поликарпыч, - снова вмешался Платон. - Что-то я по-другому себе это представлял. Почему тайно?

- А как?

- Да открыто же! Официально! Ты прикинь: все Баклужино знает, что политику ты на вздым не терпишь. Думаешь, зря сегодня утром к тебе Глеб подкатывался, клинья подбивал? Ему твоя поддержка позарез нужна! Хорош кандидат, если собственный наставник его не одобряет... А тут взял вдруг да прозрел! Символическая смычка прошлого с грядущим, а? Ефрем Нехорошев благословляет Глеба Портнягина. И не где-нибудь - на священной земле Секондхенджа! Вот это, я понимаю, предвыборная акция!

Старый чародей очумело потряс шапчонкой из Чебурашки.

- Ты... слышь... Платошка! Соображай, что мелешь! Да ни один колдун в этом вашем штабе...

- Колдун? - презрительно прищурившись, перебил маститый чернокнижник. - Какие там колдуны? Так, подколдовки, недоучки разные... Обшмыга третьего разряда! Разве порядочный колдун пойдет в избирательный штаб? Из настоящих там я один, и то ради Игнашки...

- И что ж ты им скажешь?

- Не я, а мы. Мы с тобой, Поликарпыч! А скажем вот что: не смыслите вы, салаги, в гиблых местах ни уха, ни рыла. Секондхендж только для грешников страшен. А безгрешным - хоть бы хны! Например, кандидату...

- Думаешь, поверят?

- Кому ж тогда верить, если не нам с тобой! Первые чародеи Баклужино мы или кто?..

Задумался Ефрем. Платон и Викентий примолкли, ожидая решения.

- Нет... - с сожалением молвил наконец старый колдун. - Тут еще что-то нужно. Беда нужна.

- Что за беда? - встрепнулся кувшиннорылый Викентий.

- Это уж тебе, мил человек, решать, что за беда! - фыркнул старикан. -

Какую вы там беду, коммуняки православные, на нашу голову придумаете? Причем, слышь, такую, - озабоченно добавил он, - чтобы у всех в штабе мозги спеклись... Чтобы на все с перепугу согласились. Думай давай...

Теперь уже колдуны с надеждой воззрились на озадаченного Викентия.

- Н-ну... - медленно и словно бы через силу вымолвил он минуту спустя. - Скажем... развалить бульдозером Секондхендж.

Переглянулись колдуны.

- Ага! Развалишь ты его бульдозером!.. - хмыкнул Платон. - Взорвать - еще куда ни шло... А в чем беда-то? Ну развалишь. И кому от этого хуже станет?

- Погоды! - прервал его Ефрем. - Викентий-то дело сказал. Бульдозером, не бульдозером... Главное волну поднять.

- Мотивы, - железным голосом продолжал излагать товарищ Викентий. - Языческое капище, гнездо суеверий, алтарь дьявола, представляющий прямую смертельную угрозу для населения. Раздуть по новой самоубийство этого недоумка...

А в прогале между черных корявых сучьев над головами заговорщиков все отчетливее намечалась некая энергетическая всклокоченность, постепенно уплотняющаяся в колтун грандиозного замысла. Она была уже настолько самостоятельна, что управляла своими творцами, подергивая их за незримые астральные нити.

- Да-да-да... - сказал Платон Кудесов, откидываясь на спинку складного стула и будто бы в забытьи прикрывая веки. - А мы, значит, в ответ: баклужинская святыня, уникальный исторический памятник мегалитических времен... Не допустим варварства, то-се... Обязательно помянуть разрушение исламскими фундаменталистами буддийских скульптур... И тоже в рамках предвыборной кампании.

- Знаешь, чем пригрози? - посоветовал Ефрем Викентию. - Скажи: подгоним кран и снимем к едрене фене ключевую перемычку. Как в Англии...

- А где она... ключевая?..

- Какая тебе разница! Все равно же снимать не будешь.

- А как же тогда?

Старый колдун Ефрем Нехорошев не услышал - был погружен в какие-то свои подсчеты.

- Времени маловато... - пожаловался он неизвестно кому. - Тогда так, голуби! Дуйте мигом каждый в свою редакцию и чтобы мне наутро дым стоял коромыслом! «Уничтожим Секондхендж!» «Руки прочь от Секондхенджа!» Людишек (до единого!) на демонстрации протеста, на митинги! Денька два так пошумим, а на третий, аккуратно в полнолуние, придем к соглашению. Назначим в Секондхендже встречу. Дескать, на ней-то все и обсудим. С нашей стороны будем мы с Глебушкой, а с

вашей... - И старикан виновато развел пошитыми из Чебурашки рукавами. - Прости, мил человек, но хотя бы кого-то одного придется...

- Да кто ж на такое пойдет? - вырвалось у Платона Кудесова. - Я имею в виду, добровольно...

Кувшинное рыло надменно вздернулось.

- Вы полагаете, - презрительно осведомился товарищ Викентий, - что в наших рядах не найдется никого, кто бы ради народного блага шагнул под размыкало?

Между тем вечерело. Основания мегалитических столпов окутались сумраком, под одну из перемычек (возможно, ключевую) заглядывала розоватая круглая луна.

Сколько раз в окрестностях Секондхенджа шли подобные тайные сговоры! Может, его и сложили когда-то в качестве ловушки для неугодного кандидата в вожди. Сгущались точно такие же сумерки и точно такая же луна висела над капищем, когда озаренный факельным огнем ступил он под клики толпы в каменный круг и понял внезапно, какая это в сущности фигня - власть над племенем.

Оцепенел, уподобившись мегалитическому столбу, потом бросил наземь регалии и... Хорошо, если ушел в жрецы.

Глава 12

Ах, если бы не отвращение к любым проявлениям социальной активности, какой бы вышел из Ефрема Нехорошева выдающийся политтехнолог! То, что творилось в Баклужино на протяжении двух последующих дней, не нуждается в описании, поскольку полностью соответствует приведенным выше словам старого колдуна.

Когда же объявлено было о том, что обе противоборствующие стороны согласились решить судьбу капища в публичной полемике двух своих представителей среди Секондхенджа, город обезумел окончательно и к трем часам дня вымер. То есть стал безлюден. Все способное тем или иным образом передвигаться схлынуло в направлении Колдобышей.

Нив неолите, ни в бронзовом веке - никогда не собиралось возле каменных столпов столь грандиозных толп, ибо все тогдашнее население вполне бы уместилось сегодня в одной девятиэтажке. Не выстави городские власти оцепления, последствия были бы непредставимы: задние, напирая на передних, наверняка бы вдавили их на внутреннюю территорию капища. Единственным местом, где людские массы не смогли подступить вплотную к памятнику неолитической культуры, явилось болотце, в котором пару дней назад чуть не увяз незадачливый фотокорреспондент политической нейтральной газеты «Баклужинец».

Забегаая вперед, скажем, что вред реликтовым дубравам был нанесен ужасающий. Неделю потом вывозили фантики, банки из-под пива и оставшуюся от групп поддержки мишуру.

Конечно, по логике акцию следовало учинить в ночь полнолуния, но, слава богу, вовремя сообразили, что в темное время суток контролировать такую ораву, мягко говоря, затруднительно, а стало быть, жертв не избежать. Поэтому встречу назначили днем.

В мирные переговоры на лужайке, обещанные прессой, никто, понятное дело, не верил. Чернь жаждала зрелища, и перла к Секондхенджу, как некогда в Колизей. Все знали, что предстоит поединок. Или даже не поединок, а средневековый суд Божий, когда истца и ответчика подвергали жестокому, но одинаковому испытанию: скажем, бросали связанными в воду, а потом смотрели, кто из них выплывает.

В частном порядке заключались многочисленные пари, а кое-кто из самых сообразительных и вовсе учинил тотализатор. Несомненным фаворитом считался, разумеется, Портнягин.

- Как ты? - озабоченно спросил товарищ Арсений, невольно повысив голос, поскольку было очень шумно.

- Это в смысле: не струсил ли? - мрачно усмехнулся товарищ Артём.

- Что ты не струсил, в этом я уверен. Волнуешься?

- Не очень. - Совиные глаза Артёма равнодушно окинули изнемогающее под людским напором оцепление. - Знаешь, если честно, не верю я, будто какое-то поганое размыкало... Ну, прочел я этого Сироту! Волокна там у него распрямляются. И что? По-моему, если есть в тебе вера, гни ее, распрямляй, она от этого только тверже станет...

- Ну, дай бог... - пробормотал товарищ Арсений.

В следующий миг людское скопище по ту сторону капища так громко взревело и так долго не умолкало, что означать это могло одно: прибыли Портнягин с Нехорошевым.

Верно, прибыли. На огромном серебристо-сером джипе (лимузин бы до Секондхенджа не добрался).

- Слышь, - хмуро спросил Глеб старого колдуна, когда обоих приняли с почестями и стало чуть потише. - Но ты уверен вообще?..

- Уверен, Глебушка, уверен, - даже не дослушав, задребезжал чародей. - То есть даже и не сумлевайся. Обманывал я тебя когда-нибудь?

После этих слов кандидат в Президенты совсем нахмурился. Если честно, случая не было, чтобы старый колдун Ефрем Нехорошев в чем-нибудь не надурил ученика. Что поделаешь - педагогика. Доводилось вам, скажем, общаться с преподавателями начальных классов, ушедшими на заслуженный отдых? Это кошмар какой-то! Привыкши, что детишки смотрят им в рот и берут на веру каждое их

слово, эти токари душ человеческих пытаются морочить вам голову теми же самыми приемчиками, какими морочили малышне, да еще и обижаются, когда пошлешь.

Однако назад уже дороги не было. Пала тишина. Все встали на цыпочки, протянули шеи и вылупили глаза. Те, которым повезло оказаться в первых рядах и не впритык к монолиту, видели, как медленным шагом, чем-то напоминая дуэлянтов, сближаются идейные противники: с одной стороны - старичок в Чебурашке, поддерживаемый под локоток хмурым рослым юношей, с другой - одинокий надменный крепыш с немигающими совиными глазами.

Ефрем Нехорошев и сам уже не помнил, сколько раз он ступал на залятую эту землю в пору полнолуния. Как всегда, душу охватила неизъяснимая печаль - стало нестерпимо жаль и смертного себя, и прочих собравшихся здесь смертных, и это смертное Мироздание, возникшее неизвестно зачем и неизвестно зачем бегущее к собственной гибели.

Потом он почувствовал, что рука Глебушки, поддерживавшая под локоток, дрогнула, разжалась. Повернулся, увидел ошеломленное лицо питомца и его исполненные священного ужаса глаза. Тогда он перевел взгляд на товарища Артёма. Товарищ Артём мечтательно улыбался.

- Ауа... - еле слышно произнес он. - Ауы...

Повернулся, запинаящимся шагом двинулся в сторону болотца и скрылся за одним из монолитов, откуда вскоре ничего не прозвучало, поскольку пистолет у товарища Артёма был с глушителем.

Помертвелые губы Глеба Портнягина шевельнулись.

- Ефрем... - потрясение выговорил он. - Ради чего...

Дальнейшие его слова Ефрему Нехорошеву услышать не удалось. Запинающийся уход товарища Артёма был правильно воспринят публикой как полное поражение православных коммунистов - и толпа грянула во всю дурь. Разумеется, в иное время старый колдун с легкостью сумел бы разобрать окончание Глебушкиной фразы по движению губ, но только не сейчас. Слишком уж велика была мировая скорбь.

Все, что он в тот момент смог, это взять прозревшего Глебушку за руку и вывести его с залятой земли.

К ним кинулись, отстранили друг от друга, колдуна оставили стоять, где стоял, а кандидата повлекли к трибуне, сметанной на скорую руку сегодня утром. Тот пытался освободиться, но холуев было слишком много. Весь штаб.

Оказавшись перед микрофоном, опомнившийся от всего сразу Портнягин с содроганием оглядел море голов.

- От нас даже галактики разбегаются... - дождавшись тишины, хрипло выдохнул он.

Скопище с готовностью рявкнуло, ударило в ладоши. Какой там, к лешему, цвет культуры, сбредающийся по человечку в «Авторской глухоте», - здесь сошлось все Баклужино, все классы, все сословия. Заорут так заорут.

- Все, что мы делаем, бессмысленно...

Восторженный рев повторился.

- Мы обречены...

Восторженный рев.

Наконец после четвертой или пятой фразы Портнягин не выдержал и, безнадежно махнув рукой, сошел на грешную землю, где тут же был подхвачен и упрятан в джип. Толпа ликовала.

- Во как надо! - приплясывая, вопил неподалеку от Ефрема Нехорошева некий баклужинский обыватель средних лет. - Еще хлестче, чем тогда в кафешке! Это, я понимаю, Президент! Всю правду-матку в двух словах! По-нашенски! А чего рассусоливать?..

Огромный серо-серебристый джип двинулся в сторону города, и толпа подалась за ним. У подножия мегалитического столба остались цепенеть Платон Кудесов, кувшиннорылый товарищ Викентий и сам Ефрем.

- А ведь лопухнулись мы с вами, голуби, - удрученно молвил старый колдун.

- Думаешь? - тревожно спросил Платон.

- Да, иногда, - машинально съязвил тот, глядя на бурлящий людской отлив, из которого всплывала временами серебристая крыша джипа. - А хорошо бы почаще...

- Не понимаю, - несколько раздраженно сказал Викентий. - Так он разочаровался в политике или нет?

- Разочаровался, - буркнул чародей. - А толку? Вот если бы народ в нем разочаровался - другое дело! Но весь народ-то на капище не загонишь...

- Ты хочешь сказать... - с запинкой заговорил Платон, - что он даже не подаст в отставку?..

- Какая разница? Подаст, не подаст... Кто у него эту отставку примет?

- Но этого же не скроешь! Он же молчать не будет!

- Так он и сейчас не молчал...

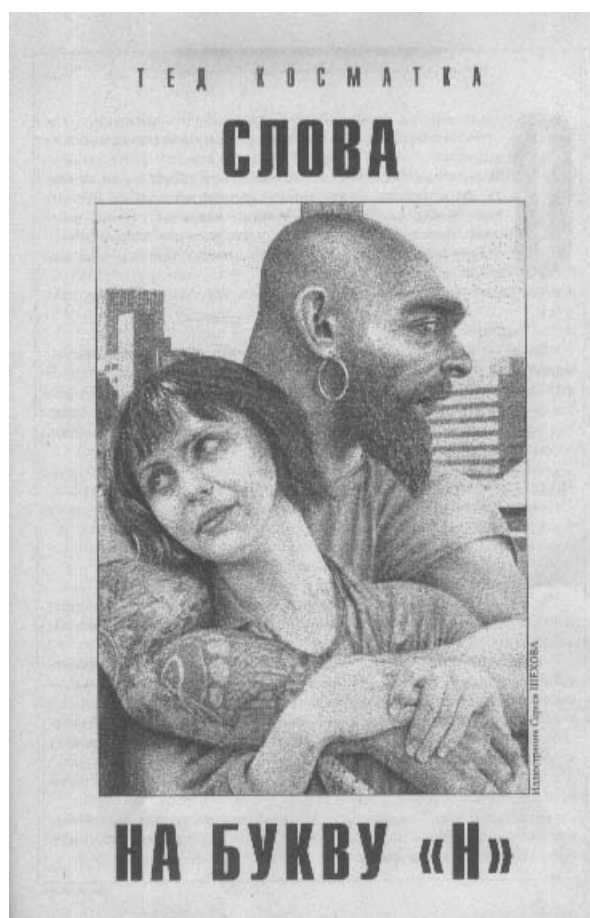
Платон Кудесов ошалело потряс львиной своей гривой.

- Нет, позволь... Как вообще можно президентствовать, если у тебя аура промыта в корень? Колтуны разошлись, узелки распустились...

- Завьют, заплетут, припудрят... - ворчливо утешил колдун. - Вон их сколько, парикмахеров! Целое Баклужино... Да уж, попал так попал...

Крякнул, насупился, потом запустил руку в глубокий карман шубейки и достал на свет божий все ту же многострадальную поллитровку.

- Вы, голуби, как хотите, а я, пожалуй, хлебну...

ТЕД КОСМАТКА
СЛОВА НА БУКВУ «Н»

Иллюстрация Сергея Шехова

Они появились из пробирок. Бледные, будто призраки. С голубовато-белыми, как лед, глазами. Сначала они пришли из Кореи.

Я пытаюсь мысленно представить лицо Дэвида, но не могу. Мне сказали, что это временное явление - разновидность шока, который иногда наступает, когда увидишь подобную смерть. И хотя изо всех сил пытаюсь восстановить в памяти лицо Дэвида, я вижу лишь его светлые глаза.

Сестра сидит рядом на заднем сиденье лимузина. Она сжимает мою руку:

- Уже почти все.

Впереди, у ограды из кованых железных прутьев, толпа протестующих начинает волноваться, увидев приближение нашей процессии. Они стоят в снегу по обе стороны кладбищенских ворот, мужчины и

женщины в шляпах и перчатках, на лицах выражение справедливого негодования, в руках плакаты, которые я отказываюсь читать.

Сестра опять сжимает мою руку. Я не видела ее почти четыре года. Но сегодня она помогла мне выбрать черное платье, чулки и туфли. Помогла одеть сына, которому еще не исполнилось трех лет, и он не терпит галстуки. Сейчас он спит на сиденье напротив нас, еще не понимая, что и кого он потерял.

- Ты выдержишь? - спрашивает сестра.

- Не знаю. Наверное, нет.

Лимузин замедляет ход, сворачивая на территорию кладбища, и толпа бросается к нему, выкрикивая ругательства. Люди плотно обступают машину.

- Вас сюда никто не звал! - кричит кто-то, и к стеклу прижимается лицо старика с безумными глазами. - Свершится воля Божья! - вопит он. - Ибо расплата за грех есть смерть.

Лимузин раскачивается под напором толпы, и водитель прибавляет ход, пока мы проезжаем мимо них, направляясь вверх по склону к другим машинам.

- Да что с ними такое? - шепчет сестра. - Как они могут вести себя подобным образом в такой день?

«Ты удивишься, - думаю я. - Может быть, это твои соседи. А может быть, мои». Но я смотрю в окно и ничего не говорю. Я начинаю привыкать к тому, что молчу.

Она приехала ко мне домой сегодня, чуть позже шести утра. Я открыла дверь и увидела ее, такую замерзшую. Мы так и стояли молча - никто из нас не знал, что сказать после столь долгой разлуки.

- Я узнала об этом из новостей, - сказала она наконец. - И прилетела первым же самолетом. Мне так жаль, Мэнди.

В тот момент я хотела ей ответить - слова распирала меня изнутри, я была как пузырь, готовый лопнуть, - и я открыла рот, чтобы завопить на нее, но то, что из него вырвалось, принадлежало уже другой женщине; я жалко всхлипнула, и сестра шагнула ко мне, обняла, и у меня после стольких лет снова появилась сестра.

Лимузин притормозил возле вершины холма, подтянулись и другие машины нашей процессии. По сторонам дороги теснились надгробия. Я увидела впереди зеленую палатку. От ветра ее полотняные бока раздувались и втягивались, словно дышал какой-то великан. Перед ней прямыми рядами выстроились две дюжины серых раскладных стульев.

Лимузин остановился.

- Разбудим мальчика? - спросила сестра.

- Не знаю.

- Хочешь, я его понесу?

- А ты сможешь?

Она взглянула на ребенка:

- Ему ведь три года?

- Еще не исполнилось.

- Он крупный для своего возраста. Или мне так показалось? Я мало общаюсь с детьми.

- Врачи говорят, что он большой.

Сестра подалась вперед и коснулась его молочно-белой щеки.

- А он красивый, - сказала она. Я постаралась не заметить удивления в ее голосе. Люди никогда не осознают, каким тоном говорят, а интонация выдает их предположения и ожидания. Но меня давно уже перестало задевать то, что люди подсознательно выдают. Сейчас меня оскорбляют лишь намерения. - Он действительно очень красивый, - повторила она.

- Он сын своего отца.

Из машин перед нами стали выходить люди. Священник уже шагнул к могиле.

- Пора, - сказала сестра. Она открыла дверцу, и мы вышли в холод.

Сначала они пришли из Кореи. Но это, конечно же, неправильно. Историю надо рассказывать по порядку. Точнее будет заметить, что все началось в Британии. В конце концов, именно Хардинг опубликовал ту первую статью, именно Хардинг потряс мир тем заявлением. И именно портреты Хардинга религиозные фанатики сжигали на лужайках перед церквями.

И лишь позднее корейцы открыли миру, что достигли той же цели на два года раньше. И еще позже, намного позже, мир осознал масштаб того, что они сделали.

Когда Народная партия угробила Ен Бэ, корейские лаборатории опустели, и внезапно обнаружили тысячи светловолосых или рыжих малышей-сирот, бледных, как призраки, голодающих на корейских улицах, когда вокруг рушилось общество. Последовавшие войны и смены режима уничтожили большую часть научных данных, но сами дети - те из них, кто выжил, - остались бесспорным фактом. И в том, кто они такие, ошибиться было невозможно.

Никто так и не раскрыл истинную причину, почему Ен Бэ вообще запустил этот проект. Возможно, корейцы хотели вывести суперсолдат. А возможно, причина была самой древней: потому что они могли это сделать.

Зато точно известно, что в 2001 году дискредитированный биолог Хван Ву-Сук, специалист по стволовым клеткам, впервые в мире клонировал собаку, афганца. В 2006 году он сообщил, что трижды

пытался клонировать мамонта, но безуспешно. Западные лаборатории лишь говорили об этом, а корейцы взяли и попробовали.

В 2011 году корейцы наконец-то добились успеха, и у слонихи, ставшей суррогатной матерью, родился мамонтенок. По стопам корейцев пошли другие лаборатории. На свет возродились другие виды. Бледная пляжная мышь⁹. Пиренейский каменный козел. И более древние животные. Лучшим ученым США пришлось покинуть страну, чтобы продолжать работу. Американские законы, запрещающие вести исследования со стволовыми клетками, не остановили продвижение науки - они лишь прекратили эти исследования в США. И вместо Америки патенты на соответствующие процедуры получили Великобритания, Китай и Индия. Был побежден рак, большинство форм слепоты, рассеянный склероз, болезнь Паркинсона. Когда Конгресс наконец-то легализовал медицинские процедуры, но не те направления исследований, которые привели к их разработке, лицемерность такой позиции стала настолько очевидна, что даже самые лояльные американские цитогенетики покинули страну.

Хардинг оказался в этой последней волне, уехав из Штатов, чтобы основать лабораторию в Великобритании. В 2013 году он стал первым, кто вернул к жизни тасманийского сумчатого волка. Зимой 2015 года кто-то принес ему неполный череп из музейной экспозиции. Череп был долихоцефальным - длинным, низким, большим. Кость тяжелая, свод черепа огромный. Это был череп, найденный в 1857 году в карьере, в долине реки Неандер.

Когда мы с сестрой выбираемся из лимузина, снег под ногами скрипит. Дует ледяной ветер, мои ноги в тонких чулках сразу немеют. Самый подходящий день для его похорон - Дэвид всегда легко переносил холод.

Сестра кивает на открытую дверь лимузина:

- Ты точно хочешь взять с собой мальчика? Я могу остаться с ним в машине.
- Он должен все увидеть.
- Он не поймет.
- Не поймет, зато потом сумеет вспомнить, что был здесь. Возможно, это важнее всего.
- Он слишком мал, чтобы запомнить.
- Он вспомнит все. - Я наклоняюсь к затененной глубине салона и бужу мальчика. Его глаза раскрываются голубыми огоньками. - Пойдем,

⁹ * *Реальный вид мышей, обитавший в песчаных дюнах Флориды и вымерший в 1959 году. (Здесь и далее прим. перев.)*

Шон, пора вставать.

Он трет глазенки крепкими кулачками и не отвечает. Мой сын - мальчик тихий и спокойный. На улице я натягиваю шапочку ему на уши. Мальчик идет между мной и сестрой, держа нас за руки.

На вершине холма нас встречают доктор Майклс и другие преподаватели из Стэнфорда. Они выражают соболезнования, и я с трудом сдерживаюсь, чтобы не зарыдать. Майклс выглядит как после бессонной ночи. Я представляю ему сестру, они пожимают друг другу руки.

- Вы никогда не говорили, что у вас есть сестра, - замечает он.

Я лишь киваю. Майклс смотрит на мальчика и дергает его за шапочку.

- Хочешь ко мне на руки? - спрашивает он.

- Да, - голос у Шона тихий и хрипловатый после сна. Нормальный голос для мальчика его возраста. Майклс поднимает ребенка, и голубые глаза Шона снова закрываются.

Мы молча стоим на морозе. Провожающие собираются вокруг могилы.

- Мне до сих пор не верится, - говорил Майклс. Он чуть покачивается, машинально укачивая мальчика. Так поступает лишь мужчина, познавший отцовство, хотя его дети уже выросли.

- У меня такое чувство, что я теперь совсем другой человек, - говорю я. - Только я еще не научилась быть другой.

Сестра крепко сжимает мою руку, и на этот раз я не выдерживаю. На морозе слезы обжигают щеки.

Священник прокашливается - он готов начать. Шум, который доносится со стороны протестующих, становится громче, то нарастая, то стихая - но на таком расстоянии я, к счастью, не могу разобрать слов.

Когда мир узнал о корейских детишках, он начал активно действовать. Гуманитарные группы хлынули в раздираемые войной районы, деньги перешли из рук в руки, и многие дети были усыновлены в других странах, создав новую всемирную диаспору. Все они были широкие в кости, с мускулистыми конечностями, обычно чуть ниже среднего роста, хотя из этого правила имелись и поразительные исключения.

Все они выглядели как члены одной семьи. В конце концов, детей было намного больше, чем ископаемых образцов, из которых извлекли их ДНК. Дубликаты были неизбежны.

Судя по скудным данным, оставшимся от корейских ученых, источников ДНК у них имелось чуть более шестидесяти. У некоторых даже были названия. «Старик из Ла-Шапелье-о-Сентс», «Шанидар-4» и «Виндиджа». Был красивый и симметричный образец «Ла-Феррасье». И даже «Амад I». Огромный «Амад I», ростом 180 сантиметров и объемом черепа 1740 кубических сантиметров - крупнейший из когда-

либо найденных неандертальцев.

Техника и приемы, отточенные на собаках и мамонтах, легко сработали и применительно к роду Homo. Экстракция генетического материала, затем наработка нужного его количества методом ПЦР¹⁰. Потом искусственное оплодотворение платных суррогатных матерей. Процент успешных родов был высок, единственным осложнением стали частые кесаревы сечения. И один из фактов, который пришлось усвоить популярной культуре - у неандертальцев головы крупнее.

Проводились тестирования. Детей изучали, отслеживали, оценивали. У всех отсутствовало нормальное доминантное выражение в локусе MC1R - все были бледнокожие, рыжие или блондины. Все голубоглазые. Все с отрицательным резус-фактором.

В шесть лет я впервые увидела ту фотографию. Это была обложка журнала «Тайм» - теперь это знаменитая обложка. Я слышала про тех детей, но никогда их не видела - этих ребят, почти моих ровесников, из страны, которая называется Корея. Детишек, которых иногда называли призраками.

На той обложке бледнокожий и рыжий мальчик-неандерталец стоял вместе с приемными родителями, задумчиво рассматривая устаревшую витрину в антропологическом музее. Восковый неандерталец из музея держал дубину. У него был нос, как у обитателя тропиков, темные волосы, оливковая кожа и темно-карие глаза. До появления «детей Хардинга» специалисты музея полагали, что знают, как выглядели наши первобытные предки. И решили, что они наверняка смуглые.

И неважно, что неандертальцы в десять раз дольше находились в бедной светом Европе, чем типичные предки шведов.

Рыжий мальчик на обложке был явно смущен.

Когда мой отец вошел на кухню и увидел эту обложку, он с отвращением покачал головой.

- Мерзость какая, - процедил он.

Я всмотрелась в выпуклое лицо мальчика. Я никогда еще не видела таких лиц.

- Кто он?

- Тупиковая ветвь. Дети будут сплошным убытком до конца своей

¹⁰ * Полимеразная цепная реакция (ПЦР) - экспериментальный метод молекулярной биологии, позволяющий добиться значительного увеличения малых концентраций определенных фрагментов ДНК в биологическом материале. Метод основан на многократном избирательном копировании определенного участка ДНК при помощи ферментов в искусственных условиях (*in vitro*). При этом происходит копирование только того участка, который удовлетворяет заданным условиям, и только в том случае, если он присутствует в исследуемом образце.

жизни. Если честно, то это несправедливо по отношению к ним.

Первое из многих предсказаний насчет этих детей, которое мне довелось услышать...

Шли годы, дети росли, словно сорняки - и, как это было во всех популяциях, первое поколение, начавшее употреблять западную пищу, выросло на несколько дюймов выше своих предков. Хотя они и блистали в спорте, приемным родителям сообщили, что дети, скорее всего, будут отставать в школе. Они ведь первобытные, в конце концов.

Предсказание оказалось таким же точным, как и музейные витрины.

Когда я поднимаю глаза, руки священника уже воздеты к холодному белому небу.

- Благословен будь, Отец наш Небесный, да восславится имя твое во веки веков.

Из рта священника при чтении вырывается пар. Этот отрывок я слышала и на похоронах, и на свадебных церемониях, он, как и сегодняшний мороз, подходит к ситуации.

- Да восславят Тебя небеса и творения Твои во веки веков.

Провожающие покачиваются от великанского дыхания палатки.

Я родилась в семье католиков, но все взрослые годы не видела пользы от публичной религии. До сегодняшнего дня, когда эта польза открылась столь ясно: неожиданное утешение - стать частью чего-то большего, чем ты сам. Утешение, что ты хоронишь своих мертвых не один.

Религия предоставляет тебе человека в черном, который что-то говорит над могилой любимого. Это ее первая обязанность. Если она этого не делает, это не религия.

- Ты сотворил Адама и дал ему в жены Еву, дабы она любила его и была опорой ему, и от этих двоих произошли все люди.

И все произнесли:

- Аминь, аминь.

В день, когда я узнала, что беременна, Дэвид стоял у окна, обхватив мои плечи огромными бледными руками. Он коснулся моего живота. За окном над озером к нам приближалась гроза.

- Я надеюсь, ребенок будет похож на тебя, - проговорил он своим странным глуховатым голосом.

- А я - нет.

- Лучше, если ребенок будет похож на тебя. Это облегчит ему жизнь.

- Ему?

- Я думаю, будет мальчик.

- И это все, чего ты ему желаешь? Легкой жизни?
- Разве не об этом мечтают все родители?
- Нет, - ответила я и коснулась живота. Положила свою ладонь поверх его огромной кисти. - Я надеюсь, наш сын вырастет хорошим человеком.

Я познакомилась с Дэвидом в Стэнфорде, когда он вошел в аудиторию, опоздав на пять минут.

Руки у него были толщиной с ногу обычного человека. А ноги - туловище. Его тело напоминало ствол дуба, выросшего на солнце. Одну из мощных призрачно-бледных рук покрывала рукавом татуировка, исчезающая под рубашкой. В ухе висела серьга, голова бритая. Густая рыжая козлиная борода уравнивала огромную шишку крючковатого носа и придавала объем маленькому подбородку. Из-под густых бровей смотрели большие и внимательные голубые глаза.

Вряд ли его можно было назвать красивым, потому что я не могла решить, так ли это. Но я не могла отвести от него глаз. Просто сидела и пялилась. На него все девушки пялились.

В те годы им было труднее попасть в программу высшего образования. Существовали квоты, и им, подобно азиатам, для зачисления требовалось набрать большой проходной балл.

В свое время немало спорили о том, что написать рядом с квадратиком для указания расы на их анкетах. За предыдущее десятилетие слово «неандерталец» превратилось в эпитет. И стало еще одним словом на букву «н», которое в приличном обществе не употребляется.

Я бывала на собраниях борцов за права клонов. Я слышала выступавших.

- Французы ведь не называют себя кроманьонцами, разве не так? - гремело из динамиков.

И поэтому слово возле квадратика менялось каждые несколько лет - по мере того, как анкеты для поступления в колледж стремились нанести на карту меняющуюся топографию политической корректности. Каждые несколько лет у этой группы появлялось новое название - и еще через несколько лет снова тонуло под грузом наваленных на него предрассудков.

Сперва их называли неандертальцами, потом архаиками, потом клонами, потом - что совсем нелепо - просто корейцами, потому что в этой стране родились они все, кроме одного. Через некоторое время после того, как слово «неандерталец» стало эпитетом, внутри их группы возникло движение, хотя и немногочисленное, по возвращению этого названия - чтобы использовать его внутри группы как признак

силы.

Но со временем группа стала известна по названию, которое время от времени использовалось с самого начала. Названию, в котором заключалась скрытая суть их правды. Среди своих, а потом и во всем мире они стали называться «призраки». Все прочие определения отпали, а это окончательно закрепилось.

В 2033 году первый призрак подписал контракт с НФЛ. Он говорил на трех языках. К 2035 году в линии нападения каждой команды лиги имелось по призраку - им *пришлось* так поступить, чтобы сохранить конкурентоспособность. На Олимпиаде 2036 года призраки взяли золото в борьбе и силовом троеборье, причем почти в каждой из весовых категорий, где они участвовали. Кое-кто из них завоевал золотые медали в нескольких видах спорта.

Начался шумный протест со стороны других спортсменов, потерявших всякую надежду на состязание. Подавались петиции, чтобы призракам запретили участвовать в соревнованиях. Им предложили организовать собственные Олимпийские игры, отличающиеся от существующих. Юристы призраков осторожно и тактично указали на то, что из 400 рекордов в спринте на 100 метров 386 были установлены спортсменами, как минимум, с частичным африканским субсахарским происхождением, но никто не предлагал им устраивать свои Олимпийские игры.

Конечно же, группам расистов наподобие ку-клукс-клана и неонацистов эта идея понравилась, и они стали ее активно пропагандировать. Неграм тоже надо соревноваться с неграми - на своих Олимпиадах. После этого вся проблема дегенерировала в хаос.

Девочкой я помогала дедушке обрезать ветви его яблонь в Индиане. Как он мне объяснил, вся хитрость здесь в том, чтобы определить, какие ветки будут плодоносить, а какие - нет. И если хорошенько приглядеться к дереву, начинаешь понимать, по каким признакам это можно узнать. Все остальные ветки можно обрезать - они бесполезны.

От своей этнической идентичности можно избавиться путем аналогичной осторожной ампутации. Надо лишь посмотреть на лицо своего ребенка, и уже нет нужды гадать, на чьей ты стороне. Ты знаешь.

Я прочла в книге по социологии, что когда кто-то из привилегированного большинства женится или выходит замуж за представителя меньшинства, он приобретает социальный статус той самой группы меньшинства. И я вспомнила, что Вселенная напоминала мне серии концентрических окружностей, и ты видишь одни и те же

формы и процессы, куда бы ты ни взглянул. Атомы - маленькие солнечные системы, шоссе - артерии страны, улицы - ее капилляры. И социальная система человечества подчиняется менделевской генетике, с ее доминантами и рецессивами. Этническая принадлежность меньшинства есть доминантный ген, когда она часть гетерозиготной пары.

В чикагском Музее естественной истории имени Филда много костей неандертальцев.

Их кости отличаются от наших. Причем не только их большие черепа или короткие, мощные конечности. Буквально каждая кость в их теле прочнее, толще, массивнее. Любой позвонок, любая фаланга пальца, любая косточка запястья толще, чем наши. И я иногда гадала, разглядывая эти кости: зачем им понадобились такие скелеты? Все эти кости, мышцы и мозг очень дороги, с точки зрения обмена веществ. Они должны чем-то окупаться, оправдываться. Но какая жизнь вызывает потребность в костях, напоминающих куски арматуры? При какой жизни может понадобиться грудина толщиной в полдюйма?

В эпоху плейстоцена ледники пробили себе путь на юг через Европу, изолировав популяции животных стеной льда. Они или адаптировались к суровым условиям, или вымерли. Со временем стадные животные стали массивными, более термически эффективными, и так началась эпоха плейстоценовой мегафауны. Хищникам тоже пришлось приспособливаться. Саблезубый тигр, пещерный медведь. Они стали мощными, чтобы валить более крупную добычу. А то, что происходило с животными, происходило и с видом Homo, экспериментом природы, неандертальцем - абсолютным хищником тех регионов.

Три дня назад, в тот день, когда погиб Дэвид, я проснулась в пустой постели. И обнаружила его возле окна в гостиной. Обнаженный, он смотрел на зимнее небо, а его львиное лицо окутывала тень.

Стоя сзади, я видела треугольник его мощной спины на фоне серого неба. Я знала, что тревожить его сейчас нельзя. Он стал силуэтом на фоне неба и в тот миг стал и чем-то большим, и чем-то меньшим, нежели человек - вроде специально выведенной породы людей, приспособленной к жизни в условиях высокой силы тяжести. Одним из тех, кто выдержит нагрузки, способные раздавить обычного человека.

Он обернулся и посмотрел на меня.

- Сегодня будет метель, - сказал он.

В день, когда погиб Дэвид, я проснулась в пустой постели. И теперь я

гадаю почему.

Возможно, он что-то заподозрил. Но что подняло его в такую рань? Может, приближение того бурана, о котором он говорил?

Знай он, сколь велик риск, мы бы не поехали на собрание - в этом я уверена, потому что он был осторожным человеком. Но я до сих пор гадаю, почему что-то внутри него не заставило приложить ухо к рельсам, ощутить, как дрожит земля, как несется к нам товарняк.

В то утро мы позавтракали. Поехали к няне и оставили у нее сына. Дэвид поцеловал его в щеку и взъерошил ему волосы. Не было ни прощального взгляда, ни ощущения, что они видятся в последний раз. Дэвид поцеловал мальчика, взлохматил его, и мы вышли. Мэри помахала нам на прощание.

До холла мы ехали молча. Поставили машину на переполненной стоянке, игнорируя толпу протестующих на противоположной стороне улицы.

Мы пожали руки другим гостям и прошли к своему столику. Предполагалось, что это будет скромный обед, цивилизованное мероприятие для денежных людей в дорогих костюмах. Дэвид был вторым выступающим.

Когда он поднялся на подиум, выражение его лица изменилось. В этот момент на какую-то секунду он взглянул на собравшихся, и его глаза стали печальными.

Дэвид прикрыл глаза, вновь открыл их и заговорил. Начал он медленно. Он говорил о потоке истории и симметрии природы. О высокомерии невежества и, понизив голос, о страхе.

- А из страха вырастает ненависть, - сказал он, обведя взглядом собравшихся. - Они ненавидят нас, потому что мы другие, - продолжил он, впервые за все время повысив голос. - Так происходило всегда, когда бы вы ни заглянули в историю. И мы всегда должны противостоять этому. Мы никогда не должны уступать насилию. Но у нас есть право бояться, друзья мои. Мы должны быть бдительны, или мы потеряем все, что обрели для наших детей и для детей наших детей.

Я уже слышала эту речь или ее части. Дэвид редко пользовался заметками, предпочитая говорить «из головы», собирая риторическую конструкцию, одновременно деликатную и мудрую. Он говорил еще минут десять и перешел к заключению:

- Они предлагали ограничить наше участие в спортивных состязаниях. Они устранили нас от получения большинства стипендий. Они ограничили нашу учебу в юридических и медицинских школах и участие в программах высшего образования. Это мягкие кандалы, в которые они нас заковали, и мы не можем молча сидеть и позволять подобное.

Толпа взорвалась аплодисментами. Дэвид поднял руки, призывая всех успокоиться, и вернулся на свое место. На подиум выходили и

другие ораторы, но никто из них не отличался красноречием Дэвида. Или его силой.

Когда на место вернулся последний оратор, подали обед, и мы принялись за еду. Через час, когда тарелки опустели, мы снова пожали друг другу руки и начали расходиться по машинам. Собрание закончилось.

Мы с Дэвидом не торопились, болтали со старыми друзьями, но через какое-то время и мы оказались в вестибюле. Снаружи, на стоянке, происходили какие-то бурные события. Толпа протестующих выросла. Кто-то упомянул о разбитых машинах. Когда мы выходили на улицу, Том наклонился к уху Дэвида и что-то прошептал.

Все началось с метания яиц. Том повернулся, по его широкой груди стекал яичный белок. Ярости в его глазах хватило, чтобы меня напугать. Дэвид бросился вперед, схватил его за руку. На лицах кое-кого из толпы появилось удивление, потому что даже они не ожидали, что кто-то начнет швырять в нас, чем попало. Я тоже увидела группу молодых людей, сбившихся в кучку возле угла здания с яйцами в руках и с открытыми ртами - и время словно остановилось, потому что события могли повернуть как угодно, - и с неба вдруг упало яйцо, которое оказалось не яйцом, а камнем, и угодило в лицо Саре Митчелл (кровь на ее белой коже была шокирующе красной), и события прорвало, а время метнулось в обратную сторону, и все стало происходить слишком быстро, все одновременно, а не по очереди, как положено событиям. Внезапно пальцы Дэвида клещами стиснули мою руку, приподняв и увлекая обратно к зданию, а я пыталась удержаться на ногах. Кто-то завопил.

- Все назад, внутрь! - крикнул Дэвид. И тут завопила другая женщина, но уже иначе, предупреждающе - и тогда я услышала рев, какого мне никогда не доводилось слышать, а затем новые вопли, теперь уже мужские. Кто-то выскочил из толпы и бросился на Дэвида, тот уклонился настолько быстро, что меня швырнуло в сторону, зато кулак прошел в целом футе от его головы.

- Нет! - заорал Дэвид на того идиота. - Мы этого не хотим.

Тогда придурок снова замахнулся, и на этот раз Дэвид поймал его кулак своей огромной ручищей и рывком приблизил мужчину к себе.

- Мы так не делаем, - прошипел он и швырнул его в толпу.

Дэвид опять схватил Тома за руку, пытаюсь направить его обратно к зданию:

- Не будь идиотом, не позволяй себя провоцировать.

Том зарычал, но все же дал себя увести. Кто-то плюнул ему в лицо, и я увидела его мертвые глаза - на него плюнули, но в ответ он ничего не сделал. А Дэвид все тащил нас к безопасности здания, отмахиваясь от проклятий людей, которым мог двумя пальцами свернуть шею. И не отвечал им до самого конца, когда путь ему преградил худой и

лысеющий сорокалетний мужчина, поднял пистолет и в упор выстрелил в грудь.

Грохот был оглушительный.

...и та старая печаль исчезла. Сменившись раскаленной добела яростью и изумлением в широко раскрытых голубых глазах.

Люди пытались разбежаться, но им помешало давление толпы. Дэвид так и стоял, зажатый в толпе, глядя на свою грудь. Мужчина выстрелил еще трижды, прежде чем Дэвид упал.

- Пепел к пеплу, прах к праху. Прими брата нашего Дэвида в свои теплые объятия.

Священник опустил руки и закрыл Библию. Широкий гроб опустили в могилу. Дело сделано.

Доктор Майклс держал мальчика, пока сестра помогала мне сесть в лимузин.

Вечером того дня, когда был убит Дэвид, после госпиталя и вопросов полиции я поехала к няне забрать сына. Мэри обняла меня, и мы долго плакали в фойе.

- Что я скажу своему двухлетнему сыну? - спросила я. - Как я ему это объясню?

Мы прошли к передней комнате, и я остановилась в дверях. Я смотрела на сына так, как будто видела его впервые. Он крепкий, как и его отец, но кости у него длиннее. Одаренный ребенок, который уже знает буквы и может прочитать некоторые слова.

И это был наш секрет: даже не исполнилось три года, а он уже учится читать. И есть еще тысячи таких же, как он - новое поколение, лучшие из двух племен.

Возможно, ошибкой Дэвида было то, что он не понял - идет война. На любой войне есть лишь определенные люди, которые сражаются - и гораздо меньше тех, кто понимает, из-за чего реально идет сражение. Эта война не отличается от прочих.

Шестьдесят тысяч лет назад в мире обитали два вида людей. Были люди льда, и были люди солнца.

Когда климат стал теплее, ледяные поля отступили. Широкою африканскую пустыню отвоевали дожди, и люди солнца двинулись на север.

Мир тогда менялся. Европейская мегафауна исчезала. Хрупкое равновесие хищник-жертва нарушилось, и самый опасный в мире хищник обнаружил, что его источник жизни испаряется в теплый

воздух. Без больших стад пищи стало меньше. Крупные хищники уступили место более стройным моделям, которым для выживания требовалось меньше калорий.

Люди солнца не были сильнее, умнее или лучше людей льда. Каин не убивал своего брата Авеля. Люди снега вымерли не потому, что были недостаточно хороши. Причина была в тех костях, мускулах и мозгах. Они вымерли, потому что платить за них приходилось слишком дорого.

Но сейчас проблемы другие. Сейчас мир снова изменился. В нем опять два вида людей. Но в эту новую эпоху победу одержит не более экономичная версия человека.

Дверь лимузина захлопывается. Машина трогается. По мере того как мы подъезжаем к воротам кладбища, выкрики становятся громче. Митингующие увидели, что мы приближаемся.

В полиции сказали, что убийство Дэвида было «преступлением в состоянии аффекта». Другие сказали, что он стал «неплановой целью». Не знаю, что из этого верно. Правда умерла вместе с убийцей, когда Том разнес ему череп одним ударом кулака.

Когда мы проезжаем ворота кладбища, выкрики становятся громче. В окно ударяет снежок.

- Остановите машину! - кричу я.

Я распахиваю дверцу. Вылезаю и направляюсь к удивленному мужчине. Тот стоит, в руке у него уже готов новый комок. Я даже не знаю, что сделаю, когда подойду к нему. Я привыкла игнорировать их. Привыкла молчать в ответ.

Я даю ему пощечину. Изо всех сил.

Поначалу он настолько потрясен, что не реагирует. Я бью его снова.

На этот раз он пятится, решив, что с него хватит. Люди начинают орать на меня, и я возвращаюсь к машине. Я усаживаюсь, и водитель отъезжает.

Сын смотрит на меня, но в его глазах не страх, как я ожидала, а гнев. Гнев на толпу. Мой огромный талантливый сын... эти люди даже не представляют, что они делают. Они понятия не имеют, какую бурю на себя накликают.

Когда мы проезжаем мимо последних митингующих, я вижу высоко поднятый плакат. Они снова вопят, обнаружив, на кого могут выплеснуть ярость. На плакате только одно слово: «Сдохните!».

«Не в этот раз, - мысленно отвечаю я. - Теперь ваша очередь».

Перевел с английского Андрей НОВИКОВ

© Ted Kosmatka. N-words. 2008. Печатается с разрешения автора.

ЮН ХА ЛИ
ЦИТРА БЕЗ СТРУН

Иллюстрация Сергея ШЕХОВА

- Они не кажутся очень опасными, - заметила Сяо Лин Юнь, обращаясь к надзирательнице. Непонятно, чего от нее хочет командование «Феникса». Но Лин Юнь совершенно ничего не имела против любого повода немного отдохнуть от сочинения пьесы для двух флейт и цимбал, которая не давала ей покоя последние две недели.

В одностороннее окно наблюдения за общей камерой Сяо Лин Юнь рассматривала пятерых подростков, которые, скрестив ноги, сидели полукругом на полу. Перед ними лежали табличка и две кисти. Чернил не было, кисти не предназначались для каллиграфии. Девочка с короткими темными волосами вытянула руку и быстрыми движениями изобразила два символа. На табличке появилась карта, и все пятеро стали внимательно изучать ее.

- Тем не менее они предприняли попытку убить генерала «Феникса», - сказала надзирательница. - То, что мы захватили их в плен, это чистое везение.

Надзирательница начертала что-то в своей личной табличке, и здесь

тоже появилась карта. На ней она обрисовала небольшую часть. Масштаб увеличился, и нужная область заполнила все пространство экрана.

- Кружочки обозначают планеры, - пояснила она, - а треугольники - драконов.

Лин Юнь взглянула на поле боя:

- Кто побеждает?

По велению надзирательницы табличка повторила последний ход. Эскадрилья драконов потеснила подразделение планеров. Один дракон побелел - значит, умер - и, растворившись, исчез с карты. Надзирательница улыбнулась:

- Террористы начинают совершать промашки.

Лин Юнь подумала, что генералу «Феникса» потребовались услуги музыканта для восстановления порядка в капризных и беспокойных Мирах Праха. Она не являлась лучшей кандидатурой для подобной цели, но не была и худшей: магистр музыки - да, но без философской склонности к истинной мудрости. Возможно, ее выбрали, учитывая высокое положение ее дяди, занимающего должность управляющего транспортом и поставками. Она была достаточно практичной, чтобы не обижаться на такие вещи.

- Вот уж не думала, что узникам предлагают какие-то развлечения, - несколько нерешительно заметила Лин Юнь. На самом деле она очень удивилась, что их тотчас же не казнили.

- Это не развлечение, - с упреком ответила надзирательница. - Каждый гражданин имеет право на образование.

Ну, конечно. Государственная установка провозглашает, что Миры Праха уже принадлежат империи, несмотря на реальное положение дел.

- Включая и классическое искусство, я полагаю, - сказала она. - Но я не художник, я музыкант.

Они предложат ей обучать музыке убийц? Если так, то зачем?

- Музыка - королева искусств, не правда ли? - сказала надзирательница.

Вот уж не ожидала, что придется беседовать о философии музыки с солдатом.

- Согласно традиции, - осторожно кивнула Лин Юнь. Она продвигалась по служебной лестнице, сочиняя произведения, которые никогда слишком далеко не отклонялись от традиционных устоев.

Самый важный урок музыки ей преподавал не наставник, а один из слуг в доме ее родителей. Тот, чье имя Лин Юнь напрочь забыла, любил напевать, помешивая суп или нарезая хлеб. Его способности к пению не были выдающимися: голос дрожал в высоком диапазоне, а гласные звуки плавали, когда он не обращал на них внимания. (Она не говорила ему об этом. Она вообще с ним не разговаривала. Ее родители были

бы недовольны.) Но у этого человека было двое маленьких детей, которые помогали ему в работе, и они тоже распевали песенки, громко и ужасно фальшиво.

Наблюдая за слугой и его детьми, Лин Юнь постигла главное: ценность музыки зависит не от возможности влиять на перемещение пяти элементов, но от способности затрагивать душу. Она хотела писать музыку, которую любой мог бы напевать для себя, которая нравилась бы каждому. Это мнение противоречило тем высоким идеалам, стремление к которым прививал ей наставник. Естественно, собственные рассуждения Лин Юнь держала при себе.

Надзирательница еще раз потыкала кистью в табличку. В ответ посередине экрана возник образ механического дракона. Он был белого цвета, с зубчатыми красными метками на суставчатых крыльях.

- Это один из захваченных драконов? - спросила Лин Юнь.

- К сожалению, нет, - ответила надзирательница. - Мы лишь мельком увидели, как два террориста спустились на них, но драконы исчезли, словно по волшебству. Мы хотим знать, где и как их прячут.

Лин Юнь взгляделась в дракона. Кто бы ни изобразил его, это явно был ненастоящий художник: недоставало свободной беглости линий. Но пропорции были выдержаны точно и аккуратно. Она могла видеть, где крылья соединяются с телом, сочленения, обеспечивающие движение, а если присмотреться повнимательнее, то даже некоторые элементы управления возле сиденья пилота.

- Кто это нарисовал?

Надзирательница качнула головой в сторону окна:

- Темноволосая девочка. Ее зовут У Вэнь Чжи.

Имя мужское, но в Мирах Праха, видимо, все не так. Лин Юнь ощутила всплеск недозволенного одобрения. Пытаясь подавить в себе мятежный дух, она сказала:

- Вэнь Чжи нарисовала вам картинку, а вы ожидаете, что изображение раскроет вам все тайны Миров Праха. Конечно, девочка - признанный террорист и не может ничего не знать... Или она пошла на это под мучительными пытками?

- Нет, это лишь часть игры, в которую они играют с генералом, - пояснила надзирательница.

- Не вижу связи, - сказала она.

Интересно, почему первоочередной задачей генерала стала игра? *Вэйци*^{*11} не является частью официального образования, и в табличке нет игр, которыми Лин Юнь баловалась, будучи студенткой.

Надзирательница улыбнулась, словно уловив ее мысли:

- Она воплощает переживания и ощущения. Когда игра подводит итоги битвы, она соотносит результаты с эмблемой пилота, чтобы

¹¹ * *Китайский аналог го. (Прим. перев.)*

определить ее силу и потери. Возьмем к примеру дракона Вэнь Чжи. Прежде всего, его дизайн явно намекает на специализацию в ближнем бою, в противовес дракону Мескеталиота, - она ненадолго переключила изображение на другое, - у которого на плечах находятся симметрично установленные самострелы. - Она вернулась к белому дракону Вэнь Чжи. - Как бы то ни было, обратите внимание на строгую сдержанность линий. Пилот всегда пребывает в состоянии боевой готовности, и это постоянно понуждает его быть в изнуряющем напряжении. Этим можно воспользоваться.

- У генерала тоже есть своя эмблема в игре, я полагаю, - сказала Лин Юнь.

- Конечно, - ответила надзирательница, но не спешила показать ее музыкантше. - Позвольте мне рассказать о наших пятерых террористах. У Вэнь Чжи родом из Первой колонии, - названиями двух основных колоний империи служили их номера. - Вэнь Чжи уже три раза пыталась убить себя. Она плохо спит по ночам, но отказывается от медитаций и лекарственных средств.

«Я бы тоже отказалась», - подумала Лин Юнь.

- Молодого человека с длинной косой зовут Ко. Он жил в нескольких Мирах Праха и говорит на многих языках, но по акценту можно предположить, что его родиной была Арани. Любопытно, что именно Ко предупредил нас о третьей попытке суицида Вэнь Чжи. И Вэнь Чжи это не понравилось.

Рядом с Ко сидит парень со шрамом, это Мескеталиот из Стрейкен Охк. Мы подозреваем, что он работал в отделе разведки Стрейкена, перед тем как завербоваться в Драконий корпус.

Девушка со светлыми волосами - Перетта, хотя остальные зовут ее Перьяс. Мы так и не выяснили почему, и они смотрят на нас, как на умалишенных, когда мы об этом спрашиваем, а сама девица откликается на любое из этих имен. Лингвисты говорят, что Перьяс - мужской вариант ее имени, но врачи подтверждают ее женскую сущность. Она из Кириса. Не обманись ее приятными манерами. Она та самая, что разрушила Шан Юань.

Лин Юнь от удивления даже приоткрыла рот, но через некоторое время смогла спросить:

- Она?

Шан Юань, город с населением в несколько миллионов человек, был полностью уничтожен во время ежегодного Фестиваля фонариков, которым и был знаменит.

- Я думала, что штормовой удар был природным катаклизмом...

Надзирательница смерила Лин Юнь особо циничным взглядом:

- Природные явления не сметают каждое здание в городе и не вызывают взрыв каждого фонарика. Это была элементная атака.

- Наверное, это секретная информация.

- Технически - да, но многие сами догадались.

- У нее было много помощников?

Губы надзирательницы скривились:

- Мир Праха Кирис не взял на себя ответственности за нападение.

Насколько мы сумели выяснить, Перетта всё сделала сама.

- Ладно, - сказала Лин Юнь. Она шагнула к одностороннему окну и внимательно посмотрела на Перетту-Перьяса, пытаясь разглядеть черты убийственной жестокости в открытом, улыбчивом выражении нежного лица девочки. - А кто пятый, забившийся вон туда, в угол?

- Это Ли Чэн Го из Второй колонии, - ответила надзирательница. - В первый же день он убил двух наших стражников. Естественно, по пути сюда все они внесли свой вклад в копилку смерти, но первенство, безусловно, держит Перетта.

- Это ужасно, - сказала Лин Юнь, но подумала: «Должно быть, Миры Праха в совершенном отчаянии, если отправляют на смерть детей».

Генерал «Феникса» два года назад послал убийц к лидеру Миров Праха; видимо, это их контрудар.

- Итак, - продолжила она, - по одному террористу из каждого Мира Праха: Первая и Вторая колонии, Арани, Стрейкен Окх и Кирис. Последние три мира были основаны народами, впоследствии поработанными империей.

- Верно. - Надзирательница повертела кисть в руке. - Генерал «Феникса» желает, чтобы вы открыли тайну террористов.

«О нет!» - подумала Лин Юнь. За все почетные награды, которыми императрица щедро одарила главнокомандующего «Феникса», его прозвали Неистовым генералом. Он начал карьеру пилотом планера, а ведь каждому известно, что пилоты безрассудны и сумасбродны. Чрезмерное влечение к огню и дереву выводит их разум из равновесия.

С другой стороны, Лин Юнь всю жизнь склоняла голову - пусть иногда и с некоторой досадой - перед вышестоящими персонами, а этот человек добился неоспоримых достижений и высокого общественного положения. Это достойно уважения.

- Я не солдат, - сказала Лин Юнь, - и не следователь. Чего вы ожидаете от меня?

Надзирательница улыбнулась:

- У каждого террориста в игре есть своя эмблема, свой символический образ.

Лин Юнь вдруг вспомнила, как в детстве нарисовала автопортрет. Это произошло, к ее смущению, прямо в прихожей дома ее родителей: кривоватый круг лица, малюсенькие глазки и точка носа, плотная копна волос и широко разведенные ручки...

- Почему они согласились играть? - спросила она.

- Потому что альтернативой была смерть. Но у них есть и какая-то

своя скрытая цель, а время, возможно, уходит. Вам следует изучить ход игры - мы обеспечим вас полной аналитической информацией, поскольку вряд ли вы хороший тактик - и изображения драконов. Ваша задача - сочинение сюиты из пяти частей, по одной для каждого дракона, а значит, для каждого пилота.

- Пилота?

- Они считают себя пилотами, хотя мы полностью уверены, что только Перетта и Мескеталиот обучались этому навыку. Возможно, их тайна заключается лишь в обнаружении нарушителей блокады и замысле уничтожить их, - несколько неуверенно сказала надзирательница.

- Каждому дракону своя часть сюиты... Вы думаете, что если соответствующие пилотам символические образы положить на музыку, гармонизировать с высшим искусством, то можно узнать тайну террористов и способ одержать над ними победу?

- Именно так.

- Я сделаю все, что в моих силах, - сказала Сяо Лин Юнь.

- Уверена, что сделаешь, - кивнула надзирательница.

Предки Сяо Лин Юнь поклонялись драконам. На празднике урожая они щедро окропляли землю рисовым вином в угоду братьям-драконам, покровителям Великой и Малой лун. Когда небеса империи озарялись многочисленными огнями летних метеоритных дождей, люди воскуряли ароматные травы душам падающих звезд.

И сейчас по ночам часто - слишком часто - можно увидеть в небе огни, прекрасные фейерверки, но никто не выносит на улицы благовония. Ибо это отблеск сражений, идущих высоко в атмосфере, битв между металлическими драконами Миров Праха и имперским боевым подразделением «Феникса».

Когда Лин Юнь была маленькой, ее дядя смастерил для нее игрушечный планер, хрупкую вещицу из бамбука и бумаги, и прикрепил на крыло тонкие щепочки, изображающие огнеметы. И с обеих сторон нарисовал красно-золотую эмблему корпуса «Феникса».

- Дядя, - спросила она, - почему мы сражаемся огнем, если планеры сделаны из дерева. Разве это не опасно?

Дядя погладил ее по руке и улыбнулся:

- Вспомни круг элементов, малый круг.

Она подумала: металл режет дерево, дерево прорастает сквозь землю, земля пьет воду, вода гасит огонь, и...

- Огонь плавит металл, - сказала она.

- Несомненно, - подтвердил он. - Миры Праха богаты металлом, добытым в поясах астероидов. Потому их драконы из него и сделаны. Мы должны использовать огонь для разрушения металла.

- Но дерево *горит*, - с непокорным любопытством возразила Лин Юнь, словно забыв все обычаи и традиции, призывающие к смирению

и повиновению. Она бережно поворачивала планер в руках, рассматривая бумажные крылья. Они слегка сгибались от ее прикосновений.

- Так же, как и феникс, - ответил дядя.

Лин Юнь недоверчиво посмотрела на него, мысленно пытаясь примирить и согласовать «огонь-разрушает-металл», «огонь-сжигает-дерево» и «огонь-прогорает».

Сжалившись над девочкой, дядя добавил:

- Феникс - это символ, пришедший из южных краев праностей после захвата наших земель, - он засмеялся, заметив ее удивленно распахнутые глаза. - О, да... Ты думаешь, что за многие тысячи лет империя никогда не бывала завоевана? В старых книгах по истории ты найдешь немало ужасных рассказов о Знамени Кабана и Знамени Тигра, о женщине, что низвергла стену, о Пришлой династии и ее великом флоте...

Лин Юнь приняла к сведению всё, что он упоминал, намереваясь позже посмотреть старинные книги.

- Пойдем-ка на улицу, Лин Юнь, - предложил дядя, - и проведем испытания планера.

Девочка поняла, что он отвлекает ее от дальнейших расспросов. Но если он не хотел, чтобы она знала древнюю историю, зачем сам рассказал ей о фениксе?

Тем не менее ей очень нравилось держать планер в руке, а любимый дядя навешал ее не слишком часто.

- Хорошо, - согласилась она.

Они вышли в вымешенный широкими каменными плитами внутренний дворик с небольшим водоемом и больше об элементах не разговаривали.

Лин Юнь начала сочинять сюиту на *усянь цинь*, пятиструнной цитре. Она привезла с собой свой любимый инструмент. Военные привыкли перевозить сложные и капризные музыкальные инструменты, ибо каждый планер боевого подразделения «Феникса» непременно должен быть настроенным, созвучным гармонии пяти элементов.

Склонной к самоубийству темноволосой У Вэнь Чжи музыкантша посвятила разбитую на отдельные мелодии тему с напряженными связующими мотивами, отражающими слияние силы и хаотичности, которые она увидела в белом драконе девочки. Белый и красный, кость и кровь, смерть и жизнь... Надзирательница сказала, что У Вэнь Чжи убила шестерых с момента приземления в империи. На драконе было девять меток. Лин Юнь больше доверяла дракону. Вэнь Чжи не казалась ей утонченной натурой. Ответом надзирательницы на это наблюдение была исполненная страдания усмешка.

Рисунок Ко больше походил на набросок в свободной, небрежной

манере, и наставник Лин Юнь по каллиграфии одобрил бы его. Однако ее волновали цвета: черный и серый, ничего больше, ощущение беспокойной, даже гнетущей незавершенности. При этом отчеты следователей, приходящие каждое утро, отмечали непоколебимо веселое расположение духа и общительность. Лин Юнь почувствовала странное ощущение приязни к мальчику. Она не утешала себя обманом, что понимает, каково это - убивать, но она тоже умела скрывать часть своей натуры от внешнего мира. Она посвятила Ко блуждающую мелодию с постоянно меняющимся ритмом и игривыми, скользящими интонациями.

Синий дракон Мескеталиота выглядел самым воинственным из пяти, по крайней мере на взгляд Лин Юнь. Дракон Ко, если смотреть издали, мог сойти за изображение легендарного божества, а не боевой машины. Эмблема Мескеталиота включала не только внешний вид дракона, но и поперечные сечения и разрезы, открывающие симметрично расположенные механизмы самострелов и способы их крепления между собой. Надзирательница уверяла, что это один из самых распространенных в Мирах Праха вид дракона, и снабдила Лин Юнь пояснениями инженеров. Видимо, она очень старалась убедить гостью для ее же блага, но безуспешно. В мелодию Мескеталиота музыкантша вложила воинственный дух в основной теме и вариациях, где мрачные созвучия словно отбрасывают друг на друга тени, а последняя нота - бесконечно тихое вибрато, задаваемое лишь пульсом в пальце, касающемся струны.

Перетта была лучшим художником из пятерки. Она нарисовала своего дракона без соразмерности, потому он смотрелся не больше крупной кошки; он слегка наклонил голову, чтобы наблюдать за двумя бабочками, небесно-голубой и усеянной звездочками черной. Он был окружен цветами, модными штучками и четко продуманными механическими инструментами. Лин Юнь подумала о Шан Юань, о его взорванных фонариках и разрушенных домах, о пустынных улицах, продуваемых ветрами и населенных одними лишь кузнечиками да мышами. Никто не предпринял попытки заново отстроить Город Фонариков. Песнь, которую она написала для Перетты, имела самую обычную, традиционную пятиступенчатую мелодию. Зато контрапункт звучал в приятной, логичной, но совершенно инородной тональности.

Последний из них, Ли Чэн Го, изобразил огненно-красного дракона с золотыми глазами. Интересно, подумала Лин Юнь, было ли это насмешкой над генералом «Феникса». С другой стороны, красный символизирует благосклонность судьбы. Планеры всегда были огненных цветов, тогда как драконы представляли в любой расцветке, в самых невероятных сочетаниях. Лин Юнь любезно написала стремительную и пронзительную мелодию для Чэн Го, в лейтмотиве воинственную, но отстраненно враждебную там, где в части

Мескеталиота мотив был тонким и изысканным.

В спальне Лин Юнь изображения драконов пяти террористов тоже присутствовали. И она очень разволновалась, когда обнаружила, что как бы она ни меняла их расположение на стене, но проснувшись и открыв глаза, первым видела дракона Перетты, наблюдающего за бабочками.

Осторожные расспросы дали ей представление, как живут террористы: спят каждый в своей камере, хотя им разрешено находиться в одной комнате вместе *для обучения* - видимо, так иносказательно называли допросы - и для игры с генералом. Лин Юнь спросила, как они удерживают убийц от уничтожения стражников или наставников.

- После нескольких подобных попыток они поклялись генералу «Феникса», что впредь будут придерживаться правил игры, - сказала надзирательница.

- И вы им доверяете? - спросила Лин Юнь.

- Они поклялись, - многозначительно подчеркнула надзирательница. - И если нарушат клятву, их казнят.

Раньше или позже, но она собиралась поговорить с генералом «Феникса», если он первым не потребует с нее отчет. Она предполагала, что командование «Феникса» может принять и какие-нибудь другие меры...

Две недели Лин Юнь работала над заданием и наконец обратилась к надзирательнице с просьбой:

- Я бы хотела поговорить с террористами.

- Если вы напишете список вопросов, - ответила та, - военные следователи добудут для вас необходимые ответы.

- Лично... - попросила Лин Юнь.

- Это неразумно по целому ряду причин, о которых вы, разумеется, уже могли поразмыслить.

- Одним музыкантом больше или меньше... Уверена, это не имеет значения для игры генерала, - сказала Лин Юнь, стараясь убрать даже малейший след иронии из своего голоса. Но вряд ли сумела ввести в заблуждение надзирательницу.

Суровая женщина твердо посмотрела ей в глаза и не сумела сдержать гнева:

- Знаешь ли ты, почему мы затребовали тебя, музыкант Сяо? Хотя вполне могли попросить персональную труппу императрицы выполнить распоряжение генерала.

- Было бы любопытно...

- Потому что большинство музыкантов твоего уровня мастерства имеют в мозгах, скажем так, философскую загогулину!

Лин Юнь могла выдумать гораздо большее количество менее лестных высказываний.

- Я уже слышала подобные отзывы, - неопределенно ответила она.

Надзирательница фыркнула:

- Конечно, слышала. Нам нужна именно ты, потому что у тебя репутация практичного человека. Или ты думала, что подобное проходит незамеченным? Исследования психологии императорских музыкантов не столь никчемны, как считают некоторые.

- Тогда верите ли вы, что у меня есть практичный и веский повод для личной встречи с убийцами, - спросила Лин Юнь. - Назовите это частью игры, и, уверена, вы не слишком отступите от истины. Одно дело - изучать ваши пояснения по ходу игры, но я хочу знать, что террористы представляют собой как люди. Я не следователь, но мне надо слышать скрытые тембры человеческого голоса. Возможно, я услышу что-нибудь полезное.

- Мы это обсудим, - сказала надзирательница.

- Спасибо, - ответила Лин Юнь, уверенная в успехе.

Когда Лин Юнь впервые настраивала планер на элементы своей музыки, она так волновалась, что ее дрожащие пальцы слишком сильно дернули колок, и струна порвалась.

Наставник сверху вниз посмотрел на Лин Юнь спокойно и хладнокровно:

- Возможно, флейта... - предложил он.

Многие музыканты подразделения «Феникса» предпочитали бамбуковые флейты: их звучание ассоциировалось с пением птиц, а следовательно, с небесными высями.

Лин Юнь пришла подготовленной, у нее был запасной набор струн.

- Я попробую еще раз, - сказала она.

Вместо того чтобы отрешиться от присутствия пилота и механиков, она подняла голову и внимательно посмотрела на них. Девушка-пилот - едва ли старше самой Лин Юнь - встретила пристальный взгляд музыкантши с вызывающей улыбкой. Механики напустили на себя вид вежливой учтивости, они и раньше проходили через подобное.

Очень осторожно, стараясь не тратить чужого времени понапрасну, но также памятуя о необходимой аккуратности, Лин Юнь заменила испорченную струну. Новая обещала слишком темпераментный звук, и девушка должна была играть так, чтобы уравновесить ее звучание с остальными струнами.

Удовлетворенная настройкой цитры, она несколько раз глубоко вдохнула и начала священную традиционную пьесу-молитву «Журавль летит домой». Вначале простое задание пробежать пальцами по мелодии пьесы захватило ее.

Затем Лин Юнь осознала, что планер отвечает ей. Это было небольшое израненное создание, в деревянном теле видны пробоины, оставшиеся с прошлых боев, и он тихонько гудел и рокотал, стоило ей

коснуться струн, соответствующих дереву и огню. Памятуя совет наставника не пренебрегать и струнами остальных элементов, она нежными созвучиями убедительно напоминала планеру, что ему придется предстать пред водой, сражаться с металлом и вернуться на землю.

Лишь закончив играть, она почувствовала, что ее пальцы кровоточат, даже несмотря на уплотнившуюся от многолетних музыкальных упражнений кожу. Такого не было уже давно. Она обтерла кровь о край жакета. «Вода питает дерево», - подумала она.

Механики, обладающие своими музыкальными навыками, обследовали планер вдоль и поперек. Они о чем-то посоветовались с наставником Лин Юнь, используя непонятную девушке терминологию. Тот повернулся к своей ученице и, улыбнувшись, кивнул.

- Вы же не летали на нем, - в замешательстве сказала Лин Юнь. - Как вы узнали, что я настроила его должным образом?

Катапульта для запуска находилась на другом конце летного поля.

- Услышал, - просто ответил он. - Прежде чем полететь физически, он должен духовно оторваться от земли. И ты добилась этого.

В ту ночь ей снились планеры, запускаемые катапультой в небеса - в момент отрыва они обращались птицами: цаплями и журавлями, воробьями и соколами, гусями и ласточками... Но ни одного красно-золотого феникса!..

Пятеро пилотов - как-то незаметно для себя Лин Юнь начала думать о них как о пилотах драконов, а не об убийцах, и надеялась, что эта перемена останется в тайне от командования «Феникса», - были облачены в одинаковую одежду, совершенно им не подходящую. Темноволосая У Вэнь Чжи равнодушно скрестила руки на груди. Ко, мальчик с косой, улыбался. Спокойный и бесстрастный Мескеталиот положил руки за спину; на виске пугающе белели шрамы. Перетта скромно потупила синие глаза, однако смиренно-послушное поведение не могло ввести в заблуждение Лин Юнь. Самый высокий юноша, Ли Чэн Го, стоял дальше всех и не пытался скрыть гневного взгляда.

- Я...

- Еще один следователь, - сказала Вэнь Чжи. Голос девочки был высоким и ясным, ее стремительная речь напоминала звон пересыпаемых камешков.

- И да, и нет, - ответила Лин Юнь. - У меня есть вопросы, но я не солдат, вы же видите, я не в форме. - На ней было представительное серое платье и жакет, в этой одежде она пришла бы на важные переговоры.

Вэнь Чжи схватила Лин Юнь за запястье и повернула. Музыкантша едва сдержала крик.

- Все в порядке! - быстро сказала она, зная, что стражники следят за

встречей.

Девочка рассмотрела руку Лин Юнь, обратила особое внимание на плотную мозолистую кожу пальцев.

- Ты механик.

- Тоже и да, и нет, - ответила Лин Юнь. - Я музыкант.

Должно быть, Вэнь Чжи не играла на цитре, иначе она бы сразу заметила, что ногти у гостьи длинноваты, чтобы удобнее перебирать струны. Лин Юнь уже практически слышала упреки надзирательницы, но что она могла поделать? Отрицать очевидное?

Ко резко дернул головой и сказал:

- Правильным ответом, Вэнь Чжи, было бы: «Привет, это большая честь для меня познакомиться с вами». Затем назвать свое имя, хотя я уверен, что вы, госпожа, уже знаете наши имена. - По-имперски он говорил великолепно, хотя немного растягивал гласные. - Меня зовут Ко.

- Меня зовут Сяо Лин Юнь, - серьезно сказала она. Неужели у них в Арани нет фамилий? Или в Стрейкен Окх, или в Кирисе, если уж на то пошло?

Остальные тоже представились. У Мескеталиота голос спокойный, невыразительный, отстраненно вежливый. Перетта назвала себя именно так, женским вариантом имени, у нее приятный альт, но более заметный акцент, чем у остальных. Ли Чэн Го говорит по-имперски совершенно правильно, бегло и естественно: он обратился к Лин Юнь с откровенной прямоотой, однако в речи его не было ничего оскорбительного.

Лин Юнь хотела было спросить, занимался ли кто-нибудь из них вокалом, и вдруг почувствовала себя глупо. Естественно, занимались. Конечно, не исполнением песенок в народном стиле у себя дома, но по тем канонам, по которым обучаются пилоты планеров: важной способности выдерживать тональность и еще более значительной способности постоянно слышать ежеминутные отраженные вибрации планера. Вот бы сочинить песнь для их голосов!

Весьма сомнительно, что надзирательница поддержит подобное стремление...

Повинуясь какой-то неясной прихоти, Лин Юнь принесла с собой маленький планер, который смастерил ей дядя. Очень медленно она опустила руку в карман жакета и вытащила игрушку.

- Какой миленький, - улыбнулась Перетта. - Он летает?

Мескеталиот протянул ладошки к Лин Юнь. Она положила на них планер. Он внимательно рассматривал его пропорции, и она внезапно похолодела: а вдруг он умеет рисовать чертежи планеров?

- Да, летает, - ответил Мескеталиот. - Но его никогда не настраивали, не так ли?

- Никогда, - произнесла Лин Юнь. - Это же игрушка.

Естественно, в детстве эти молодые люди забавлялись с игрушками. Какую жизнь они могли вести в Мирах Праха, в постоянной угрозе нападения планеров-бомбардировщиков?

- Даже игрушка способна стать оружием, - криво усмехнулся Чэн Го. - Я бы его настроил. Особенно, если бы сделался музыкантом...

- Умоляю, Чэн Го! - сказал Ко. - Что это вещица будет делать? Сбрасывать бумажные бомбочки? - Он потряс пальцами.

Чэн Го просверлил его сердитым взглядом, но Ко лишь широко улыбнулся в ответ.

Они гомонили, как студенты, вместе с которыми она ходила на занятия, когда сама была подростком, капризным, но искренним и чистосердечным. Однако в отличие от тех приятелей-студентов, эти молодые люди держались настороженно. Она заметила, что, расположившись возле нее полукругом, они сознательно оставили ей путь к беспрепятственному уходу.

- Мне разрешили задать вам несколько вопросов, - сказала Лин Юнь. Она хотела дать им ясное представление о своем месте в иерархии, которое, надо сказать, было невысоким.

- Вы часть игры? - спросила Вэнь Чжи.

«Интересно, улыбается ли эта девочка когда-нибудь?» - подумала Лин Юнь и была поражена неожиданным желанием взъерошить ее короткие волосы. Но вспомнила о девяти красных метках на ее драконе и преодолела внезапное побуждение.

- Нет, - ответила она, опасаясь, что подростки откажутся от дальнейшего разговора.

- Ладно, - коротко сказал Чэн Го, - вы не готовы.

Он опробовал свой суровый взгляд на Лин Юнь, будто бы это заставило ее уйти. Скорее, более эффективным оказалось бы абсолютное равнодушие.

- Скажите, как это - убивать? - спросила Лин Юнь.

Ко медленно прошествовал к стене, противоположной той, где стоял Чэн Го, и прислонился к ней, приводя в порядок конец растрепавшейся косы. Ему не дали никакой заколки для волос, а отрезать ее, по словам надзирательницы, он отказался. Ко пронизательно взглянул на Лин Юнь:

- Вы можете спросить об этом и у солдат вашей армии, не так ли?

- Я знаю, что они чувствуют, но мне интересны ваши ощущения, - ответила она.

- Спрашивайте о том, что хотите узнать, - произнесла Перетта. Ее голос почти неуловимо изменился. Интересно, слышат ли остальные под гладким потоком ее речи скрытое течение безжалостности...

- Вам интересно, насколько мы разные.

- Ну ладно. Да, так и есть, - согласилась Лин Юнь. Ей ничего не стоило быть покладистой, этот давно усвоенный урок она привычно

применяла всю жизнь.

- Не слушайте ее, - призвала Вэнь Чжи остальных. - Она пытается проникнуть в наши мысли.

- Ну да, - мягко согласилась Лин Юнь. - Но чем больше вы со мной разговариваете, тем дольше играете в игру и тем дольше живете.

Мескеталиот вздернул подбородок. Его шрамы сделались синеватыми. Он сказал:

- Жить - это не главное.

- А что главное? - спросила она.

Безо всякого предупреждения или намека - по крайней мере, для медленного восприятия Лин Юнь - Мескеталиот прихлопнул игрушечный планер в ладонях.

Лин Юнь уставилась на него, прижав кулаки к бокам. В глазах защипало. Чисто теоретически она подозревала, что может лишиться игрушки. О чем она только думала, притащив вещицу в дом, битком набитый террористами! Убийцами, которые осознают значимость символов и потому причисляют даже такой планер к вражеской эскадре. Она просто не ожидала, что они сломают это милое воспоминание о детстве.

«Это всего лишь игрушка», - напомнила она себе. Она может смастерить себе другую, если захочет.

Сколько же утрат понесли эти дети, перед тем как оказаться здесь?

Синие глаза Перетты встретились со взглядом Лин Юнь. Девочка слегка кивнула.

- «Даже игрушка способна стать оружием», - без выражения процитировал Мескеталиот. - Оружие бывает разным.

- Мы можем его починить! - с неподдельной искренностью попытался утешить музыкантшу Ко. - Они дадут нам немного клея, верно? К тому же вы нравитесь генералу. Если не починим, он велит казнить нас.

«Я никогда не встречалась с генералом «Феникса» лично», - подумала Лин Юнь, закусив губу, потом призвала все свое самообладание и спросила, стараясь не забывать, что перед ней убийцы и террористы:

- Сколько людей уничтожили вы?

Ко сказал, переплетая косу:

- Я держу свой счет в голове.

- В игре он подбил шестнадцать планеров, - презрительно сообщила Вэнь Чжи. - Эту информацию вы должны были получить, изучая ход игры.

- Вы продолжаете терять территории, - сказала Лин Юнь, припоминая последний рапорт. - Как вы собираетесь выиграть?

Чэн Го засмеялся из своего угла:

- Так мы вам и рассказали! Всегда пожалуйста!

«Генерал, - подумала Лин Юнь. - Во имя императрицы, неужели ваша идея так уж хороша?!» Она надеялась, что совсем не единственная,

есть и другие музыканты, работающие над этим заданием. В целом беседа вызывала у нее тревожное и настойчивое ощущение необходимости срочно сделать что-то важное.

- В самом деле... - сказала она. - Спасибо.

- Оставьте нам планер, - предложил Ко. - Мы его починим. Вот увидите.

- Как вам будет угодно, - произнесла Лин Юнь. Интересно, что бы сказал ее дядя, узнав об этом. Но сообщать ему не обязательно. - Возможно, мы еще встретимся, если разрешат.

Перетта легко коснулась руки Лин Юнь. Музыкантша полуобернулась:

- Да?

Перетта сказала:

- Их должно быть шесть, а не пять. Но вы уже догадались, не так ли? Волосы на затылке Лин Юнь зашевелились.

Перетта снова улыбнулась.

Лин Юнь подумала о двух бабочках на рисунке Перетты: интересно, едят ли драконы бабочек. Или музыкантов, если уж на то пошло...

- Было очень приятно встретиться с вами, - сказала на прощание она, потому что родители учили ее быть вежливой.

Ли Чэн Го и У Вэнь Чжи не обратили на нее никакого внимания, а остальные пробурчали свои «до свидания».

Покачав головой, Лин Юнь подала знак, как научили ее стражники, и дверь открылась. Ни один из террористов не предпринял попытки сбежать. Это ее напугало.

Лин Юнь увлеклась переработкой музыкальной части Мескеталиота, когда к ней прибыли вестовые. Наверняка посланцы генерала «Феникса», потому что солдаты не стали бы нарушать ее сосредоточенные занятия по другим причинам. Но Лин Юнь привыкла сочинять в самых разных, порой неподходящих условиях: в поезде под лязг колес, в уличном кукольном театре, среди шумных детей, выкрикивающих имена своих любимых персонажей пьес, во время утомительных званых вечеров, когда приходится пить слишком много вина. Сочиняла не подобострастные посвящения или баллады, но веселые песенки, которые напевала там, где никто не слышал, например, в ванной. Но у ассистентов были свои представления о том, как работают музыканты, и преодолеть их очень сложно. Надзирательница спросила:

- Вам понадобится цитра?

- Это зависит от того, захочет ли генерал послушать, что я успела сочинить, - ответила она.

- Нет, - поколебавшись, сказала женщина. - Он распорядится, когда захочет послушать произведения, я уверена.

Лин Юнь тайком несколько раз сжала и разжала пальцы, чтобы

размять их. Просто на всякий случай.

Надзирательница проводила ее в малый приемный зал, дверь которого была украшена изображением ростка в пламени - символа командования «Феникса». Удивительно бесцеремонно она отворила дверь.

- Генерал, - позвала она. - Музыкантша Сяо прибыла. - Она похлопала Лин Юнь по плечу. - Проходите. Все будет хорошо.

Лин Юнь шагнула на минимально возможное расстояние и опустилась на колени со всем уважением и почтением, мимолетно увидев перед собой генерала «Феникса». У него были волосы с проседью и мощная нижняя челюсть.

- Достаточно, - сказал генерал. - Не будем терять время на церемонии.

Она медленно поднялась, пытаясь истолковать для себя выражение его лица. «Он пока не слышал, что ты сочинила, - напомнила она себе, - и потому не может выражать недовольство».

- Мой господин... - она невольно вновь склонилась в поклоне.

- Вижу в вас хорошую выучку, - скривился генерал. - Клянусь, это касается каждого музыканта, а встречался я со многими... Сядьте.

Лин Юнь не знала, что на это ответить, поэтому, скрестив ноги, послушно села за низкий столик и придала себе вид полезного помощника.

- Какие сны вам снятся? - спросил генерал. Его пальцы барабанили по стене. В самом деле, казалось, он не в состоянии остановить их.

- Последний раз я видела во сне рыбу, которую ела на обед, - сказала Лин Юнь, захваченная врасплох. - Она выплыла из моего рта и отругала меня за то, что я ее пересолила. Когда проснулась, у меня перед глазами был дракон с бабочками.

- Ах да, - откликнулся генерал. - Перетта, разрушитель Шан Юань. Когда она прилетела, я потерял целый эскадрон планеров. Как вы могли заметить, пилоты драконов - тоже люди неуравновешенные, и мы подумали, что она обычная жуликоватая бродяжка. Мы видели, как она убила парочку своих же товарищей. Потом ее дракон зарычал, и штормовой удар разрушил всё на его пути, а Город Фонариков погиб в огне.

- Вы были там, генерал?

Он ей не ответил, спросил сам:

- Как продвигается драконья сюита?

- Я вношу исправления, основанные на сегодняшних утренних результатах игры, мой господин, - ответила Лин Юнь.

- Вы играете в вэйци, музыкантша? - спросил он.

- Очень плохо, - ответила Лин Юнь. - Моя мать когда-то учила меня правилам, но это было так давно... Игра касается влияния на территорию и объекты, не так ли? Она необычна и удивительна, а мне

гораздо легче постичь музыкальные объекты, чем визуальные.

Генерал сел напротив.

- Если бы музыканты оказывались столь же талантливы в вэйци, как искусны они в музыке, - сказал он, - они стали бы непобедимы.

Табличка лежала на столе. Он взял большую из двух кистей и начертил ИГРА, потом еще несколько символов. Треугольников-драконов не было видно и в помине.

- Я не знал, что они могут сделать это, - задумчиво проговорил генерал. - Так происходит, когда разрешаешь игре создавать свои собственные правила. - Он встретил чрезмерно пытливый взгляд Лин Юнь. - Как бы то ни было, не думаю, что они сдались.

- Значит, драконы не были захвачены, - сказала она, переходя снова в терминологию вэйци. - Что еще связано с этой игрой, генерал?

- Она настроена так же, как планер - музыкантом. Как табличка - каллиграфом. Она настроена развертыванием, ходом и последствиями настоящей войны.

- Понятно, - проговорила Лин Юнь, - что сюита замышлялась как противостояние пилотам и не должна воздействовать на них. Должна признаться, я так и не заметила ничего, что объяснило бы исчезновение драконов.

Генерал сказал:

- В музыке идеалом является беззвучная песнь на цитре без струн. Разве это не так?

Лин Юнь начертала в мыслях символы: *усянь* означает «пять струн», *цин* - это цитра. Но слово *у* с третьим тоном значит «ничто», «пустота»... Цитра без Струн, благодатный инструмент, привилегия мудрецов. Древние предпочитали утонченность и сдержанность во всем, и цитра без струн - естественное тому подтверждение. Лин Юнь посвящала себя урокам с тем же терпеливым прилежанием, с каким занималась музыкой, но цитра без струн ее возмутила.

- Это лишь точка зрения теоретиков, - бесстрастно сказала она, - и современным музыкантам совсем необязательно с нею соглашаться.

Генерал «Феникса» только еще шире улыбнулся, будто видел истину в ее колебаниях.

- Музыка есть высшее выражение всех явлений жизни, как неоднократно изрекали мудрецы. Музыка при дворе императрицы хранит порядок. Тот же принцип следует применять и в войне.

Она уже знала, что он собирается сказать далее.

- Таким образом, идеальной войной будет бескровное сражение на пустом поле боя.

- А вы уверены, что в этом случае будет мудро оставить в живых детей Миров Праха? - спросила Лин Юнь. Необдуманый вопрос вселил в нее тревогу, ведь ей совсем не хотелось, чтобы генерал

передумал. И эта мысль, наверное, была предательской.

- Они умрут, когда перестанут быть полезными, - откровенно заявил генерал.

Предательская мысль или нет, но неправильна та война, которая приводит к убийству детей. Даже беспощадных и ужасных детей. Даже Перетты, в чьих глазах затаилась сама смерть.

Вэйци - борьба за территории, колониальная война. Лин Юнь вспомнила все, чем обязана своим родителям, которые нанимали ей лучших наставников, своему дяде, который подарил ей планер и приносил другие подарки в течение многих лет. Но она больше не жила в родительском доме. А три колонии: Арани, Стрейкен Окх и Кирис - вообще даже не были основаны империей. Чем они обязаны Знамени Феникса?

На уроках истории она изучала, что феникс и дракон - символы бракосочетания, а поскольку дракон является символом Миров Праха, он должен присоединиться к империи. Конечно, были и другие способы союза и взаимодействия - например, торговля - без завоевания и порабощения.

Генерал на секунду прикрыл глаза и вздохнул:

- Если бы мы могли победить в войне без людских потерь, это было бы поистине чудом. Представьте планеры, летящие сами по себе на битву с драконами.

- Вряд ли жители миров глупы, мой господин, - сказала Лин Юнь. - Они пошлют своих собственных беспилотных драконов.

«Или, - подумала она, - бездраконных пилотов». Возможно, Миры Праха опередили генерала «Феникса». Но Лин Юнь решила, что говорить этого нельзя.

- Тогда нет никакого смысла посылать армию против армии, не так ли? - развеселился генерал. - Но люди есть люди. Сомневаюсь, что кто-нибудь окажется настолько глуп, чтобы полностью разоружиться и вести войну только лишь на бумаге, в качестве игры.

Лин Юнь поклонилась, даже зная о надоевших генералу церемониях, но ей нужно было немного времени подумать.

- Достаточно, - сказал генерал. - При помощи музыки мы победим в игре, а посредством игры мы выиграем войну. Я одобряю ваш труд, музыкантша. В вашем распоряжении столько времени, сколько требуется, но не более того.

- Как пожелаете, мой господин, - ответила Лин Юнь.

Население империи на планете согласно последней переписи составляет сто десять миллионов человек.

Население пяти Миров Праха примерно оценивается в семьдесят миллионов человек, хотя это число гораздо менее достоверно вследствие многочисленных переселений, а также временных

приезжих, постоянно живущих в поясах астероидов.

Количество планеров на вооружении подразделения «Феникса» было строго засекречено. Количество боевых единиц в подразделении драконов тоже составляло тайну.

Лин Юнь не ложилась спать допоздна, перебирая в памяти данные по ходу игры. Визуальные образы не были ее сильной стороной, но она помнила слова генерала. В его голосе слышались азарт и рвение вояки, как в голосе Перетты улавливались отзвуки кровавой бойни в Шан Юань. Должно быть, уже сейчас беспилотные планеры полным ходом устремились к колониям.

Многие отчеты сравнивали стратегию пилотов в игре с реальными боями. Раньше Лин Юнь просматривала их очень поверхностно из-за сплошь незнакомых названий: Змеиный Туннель, осада Ульн Окх, Великий Вихрь, - но теперь она сложила все предполагаемые катастрофические потери жителей Миров Праха и нехорошо себя почувствовала. Каждый утратил свой собственный Шан Юань... Сомнительно, что генерал остановится перед гораздо большими потерями.

Лин Юнь была права. Жители Миров Праха должны были оказаться в полнейшем отчаянии, если уж посылают на смерть детей.

Ее интересовало и еще кое-что: нормы воспроизведения ресурсов. В игре можно создавать новые единицы боевой техники взамен утраченных. Пять пилотов продолжали терять свои боевые единицы. Норма воспроизведения драконов, которую предоставляет игра, постоянно падала, хоть и медленно, но неуклонно. Опираясь на замечания генерала, Лин Юнь могла держать пари, что это было основано на данных разведки об истощении Драконьего корпуса.

Жаль, что она не могла обратиться с вопросами к дяде, который, возможно, помогал в составлении плана решительного и победоносного наступления «Феникса». Дядя однажды сказал ей, что до сих пор Миры Праха сохраняли свои позиции, так как обладали сравнительно большим штатом драконьих пилотов. Металл гораздо более стабильный элемент, чем огонь, и люди, работавшие исключительно с металлом, не пропадали сами собой столь регулярно.

Не совпадение, что каждая колония послала убийцу, как не является совпадением захват их в плен генералом. Пять - значимое число. Лин Юнь безоговорочно приняла его, пока Перетта не шепнула ей, что ключ - это *шесть*.

Империя, которая свято чтит традиции, приняла составленный мудрецами круг, с древних времен и до настоящего времени содержащий пять элементов, даже после основания Первой и Второй колоний в безбрежных просторах космоса. А как же сама космическая пустота?

Область чисел была знакома и близка Лин Юнь, как и любому

музыканту. Теперь она знала, что делать.

Лин Юнь мучилась ужасной головной болью, и даже чай больше не поддерживал в ней бодрости. Однако она ощущала спокойный и торжественный блеск успеха. Она закончила сюиту, состоящую из шести частей. Шестая часть сочинялась вообще не для усянь цинь. Ее можно было напевать или насвистывать, как народную или детскую песенку, она была той самой музыкой, которую Лин Юнь мечтала сочинять всю свою жизнь.

В империи не было места подобной музыке, но она больше не могла с этим мириться.

Если бы игрушечный планер, пусть даже и сломанный, был настроен, то его песней была бы именно эта мелодия. Она всецело захватила ее мысли. Только это и имело значение.

Пять сплетенных вместе струн лежали в рукаве ее жакета, свернутые в кольцо - неудобное напоминание о том, что она собиралась сделать.

Лин Юнь написала в табличке письмо, пометила его как «важное» и адресовала лично генералу. *Я должна поговорить с Вами по поводу пяти террористов.* Рука дрожала, и каллиграфия оставляла желать лучшего. Пусть генерал истолкует это, как ему будет угодно.

Прошло некоторое время, и в верхнем правом углу появился символ «сообщение». Лин Юнь коснулась его кончиком кисти.

Краткий ответ генерала: *Приходите.*

Слегка дрожа, Лин Юнь дождалась, пока придут сопровождающие. Затаив дыхание, она напела одну из вариаций части Мескеталиота. Во время сочинения сюиты она привела в гармонию пилотов с их заданием и самое себя и сделала это по собственной воле. Таков был ее выбор.

«Будь начеку, - предупреждала она мысленным напевом каждого юного пилота. - Приготовься!» Тронет ли музыка внутренние струны их душ, как это случалось в старинных рассказах?

Прибыло сопровождение.

- Вы отдаете себя работе до самой поздней ночи, - уважительно и со всей искренностью поклонился более высокий солдат.

- Каждый делает все, что может, - ответила Лин Юнь, подумав: «Ты себе даже не представляешь...» Музыкантов люди тоже считали сумасшедшими. Вероятно, каждый кажется кому-то ненормальным.

После этой ночи она собиралась казаться свихнувшейся в глазах каждого, если, конечно, командование «Феникса» позволит событию стать достоянием общественности.

Генерал «Феникса» в этот раз встретил ее в другом помещении. Стены покрывали шелковые панно.

- Они недурны, не так ли? - кивнул на них генерал.

Лин Юнь с ужасом вспомнила, как Перетта смотрела на ее

игрушечный планер.

Генерал продолжал:

- Возраст некоторых из них исчисляется поколениями.

Одно из полотен изобиловало темными ломаными линиями. Взгляд Лин Юнь был прикован к изображению: феникс, вылупляющийся из игрового камня вэйци.

- Это ваш рисунок, - сказала она.

- Я был молод, - ответил генерал, - но никогда не был слаб... Пожалуйста, вот чай. В вашем личном деле указано, что вы любите лимонный, и я попросил заварить нам именно такой.

Запах лимона был острым и приятным. Лин Юнь знала, что стоит ей лишь пригубить напиток, как испарится все ее хладнокровие и смелость. Но учтивость есть учтивость.

- Спасибо, мой господин, - произнесла она.

Она держала в голове первые пять тактов драконовой сюиты, чтобы они дали ей сосредоточенность на цели У Вэнь Чжи, спокойное выражение лица Ко, быстроту реакции Мескеталиота, скрытую жестокость Перетты и сообразительность Ли Чэн Го.

Переплетенные шелковые струны скользнули в ладонь Лин Юнь. Она набросила их на шею генерала «Феникса». Он был крупным мужчиной, но в девушке сосредоточилась сила шести человек. И она сражалась за пять Миров Праха, а не за одну империю.

Генерал «Феникса» боролся, а Лин Юнь все сильнее затягивала струны. Она остановила свой взгляд на картине рождения из камня.

Лин Юнь была ставленником генерала «Феникса». Феникс уничтожает себя, соответственно, она уничтожила его.

Никогда бы она не совершила подобного, но генерал подослал убийцу к предводителю Миров Праха, и теперь круг справедливости замкнулся на нем самом.

«Теперь я знаю, что значит убивать».

Это было... не счастье точно, но какое-то своеобразное облегчение, что мертв другой, а не она. Она отпустила струны и прислушалась к глухому звуку падения тела генерала на пол.

Дверь с треском распахнулась. Вэнь Чжи и Перетта держали пистолеты. Вэнь Чжи целилась в Лин Юнь.

Лин Юнь подняла взгляд. Сердце глухо бухало в груди. Она отвела плечи назад и выпрямилась. Похоже, в конечном счете она заботилась лишь о том, чтобы достойно умереть с чувством выполненного долга.

- Сделайте это быстро, - сказала она. - Вам надо поскорее выбраться отсюда.

Позади девушек появился Ко с завязанной косой, видимо, он нашел себе какой-то шнурок.

- Пойдемте, госпожа, - сказал он. - Нам нельзя терять время.

- Ты была права, музыкантша позаботилась о генерале, - несколько

раздраженно сказала Вэнь Чжи. - Но это не значит, что она стала нашим сторонником.

- Не время спорить! - остановила подругу Перетта. В ее голосе слышалось: «А когда я ошибалась?»

Вторая девушка опустила пистолет:

- Ладно, Перьяс. Вы идете с нами, музыкантша?

Вряд ли семья когда-нибудь простит Лин Юнь, даже если ей удастся ускользнуть от имперских чиновников. Она поспешила за пилотами, которые, казалось, точно знали, куда идти.

- Перьяс? - спросила она Перетту, надеясь получить ответ, которого не смогло добиться командование «Феникса».

- Был шестым, - ответил Мескеталиот, не замедляя хода.

- А у вас есть какой-то определенный план, как выбраться отсюда? - неуверенно спросила Лин Юнь между вдохами. - За нами будут охотиться...

- Из всех людей только у вас нет оправдания подобной недогадливости, - откликнулся Чэн Го, возглавляющий группу беглецов. - Вы думаете, как мы сюда проникли?

- Все, что нам надо, это кусочек неба, - страстно проговорила Перетта. Она ударила по стене основанием ладони.

«Я была права», - подумала Лин Юнь. Края видимости потемнели и сузились, все звуки слились в долгий удар огромного гонга...

Мескеталиот подхватил ее. Его рука была крепкой и теплой.

- В другой раз будьте добры предупреждать, - как всегда невозмутимо произнес он.

Стена разлетелась в щепки. *Металл рубит дерево.*

- Полетели! - воскликнула Перетта. Сильный ветер задул по проходу. Они ступили через пролом в стене, обходя изломанные, зазубренные доски. Над ними поблескивало звездами темное небо.

- Шестой элемент - пустота, - произнесла Лин Юнь, глядя вверх.

Пять драконов появились полукругом, вызванные сквозь пустоту: белый, черный, синий, желтый, красный. В середине, привязанный к красному дракону поблескивающими тросами, парил нераскрашенный планер. Гладкие изгибы его фюзеляжа напоминали Лин Юнь цитру.

- Видите? - сказал Ко. - Я же говорил, мы его починим.

- Спасибо, - ошеломленно проговорила Лин Юнь. В конце концов они вписали ее в игру.

- Это работает, только если нас шестеро, - пояснил Чэн Го. - Вы шестой пилот.

Мескеталиот помог Лин Юнь забраться в кабину планера.

- Когда мы отпустим тросы, - велел он, - следуйте за Чэн Го. Он лучше остальных понимает суть планера и безопасно удержит вас на тепловых волнах пустоты.

Если не обращать внимания на шрамы, выражение его лица было

почти добрым.

- Время! - крикнула Вэнь Чжи, сидящая на белом драконе, на котором теперь было десять красных меток. - Мы должны предупредить Миры Плодородия!

Во внутреннем дворе кричали солдаты. Из одного дракона вырвалась яркая струя, обратившаяся в рой искр. Дракон Мескеталиота в ярости изрыгал огонь, а дракон Вэнь Чжи рыл землю когтями. Солдаты при виде превосходящих сил противника разбежались.

А они, все шестеро, поднялись в небеса; драконы возвращались в небо, где были рождены.

Лин Юнь ни разу не оглянулась, лишь напела себе короткую спокойную мелодию. Она направлялась к звездам.

Перевела с английского Татьяна МУРИНА

© Yoon Ha Lee. The Unstrung Zither. 2008. Печатается с разрешения журнала «The Magazine of Fantasy & Science Fiction».

Андрей СКОРОБОГАТОВ

ПЛЕЕР ДЛЯ ФЭНА

Наверное, ни один литературный журнал (включая журналы жанровые) не уделял столько внимания музыке, сколько «Если». Несколько лет назад мы дали целую серию публикаций о взаимосвязях музыки и литературной фантастики - «Мелодии иных миров» (1999, № 5), «Хоббиты с электрогитарами» (2002, № 3) и «Фонотека имени Айзека Азимова» (2002, № 8 и № 12). Но, вероятно, среди наших читателей процент меломанов все-таки больше, чем, например, у «Нового мира». Им, нашим читателям, тех публикаций показалось мало, они просят продолжения. А мы не умеем отказывать настойчивым просьбам.

Литература и музыка. Многовековая история искусства знает немало случаев, когда абсолютно разные виды творчества влияют друг на друга, порождая новые течения и направления. Барочная музыка и архитектура в стиле барокко, сюрреалистическая проза и произведения художников-сюрреалистов, серебряный век русской поэзии и русский романс - везде прослеживается связь между разными по форме, но близкими по духу культурными явлениями.

Взаимосвязь современной музыки и фантастики кажется для большинства чем-то невозможным или, по меньшей мере, непонятным. Это вызвано, главным образом, низким художественным качеством и жанровой ограниченностью музыки, «крутящейся» на радио и продающейся большими тиражами. Музыка, передаваемая по FM-радио и музыкальным ТВ-каналам, либо является развлекательной, либо не несет серьезной смысловой нагрузки и темы фантастики не затрагивает.

Однако не стоит забывать, что помимо развлекательного музыкального мейнстрима существует огромное количество других современных музыкальных направлений. Музыканты XX века подарили миру около двух сотен жанров, поджанров и стилей, большинство из которых продолжают существовать до сих пор. Более того, некогда процветали целые направления, напрямую связанные с фантастикой и теперь почти забытые. Фантастическая музыка существовала в СССР и существует теперь в России, но обо всем по порядку.

«Фантастикой в музыке» иногда называют саундтреки к НФ-фильмам. Подобные работы мы рассматривать не будем, потому что в таких случаях речь идет не об отдельных, независимых произведениях, а о музыкальном сопровождении другого «отражения» - фантастического кино. Для начала условно разделим все остальные отражения фантастики в музыке на «прямые» и «косвенные». Прямым отражением НФ в музыке назовем использование музыкантами фантастических тем в лирике песен, а косвенным отражением обозначим все другие проявления темы в музыке, как то: общий фон творчества, темы в оформлении альбомов или в названиях, позаимствованных из литературы.

Оставим поиск параллелей ранней фантастической прозы и средневековой, барочной, классической музыки для профессиональных историков и культурологов. Настоящий расцвет НФ и формирование современных фантастических школ происходит в 1950-1970 годы. Примерно в это же время зарождается большинство жанров и стилей наиболее многообразного направления современной музыки XX века, а именно рок-музыки.

С рок-музыкой у обывателя, особенно человека старшего поколения, связано множество стереотипов. Не будем сейчас заниматься развенчанием мифов, стоит упомянуть лишь причину их возникновения - это все тот же мейнстрим. Англо-американские «школы» рок-музыки в 1960-е, равно как и русский рок в период перестройки, формировались как протестные направления, как вызов обществу. Разумеется, там имели место и алкоголь, и наркотики, однако в те же 60-е годы возникли жанры, смысловой и идеологической основой которых

является фантастика, и о них сегодня знают единицы.

Прямая связь НФ с музыкой 1940-1960-х носила редкий, частный характер, и найти такие проявления будет достаточно сложно. Тексты некоторых песен из поздних работ британской группы The Beatles уже отчасти имеют научно-фантастическое содержание, например «Yellow Submarine» или «Across The Universe». Однако говорить о некоей глобальной фантастической концепции рано.

Лирика песен психоделических групп, использующих «кислоту» (ЛСД) либо имитирующих ее использование, нередко касалась околофантастических тем, потусторонних миров, эзотерики. Тем не менее подобные тексты редко являются хорошим примером прямого отражения фантастики в музыке. Чаще всего это «выкидыши сознания», сюрреалистические фантазмагии, а то и просто бессвязный набор слов. Косвенные отражения, напротив, можно в изобилии встретить в названиях групп, альбомов и песен.

В частности, альбом 1967 года «The Piper at the Gates of Dawn» («Волыщик у врат зари») группы Pink Floyd просто изобилует философскими посылами, сюрреалистическими и потусторонними образами. Вот примеры названий песен из этого альбома: «Astronomy Domine» («Астрономия господня»), «Lucifer Sam» («Люцифер Сэм»), «Interstellar Overdrive» («Межзвездная езда на повышенной передаче»). Музыка, использующая дисгармонии, идеально сочетается с подобными текстами.

В дальнейшем, начиная с 1973 года, группа отошла от космических тем, одновременно прекратив употреблять наркотические препараты. Фактически, этим самым Pink Floyd совершила переход к новому жанру рок-музыки, о котором мы поговорим ниже.

Интересным явлением был также краут-рок - экспериментальное направление, возникшее в конце 1960-х в ФРГ. Некоторые немецкие группы, как Porph-Vuh, Amon Duul, нередко касались в своем творчестве тем освоения космоса и мифологии, однако явной связи с фантастикой у этого явления не прослеживается.

Многие из психоделических коллективов в начале 70-х годов изменили свое направление, уйдя к более сложной и менее бесформенной музыке. Психоделический рок получил свое развитие в совокупности стилевых направлений, большинство из которых характеризуется термином «прогрессивный рок».

Четкого определения прогрессив-рока не существует, однозначно можно сказать лишь то, что стили этого направления берут начало не в блюзе, а в европейской сонатной классике, поэтому являются наиболее сложными и интеллектуальными из всей рок-музыки. Об одном из таких стилей мы уже упоминали - это спейс-рок, основателем которого нередко называют Pink Floyd. Прекращение употребления музыкантами психотропных веществ никак не повредило косвенной

фантастичности. Наоборот, футуристичность звучания в последующих альбомах, начиная с «The Dark Side of the Moon», возрастает, в музыке слышится космический объем, масштабность образов. Инструментальная композиция «On the Run», к примеру, на концертах обычно сопровождалась весьма фантастичным видеорядом и является, по сути, одной из первых композиций в жанре электронной музыки.

Наряду с Pink Floyd ярким представителем спейс-рока является группа Hawkwind, образованная в 1969 году и существующая до сих пор. Урбанистические и НФ-темы являются основными в текстах этой группы по той причине, что долгое время с ней активно сотрудничал в качестве текстовика, художника и шоумена английский писатель-фантаст Майкл Муркок. Им было написано некоторое количество песен, он участвовал в аранжировках и выступлениях, но что самое главное - писатель являлся одним из идейных вдохновителей проекта.

По мотивам творчества Муркока и при его активном участии записано несколько студийных альбомов: «Warrior on the Edge of Time» («Воин на краю времени», 1975), «The Chronicles of the Black Sword» («Хроники черного меча», 1986) и двойной альбом «Live Chronicles» («Хроники жизни», 1986). Большинство других дисков коллектива также тесно связано с НФ-тематикой. Таким образом, группа Hawkwind является очень удачным примером прямого фантастического отражения в музыке.

Фантастические миры Майкла Муркока нашли свое воплощение в творчестве более чем 20 музыкальных коллективов, в том числе и российских, и мы вернемся еще к этой фигуре.

Другим течением в общем потоке прогрессивных жанров, возникших в первой половине 70-х годов, является достаточно редкий и весьма специфичный жанр, называемый «цойл прог» (Zeuhl prog).

Группа Magma была создана во Франции в 1969 году ударником с классическим образованием Кристианом Вандером. С музыкальной точки зрения, изобретенный группой «цойл прог» является причудливым синтезом ритмов вуду, этно- и фолк-мотивов, авангардного джаза и хорового пения, близкого к вокалу русских опер. Впрочем, одним лишь уникальным саундом эта фантастичность не ограничивается. Все номерные альбомы группы, начиная с «Magma» (1970) и заканчивая «Merci» (1984), являются частями длинной космической «одиссеи», повествующей о далеком будущем Земли и спасении человечества пришельцами с вымышленной планеты Кобайа. Уже со второго альбома, «1001° Centi-grades» (1971), все тексты песен написаны на синтетическом «кобайском» языке - смеси западнославянских, немецких наречий и латыни. Ходили легенды, будто музыканты настолько вжились в роль «кобайцев», что свободно общаются на своем вымышленном языке и в быту.

Если говорить об истоках «кобайской» идеи, то вполне возможно, что их следует искать в творчестве французских писателей-фантастов 1950-1960-х. Например, в романах Фрэнсиса Карсака.

Другой французской группой 70-х годов, активно использующей космические темы в лирике, является коллектив Gong. Англоязычные тексты песен нередко называют лучшим примером песенной поэзии среди рок-исполнителей*¹². Композиции с альбома «The Flying Teapot» («Летающий чайник», 1973), к примеру, повествуют о Радиогноме (сквозной персонаж практически всего творчества группы), принявшем от сверхлюдей сигнал из космоса и отправившемся на планету Гонг. Сюжет о Радиогноме и планете Гонг нашел продолжение и в последующих альбомах замечательной группы. Среди заслуг коллектива можно назвать еще и изобретение уникальной вокальной манеры пения, названной Space Whisper - «космический шепот».

Можно долго перечислять фантастические мотивы в творчестве других, не менее интересных групп прогрессивного рока 70-х годов, как Yes, Omega, King Crimson, Genesis, Van der Graaf Generator, Emerson Lake and Palmer и других. Рок-музыка, как вы уже могли убедиться, весьма разнообразна, и мы перейдем к другим жанрам.

Все предыдущие примеры фантастических отражений касались преимущественно научной фантастики. Однако не стоит забывать, что, начиная с 1920-х, формируется другой субжанр современной литературы - фэнтези.

Истоки темы фэнтези следует искать, по-видимому, в таком музыкальном направлении, как фолк-рок. Музыканты 1960-х, сочетавшие фольклорную музыку с электрогитарной, нередко обращались к темам кельтской мифологии, средневековых сказаний. Одной из первых групп, серьезно увлекшихся темами фэнтези, стал британский хард-роковый коллектив Uriah Heep, созданный в 1969 году. Альбом «Demons & Wizards» (1972) состоял из отдельных зарисовок на фэнтезийные темы, не объединенных общей концепцией.

В раннем хард-роке, как и в психоделик-роке, фантастические отражения носили частный характер. В дальнейшие десятилетия тяжелый рок развился в совокупность жанров, нередко отделяемых от остальной рок-музыки и называемых металлом (встречается также написание с одной «л» и ударением на первый слог - метал).

Примеров использования тем фантастики в творчестве мелодик-металлических групп существует огромное количество. Сетевая

¹² * *Что не удивительно, ведь лидер группы Дэвид Аллен - профессиональный поэт и одна из заметнейших фигур битнической поэзии 1960 - 1970-х. (Здесь и далее прим. ред.)*

энциклопедия metal-archives.com при поиске по слову «Fantasy» выдает список из более чем 1300 коллективов, использующих фэнтезийные сюжеты в творчестве. Столь большое число позволяет говорить о существовании некоей общей тенденции, традиции, характерной для металл-музыки.

В 1987-1988 годах немецкая группа Helloween выпустила ставший культовым двойной альбом «Keeper of the Seven Keys» («Хранитель семи ключей»). Он ознаменовал рождение нового жанра - так называемого пауэр-металла (Power metal, от power - «мощь», «власть»)*¹³. Иногда данное направление называют также happy metal (счастливый металл) или light metal (светлый металл). Отход от остросоциальных и мистических тем, тем жестокости и байкерской романтики сопровождался поиском новых идей для смыслового наполнения. Одной из основных тем для пауэр-металлистов стала тема борьбы добра со злом, выразившаяся через мифологические, фантастические и фэнтезийные сюжеты.

Одной из первых металл-групп, полноценно принявших на вооружение фантастическую тематику, является другой немецкий коллектив - Blind Guardian. Группу называют одной из родоначальниц такого течения, как фэнтези-металл - поджанра, являющегося прямым отражением фэнтези в музыке. Вот неполный перечень литературных произведений, использованных ими в лирике своих альбомов: «Илиада» и «Одиссея», Томас Мэлори - «Смерть Артура», Гёте - «Фауст», Джон Толкин - «Хоббит», «Властелин Колец», «Сильмариллион», Стивен Кинг - «Темная башня», «Томминокеры», «Оно», «Талисман», Фрэнк Херберт - «Дюна», Т. Хикмен - «Кузница души» (Dragonlance), «Врата смерти», Фрэнк Баум - «Волшебник из страны Оз», Клайв Льюис - «Хроники Нарнии», Майкл Муркок - «Рунный посох», «Элрик». Впрочем, более подробно о творчестве этой группы уже было рассказано в статье «Хоббиты с электрогитарами» (№3 за 2002 г.).

Другой не менее интересной группой жанра является Rhapsody (позднее переименованная в Rhapsody of Fire), совместившая пауэр-металл с симфонической музыкой и основавшая так называемую «итальянскую школу» пауэр-металла. Все альбомы группы, основанной в 1990 году, являются концептуальной рок-оперой со сквозным сюжетом, который повествует об истории волшебной страны Алгалорд. Основная сюжетная линия этой вымышленной страны известна непосредственно из текстов группы и из сопроводительных буклетов к

¹³ * *На самом деле Helloween не стала родоначальником пауэр-металла. Не менее известная группа Manowar концепцию эпического пауэр-металла начала успешно продвигать в жизнь еще в 1982 году.*

альбомам. В ряде буклетов также есть изображение географической карты «Зачарованных земель». Примечательно, что с группой активно сотрудничает (как поэт и «голос») «главный кинозлодей», легендарный английский актер Кристофер Ли.

Еще одной итальянской пауэр-металл группой является коллектив из Флоренции Domine, практически все работы которого тематически привязаны к произведениям уже упомянутого Майкла Муркока. К примеру, их альбом «Stormbringer Ruler - The Legend of the Power Supreme» («Владеющий Буревестником - Легенда о Высшей Силе», 2001) посвящен Элрику из Мелнибонэ, одной из инкарнаций Вечного Воителя.

Говоря о фэнтези, в первую очередь вспоминаешь о Дж.Р.Р.Толкине. Его влияние на музыку XX века колоссально. Одними из первых к его творчеству обратились хард-рокеры Led Zeppelin, написавшие по Толкину такие песни, как «Battle of Evermore», «Ramble On» и «Misty Mountain Hop». Песни о персонажах книг писателя, хрониках Средиземья есть у канадской прогрессив-хард-роковой группы Rush, Blind Guardian, финских пауэр-металл групп Nighwish и Stratovarius, а также у многих представителей brutальных направлений (блэк-металл, дэт-металл). Начиная с середины 1990-х, многие музыкальные коллективы и в нашей стране в своих произведениях обратились к творчеству Толкина, но об этом мы поговорим отдельно.

Нередко к фэнтези и фантастике относят такие жанры, как хоррор и мистику. Прямые отражения мистического и мрачного в музыке можно встретить в другом направлении рока - готик-роке, позднее перешедшем в более утяжеленный готик-металл. Готическая субкультура столь обширна, что на ее рассмотрение не хватит объема подобной статьи. К тому же вопрос о принадлежности готик-роковых и готик-металлических работ к фантастическим отражениям спорен, и мы не будем останавливаться на этом стиле.

Заканчивая обзор зарубежных примеров, хотелось бы упомянуть о таком интересном явлении, как рок-опера. Она возникла как форма еще в 1960-е (The Who, альбом «Tommy»), но настоящее развитие жанр получил в 1970-е.

Одной из первых фантастических рок-опер является «The War of the Worlds» («Война миров», 1978), сочиненная и поставленная Джеффом Вэйном по мотивам одноименного романа Герберта Уэллса. Альбом, как и книга, разделен на две части: «Прибытие марсиан» (в пяти композициях) и «Земля под властью марсиан» (в семи). Альбом снискал большую популярность в Старом Свете и затем неоднократно переиздавался, последнее переиздание произошло в 2007 году и было приурочено к выходу одноименного анимационного фильма.

Самыми известными фэнтези-операми являются «Avantasia» и «Aina». Первый проект, «Avantasia», собрал в 2001 году немец Тобиас Саммет. Вначале состав включал в себя 11 вокалистов и 9 инструменталистов из английских, немецких, голландских и финских групп. В сюжетном отношении «Avantasia» представляет собой историю в жанре фэнтези с оттенком мистики, созданную под влиянием книги германского писателя Михаэля Энде «Бесконечная история». Название «Авантазия» - волшебная страна, где происходит действие, - образовано из слияния слов «Авалон» и «фантазия» и означает «мир за пределами человеческого воображения». Действие происходит в начале XVII века, главный герой из стен католического монастыря попадает через портал в параллельный мир, которому грозит опасность. Большую часть сюжета занимает фэнтези-квест с описанием приключений и путешествий главного героя и его друзей. Новые работы с продолжением истории страны Авантазия выходили в 2007 и 2008 годах.

Состав участников симфонической рок-оперы «Aina» (альбом назывался «Days of Rising Doom», 2003) уникален. В записи участвовали 12 вокалистов, в том числе оперных, детский хоровой коллектив и более десяти музыкантов из европейских и американских групп. Несмотря на низкие, по сравнению с «Авантазией», оценки большинства музыкальных критиков, со смысловой точки зрения, сюжет «Дней восходящей печали» выглядит более целостным и понятным. На бонусном, втором, диске имелся даже отдельный 15-минутный трек, в котором пересказывалась история страны Айны и соперничества двух братьев-принцев из-за прекрасной Серебряной девы.

Помимо пауэр- и симфоник-металлической основы для рок-опер следует упомянуть такой жанр, как прогрессив-металл. Прогрессив-рок и «тяжелые» жанры развивались параллельно вплоть до середины 80-х годов, после чего в Америке, Японии и Швеции появилось сразу несколько коллективов, совместивших тяжелые гитарные риффы с «прогрессивной» структурой и тематикой песен. Одним из наиболее ярких европейских коллективов этого жанра является голландская группа Aureon, чей стиль характеризуют иногда как спейс-металл. Создатель группы Арьен Лукассен дебютировал в 1995 году альбомом «The Final Experiment». Альбом представляет собой рок-оперу о средневековом слепом барде по имени Айреон, которого посещают видения от потомков о далеком будущем человечества. Работа является отчасти философской притчей, предостерегающей людей от войны и загрязнения окружающей среды. Последующие альбомы проекта также представляют собой концептуальные работы на научно-фантастическую и философскую тематику.

Еще двумя не менее интересными проектами в жанре научно-

фантастической металл-оперы являются «Missa Mercuria» и «Genius», первые части которых вышли в 2002 году. Сюжет первой работы, созданной при участии ведущих немецких групп жанра, представляет собой повествование о четырех божественных элементах (Вода, Земля, Огонь и Воздух) и о цикличности мироздания. Вторая опера, вышедшая в трех частях (суммарный объем трех CD - четыре часа музыки), повествует о маленьком мальчике Гениусе, который однажды оказался захваченным параллельным измерением, где он открывает для себя секреты создания человеческих снов.

К теме рок-опер мы еще вернемся, а пока закончим рассмотрение зарубежных примеров и обратимся к отечественной сцене.

Зарубежные жанры приходили на территорию нашей страны с запозданием примерно в пять - десять лет. Причина подобного отставания, скорее всего, в официальном запрете западной рок-культуры властями СССР. Рок-группы нередко называют катализаторами распада Советского Союза. Русский рок в том виде, в котором он сформировался в конце 1970-х - начале 1980-х, является остросоциальным явлением, лирика песен чаще всего реалистична, и проявления фантастического в произведениях того времени встречаются редко.

Проявления фантастического можно найти в творчестве группы «Аквариум»: песня «Миша из Города Скрипящих Статуй» (по названию столицы Пан-Танга из произведений все того же Муркока) с альбома «Треугольник» (1981), альбом «Гиперборея» (1997). Также в оформлении оригинального издания «Треугольника» использованы надписи на эльфийских языках, изобретенных Толкином.

Косвенную фантастичность в 1980-х можно встретить в произведениях свердловских «Наутилуса Помпилиуса» и «Урфина Джюса», джаз-роковой группы «Арсенал» и инструментального арт-рокового проекта «Горизонт». Наиболее яркие фантастические образы рисуют произведения латвийской группы «Зодиак», одной из первых групп электронной музыки в СССР, возникшей в 1979 году. Однако почти все композиции были инструментальными и, следовательно, лишены сюжетного наполнения.

Фантастические темы получили свое развитие в нашей стране лишь в конце 1980-х - начале 1990-х, во многом благодаря стараниям московской поэтессы Маргариты Пушкиной. В 1980-е песни на ее стихи, исполняли такие группы, как «Ария», «Автограф», «Мастер», «Рондо». Наиболее интересна дочерняя группа «Арии» - «Маврик», созданная в 1997 году Сергеем Мавриным. Это одна из немногих достаточно широко известных у нас в стране групп, выпускающая концептуальные альбомы с фантастической тематикой. В частности,

альбом «Химический сон» (2001) сам Маврин определил как «мрачную фантастику, основанную на сегодняшней реальности и на нашей, невзирая ни на что, жизнеутверждающей позиции». Название другого альбома, «Запрещенная реальность» (2004), совпадает с названием цикла романов Василия Головачёва и одноименным фильмом, однако о связи работ не упоминают, возможно, это лишь совпадение.

Движение фанатов творчества Толкина появилось в нашей стране еще во времена перестройки, и первые попытки переложения его творчества осуществляли фолк-роковые и бардовские коллективы («менестрели»). Позже предпринимались попытки даже ставить рок-оперы по его произведениям. В частности, в 2001 году творческой организацией «Тамплъ» из Казани был поставлен мюзикл «Финрод-зонг» по мотивам произведений «Сильмариллион» и «Песни освобождения от оков».

Однако настоящее развитие темы фэнтези получили в пауэр-металле - жанре, первые альбомы которого в России выпустили группы Archontes и Shadow Host (1993). Затем возникли группы «Эпидемия» (1995), Catharsis (1997), Arida Vortex (1998), «Арда» (2000). Все из перечисленных коллективов использовали прямые отражения фантастики и фэнтези в своих текстах. К примеру, альбом Archontes «Concerto for a Little Darkness and Orchestra» был создан под впечатлением книг Роджера Желязны, а все тексты песен группы «Арда» написаны по мотивам «легендариума» Толкина.

Творчество группы «Эпидемия», самой известной в России группы фэнтези-металла, также почти полностью посвящено фэнтези-мирам и персонажам книг Толкина (весь альбом «Воля к жизни», песни «Кольцо Всевластия», «Фродо», «Феанор»), Муркока (песня «Вечный воитель»), а также самостоятельным сюжетам. Наиболее известным произведением группы является металл-опера «Эльфийская рукопись» - один из крупнейших проектов на отечественной «тяжелой» сцене, в котором приняли участие музыканты шести крупных коллективов.

Либретто оперы, написанное гитаристом Юрием Мелисовым, представляет собой историю об эльфийском королевстве Энии, которое атаковали силы Тьмы под руководством черного мага Деймоса. Главный герой Дезмонд (Максим Самосват) и его друг Торвальд (Андрей Лобашёв) вызываются спасти свою родину, находят в горах древний артефакт и побеждают темного правителя. Сюжет истории, в котором чувствуется влияние Толкина, Муркока и книжной серии Dragonlance, в дальнейшем получил большую популярность в российском Интернете и послужил источником для ряда фанфиков, цитат и анекдотов.

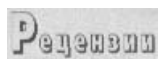
Не обошли вниманием рок-музыканты и отечественных классиков фантастики. Примером может служить уральская группа жанра симфоник-металл Torquemada, обратившаяся в первых двух своих

альбомах («Никогда», 1998, и «Торквемада» 2001) к творчеству братьев Стругацких. В том же Екатеринбурге ведет концертную деятельность другая группа с названием, позаимствованным из миров АБС - Arcanar. К сожалению, подобные группы в современных условиях обречены оставаться в глубоком андеграунде.

Начиная с середины 1990-х в России начала развиваться так называемая независимая сцена, включающая группы прогрессивного, авангардного рока и некоторых других направлений. Альбом прогрессив/симфоник-металл группы Mechanical Poet «Woodland Prattlers» («Лесные болтуны», 2004) написан под впечатлением произведений Астрид Линдгрэн и средневековых легенд. Фантастичным является творчество самой известной за пределами страны арт-роковой группы из далекого дальневосточного города Тында Azazello, названной в честь персонажа булгаковского «Мастера и Маргариты», работы групп Extrovert, «Маленькие трагедии», проектов InFront и Disen Gage (часть композиций этого коллектива посвящена фантастическому миру фильма-антиутопии «Кин-дза-дза»).

Так получилось, что практически весь наш обзор посвящен рок-сцене. Причины этого носят как субъективный характер - личные пристрастия автора, так и вполне объективный. Попытки поиска фантастических отражений в таких популярных молодежных стилях, как рэп и г'n'b, не увенчались успехом. Исключением может являться лишь киберпанк, поджанр фантастики, получивший свое частичное воплощение в ряде электронных музыкальных жанров. Так или иначе, рок-музыка остается самым разнообразным направлением современной музыки, и это разнообразие служит неплохой почвой для фантастических отражений.

Литературная фантастика в нашей стране продолжает пользоваться большой популярностью. Остается надеяться, что вновь создаваемые группы будут находить подходящий материал для своих произведений и создавать новые шедевры, новые фантастические отражения в музыке.

Рецензии

Дэниел УОЛЛЕС

МИСТЕР СЕБАСТИАН И ЧЕРНЫЙ МАГ

СПб.: Азбука-классика, 2009. - 320 с.

Пер. с англ. В. Минушина.

5000 экз.

У Д.Уоллеса цепкий взгляд, способный видеть особые вещи, другим не доступные, и по-особому видеть вещи, различимые каждым.

Действие книги разворачивается и «переезжает» с места на место, двигаясь вслед за бродячим цирком и Генри Уокером, черным (или белым, в зависимости от того, как складывались обстоятельства) магом, до того искусным, что он бросил вызов самому дьяволу - мистеру Себастиану, который некогда взял мальчика в ученики, а затем похитил сестру Уокера и ее любимого пса.

С тех пор Генри, с детства оказавшийся в мире магии и иллюзионистов, карточных трюков и фокусов с исчезновениями, не переставал разыскивать сестру и совершенствоваться в магическом искусстве, дабы побить дьявола. Впрочем, до того как реализовать задуманное, ему предстоит стать самым известным американским магом Второй мировой, дать удивительное и неповторимое представление с воскрешением из мертвых, а затем затеряться, исчезнуть в цирковых шатрах.

История Генри Уокера, начавшаяся в разгар Великой депрессии, завершилась лишь в середине 50-х годов XX века. И о ней читателю поведают сразу несколько весьма нетривиальных рассказчиков. Истории, рассказанные каждым из них, описывают произошедшее, словно снимая слой за слоем с луковицы, пока то, что останется, не будет считаться истиной с согласия большинства.

Уоллес, известный у нас по экранизации своего романа «Большая рыба», талантливо соединяет в книге реальность и вымысел, придавая таким житейским и таким необычным историям пленительный флер волшебства. Получается убедительно, достоверно и, главное, интересно. Вот только по-сказочному счастливого финала ждать не стоит: у магии свои правила и резоны.

Сергей Шикарев

Михаил ТЫРИН

КЛАДБИЩЕ БОГОВ

Москва: ЭКСМО, 2009. - 384 с.

(Серия «Абсолютное оружие»).

8000 экз.

Михаил Тырин получил известность как автор хорошей социальной НФ - «Синдиката «Громовержец», «Желтой линии», «Контрабандиста» и других книг. Роман «Желтая линия» показал Тырина как писателя-интеллектуала, способного к тому же сделать роман с динамичным

сюжетом, увлекательным действием.

Новый его роман - совсем из другой оперы. Никакой социальной или философской подкладки здесь не просматривается. Эта книга гораздо проще того, что писал раньше Тырин. Несколько человек из нашего российского здесь-и-сейчас оказываются в технофэнтезийном мире. То ли это отдаленное будущее человеческой цивилизации, то ли какая-то параллельная реальность - автор ответа не дает. Чужой мир заселен как людьми, так и другими биологическими расами, правда, чисто магических существ нет. Магия работает наравне с технологией и во многом основывается именно на артефактах, оставленных некими «изначальными» или позаимствованными из иных миров. Основное содержание романа - баталово-выживалово. Нашим приходится трудно, но они стойко приспосабливаются и даже идут в гору... Собственно, не это ли происходит в миллионе других НФ-боевиков? Тырин идет по проторенному, а лучше сказать - истоптанному множеству ног, пути. Разница может быть только в деталях. Да, это сделано, с сюжетной точки зрения, крепко, переложено оригинально сделанной боевкой. Любители чистых приключений получают добротное чтение, но на этом достоинства книги заканчиваются. Что же касается литературного уровня, то он заметно ниже, чем в предыдущих романах того же автора.

Роман оборван на полуслове, ни одна из сюжетных линий не завершена, поскольку грядет второй том. Что ж, выход подобного сериала, возможно, повысит «продаваемость» книг Михаила Тырина. Но их интеллектуальная ценность резко пойдет на спад.

Дмитрий Володихин

Джонатан СТРАУД

ТАЙНЫЙ ОГОНЬ

Москва: Домино, 2009. - 368 с.

Пер. с англ. А.Хромовой.

(Серия «Люди против магов»).

6000 экз.

Дебютный роман Страуда, подарившего читателям «Трилогию Бартемиуса», в жанровом отношении расположен на топкой почве туманного фронта между фэнтези и хоррором.

В безмятежность маленькой британской деревушки Фордрейс проникает тень древнего зла, и местным жителям приходится вспоминать предания седой старины, чтобы найти панацею от этой напасти. Проблема заключается в том, что есть те, кто преследует прямо противоположную цель. И в этой связи роман отлично

вписывается в концепцию издательской серии. Наличие в книге темных жрецов, проводников зла, отсылает нас к целому пласту знаменитых ужастиков.

Автор щедро снабжает роман характерными элементами литературы ужасов и в то же время не позволяет образному ряду до конца погрузиться в омут традиционных жанровых схем. К примеру, линия позитивных персонажей весьма сильна и вполне сопоставима с линией антагонистов. Такой паритет нехарактерен для «чистого» хоррора, в котором зло нельзя победить в честной борьбе и беспомощным героям приходится рассчитывать исключительно на чудо. Еще один нестандартный для хоррора авторский ход заключается в том, что Страуд с первых страниц открывает природу нависшего над Фордрейсом зла. Не говоря уже о том, что спящий под горой дракон сам по себе является характерным символом, вызывающим ассоциации уже с фэнтези.

Можно сказать, что на фоне британской пасторали разворачивается вполне фэнтезийное сражение двух армий. Битва между Тьмой и Светом идет не только на физическом, но и на духовном уровне. И в этой незримой борьбе воля героев играет второстепенную роль, уступая капитанский мостик силам судьбы.

Марьяж хоррора и фэнтези не раз давал на выходе весьма достойные книги. Среди них «Дочь железного дракона» Суэнвика, «Дракула» Стокера, «Темная башня» Кинга. Правда, у романа Страуда и труба пониже, и дым пожиже.

Николай Калиниченко

Сергей БУРКАТОВСКИЙ
ВОЙНА 2020. ПЕРВАЯ КОСМИЧЕСКАЯ
Москва: Яуза - ЭКСМО, 2009. - 384 с.
(Серия «Войны завтрашнего дня»).
4000 экз.

Писатель получил известность после выхода романа «Вчера будет война», отмеченного премией им. Тита Ливия - за выдающиеся достижения в историко-альтернативной фантастике. По этой книге виден был незаурядный интерес автора к боевой технике, тактике, глубокому анализу экономических и культурных аспектов войны. В новом романе Буркатовский остается верен себе. Он не столько расписывает боевые действия в ходе американо-русского конфликта, случившегося в 2020-м, сколько набрасывает картину «русского космоса». И за масштабное полотно русских достижений по освоению космического пространства автору, думается, будут

благодарны те, кого по-настоящему волнует тема развития космических технологий в России. Писатель внимателен к мелочам, точен в оценках технологического потенциала. Он обращается к истории космических проектов в СССР, чтобы было понятно, откуда взялась данная конкретная деталь скафандра, почему луноход имеет именно такую форму и т.п.

И он вселяет надежду в читателей. По его мнению, серьезное возвращение России в космос и даже ее участие в колонизации лунной поверхности - возможны. В кооперации с Европой. При наличии доброй воли у нашей политэлиты. При напряжении оставшихся ресурсов. При очень гибкой экономической политике...

С этой точки зрения роман определенно заслуживает внимания - как добротный образец НФ «ближнего прицела». Что же касается художественных достоинств, то о них сказать нечего. Грамотная гладкопись. Линейный сюжет. Психологическая «прорисованность» персонажей минимальна: двое-трое главных героев явлены читателю в качестве относительно живых людей из плоти и крови, с характерной лексикой, характерными ошибками и неожиданными победами. Если же говорить о «периферии» действия, то ее заполняют картонные персонажи - настолько, что нетрудно перепутать одного с другим.

Дмитрий Володихин

Морган ХАУЭЛЛ
СОБСТВЕННОСТЬ КОРОЛЯ
Москва: ЭКСМО, 2009. - 348 с.
Пер. с англ. Н.Сосновской.
(Серия «Мастера меча и магии»).
3000 экз.

Появление на российском рынке книжных новинок еще недавно неизвестных авторов становится традицией. К добру или к худу.

Вот и начала выходить у нас эпопея профессионального фотохудожника, отставного военного и недавно «относительно научного» фантаста М.Хауэлла «Королева орков». Автор, прямо скажем, к первому ряду молодых «талантов» не относится.

Итак, что мы имеем? Во-первых, само собой, орки. На лицо ужасные, добрые внутри. Короче, совершенно положительные (очень свежо и оригинально). Во-вторых, в мире людей орков зверски и незаслуженно угнетают (тоже, надо думать, свежая мысль). В-третьих, и это главное, в мире людей столь же зверски и незаслуженно угнетают женщин. Особенно главную героиню (вот уж идея оригинальнее некуда).

Дальнейшее можно и не рассказывать. Как ни странно, но знания этих

вводных и названия цикла достаточно для постижения его содержания.

Как ни странно, автор действительно уверен в том, что сотворил нечто новое. Орков, оказывается, обычно представляют отрицательными. Обычно - это в мирах Dungeons&Dragons, наверное. Как будто не было сорока лет ревизионизма, давным-давно объяснившего, что худшая тварь во вторичном мире - человек.

Нет, нельзя сказать, чтобы Хауэлл вообще ничего нового об орках не сообщил. Вот, например, они у него миролюбивы, а их заставляют воевать. А еще их общество матриархально. Получившийся коктейль из феминизма, пацифизма и революционной ненависти к угнетателям годится для восторгов определенной части западных читателей. Но вряд ли столь же хорош он для наших. У нас «положительными» орками любого розлива никого не удивишь - мы с этого свою фэнтези чуть ли не начинали. А идеологический пафос, модный в западных кампусах, может только повредить.

Сергей Алексеев

**Дмитрий КАЗАКОВ
РУССКИЕ БОГИ**

**Москва: ЭКСМО, 2009. - 416 с.
(Серия «Русская фантастика»).**
7000 экз.

Ничто, как водится, не предвещало радикального перелома, который произошел в жизни простого банковского служащего Игоря Ветрова после его встречи с Вещим Олегом.

В фотоаппарате герой случайно обнаружил таинственные снимки. Теперь ему предстоит столкнуться с известными фигурами российской истории: Иваном Грозным, Сергеем Есениным, Мининым и Пожарским, Екатериной Великой и другими. Все они должны собраться вместе, чтобы образовать синклит - посмертный совет, способный повлиять на судьбу России и изменить ее к лучшему. Для организации всеобщего сбора Игорь и его новые друзья предпринимают суетливое путешествие по российским и украинским городам и весям, а в орбиту синклита вовлекаются все новые участники.

Злую шутку с книгой сыграло ее сравнение с «Американскими богами» Геймана. Что ж, существование мифических и исторических персонажей, как своего рода архетипов, создаваемых коллективным бессознательным, является весьма распространенной идеей. Однако маркетинговый ответ на вопрос о том, нужно ли было подчеркивать сходство двух книг, является неверным да и ненужным. В то время как Гейман создал элегическую историю о гибели американских мифов, в

«Русских богах» речь идет о судьбе и будущем не мифа, а нашей страны и русского народа.

Автору не впервой придавать своим текстам социальную окраску. Стоит вспомнить «Высшую расу». На этот раз дело не ограничивается авторской ремаркой. Размышления о прошлом и будущем России, вложенные Казаковым в плотно сбитый сюжет, составляют неотъемлемую часть книги. И пусть текст лишен стилистических изысков, гораздо важнее, что писатель обратился к важной и весьма болезненной теме, обыкновенно игнорируемой.

С авторскими выводами можно - и следовало бы - поспорить, но книга написана «на нерве». И это дорогого стоит.

Сергей Шикарев

НАСТОЯЩАЯ ФАНТАСТИКА-2009: Сб.

Сост. Д.Федотов

Москва: Вече, 2009. - 384 с.

3000 экз.

В мире НФ-литературы нередко происходит так, что после того или иного конвента появляется на свет подборка материалов по итогам минувшего мероприятия. Вот и данный сборник во многом основан на материалах прошедшего осенью 2009 года фестиваля «Созвездие Аю-Даг». В книгу вошли как тексты признанных мастеров НФ, так и значительно менее известных авторов.

А.Громов в рассказе «Фальстарт», известном читателям «Если», обратился к привычной для себя теме глобальной катастрофы, виновником которой в этот раз оказываются грибы-пожиратели силикатных материалов («микосиликоиды»). Настораживает в повествовании лишь одно - традиционно пессимистически настроенный писатель, кажется, внутренне солидаризируется с героем-рассказчиком и действительно не видит для России места в современном мире. В рассказе «По-нашему, по-купечески» Д.Трускиновская в сюжете о путешествиях во времени удачно синтезировала свои изыскания в области культурной традиции русской купеческой среды с крайне ироничным взглядом на существующую современность. В романтическом тексте Д.Федотова «Василиса» писатель по-своему решает старую проблему НФ: «Может ли машина чувствовать?». Любопытно представлена затрепанная тема «победа немцев во Второй мировой войне» в рассказе Д.Володихина «Слишком человеческое», тоже опубликованном в «Если». Фантаст сосредоточился не на набивших оскомину военно-стратегических сценариях того, как бы Гитлер мог победить, а на психологии героев, на

том, как бы она изменилась у среднего жителя России в подобном случае. Я.Веров в пьесе «Физика везения» вновь продемонстрировал склонность к сатире и издевательски описал очередную историю неудачной борьбы землян с инопланетными захватчиками.

Впрочем, любопытными и занимательными оказались и другие тексты сборника, и, как ни странно, неплохо выглядит раздел критики, вроде бы поставленный в сборник «для галочки».

Глеб Елисеев

КАК СТРАШНУЮ СКАЗКУ СДЕЛАЛИ БЫЛЬЮ

БОЛЬШИЕ ПОЖАРЫ: Роман 25 писателей. Книжный клуб, 36,6

Выход этого романа - событие неординарное, знак того, что не все еще издательства переквалифицировались на выпуск книг для тех, кто книги не любит. Странно, что его не выпустили двадцать лет назад, когда активно издавали всех убитых, забытых и запрещенных писателей 20-30-х годов прошлого века... Лишь несколько разрозненных глав попали в печать в те годы - в альманахах, в журналах. Но прелесть этого произведения именно в его целостности. Только в полном виде «Большие пожары» из просто художественного произведения превращаются в памятник эпохи.

Этот роман-буриме замыслил и осуществил в 1927 году тогдашний редактор журнала «Огонек» Михаил Кольцов. Уникален этот проект уже тем, что далеко не каждое буриме оказывается завершенным произведением, а это получилось. Во-вторых, редактор популярного издания собрал поистине звездный состав. Вот он в алфавитном порядке: Александр Аросев, Исаак Бабель, Феокист Березовский, Сергей Буданцев, Александр Грин, Ефим Зозуля, А.Зорич, Михаил

Зощенко, Вера Инбер, Вениамин Каверин, Борис Лавренёв, Леонид Леонов, Юрий Либединский, Владимир Лидин, Николай Ляшко, Георгий Никифоров, Лев Никулин, Алексей Новиков-Прибой, Н.Огнев, Алексей Свирский, Михаил Слонимский, Алексей Толстой, Константин Федин, Александр Яковлев, ну, и сам Михаил Кольцов. 25 писателей - 25 глав романа. Конечно, кто-то из вышеперечисленных авторов был вскоре репрессирован и забыт. Кто-то написал свои главные произведения позже, как Леонов и Каверин. Кто-то известен широкой общественности лишь отдельными произведениями, как Лавренёв со своим прекрасно экранизированным «Сорок первым» или Инбер с ее рассказами для детей. Но и количество писателей, чьи имена на слуху и спустя 80 лет, составляют в этом списке изрядную долю.

В качестве «затравки» было предложено начало, написанное Александром Грином. Он собирался создать роман «Мотылек», но отложил работу. Завязка проста, но таинственна: в городе один за другим происходит череда страшных пожаров, каким-то таинственным образом все они связаны с желто-синими бабочками, которые вроде бы порождают пламя... Кольцов перенес действие из абстрактно-гриновской страны в Советскую Россию, в провинциальный южный город Златогорск и запустил буриме. Гриновское начало было откровенно фантастическим и, как ни пытались различные авторы увести действие куда-то в сторону, в бытописание или пролетарский пафос, роман до самого финала таким и оставался - криминально-фантастическим.

Конечно, противоборство было сильным - каждый писатель тянул что-то свое, близкое. Свирский увлекся описанием криминальных элементов. Либединский препоручил все активное действие прогрессивно настроенным пролетариям. Инбер ввела еврейскую семью и энергичного пионера. Известный маринист Новиков-Прибой организовал морской порт и красочно спалил в нем танкер с нефтью. Фельетонист, известный под псевдонимом А.Зорич, натужно острил...

Наиболее интересно анализировать внутреннее «противоборство» двух самых ярких, если не сказать гениальных авторов, природа гения которых прямо противоположна - Грина и Бабеля. Как будто специально все, что у Грина покрыто флером романтизма, изысканности и фантастической загадки, у Бабеля предельно приземлено и нарочито опошлено. У Грина в городе появляется загадочный иностранец, он возводит необычный дом, заселяет его странными людьми... У Бабеля он оказывается замученным жизнью в Советской России старым евреем-эмигрантом, который по глупости нанял на бирже невостребованных обществом работников из бывших, один из которых выстроил ему нелепейшее здание, а другие взялись вести дела так, что его теперь «здесь черти хватают».

Однако Алексей Толстой, писавший XVII главу, поддержал собрата-

фантаста. Он вернулся к теме бабочек, важной в начале и забытой в середине. Он ввел молодую женщину-ученого, двадцатилетнего профессора, раскрывшего тайну «огнеопасных» мотыльков. Эта глава - чистая НФ! Но наивная, как все НФ-книги тех времен. Оказывается, у бабочек в пыльце присутствует неизвестный доселе элемент таблицы Менделеева, который при полете «разлагает азот воздуха» и «выделяет атомы водорода», что и дает вспышку. Присутствуют понятия «жизненная сила», «эманация», однако за ними вполне угадывается идея радиоактивности. Чем не провидение! Зощенко, писавший XIX главу, тему «огнеопасных» насекомых продолжил, но по-своему, с народным юмором - у него бабочка «летит и вращается и искру из себя выпускает», потому что «при ней вроде, как бы сказать, зажигалка такая пристроена... вот искра и выпускается». Автор, писавший под псевдонимом Н.Огнев, в XXI главе вновь подпустил научной фантастики - он определил атомный вес неизвестного элемента и поместил его в один ряд с радием, торием и ураном...

Так роман, начавшийся как фантастическая сказка, преодолел ухабы бытописательства и к финалу приобрел уверенные черты научно-фантастического боевика. Аросев в XXIII главе, которая так и называется «Марсианин», намекнул на инопланетное происхождение таинственного иностранца из странного дома: «Есть... ученые, которые говорят, что среди людей, происшедших... дарвинским способом, есть люди, происхождение которых на земле иное». Теперь Струк не просто чужак-иностранец, он вообще иной! «...Двуногий, двурукий, двуглазый. Но вот глаза у него очень большие и цвета стали. А голова его тоже непомерно огромна и без волос, как полированный шар. Рост марсианина - аршин с небольшим». Фантастические мотивы теперь уже оставались до самого конца. Ефим Зозуля в XXIV (предпоследней) главе ввел гениального изобретателя, благодаря огнетушителям которого пожары в Златогорске были полностью прекращены, а число персонажей фантастическим способом уменьшилось - для этого тоже был изобретен специальный прибор... Однако Михаилу Кольцову нужно было другое. Он завершал роман и по мере сил сводил все линии (хотя кое-какие хвосты все-таки остались), а в конечном итоге вывел произведение совсем на другой уровень. Были пожары? Конечно, их придумали писатели! Как и весь город Златогорск. Но выдумывая, они неожиданно попали в самую суть - Советская Россия в кольце врагов, кругом вредители, всюду шпионы... А ведь период повальной шпиономании еще не начался. Тоже своего рода прозрение. Роман кончается словами: «Большие пожары» позади, великие пожары - впереди!». Что было впереди, мы все знаем... Еще одно прозрение.

Вот так 25 писателей сообща, но не сговариваясь, из сказки Грина сделали прогноз на двадцать лет вперед.

КОНКУРС «КОЛЛЕКЦИЯ ФАНТАЗИЙ»

В октябре «Если» принял участие в новом для нас сетевом конкурсе фантастического рассказа «Колфан», предложив конкурсантам одну из трех тем. Предлагаем вниманию наших читателей два рассказа, отобранных редакцией из 12 финалистов. Всего же в конкурсе участвовали 72 рассказа молодых фантастов.

Вячеслав Ледовский, автор рассказа «Мастер по дереву», родился в Иркутске в 1962 году. До поступления в вуз работал электриком, слесарем, бульдозеристом, инкассатором. Закончил Красноярский госуниверситет по специальности «экономика». Около 20 лет проработал в страховании, с августа 2009 года безработный. С 2007-го начал писать для участия в фантинетконкурсах, это как хобби и отдушина в жизни. К настоящему времени имеет более 100 рассказов общим объемом более 2 млн байт для различных конкурсов, все размещены на соответствующих «именных» страничках на прозе.ру и СИ. «Стратегическая цель (по приколу) - довести в течение дюжины лет (до пенсии) личный счет до полутысячи штук и 20 млн байт, дабы стать самым плодовитым автором фантинета. Потом возьмусь за романы». Три рассказа с конкурса «РБЖ-Азимут» были опубликованы в сборниках «Азимута». Первая публикация - «И это всё о нем» - появилась в 2007 году.

Алексей Верт, автор рассказа «Ничья победа», - это творческий псевдоним Александры Давыдовой и Виктора Колюжняка. Александра Давыдова родилась в 1982 году в Ростове-на-Дону. Закончила факультет филологии и журналистики Ростовского государственного университета. Работала в сфере рекламы и журналистики. Первая публикация - рассказ «Puzzle» в сборнике «Точка встречи». Виктор Колюжняк родился в 1986 году в Тольятти. Закончил Российский государственный социальный университет по специальности «автоматизированные системы обработки информации и управления». Работал вожатым, методистом, диджеем, сейчас - актер/звукооператор в молодежном театре и сотрудник отдела информатизации в Самарской гуманитарной академии. Первая публикация - зарисовка «Caps Lock» в Студенческом вестнике Тольятти.

ВЯЧЕСЛАВ ДЕДОВСКИЙ
МАСТЕР ПО ДЕРЕВУ

ВЯЧЕСЛАВ ДЕДОВСКИЙ
МАСТЕР ПО ДЕРЕВУ

Срубленное дерево, если его использовать на доброе дело, не умирает, а обретает новую жизнь. Дома или беседки, пустячной поделки для утешения души, мебели, даже двери или половицы. Погибает оно, только став никому не нужным, выброшенным на свалку или обочину, где сгнивает и становится гнездом для гнуса, личинок, зловредных микроорганизмов.

Лучше вывезти списанную или сломанную вещь на дачу, за город, где сжечь - в печи, камине, в веселом, обдуваемом ветерками костерке.

Аутодафе - самая достойная кончина для дерева. Тогда оно превращается в золу, удобряет землю и через годы снова возродится - сначала травой, кустарниками, потом порослью, что со временем вновь станет могучими стволами.

Или дымом поднимется к небесам, чтобы начать путешествие по миру, которое может завершиться где угодно далеко - над пустынями Сахары или Австралии, в тропических джунглях, даже над ледяной Антарктидой.

А пока дерево служит людям, оно и само не умирает. И сохраняет жизнь или, по крайней мере, ее подобие в продымленных, загазованных, переполненных синтетикой мегаполисах.

Это одна из ниточек, связывающих городских обитателей с природой.

Не только придавленные окислами азота, автомобильными выхлопами зеленые насаждения вдоль дорог, зажатые громадами домов скверики и парки, но цветы на подоконниках и даже изделия из натуральной древесины, что находятся в квартирах и конторах, не позволяют Хомо сапиенс окончательно превратиться в Хомо техникус.

И умереть. Потому что растение, оторванное от своих корней, погибает.

А человек - плоть от плоти Земли. И земли. Эти слова одинаковы неспроста.

Шишок был плотником. Когда надо, столяром. Если требуется, краснодеревщиком. И даже мастером сельского домостроения. Есть такие специальности.

Кличка подходила ему, как черенок - лопате, штакетина - забору, ножки - табурету.

Шишок был ростом мал, метра полтора, не кряжист, статью походил на подростка. Всегда носил разлапистую, словно у Льва Толстого, неухоженную и закрывающую лицо до самых глаз бороду с проблесками седины, кучерявую, как мох в тундре. На голове у него тоже творилось черт те что, но об этом можно было только догадываться: зеленую бейсболку с надписью «Лесоэкспорт», из-под которой в разные стороны, словно у Незнайки, торчали рыжие, цветом в осеннюю листву патлы, он не снимал никогда. От ранней весны до поздней осени.

Зимой он не появлялся. Заказчикам объяснял, что уходит в тайгу, тропить соболя, лисицу да белку. Может, так оно и было.

Только заказов на шкурки животных охотник не принимал, сколько бы денег ему ни сулили.

- А кто знает, как оно сложится? Прообещаю, а ничего не добуду... - отнекивался, мямлил дождливо-снежным ноябрем.

- Ну, так неудачно сходил. Зверь словно вымер. Довели природу до всеобщего запустения! - объяснялся снежно-дождливым мартом.

Зато специалистом по дереву был от Бога. Сделанные им вещи радовали не только глаз, но и душу, улучшали настроение и даже здоровье.

- Это настоящий фэншуй! - поражали мастера незнакомым словечком заказчики.

Он не возражал. Фэн так фэн. Пусть даже шуй и даже кое-что позабористее, лишь бы с ним по-честному расплачивались.

Тем более что просил недорого, авансов не брал, письменных договоров не заключал, полагаясь на нерушимость данного обязательства, сказанного слова.

Потому его уже неоднократно бессовестные люди «кидали».

Но Шишок все равно, будто от гнезда с разъяренными лесными пчелами, пятился, когда ему предлагали закрепить соглашение как положено, законным образом, на бумаге.

- Ну, если так не хотите, по-моему, тогда и вообще не надо, - бурчал в бороду, с отвращением и даже неким страхом смотрел на словно выеденные личинками короеда строчки на листьях, пятился к порогу, поворачивался, собирался уходить. Мастера, имевшего блестящие рекомендации, возвращали, шли на его условия, полагая, что человек просто не хочет оставлять следов, чтобы потом его налоговая инспекция не накрыла. Или, может, проблема с документами.

Что, скорее всего, и было, потому как ни имени, ни фамилии его никто не знал. Шишок и Шишок. Именно так он всегда представлялся. При этом, уставясь в пол, застенчиво рисовал носком ноги полукруги - мол, ну вот так как-то вышло, конечно, стыдно в его возрасте, но чего

теперь менять, все равно уже смысла нет. Не стоит, да и не хочется.

Славно греться под мягким осенним солнышком. Это в июне да августе оно палит почти нестерпимым зноем, калит воздух, выжигает почву до мелкой сухой пыли. Если летом светило свирепо, как любовь ревнивой, боящейся измены да одиночества женщины, то в октябре солнце нежное, будто забота много видевшей и уставшей от эмоций и житейских бурь бабушки.

Шишок устроился во дворе на скамеечке, что квадратом расположились вокруг песочницы с разрисованным в ромашки навесом-грибком. Напротив него угнездились две сухонькие старушки, из окрестных жительниц. Некоторое время жалостливо рассматривали Шишка, собираясь попенять и, как водится у русских женщин, одновременно пожалеть - мол, до чего себя довел мужчина, а ведь собственная судьба только в его руках: возмись за ум, брось пить и все наладится.

Но потом пришли к выводу, что дедок одет хоть бедно, но опрятно, борода пусть клокаста, зато волосы мыты и чисты. И под рукой аккуратный деревянный ящик, видимо, не с пожитками, а с каким нужным в деле инструментом. То есть мужичок по нашим временам вполне справный. Жаль только, что ростом мелок, да, видно, не местный, деревенский.

Потому не интересен.

Заговорили, зашушукали старушки друг с дружкой о своем, что больше всего заботило - повышении пенсий, которое и не повышение, а так, издевательство одно, всего полторы сотни рублей; ценах, что ТАМ снижаются, а у нас растут; болезнях детей и внуков, своих хворях.

- А Нина-то Ивановна, - горестно выдохнула та из подружек, что была пощуплее и походила на зловредную Шапокляк из мультфильма про Чебурашку, - совсем плоха стала. И падчерица бесстыжая ее забросила. Раньше хоть раз в неделю заглядывала, а теперь уже месяц носа не кажет. У меня там, в деревне, у сватьи дом недалеко, вчерась приезжала, рассказывала. Она иногда к Ивановне заходит и просто не знает, что делать. И помыть полы надо, и еды какой прикупить, а сватье самой под семьдесят, какая из нее помощница? И самое главное, дрова на зиму сейчас нужны, а на что купить? Пенсия-то всего три тысячи! А их же еще пилить надо. Колоть.

- Приютила змеюку, - запричитала соседка с бородавкой на носу. - Вот оно что значит чужая кровь! Взяла соплюху из приюта, будто к родной относилась, а та как выросла, так мужика в дом привела! Мать свою, что ее из детдома вытащила, пусть не рожала, но выкормила, вырастила, взяла да и на выселки спровадила! В глушь, на смерть одинокую!

- Какая там глушь, что городишь-то, - обиделась за сватью Шапокляк. - Поселок как поселок. Пусть и далековато от нас. Только домик-то там, у Ивановны, совсем плохонький. Сватья говорит, замерзнет она. Если ей Верка дров не купит, то зиму точно не переживет.

Старушки замолчали, горестно качая головами. В добрые помыслы Верки они явно не верили.

- Может, пожаловаться куда? - задумчиво сказала Шапокляк. - Письмо там написать. Чтобы их пристыдили. Или через суд алименты какие.

- Ты что! Ейный мужик тебе пожалуется! Фантомас лысый, что для него суд! Шрам во весь череп, не доби́ли его вовремя где-то! Как знак эсэсовский. И сам фашист. Этот... скинхед, и дружки такие же.

- Моя внучка говорит, шрам на молнию похож. Как у этого... Гарри Поттера.

- Вот и будет тебе Поттер, - увесисто сказала Бородавка. - Узнает Веркин бандит, что против него замышляешь, пристукнет, и никто тебя не найдет, даже похоронить будет некого. Ты в это дело лучше не суйся. Не советские времена, когда участковый во всем квартале порядок держал. Я вот, есть грех, на своих иногда волоку, а как вспомню Нинкину Верку, так понимаю, насколько мне повезло.

- Да уж, - согласилась Шапокляк. Подружки склонились, словно прислонились друг к другу. По-бабьи оперлись скулами о ладошки. Пригорюнились по своей, никому не нужной доле.

Сидели на скамеечке женщины, чье детство пришлось на великую и безжалостную Отечественную войну, юность - на голодные пятидесятые, зрелые годы - на несущие надежду шестидесятые.

Успевшие пожить в относительном достатке последних лет СССР, а теперь оставшиеся с нищенской пенсией и в тесных квартирах, обуза для родных и ставшего чужим государства.

Потребные только друг дружке, а больше никому в этом мире...

- Антресоль сладили ничего, вполне, - одобрил Пётр давно задуманную и вот теперь наконец завершённую модернизацию спальни. Денег на новую квартиру не было и не предвиделось, кризис на дворе, а в ипотеку на нынешних условиях идти - совсем разум потерять. Но расширяться хотелось, кому же этого не хочется? А если потолки три с половиной метра, то почему не пойти ввысь?

Вот и надстроил второй уровень на высоте двух с лишним метров, с удобной, пахнущей смолистым сосновым бором лесенкой наверх. Теперь осталось туда переместить диван, телевизор с причиндалами в виде DVD, домашнего кинотеатра, музыкальный центр.

А внизу останется зона для посиделок с компаньонами и нужными людьми. Мягкие, удобные диванчики вдоль стен, между ними невысокий, но обширный стол-дастархан для напитков и заедков. Ну, и

работы с документами, конечно. Ведь где одно, там и сразу другое, зачем к себе пустячных людей зазывать, что только пить да веселиться за твой счет умеют, а толку от них никакого?

Пётр отхлебнул из фарфоровой кружки разбавленный на четверть коньяком кофе. Куснул шоколадку. Погладил бритую голову со шрамом, оставшимся как память от разборок лихих девяностых. Глянул через стол на супругу, осторожно причесывающую жженные до неестественно белого цвета волосы.

- Знаешь, Вера, что я думаю? Двадцать штук этому недомерку много будет. Десятку в зубы, и свободен. Если он от налоговой бегаёт, это его риски, его проблемы. В следующий раз умнее будет, договор, как надо, станет заключать. А десять штук нам останется, это по справедливости за науку ему. Она тоже кое-чего стоит. Мы его проучим, так в следующий раз он на большую сумму не пролетит. Если по-честному, то так и надо сделать.

Ухмыльнулся.

- К тому же ловкачей надо наказывать. Мы же теперь почти все налоги платим. А он что, бархатный, что ли?

- А люди что скажут? - жена напряглась. Денег было жалко. Их всегда не хватает. Но плохая слава тоже ни к чему.

- А что люди? - улыбнулся Пётр. - Вышел я на него через Михалыча. Так тот теперь, по слухам, аж в Аргентине от суда да кредиторов скрывается. Если жив еще. Других знакомых у нас нет. Опять же, его слово против моего. Скажу, что все получил, деньги пропил, а теперь на меня валит. Кому поверят? А не поверят, так и фиг с ним. - Уверенно заключил: - Да не будет никто из-за него со мной разбираться!

- Так, может, вообще ничего не давать? - осторожно предложила Вера.

- Это вообще беспредел будет! - наигранно удивился Пётр. Не преминул укорить супругу: - Не ждал я от тебя такого. Всяко разное, два дня он у нас копался. И быстро все поставил. Шустрый недомерок. Я у народа спрашивал, говорят, работы здесь на неделю было. А он один за пару суток справился.

Осторожно погладил зазудевший шрам. И все же частично согласился с супругой:

- Конечно, десятки за два дня такому тоже много. Ну, от него зависит, не согласится, будет фордыбачить, ничего не получит. Я тут прокачал - путных заступников у него нет. Вот Рыжему Аре он, говорят, коттеджик отдал. Это фигура серьезная, да. Для него повод на кого наехать и по этому делу бабки срубить - в радость. Но уже год как куда-то вместе с женой пропал. С концами. Может, еще кто из бывших клиентов есть? Ну так пускай выходят, поговорим. Заплатить-то мы всегда успеем. Если что.

На том и порешили.

Тоскливо просыпаться одной в выставшей горнице чужого необустроенного, необжитого дома.

Пусть пока не серебрит к рассвету иней траву и до первого снега еще с полмесяца, но ночи-то уже зябкие, холодные.

Заброшенная прежними хозяевами, - разохшаяся, построенная еще при Сталине, давно не конопаченная изба со старой, заделанной в прорехах ржавыми листами крышей не держит тепло, и если дышать не под одеяло, понемногу грея тем самым себя, а в комнату, то видимый парок струится изо рта, тянется к потолку.

Это означает, что температура упала уже градусов до десяти, а то и ниже.

В деревне жить не то что в городе. Климат прохладнее и подключенных к теплоцентралям батарей нет. С утра надо протапливать печку, и не только для того, чтобы согреть жилище.

Не то что холодильником или микроволновкой, но даже простенькой электроплиткой Вера свою приемную маму не обеспечила. Значит, если не разжечь огонь, то даже чайник не вскипятить.

Но как трудно вытащить себя из теплой постели в стылую комнату! Даже просто выбраться из-под давящего, как кладбищенская земля, груза покрывал! К вечеру Нина не только куталась в две-три кофточки, но наваливала на старенькое одеяло все, чем можно было укрыться. И вещи, что дочка привезла за полдесятка визитов - купленные еще в советские времена осеннее пальтишко и шубу, болоньевый плащ, халаты и даже оставшиеся от прежних хозяев драные простыни.

Чтобы не мерзнуть ночью, зарывала себя, словно в могилу. Если ночью хотелось в туалет, терпела до утра, спасая скаречно, каждым выдохом внутрь накопленное тепло.

Но с рассветом все равно вставать придется. Если в августе комната хотя бы к обеду от внешнего тепла прогревалась, то сейчас на такое даже не стоило рассчитывать.

Уже мечтала Нина Ивановна о том, чтобы однажды не проснуться. Перестать тянуть тягостное, бессмысленное, никому не нужное существование. Избавиться от бердящих сердце воспоминаний. Это только когда жить хорошо, то больше помнишь как раз лучшие моменты жизни. Теперь же каждое пробуждение приносило одни телесные муки и душевную боль.

И никакого просвета не предвиделось. Наоборот, с каждым днем становилось все хуже. Холоднее на дворе, смурнее в душе. Все больше крутил кости остеохондроз, вздувал вены на ногах варикоз, терзал горло ларингит - профессиональные болезни учителей. Всякое утро начиналось с боли. Не только телесной.

Потому смерти Нина Ивановна уже давно не боялась. Верила, что ТАМ должно быть лучше. Даже если за могильной гранью ничего нет, все равно это легче, чем неизбывное каждодневное страдание.

Еще в городе молила Бога, чтобы он дал успокоение и упокоение, освободил ее и дочку от их тягостного совместного проживания. Не так, как оно случилось, а чтобы насовсем, окончательно.

Здесь же, в маленьком, разделенном тонкой перегородкой на две половины - кухня да спальня - домике, более ничего, как побыстрее умереть, Нине Ивановне и не оставалось.

Шишок на секунду замер, рассматривая стальную дверь. К железу он был равнодушен.

Вот дерево - это другое дело. Послушное, откликающееся на умелые движения, отвечающее на заботу встречным теплом, на обиду - холодным неповиновением. Даже обучаемое и воспитываемое, если с ним правильно работать. Находящееся на перепутье между миром живых и мертвых. Как сердца многих людей, которые вроде еще существуют, и в глазах иногда, пусть все реже и реже, мелькает бескорыстный интерес и участие, но души их уже понемногу деревенеют. Еще чуть, и схватятся стальной ржавой пленкой, после чего спасти человека уже невозможно.

Металл мертв изначально. Хотя и без него кое-где и кое в чем не сладить.

У ног Шишка, на плитке, стремящейся прикинуться мраморной, увесисто стоял деревянный ящик. С очень непростыми инструментами.

Мастер наизусть знал вид и характер каждой вещи.

Вредячая стамеска с изогнутым профилем, что нужно учитывать, чтобы не скосбочить работу.

Молоток, уже вполне «правильный». Раньше старался попасть мимо, а то даже и по пальцам, теперь так не делает.

Зубило с выщерблиной на ударной части, которую постоянно приходилось рихтовать.

Топорик с норовящим выскользнуть и прислониться то к молотку, то к зубилу черным топорищем. Причем происходило это, только пока Шишок не видел, в «транспортном» положении. Сам топор был неожиданного цвета, с красными проблесками по рыжему металлу, и к нему претензий уже не имелось. Его взаимоотношения с топорищем мастеру не нравились, но данную проблему можно было считать их внутренним делом, благо в работе это уже не мешало.

Топору, в свою очередь, симпатизировала ручная дрель, норовящая «уйти» налево от рубанка. Этот плотницкий причиндал Шишок теперь считал вполне благополучным и потому раздумывал о замене его новым.

Много чего имелось в ящике мастера. На вид нормальных, но по сути очень необычных вещей.

Прозрачная вода плескалась о сосновые бревна, отмачивала и уносила в сторону красно-коричневую кору, и теперь словно маленькие кораблики сопровождали плот. Много их плыло по большой сибирской реке на север, к тундре, вечной мерзлоте, каменистым гольцам от таежных заимок и отвоеванных у бескрайнего леса полей, где косить да собирать урожай уже пришлым людям.

Ссылали целыми семьями раскулаченных чалдонов. А в их крепкие пятистенки, ухоженные многими поколениями подворья вселяли, в свою очередь, высланных из Прибалтики латышей, литву, эстонцев.

На сборы давали полчаса, взять разрешали не больше, чем можно унести в руках, охотничье, а у кого и боевое, оставшееся с гражданской, оружие изымали сразу же.

Отвозили к ближнему берегу, где сами же переселенцы ладили плоты, и отправляли вниз по течению, со строгим предупреждением - заимуете раньше конечного пункта, расстреляют всех нарушителей.

Ранним летом в тайге без ружья добычу не взять. Разве что капканы ставить, но для этого надо остановиться на одном месте, а по реке туда-сюда ходит катер с энкавэдэшниками, вдоль берегов дозоры, от которых не укрыться. Контролируют сплав со всех сторон, два раза на одной стоянке приловят, побьют, а то и хуже - еще кого из взрослых заберут. Рисковать нельзя.

Некоторые из ерепенистых да жизнью не битых мужиков пытались возмутиться, так их сразу в приклады, в железо, в сторону увели, и как сгнули. И потому ряд семей без отцов да старших братьев тяжкую, неизвестно за что наложенную кару тянет.

Этим, что остались без крепких плеч да умелых рук, хуже всего.

Остается только редкую да осторожную рыбу ловить, по утру да вечером, на остановках, собирать головки подснежников, другую съедобную зелень, копать коренья.

Воздух в Сибири прозрачный, по воде стылый до того, что обжигает горло. И нависают над рекой и людьми сопки с тайгой, величественной, могучей и равнодушной, как далекая власть...

Спряталась исхудавшая за неделю сплава до того, что можно и на просвет смотреть, семилетняя Нина за спину матери. Рядом с ней дрожит Сашка, ему вообще четыре.

А перед ними кормильцы семьи. Пятнадцатилетний Паша и Виктор, на два года моложе. Средние, Лена и Настя, в стороне. Рады, что речь не о них пока идет.

- Не доберемся мы все! - орет на мать Паша.

При бате бы он так попробовал! Но нет отца, и неизвестно, где он.

Может, за решеткой. А может, и вообще уже в сырой земле лежит - за сопротивление властям.

- Жрать-то нечего! Рыбы в реке совсем нет. Чем дальше на север, тем лес нище! А нам еще полмесяца плыть!

- Не кричи, сынок... - Хватается за сердце мама. Уговаривает: - Надо всем вместе держаться. Мы же семья.

- Мама, так мы все умрем. Работаем-то только мы с Витей, - сквозь зубы цедит брат. Крутит головой, прячет глаза, видно, что ему не по себе. - Да ты. От других никакого толку. Давай на следующей стоянке хотя бы младших, Нинку с Сашей оставим. Их конвой не обидит, они же маленькие. Куда в детдом определяют, им так самим лучше, чем с нами там, на Севере. Тогда хоть остальные спасутся.

- Я никого не оставлю, - шепчет мама. Прибирает, как насадка цыплят, под себя младших. - Никого. Или все доплывем. Или умрем. Все вместе...

Ошиблась мама. Саша от голода, холода, неустроенности заболел и сгорел простудой, изошел кашлем за несколько дней. Как лечить ребенка на плоту, если от голода всех шатает, небогатую одежду не высушить и отставать от других нельзя?

Но даже тело ребенка мама не бросила. Довезли до места ссылки, там и похоронили.

А старшие пошли горбатиться в артели золотодобывающие да рыбачьи. То ли замаливали свою вину, то ли ответственность так въелась в плоть малолетних сибирских мужичков, но подняли они сестренку, а Нину вообще, единственную в семье, выучили до высшего образования.

Сначала педучилище, потом институт. Десятилетия преподавала биологию. Вышла замуж за ссыльного украинца из-под Чернигова, родила. Вырастили славного задиристого мальчишку. Пережили, перегоревали смерть сына в Афганистане. Через полгода не выдержало сердце у мужа.

Чтобы не остаться на старости лет одной, взяла из детдома девочку. Тянула из последних жил, все ей отдавала. Но грянули девяностые, накопления сгорели.

Пенсию назначили не сравнимую с советскими временами, такую, что только нищенствовать.

А падчерице, которой хотелось обеспеченной жизни, со временем приемная мать стала помехой.

И вот на старости лет приходится умирать в чужом доме...

На деревню обрушился проливной осенний дождь, стучал в стекла, барабанил по гнилой, разваливающейся крыше. По стенке потекла струйка воды. Еще одна.

Сосна под окнами багровела устремленным в хмурое небо стволом и пахла так же остро и больно, как плоты из детства...

Шишок протянул короткий, с темной и узловатой, как кора, кожей палец к кнопке звонка. Послушал доносящийся, словно издалека, проигрыш мелодии. Еще раз. И еще.

Открылась внутренняя, деревянная дверь. Гостя долгое время внимательно рассматривали, а он смиренно и стойко терпел на коврике.

Наконец скрежетнул засов. Туша хозяина выкатилась к порогу, нависла над мастером.

- Ну! - рыкнул лысый детина, будто не узнавая. - Чего надо?

- Так работу посмотреть, - робко выдохнул Шишок. - Там не провисло, не просело что? Поправить...

- Да там уже делать нечего, - хмыкнул хозяин. - После того как ты мне все запорол, уже ничего не исправить. Одних материалов на две штуки баксов было! Кто мне их теперь вернет? Ты, что ли?!

- Быть того не может, - обмер Шишок. - Давайте гляну...

Шагнул вперед. Уперся в широкую, со штыковую лопату, ладонь.

- Э, нет. Теперь я тебя к себе не пущу. Хватит. Набедокурил.

Постояли, рассматривая друг друга. Пётр - насмешливо, мастер - непонимающе.

- Ну дак, - помялся, переступая с ноги на ногу, Шишок. - И что теперь делать?

- Что делать? Я не знаю, что делать. На тят-ляп, кое-как мне антресоль срубил, а теперь еще спрашиваешь?

- Ну, если что, я ведь поправлю, - успокоился и догадливо из-под кустистых бровей глянул на заказчика мастер. - Давай посмотрю, и разберемся.

- Уже не надо! - помахал перед его носом указательным пальцем Пётр. - Теперь других звать придется, после тебя все переделывать. - Резюмировал: - В общем так, за испорченный материал я с тебя возьму...

Он окинул гостя взглядом от бейсболки до странной, похожей на лапти обувки. Разочарованно покачал головой:

- Ну, пять тысяч рублей. - Добавил страшную для мастера угрозу: - А в залог пока возьму твои инструменты. Хоть они таких денег не стоят.

Впрочем, рук к ящику протягивать не стал. Стоял горой над Шишком. Ждал: то ли возмущения, то ли бегства. Но явно не того, что последовало...

Лёха был хорошим ментом. «Правильным». Такие тоже встречаются. «Еще» или «уже» - трудно сказать, это только время покажет. Вверенный участок он изучил пока не всесторонне, но про дважды судимого Петра Шашкова был в курсе, пока с расстояния, но

внимательно к нему присматривался.

Про выселенную бывшую хозяйку тоже знал, собирался в это дело вмешаться, хотя не понимал, как к проблеме законным порядком подойти. Чтобы решить ее на правовой основе, позитивно и без дальнейших серьезных проблем для Нины Ивановны.

Во дворик заходил постоянно. Общался с пенсионерками на скамеечках. Соседями. Собирал информацию. Обдумывал ее.

Заодно гонял бомжей. Нечего им делать, справедливо считал участковый, на подведомственной территории. У них там вши, чесотка, туберкулез, неизвестно какие болезни. А тут дети играют.

В этот визит Алексей все же решился навестить Веру с супругом. Для начала просто поговорить с ними. Присмотреться. Может, удастся пристыдить и все обойдется без излишних движений?

По-разному в жизни бывает.

Даже так, как оно на этот раз произошло.

Неожиданно для всех участников истории.

Кроме Шишка, конечно. Который в этот самый момент тоже вспомнил Нину Ивановну.

- Маму, значит, то есть тещу в ссылку умирать отправил? - неожиданно и без всякой связи с прежним разговором обвинил Петра стоящий перед ним, а если учитывать разницу в росте, то под ним, недомерок.

- Чего? - возмутился тот наглости плотника. - А я ведь тебе денег еще хотел дать! Ну, если так, то пошел на хрен!

Собираясь пихнуть нежеланного и вдобавок нахального гостя в лоб, спустить с лестницы, протянул толстую лапищу.

Но осекся, замер, наткнувшись на прямой, туманящий голову и лишающий воли взгляд.

С кухни подлетела жена.

- Да гони его! - взвизгнула, по бабьей дурости попыталась закрыть внутреннюю, деревянную дверь. Но та не поддавалась, словно схваченная сваркой в петлях.

Вера впилась красными от возмущения и злобы глазами на лезущего не в свои дела наглеца.

И тоже замерла, вцепившись в створку будто приклеившимися к ней ладонями.

- Пока мне были не должны, не было у меня над вами воли! - торжественно и страшно провозгласил Шишок, и все деревянные вещи в доме словно зашевелились, заскрипели на разные голоса. - А теперь будете отрабатывать долг, пока не погасите. Или не изменитесь настолько, что решу я вас отпустить.

Засмеялся ухающим, словно филин в ночном лесу, смехом. Стал

увеличиваться в размерах - вместе с проемом двери, в которой стоял.

Пол приблизился к потерявшим голос, волю, возможность говорить, возмущаться супругам. Встал на дыбы. Ударил в лица Веру и Петра так, что вышиб из них сознание...

Греющегося на скамеечке мужичка участковый засек сразу, как вошел под арку.

Подозрительно волосат. Одет бедно, но опрятно. У ног деревянный ящик с ручкой. На бомжа, несмотря на очень несовременный вид, не похож. Шло от незнакомца впечатление такой чистоты, даже, показалось, запаха тайги, где дедок смотрелся бы гораздо органичнее, что Лёха сразу понял - это не бродяга. Во всяком случае, не привычный, опустившийся, пропитый да вонючий «городской».

Внимательно рассматривал мужичок связку ключей, которых у такого человека быть просто не могло. Длинный желтый штырь, скорее всего, от гаража. Блеснул солнечным зайчиком диск от магнитного замка. А вот тот, с фирменным брелоком, явно от «БМВ». Точно видел уже этот набор участковый. В руках у Петра, когда он подходил к подъезду, а Алексей на той же скамейке общался «за жизнь» с местными пенсионерками.

Зыркнул тогда недобрым взглядом лысый громила на участкового. Но ничего говорить или делать не стал. Только прищурившись, так посмотрел на старушек, что те зашипели гусынями, впрочем, отворачиваясь, чтобы сосед их реакции не видел...

Продолжал идти Алексей вроде бы вдоль дома, но постепенно сокращая расстояние до непонятого гражданина. Намеревался потом резко, под прямым углом, свернуть и пообщаться с незнакомцем. Проверить документы, а если их нет или разговор вызовет подозрение, то вот он, хороший повод навестить «подопечную» семейку. Спросить - не ваши ли ключики? А там слово за слово и о прежней хозяйке, Нине Ивановне, справиться. Жива ли, где теперь, когда по месту прописки собирается вернуться?

Намекнуть, что нынче не девяностые, так просто люди пропадать не могут. Найдется в таких случаях кому и вопрос задать, и ответа потребовать.

Мужичок, словно почувствовав внимание участкового, быстро встал. Бросил ключи в карман, подхватил ящичек и мелкими шажками засеменял от скамейки. Почему-то не ко второму, дальнему выходу из двора и даже не к распахнутым по случаю теплого осеннего денька подъездам, а в глухой угол, где колонной высился изувеченный, обрезанный со всех сторон экзекуторами из городских служб тополь.

- Ну, словно дети, ей-богу, - пробормотал Алексей. Уже не скрывая своих намерений, направился к дереву, за которым пытался

спрятаться, очевидно, имеющий основания скрываться от милиции дедок.

Из-за ствола высунулась нога, обутая в нечто непонятное. Похожее на стилизованную под лапти мокасину древесного цвета. Зацепила угол ящика, задвинула его за тополь.

- Так, я лейтенант Сенин, предъявите ваши документы... - начал участковый, обходя дерево. И заткнулся.

В глухом углу было пусто. С двух сторон, катетами, стены. На гипотенузе - тополь и участковый.

Больше никого. Милиционер ошалело вскинул голову. Подумалось, что дедок непонятным образом по гладкому стволу взобрался наверх и теперь сидит на обрубке толстого сука.

Дерево насмешливо прошелестело немногими оставшимися ветвями. К участковому спланировал тополиный лист, нежно погладил его по щеке, будто прошептал: «Забудь, ничего не было...».

Алексей потрянул головой, приходя в себя.

А что он тут делает? Привиделось что-то. Или задумался и забрел, куда не собирался?

Ладно, пора идти разбираться с выселенной неблагодарными детьми пенсионеркой.

...В квартире Шашковых никто не откликнулся. Участковый несколько раз прослушал доносящуюся изнутри мелодию из «Бригады». Подождал. Потянул на себя первую, железную дверь. Она поддавалась.

Но внутренняя, деревянная была заперта. Алексей еще раз нажал на кнопку. На всякий случай постучал по черному, под кожу, утеплителю.

Из соседней квартиры высунулась старушка с бородавкой на носу.

- Дома они, - наябедничала она. - Только что тут с кем-то ругались. Трех минут не прошло.

- Так ведь не открывают, - пожал плечами Алексей.

- Так вы же в форме, вот и боятся, - по-своему объяснила ситуацию соседка. С надеждой спросила: - А ордер у вас есть?

- Будет! - пообещал то ли себе, то ли старушке, то ли двери участковый.

Решил заглянуть сюда вечером. А если придется, то завтра с утра.

Алексей был парнем упорным. Как говорят про таких людей англичане, с хваткой бульдога.

К полудню погода исправилась, разгулялась. Ветер прогнал тучи, просушил воздух и почву. Выглянуло и стало прогревать благодарную землю солнышко,

Нина Ивановна позавтракала холодным чайком с дешевеньким печеньем и карамельками (они практичнее сахара). Выбралась на теплые ступеньки. Присела, рассматривая багрово-желтую рябинку с

щедрыми гроздьями ягод, ярко-зеленую, не желающую признавать подступившую осень траву, голубое с редкими белыми облачками небо.

Скрипнула калитка. За ней стоял, не решаясь войти, невысокий мужичок с разлапистой бородой. Если бы не бейсболка с надписью «Лесоэкспорт», его можно было принять за выбравшегося из тайги лешего, решившего по непонятной причине стать домовым.

- Добрый день, - поздоровалась пенсионерка. - Если ко мне, так заходите, что у порога-то стоять?

- Благодарствую, - воспользовался приглашением гость. - Я, Нина Ивановна, к вам из города. С посланием от дочки.

- Еще что случилось? - подняла блеснувшие слезой глаза хозяйка. Ничего хорошего от жизни она не ждала. Неужели и отсюда ее прогоняют? Запросто. Продала Верка этот дом, с которым Нина Ивановна уже сжилась, как с гробом, что некогда покупали загодя, задолго до смерти. И теперь куда? Просто на улицу? Бомжевать в подступающую зиму?

- Дочка ваша с мужем отправились... в санаторий на пару лет. - Присел рядом дедок. Сказал такое, чего больше всего боялась, отчего измотанное сердечко сжалось в болезненный комок. - Отсюда вам уехать надо... Ой, вы что?

Испугался, разглядывая побледневшую пенсионерку. Коснулся ее лба мягкой морщинистой рукой, отчего сразу стало легче и покойнее.

- Вы не тревожьтесь! - зашептал, затараторил: - Они хотят, чтобы вы домой вернулись. Вот ключи. - Достал из-за пазухи, протянул знакомую связку. Вытащил оттуда же завернутую в чистую тряпицу пачку. - Деньги на первое время, десять тысяч. Коли мало, там, в сервизе между большими тарелками, еще есть.

- Что же... такое? - растерялась Нина Ивановна. Вскинула на гостя мокрые от признательности глаза. Встретилась с ним взглядом. Поверила, что так и есть. А она-то Веру кляла, обижалась на нее! Доченька. Милая, родная. Образумилась-таки.

Старушка поднялась. Перед глазами пошли круги. Дедок вскочил, подхватил под руки, давая переждать слабость. Спыхватилась:

- Простите, а вас как величать?

- Шиш Мохович я, - отчего-то смутился гость. - Есть такое старое имя.

- Ну, я тогда домой, Шиш Мохович... Только с вещами как?

- Я привезу, - успокоил дедок. - Вы так, самое необходимое собирайте, и пойдем потихоньку. Электричка полвторого, я вас провожу.

- Да что у меня тут необходимого? - горько улыбнулась Нина. - Только очки да лекарства.

- Ну, их забирайте. Я пока крылечко поправлю. - Шиш Мохович вытащил из-за бездонной пазухи топорик со светлым, как безжалостно выжженные химией волосы, топорищем. Смутно знакомый Нине

Ивановне. Она оглянулась, прищурилась на инструмент.

- Где-то я его уже видела?

- Ну, так у вас дома я его и взял. На время, - уточнил мастер. Легким движением развернул топор к себе, спрятал от Нины Ивановны глубокую, в виде молнии, царапину по металлу. Шепнул: - Пора отрабатывать должок.

И стал обтесывать, вправлять разбухшую ступеньку. Пока железная ржа не выела душу человека, превратив его в Хомо техникус или, того хуже, в Хомо бизнекус, его можно спасти. Если за это дело взяться умеючи.

АЛЕКСЕЙ ВЕРТ
НИЧЬЯ ПОБЕДА

Марта толкнула меня в бок, и совесть куда-то улетела. Пришлось ползать по всему вагону и искать ее. Полчаса, наверное, убил на поиски. Как будто не совесть, а закон подлости потерялся, не иначе.

Марта, конечно, хорошая, извинялась потом и яблоком пыталась угостить, но я все равно надулся. Во-первых, волновался перед боем. Во-вторых, должно же быть хоть какое-то уважение к тому, кто представляет честь клуба на уровне страны? Ну, то есть ко мне.

Я так ей и сказал об уважении и вообще и яблока брать не стал. А она насупилась и отвернулась к окну. И даже носом шмыгать начала подозрительно. Ох уж, эти девчонки.

Но Сергей Александрович улыбнулся, хлопнул Марту по плечу и сказал, что не время ссориться и тем более не время расстраиваться.

Пётр и Шурри его поддержали.

Я и сам особо ссориться не хотел. Просто, видимо, переволновался за последний месяц. В последнем раунде, когда на области против соцов играл, думал - все, мозги сейчас зашипят и из ушей наружу полезут. Расплавятся. Но ничего, победил. Те же Пётр и Шурри, к примеру, еще на уровне города вылетели, а Марта вообще только до района дошла. Могли бы чуточку уважения выказать. Или поддержать хотя бы - вместо того чтобы под руку толкать, когда я эмоции собираю.

Тут учитель сказал, что через несколько минут мы подъедем к столице, и посоветовал в обязательном порядке смотреть в окно. Мол, такой вид открывается только сейчас, пока состав к городу подъезжает. Монорельс специально так спроектирован, что сначала огибает центр с самыми красивыми зданиями и только потом спускается ниже, к

вокзалу.

Следующие минут пятнадцать пролетели, как миг. Действительно, я таких домов еще никогда не видел - с блестящими парусами-крыльями, с изумрудными газонами на крышах, с переливающимися всеми цветами панорамными окнами... У нас, конечно, тоже и небоскребы высоченные есть, и подвесные сады, но такой красоты, пожалуй, нет.

Ребята все к окну прилипли, видами наслаждались. Я на радостях решил простить Марту и сделать ей что-нибудь приятное. «Вон, - говорю, - смотри какая башня! Блестящая и высоченная! Прямо как ты!» Шурри и Пётр рассмеялись, а Марта почему-то обиделась. Я даже не понял, что такого обидного-то в башне, но Сергей Александрович сказал, что как-нибудь потом я обязательно это пойму.

А потом состав стал спускаться вниз, вокруг замелькали дорожные развязки и приземистые старые здания - ничего интересного, и я начал складывать сайдборд в коробку. Но тут учитель показал в окно: «Смотри, вот и он, турнирный дворец!». Я обернулся, но мы уже проехали мимо. Жаль. Очень хотелось поскорее увидеть этот самый дворец.

- Ничего особенного, - сказал Пётр. - Обычный дворец, - кивнул Шурри.

Угу, им легко говорить.

На вокзале нас встречали журналисты и организаторы турнира.

Сергей Александрович сказал, что я должен ответить на несколько вопросов, прежде чем мы поедem в гостиницу. Организаторы его поддержали.

Мне не очень-то хотелось отвечать на дурацкие вопросы. Лучше скорее добраться до номера, а там включить проектор и спокойно изучить тактику противника.

Но учитель сказал, что интервью - это обязательная часть игры и мне придется соблюдать правила.

Что ж, пришлось поговорить с корреспондентами. Они спросили, что я знаю о своем сопернике - я ответил, что он везучий, раз добрался до финала, но здесь ему не повезет. Журналисты посмеялись и сказали, что он говорил в интервью то же самое.

Я немного разозлился из-за того, что этот выскочка так обо мне думает.

Затем спросили, какая у меня будет тактика. Я ответил, что у меня будет тактика победителя.

- А конкретнее? - поинтересовались они.

- А конкретнее - на поле увидите! - отрезал я.

Учитель одобрительно кивнул.

Потом корреспонденты спросили, кто будет поддерживать меня во время игры. Учитель сказал, что нужно дать слово самим ребятам, и

они принялись рассказывать о себе, о нашем литературном кружке, как мы познакомились, чего хотим и к чему стремимся. Больше всех говорила Марта, постоянно при этом улыбаясь. У нее такой глупый вид при этом был, что мне даже чуть-чуть смешно стало.

Но один из журналистов прервал ее прямо на полуслове и сказал, что это все, конечно, интересно, но хотелось бы узнать побольше подробностей о предстоящем поединке и собственно об игре. Ну, тактики всякие, хитрости, стратегии и, главное, в чем смысл. Он так возвышенно произнес это слово - Смысл, прямо как с большой буквы.

Мне стало обидно за ребят, которых не стали слушать, и я объяснил, что все подробности об игре можно узнать завтра, непосредственно во дворце, а о ее смысле сейчас твердят по любому каналу в новостях. И мне повторяться на эту тему не хочется.

Кто-то засмеялся, журналист опешил, а учитель сказал, что мы устали с дороги и хотим отдохнуть.

И чего он так решил, интересно? Я вот ни капельки не устал. Хотя отвечать на вопросы и вправду надоело.

В гостинице каждому из нас дали по большому номеру. Учитель посоветовал немного отдохнуть, упорядочить впечатления, почитать что-нибудь, а потом прогуляться вместе по городу. И ни в коем случае не думать о завтрашней игре, дать мозгу «отоспаться».

Но я сразу же сел перед проектором, как и намеревался, и включил логи моего будущего противника. Я уже просматривал их перед выездом, но все никак не мог понять, что меня смущало. Он играл словно по какому-то заранее прописанному плану. Будто знал, что соперник сделает так-то. И всегда готовил противовес. Всегда уверенно, будто сама судьба вела его от победы к победе. А в интервью спокойно улыбался, пожимал плечами и говорил: «Так было!».

Интересно, как он это делает?

Я не успел серьезно над этим поразмыслить, как прибежали Шурри и Пётр, ужасно возбужденные и вдобавок запыхавшиеся. Оно понятно, им заняться нечем, вот и развлекаются, как хотят, пока я тут пытаюсь придумать, как же мне победить. Выигрывать-то надо, не зря же мы сюда приехали.

Они заговорили наперебой:

- Он живет....
- Живет на этаж...
- На этаж ниже!
- Ниже нас прямо!
- Прямо под...
- Нами!

Я спросил: «Кто живет?». Оказалось, тот самый соперник. У нас

двенадцатый этаж, а у них одиннадцатый. Я решил, что это неплохой знак. Уже сейчас я нахожусь выше противника, ха. То ли еще будет на игре.

А потом Пётр предложил навестить его. «Интересно же посмотреть, какой он вживую», - подмигнул он мне и переглянулся с Шурри. Все ясно, заранее договорились и теперь меня будут подбивать на разведку. Хотя я бы и сам пошел, чего скрывать. Но надо же было проявить серьезность. Все-таки участник финала. Поэтому я поломался немного для вида, а потом согласился - только не надо, чтобы учитель об этом знал. И Марта тоже.

Мы спустились на этаж ниже и пошли к номеру, который был расположен так же, как мой. Стучать не стали, а сразу зашли внутрь, договорившись, что если там не он - извинимся и уйдем.

Но это был он.

Сидел и что-то смотрел на проекторе. Я с удивлением узнал один из моих матчей. Значит, он тоже просматривает игры соперников. Наверняка именно в эти моменты и придумывает свою стратегию.

Он сидел спиной, потому не понял, кто именно вошел, а просто сказал: «Крис, закрой дверь». Мы закрыли дверь, решив пока не говорить, что это никакой не Крис. А он знай себе продолжает: «Крис, посмотри. У этого парня никакой системы. Такое ощущение, что он просто поступает наудачу или как ему хочется. Надеется на «если бы». Интересно, как он дошел до финала с таким отношением?».

Тут я обиделся - была у меня система, как без нее, - не сдержался и сказал:

- Так же, как и победит в этом самом финале.

Парень резко обернулся.

- Чего надо? - спросил он.

- Да ничего, просто посмотреть на тебя пришли.

- И что, насмотрелся? - он обращался только ко мне.

Видимо, ребят это задело. Петр дёрнул меня за рукав, а Шурри бросил:

- Да что на такого смотреть? Пошли отсюда.

- А зачем приходили тогда? Как-то нелогично. Хотя ты и играешь так же.

Ага, это уже настоящий камень в мой огород. Что бы такого обидного придумать?

- А ты словно робот! Шаг влево, шаг вправо равняется побегу!

- Чего-о?

- Того-о!

Он вскочил с кресла, я шагнул к нему, сжав кулаки. Игра игрой, но хорошая драка еще никому не мешала. И только мы собрались решить проблему, как настоящие взрослые парни, вошла какая-то дама.

- Что здесь происходит?

- Ничего. Мы просто делимся тактикой, - ответил выскочка.

- Понятно, Артур. А тактикой всегда делятся с таким воинственным выражением лица?

Он промолчал, а я сказал, что мы уже, собственно, уходим. Она очень внимательно посмотрела на нас, эта женщина, но ничего не сказала.

- До встречи на поле, - сказал Артур.

- До встречи, - ответил я.

А потом мы наткнулись на Марту. Поднимались по лестнице, а она тут как тут.

- А что это вы тут делаете? - спрашивает.

Ну, лучшее оружие - нападение, поэтому я тоже поинтересовался:

- А ты?

- Меня девочки из другой команды пригласили поболтать.

- Секреты выведать? - спросил Пётр.

Марта почему-то покраснела.

- Нет. Просто.

- Смотри, не вздумай предавать Марка.

- Дурак! - Марта презрительно на него посмотрела и, высоко подняв подбородок, прошла мимо. Да так быстро прошла, что я догнал ее уже на пороге комнаты. Надо же было все-таки послушать, что у Артура в команде говорят и кто за него в поддержке играет. Ведь дуться друг на друга потом можно будет сколько угодно. Послезавтра, например. Или всю оставшуюся жизнь.

А завтра была игра.

Дворец турниров снаружи и вправду выглядел вполне обычно, зато внутри... Огромные трибуны - зрителей в них было, как в муравейнике, зеркальные проекторы с диагональю в десяток метров, прожекторы яркие-преяркие, такие, что глазам больно. Один из них сразу уставился на меня своим «глазом», выхватил из толпы и не отпускал уже до самого последнего хода.

Но я перестал обращать на него внимание, как только увидел поле. Молочно-белые, матовые квадраты чуть светились, между ними пробегали искры, воздух пах озоном и потрескивал. На автомате начали вспоминаться ощущения и эмоции - что там у нас было в колоде про грозу? Естественно, без начала мая и огненной колесницы не обошлось - и я немного успокоился. Голова ясная, с боевым настроем все в порядке - значит, должен выигрывать. А сколько на тебя людей смотрит - не важно, все равно с началом матча я перестаю обращать внимание на зрителей.

Мы прошли на старт, и судья объявил подготовительную фазу. Все затаили дыхание, и я услышал, как Шурри и Пётр от волнения пристукивают ботинками по полу: один левым, другой правым. А организаторы тем временем распечатали конверт с сюжетом и датой.

- Штурм крепости! - торжественно провозгласил судья. - Переломная эпоха, начало позапрошлого века. По жребию, начинается История. У игроков есть десять минут на сбор колоды, время пошло.

А что, неплохо. Карт по этому периоду у меня много, да и вариантов старших звезд тоже хватает. Парни не очень обрадовались, потому что поэзию не жалуют, зато Марта ободряюще улыбнулась: тут она была в своей тарелке. На школьном турнире она так всем солнцем русской поэзии засветила, что даже я с трудом выиграл.

Решая, какие звезды набирать в руку, я оглянулся на Артура. Тот спокойно, без колебаний, набирал из коробки карту за картой. В противовес его спокойствию хотелось сделать что-нибудь дикое. Особенное. Рука сама потянулась к Черному Человеку. Ну что ж, он сам говорил, что я играю непредсказуемо, пусть попробует с этой самой непредсказуемостью встретиться.

Второй я взял Кроху, а потом задумался. Уж слишком беспокойным получался набор, абсолютно несбалансированным. А Отцов брать очень не хотелось, чтобы не уподобиться противнику.

Выручила Марта. Она вытащила из своего сайдборда пачку темно-синих карт и протянула мне. Звездой была Незнакомка - как раз то, что требуется.

Тут прозвучал сигнал к началу партии.

Я ступил на поле, рядом со мной встал Артур. Наши игроки поддержки остались у стены, Пётр и Шурри махнули мне на удачу, Марта, нервничая, прижала веер из карт к груди...

А мой противник сделал свой первый ход.

Клетка передо мной мигнула и загорелась зеленым. Зелень, казалось, раскинулась на все поле.. Заполонила собой, но не поглотила окружающий мир, а стала словно фоном. Поддерживающим и вдохновляющим. Повеяло степным ветром, захотелось дышать полной грудью и обнимать весь мир. Нет, пожалуй, не мир. Всю свою Родину.

Я ни секунды не сомневался, чем ответить. Подцепил за краешек эмоцию и осторожно положил перед собой на зеленую клетку.

Карта расцвела нестерпимой синью, сосущей глаза. Далеко, где-то на грани слуха, послышался колокольный перезвон. На зеркальном табло высветился результат первого хода. Один-ноль в мою пользу.

Хороший у меня Черный Человек. Вроде сама по себе злая звезда, а сколько к нему добрых младших карт прилагается.

Тишь да гладь закончилась уже на втором ходу. Артур опять напал, и в этот раз его образ выглядел гораздо неприятнее. Квадрат у меня под ногами расцвел беспокойным красным, послышались звон бокалов, женский смех. В пьяном угаре огромный бородатый мужик пил водку и веселился, на столах плясали девки в порванной одежде.

Уже не ощущением бьет, а эмоцией, страстью.

Этого я, если честно, от противника не ожидал. Спокойствия,

непоколебимости, уверенности, какие видел в записях предыдущих игр - да. Но не страсти.

Наверное, удивление было написано у меня на лбу. Артур подмигнул и развел руками, будто оправдываясь:

- Разве я виноват, что эпоха такая?

Тут поле под нами вздыбилось, превращаясь в винтовую лестницу. Показалось, что нас вынесло на мгновение не только за пределы турнирного зала, но и подняло высоко над городом. Сверху красная страсть казалась совсем не опасной, так - мимолетностью, годной для других.

Через мгновение видение рассеялось. На табло горело два - ноль. Я оглянулся. Успешно сыгравший свою карту поддержки Шурри радостно мне улыбнулся и что-то крикнул. Кровь стучала в висках, и я его не очень хорошо расслышал, но там явно что-то было про «правильные пофигистичные воззрения поэтов-символистов».

Я напрягся. Ну вот, всего второй ход только, а одна из крестов-четверок уже выброшена. Не на ветер, конечно, но старшие карты надо беречь.

Теперь была моя очередь нападать.

Я решил подхватить тему и напустил сиреневого тумана. Тоже ощущение опьянения, но ленивое, томное, вечернее...

- *In vino veritas?* - усмехнулся Артур. - Посмотрим, как у вас получится пить под твердой рукой самодержавия.

Холодный искристый ветер ударил в лицо и отрезвил в секунду и его, и меня. Ага, соперник тоже истратил четверку. Игра начинала мне нравиться.

На детский вопрос, что такое хорошо и что такое плохо, Артур предпочел не отвечать, скинув на поле почти то же самое ощущение - необходимой справедливости. В патовой ситуации противники разыгрывают еще по карте: я решил потрепать нервы и вытащил мутно-серое беспокойство, которое поглотила девочка из группы поддержки - черным страхом перед смертью. Счет сравнялся, два-два.

И понеслось.

Неизбежные перемены в стране под властью заигравшегося ребенка я принял со спокойной неизбежностью, истратив серо-голубой мотив, тройку анимы. А на мотив защиты Родины от врагов не возразил ничего, скинув младшую карту ощущения. В конце концов, что я, не патриот?

Зато на седьмом ходу отыгрался. Страхом неизведанного выманил из колоды поддержки эмоцию сомнения, потом мы устроили состязание любви прямо на поле - ярко-алая, кричащая, плакатная против нежно-розовой туманной нежности-привязанности к родным просторам, а потом я еще достал из широких штанин горсть праздника и вытянул-таки это трудное очко.

Затем я выложил мотив двойника из иерархии Черного Человека. В ответ над трибунами развернулся плакат: «Нравственно лишь то, что отвечает интересам пролетариата».

- Мотив двойственной морали, - пояснил противник. - Чем ответишь?

Меня уже начала раздражать его манера отвечать равными по старшинству картами. Очко никому не досталось, а хороший мотив потерял. Ну ничего, у меня еще осталось, чем удивить.

И на клетке перед ним соткался из воздуха образ прекрасной дамы. В небесно-голубом платье с белым кружевом, с букетом фиалок в руках...

Конечно, Артур скинул карту и проиграл этот ход не потому, что его заворожили глаза незнакомки, а просто нечем было ответить. Но на секунду мне показалось, это не я выиграл очко, а она одержала какую-то очень важную победу над сердцами всех, находящихся в этом зале.

Я все пытался угадать, что за звезды он набрал в руку. Скорее всего, Ребенка революции и безумную Тень, иначе откуда бы у него плакаты о пролетариате и сумасшедшая страсть? Но вот что за старшая карта у него третья... Скорее всего, это Мать, поэтому я приуныл. Мой Кроха был, пожалуй, одним из самых сильных вообще в поле литературных образов, не говоря уже о колоде. Поэтому хотелось бы в последний ход именно его доставать из рукава. Но загвоздка в том, что Мать всегда сильнее Ребенка...

На поле расцвел ярко-оранжевый цветок. Опять этот сумасшедший эгоист, который считал, что, пока он жив, будет жить и вся династия... Ошибался, конечно, но каков эмоциональный посыл!

Я не хотел тратить на него сильную четверку, поэтому приготовился уже сбрасывать эмоцию, как вдруг вспомнил о Марте. Ей, наверное, тоже хотелось поучаствовать в игре - не беспомощно постоять у края поля, а полноценно разыграть карту. Тем более она мне очень помогла с Незнакомкой.

Я обернулся и крикнул ей:

- Ходи!

- Мне нечем бить! - отозвалась она.

- Не важно! Все равно это очко потеряем, так хоть пусть это будет красиво...

Марта кивнула и вытащила карту из середины своего «веера». Запахло горячим воском, а на табло с результатами скользнул откуда-то с потолка занавес из тяжелого красного бархата. Мне на мгновение показалось, что мы в опере - такой, как показывают в старых исторических фильмах.

- Сожалею о том, что опоздала на празднество, - озвучила Марта свою эмоцию, а откуда-то из угла зала донеслось эхом «когда бы грек увидел наши игры...».

Нет, а что, хорошие игры. Особенно, когда есть шанс победить. Так, пять-четыре в мою пользу. Если я сейчас беру очко на предпоследнем

ходу, то игра сможет закончиться только моей победой или ничьей! Надо сосредоточиться.

Если я правильно посчитал, то у него осталась возможность сыграть только мотив, а у меня в запасе - воззрение. Только бы попал в настроение...

И он попал. Я чуть от радости не заорал на весь зал, когда увидел мигающий красный на клетке. Мотив нетерпения, немедленного действия, желания немедленно куда-то бежать, лететь и что-то менять. Ну, я и проникся мыслью о том, что перемены и свержение старых авторитетов - это замечательно. Даже не стал материализовывать образ, да, у меня от волнения, скорее всего, это и не получилось бы. Просто повернулся к Артуру и ехидно спросил:

- Что, соперник, пойдем сбрасывать Пушкина с корабля современности?

Нет, я, конечно, не разделяю воззрений футуристов и к Александру Сергеевичу уважительно отношусь. Но как же кстати пришлась эта четверка!

Последним ходом мы должны были одновременно выкладывать карты, каждый по пятерке - или, если уважительно, то по звезде-юнга.

У меня сердце в груди просто заходило, еще бы - победа близко совсем, вот-вот за хвост поймаешь, главное - не упусти. Руки тряслись ужасно. До последнего думал, что выкладывать, и все-таки засомневался, решил Кроху не брать.

А Артур спокойный был, как скала. Хотя нет, глаз у него все-таки дергался. И складка у губ пролегла... такая, что сразу понятно - чуда от последнего хода он не ждет. Да что там, не ждет - даже не надеется на него.

- На счет «три!», - сказал судья. - Итак, раз, два...

В центре игрового поля стояли и смотрели друг на друга безумный старец Распутин и не менее безумный, наверное, поэт Есенин. Черная тень отживающей свои дни царской России и Черный Человек серебряного века русской поэзии.

Мы оба достали архетип Тени. В этот ход никому не досталось очков. А значит - я выиграл.

Над трибунами вспыхнул свет. А Тени - рассеялись. Как и положено теням.

Мне показалось, что целую минуту ничего не происходило, а потом нахлынуло разом: вспышки, голоса, рев сирены, Шурри и Пётр хлопали меня по плечам и восторженно вопили. Учитель пожал руку, а Марта поцеловала меня куда-то в щеку, почти в ухо, зарделась и стояла вся красная, теребя завязку сарафана. Но я на нее не обиделся.

До конца все никак не мог понять происходящее. Я выиграл? Выиграл я? Мы победили?

Как ни странно, не хотелось ни кричать, ни прыгать, ни визжать. Ни

гордо отвечать на вопросы, которые без конца задавали репортеры. Ничего не хотелось. И потому я просто стоял и стоически терпел все эти объятия, вспышки и шум.

Сквозь толпу протолкался какой-то пузатый дядька с седыми усами. Он схватил меня за руку, которую уже отпустил учитель, и затряс, что есть силы.

- Молодец! - сказал он. - Это была отличная игра.

Я выдавил из себя «спасибо», но он, похоже, не слушал. Все продолжал говорить о том, что это станет шедевром. И обязательно получится бестселлер. Мол, лучшие люди издательства наблюдали за поединком, тщательно записывали и анализировали ходы. Еще надо будет, конечно, все просчитать подробно, чтобы определиться с тиражом, но уже ясно, что книга станет хитом. Особенно после такой яркой экранизации, которую видело полстраны. Осталось только придумать название и подписать контракт.

В этот момент учитель отцепил дядьку от меня, за что я был очень благодарен, и отвел в сторону, приговаривая что-то вроде: «Так, теперь относительно контракта...». Тут же к ним набежала еще куча таких же, странно похожих друг на друга дядек. И часть репортеров перетекла туда. Те же, которые остались, ждали от меня какого-то откровения. Смотрели внимательно, непрерывно щелкали камерами и продолжали твердить какие-то вопросы.

А я оглянулся в поисках Артура.

Он все еще стоял на своей клетке и внимательно смотрел на поле. Я пошел к нему. Его группа поддержки замерла у противоположной стены, и никто даже не подошел поддержать парня. Ну, нельзя же так, а?

- Ты победил, - сказал он, когда я подошел.

- Да, победил.

- Молодец, - он вдруг улыбнулся. - Молодец, что выиграл, но только это ничего не изменит.

- А что должно было измениться?

- Люди. Они не меняются, - он опять посмотрел на поле.

Я не мог до конца понять, о чем он говорит.

- Зато теперь напишут книгу. На обложке будет мое имя.

- Ага, - кивнул он. - И здесь-то как раз победил я.

- Это как?

- А вот так. Там будет пересказ партии. Сдобренный описаниями, но в целом - просто факты. Разбавленный конспект. Как в учебнике истории. Как ты уже мог заметить, история - мой любимый предмет.

- И что такого?

- А то, что раньше книги - не документальные, а настоящую, художественную литературу - писали по-другому. Тебе разве не говорил твой учитель?

Я вспомнил. Действительно, говорили что-то такое. Про то, что раньше сюжеты творили, не исходя из игр, а просто так. Из головы. Или из сердца. Как будто где-то внутри, в душе шла своя партия. И те, у кого эти партии проходили интереснее и напряженнее всего, считались мастерами.

А потом придумали игру и начали писать книги, основываясь на них. Одного только я никак не мог понять, и учитель не смог объяснить. Может быть, Артур знает ответ на этот вопрос?

- А почему играют только дети?

- Потому что у взрослых это не принято. Не солидно. Они предпочитают играть по правилам, а не придумывать новые. Им лень собирать колоды - они пользуются теми, что уже есть. Правда, в любом случае, все колоды, независимо от того, собраны они самостоятельно или куплены готовыми, состоят из одних и тех же карт.

- Ну и что?

- А то, что карт - конечное количество. И значит, партий тоже конечное количество. Некоторые вообще отличаются только парой-тройкой ходов.

- Если тебя послушать, так вообще можно не играть. Просто рассчитать все эти комбинации и написать книги.

- Нет, хоть персонажи и похожи, надо все-таки придумать им биографию, - улыбнулся Артур. - Вернее, списать откуда-нибудь. Но это не важно. Все равно партию запишут, как она шла, а не так, как могла бы пройти. Я и играл всегда так спокойно, потому что знал: чем бы ни закончилась игра, принцип исторической достоверности все равно победит.

- Как?

- Так!

Он самодовольно улыбнулся и пошел к своим. Они обняли Артура и по очереди пожали ему руку. Твердо и уверенно. И у меня действительно появилось ощущение, что это он выиграл, а не я.

Подождал учитель: «Где ты ходишь? Пойдем, я познакомлю тебя с человеком, который напишет твою книгу».

И меня повели к какому-то внушительному, высокому мужчине с маленькой бородкой...

Обратно ехать почему-то оказалось не так весело. Шурри и Пётр пытались что-то придумать, тормозили меня, но я отмахивался от всех их выдумок, и они отстали. А учитель даже отругал, мол, не дают отдохнуть. Ребята надулись для виду, но принялись исподтишка корчить мне рожицы. Однако смешно почему-то не было.

Я смотрел в окно, когда рядом под села Марта.

- Чего тебе? - спросил я. Кажется, это прозвучало почти грубо.

- Вот! - она положила передо мной флешку.

- Что это?

- Запись игры. Я подумала, что тебе захочется посмотреть запись, и попросила ее у операторов. Они сказали - «без проблем!». И сделали копию.

Запись финала? Запись финала... Ну конечно! Запись финала!

Я на радостях даже чмокнул Марту в щеку, от чего она смутилась и отвела глаза. Пётр и Шурри смотрели на меня, как на сумасшедшего, а учитель только усмехнулся.

- Ты чего? - спросила Марта.

- Я тебе очень благодарен, - шепнул я, чтобы другие не услышали. - С этой записью я смогу сделать кое-что важное. Я напишу книгу.

- Но зачем? - так же шепотом спросила она. - Ведь уже есть тот, кто сделает это за тебя.

- А я напишу свою! - сказал я. - И посмотрим, какая окажется лучше. Что-то мне подсказывает, это тоже может оказаться вполне интересной игрой.

Марта о чем-то задумалась, потом тряхнула головой и сказала:

- Тогда я тоже напишу.

- Ты? О чем?

- Не знаю еще, - она пожала плечами и улыбнулась: - Но моя-то книга будет лучше твоей.

- Ну, это мы еще посмотрим!

- Посмотрим!

Вл. ГАКОН

КИМВАЛ ЗВУЧАЩИЙ

Творческий путь одного из ведущих авторов современной американской фантастики, которому в этом месяце исполняется 75 лет, уникален. Во всяком случае - для этой литературы. Потому что «одним из ведущих» Роберт Силверберг становился, по

меньшей мере, дважды - и оба раза этому предшествовали долгие годы добровольного затворничества, своего рода литературного «поста». Когда уже известный и популярный автор во всеуслышание заявлял, что все - баста, устал, завязываю с фантастикой! И завязывал... Чтобы спустя годы вернуться, и оба раза - триумфально!

«Если я говорю языками человеческими и ангельскими, а любви не имею, то я - медь звенящая, или кимвал звучащий. Если имею дар пророчества, и знаю все тайны, и имею всякое познание и всю веру, так что могу и горы переставлять, а не имею любви, - то я ничто».

Этой цитатой из Нового Завета (I Послание к коринфянам, глава 13) сорокалетний Роберт Силверберг предварил свое автобиографическое эссе, опубликованное в 1975 году в сборнике «Картографы Ада». Эссе, кстати, так и называлось - «Медь звенящая, кимвал звучащий». Вполне самокритично, что редко встретишь в автобиографиях и мемуарах. Потому что творческий путь одного из бесспорных лидеров тогдашней американской фантастики, а конкретнее - американской Новой Волны - наглядно иллюстрирует вышеприведенную цитату.

А ведь начало, казалось, сулило куда более простую и ясную перспективу, о коей многим коллегам Силверберга в пору только мечтать.

По меркам правоверного еврейского семейства, осевшего в Америке на перепаде веков (деды и бабки будущего писателя еще говорили на родных языках - польском и русском), в чьей среде упорный труд сызмальства был даже не почетом - нормой выживания, Роберт Силверберг явно не вписывался в канонический образ вундеркинда.

Отец будущего писателя, Майкл Силверберг, родился в Лондоне вместе с новым веком; мать, Элен Байм, чуть позже - в нью-йоркском Бруклине. Там же 15 января 1935 года появился на свет единственный отпрыск, которого назвали Робертом. Учился он неплохо, но особыми талантами среди сверстников не выделялся. Зато с детства являл все характерные признаки подросткового аутизма - надолго уходил в себя, предпочитая уединение в коллекционировании марок и монет, зачитывании до дыр комплектов «National Geographic» или пребывании дни напролет в Американском музее естественной истории, благо тот находился в часе езды от дома. Читал Роберт много, но все, по мнению родителей, совершенно никчемное. Какие-то выцветшие аляповатые журнальчики с часто мелькавшей аббревиатурой SF... Одним словом, «какую-то фантастику»!

Тревожные предчувствия родителей подтвердились, когда Роберт, окончив престижный Колумбийский университет с дипломом филолога и женившись на выпускнице инженерного факультета Барбаре Браун, не пошел ни в науку, ни в бизнес. А стал литератором. По крайней

мере, во всех последующих анкетах он числил себя «профессиональным писателем» аж с 1953 года - то есть с момента достижения совершеннолетия. И добро бы литературное поприще выбрал себе пристойное - многие писатели Америки в те времена и зарабатывали прилично, и портреты их появлялись на первых полосах ведущих газет, - так нет же... Он и писать собирался ту же муть, какой зачитывался в детстве, - научную фантастику!

Профессиональная карьера писателя-фантаста в начале «золотых пятидесятых» золотых гор как раз не сулила - хотя славу и уважение в среде фэнов многие сверстники Силверберга уже успели снискать. Сам же он долгие годы был вынужден ежемесячно, ежедневно решать для себя тоскливую проблему - отнюдь не творческую, бытовую: как заработать на хлеб и масло.

Решал он ее двояко. Во-первых, пришлось устроиться в штат сразу нескольких научно-фантастических журналов, а кое-какие даже и возглавить на время. А во-вторых, приходилось писать. Точнее, пахать за пишущей машинкой - с такой интенсивностью, чтобы прокормить себя за счет «вала». По его собственному признанию, для тогдашней комфортной жизни в Нью-Йорке начинающему писателю нужно было выдавать на гора по 50 тысяч слов ежемесячно. А Силвербергу удавалось выдать и вдвое больше - на протяжении нескольких лет по миллиону слов ежегодно! Библиографы подсчитали, что только за два года - с 1957-го по 1959-й - Силверберг под десятками псевдонимов опубликовал более двухсот рассказов и 12 романов! Не только, кстати, фантастических. Среди «поточной продукции» раннего Силверберга можно отыскать и детективы, и вестерны, и даже эротические романы. И не один, не два, не десяток - сотня книжек, которые некоторые исследователи готовы отнести к «мягкому порно».

О качестве этой продукции говорит тот факт, что за последующие десятилетия большинство романов раннего Силверберга так и не удостоилось переиздания. Иное дело - рассказы, однако об этом ниже.

Но количество, конечно, впечатляло! Если кому Роберт Силверберг и уступает по продуктивности в американской science fiction, то, пожалуй, только Айзеку Азимову (еще один достойный представитель бруклинских евреев - выходцев из России). Заветную планку - сотня научно-фантастических книг - Силверберг преодолел еще в начале 1990-х. Плюс почти семь десятков книг научно-популярных.

Но случались в этом на вид исправно работающем литературном конвейере порой странные перебои. Долгие и на первый взгляд необъяснимые остановки, загадку которых, может быть, чуть-чуть прояснит цитата, с которой начиналась статья.

Однако все по порядку. После первой профессиональной публикации - ею стал рассказ «Планета Горгона», опубликованный в февральской книжке британского журнала «Nebula Science Fiction» за 1954 год, - и

выпущенного в следующем году дебютного романа «Восстание на Альфе-С» Силверберг перебрался в снятую квартирку на Западной 114-стрит, где обрел неожиданных соседей. Оказалось, что в том же доме проживали еще два писателя-фантаста - уже тогда известный Рэндалл Гарретт и начинающий Харлан Эллисон, чья звезда взойдет позже - вместе со звездой Роберта Силверберга. Именно Гарретт познакомил последнего с доброй дюжиной тогдашних сильных мира сего - редакторами журналов и издательств, выпускавших научную фантастику. Более того, Гарретт даже опубликовал несколько произведений в соавторстве с начинавшим Силвербергом - под общим псевдонимом Роберт Рэндалл.

И если ранние романы Силверберга были откровенным коммерческим «проходняком», написанным исключительно ради денег, то с рассказами не все так просто. По крайней мере, специальную премию «Хьюго» в 1956 году Силверберг получил не за «километраж» печатной продукции, а как самый многообещающий молодой автор! Радость для лауреата была двойной - ведь он открыл счет своим литературным трофеям не где-нибудь, а в родном Нью-Йорке.

«Гениев конвейера» в американской литературе не счесть. Однако примеров эволюции, проделанной Силвербергом - от рядового ремесленника до элитарного лидера Новой Волны, признанного стилиста, мастера интеллектуальной прозы, густо насыщенной мифологической и общекультурологической символикой, - что-то не припоминаю. Точнее, даже не эволюции, а настоящей реинкарнации (одна из любимых тем писателя) - если иметь в виду дважды поминки «по себе любимому», устроенные им самим в начале 1960-х и полтора десятилетия спустя.

В 1960 году, когда, казалось, ничто не способно было остановить этот набравший обороты механизм, уникальный даже на американском книжном рынке, Роберт Силверберг непостижимым образом замолчал. Совсем перестал писать фантастику, ограничившись только косметической перелицовкой ранее изданного. Из-под его пера выходило все, что угодно - от научно-популярных книг для детей до той же «жесткой эротики» (или «мягкого порно» - это уж кому как), но только не произведения жанра, в котором он успел завоевать определенные позиции. Если не романами, то уж произведениями короткой формы - точно.

В деньгах он тогда уже не нуждался. В противном случае вряд ли «взошел» бы на покупку в 1962 году особняка, в котором ранее проживал знаменитый нью-йоркский мэр Фиорелло ла Гуардиа...

А затем столь же неожиданно и непредсказуемо последовала новая впечатляющая - на этот раз и качественно - обойма из сложных и ярких по идеям и языку фантастических романов и рассказов. Считается, что магом, осуществившим реинкарнацию Силверберга, был известный

писатель и легендарный редактор Фредерик Пол. Он как раз в то время начал редактировать журнал «Galaxy» и выдал Силвербергу своего рода картбланш - пиши, чего душа желает, все напечатаю!

И Силверберг выдал. Душа его к тому времени желала иного, не того, что приходилось писать ранее. Психологизма, постановки острых социальных вопросов, бесконечного копания в мифологии, эротике, подсознательном, постижения «темных закоулков» человеческой души... Душа писателя-фантаста желала того, чем занималась серьезная современная литература, которую студент Силверберг изучал во время учебы в Колумбийском университете.

Не случайно критики назвали возвращение писателя в научную фантастику «квантовым скачком». В интервью журналу «Vector», данном осенью 1976 года, Силверберг вспоминал: «Единственное, что я в ясном уме и трезвом рассудке порешил сделать в конце шестидесятых, так это вернуться заново к классическим темам научной фантастики. Мне казалось, они использовались не так, как надо - я имею в виду именно литературное исполнение, а не замысел. Мне захотелось попытаться выправить это положение, привести в научную фантастику не что иное, как художественную литературу - в ту пору подобная задача мало кого интересовала. Иначе говоря, попытаться пересмотреть всю классику этого жанра под новым углом зрения».

А десятью годами позже, выступая на одной из конвенций, он вернулся к годам «славной английской революции» - движению Новой Волны (одним из самых горячих американских сторонников которой оставался на протяжении всех 1970-х). Однако тон его выступления несколько изменился: «Мне и моим друзьям по другую сторону Атлантики и в голову не приходило, что мы создаем какую-то новую литературу, совершаем жанровую революцию. Мы просто хотели вернуть уже существующую литературу на ее магистральный путь, по которому она шла, начиная с «Одиссеи» и «Путешествий Гулливера». И с которого окончательно сбилась в начале нашего столетия... Хотя, если задуматься, все без исключения революции на свете начинаются с подобных утверждений: мы просто хотим улучшить мир, вернуть его к первоначальному состоянию Рая. Сказав это, революционеры решительно приступают к строительству очередного Ада. А потом, отчаявшись и изрядно устав, принимаются за улучшение своего собственного благосостояния, лишь изредка брюзжа по поводу заблуждений молодости...».

Сказано более тридцати лет назад - а как актуально!

Яркий талант стилиста и визионера проявился сначала в короткой форме. Сотни новых опубликованных рассказов и повестей Силверберга (его библиография насчитывает несколько десятков авторских сборников) принесли ему первые высшие премии: трижды он становился лауреатом премии «Хьюго» и пять раз - премии

«Небьюла». Внушительный урожай, если принять во внимание, что многие произведения писателя, даже не удостоившись наград, все равно пользуются заслуженной популярностью, став классикой жанра.

Причем диапазон их весьма широк. Тут и разнообразные подходы к одной из любимых тем писателя - бессмертию и перевоплощениям личности повести «Крылья ночи» (1968), годом позже переписанный в одноименный роман, и «Рожденный вместе с мертвыми» (1974). И тонкие, ироничные интеллектуальные упражнения принципиального агностика на темы религии (некогда одно из главных табу американской НФ) - знакомые нашему читателю новеллы «Благие вести из Ватикана» (1970) и «Папа и шимпанзе» (1982), повесть «Пир святого Диониса» (1972). Напомню, что в первой Римским папой избран робот, а во втором религиозными поисками охвачены обретшие разум приматы.

В рассказе «Когда ушли мифы» (1969) рутинные туры во времени уничтожают таинственную притягательность мифов и легенд. «Этически бесстрастное» телевидение будущего даст возможность праздным зрителям испытывать все ощущения героев на экране - в том числе страдания и боль («Торговцы болью», 1963), а те же экскурсии в прошлое - наблюдать воочию Апокалипсис («Как мы ездили смотреть конец света», 1972). Пока наконец ученым-антропологам не останется ничего другого, как исследовать иные культуры только в собственном воображении - за отсутствием на технократической Земле каких-либо культур вообще (рассказ «Шварц меж галактик», 1974).

А романы Силверберга выпуска шестидесятых-семидесятых! Три из них - «Станция Хоуксбилл» (1968), «Маски времени» (1968) и «Вверх по линии» (1969) - посвящены парадоксам путешествий во времени. Казалось бы, эка невидаль в научной фантастике! Однако решает эти парадоксы - или просто городит их, наслаждаясь самим процессом, - Силверберг в духе эпатажной, ни бога, ни черта не боящейся Новой Волны. К примеру, герой последнего романа развлекается тем, что, путешествуя по прошлому, последовательно соблазняет своих прямых предков по женской линии... Можно вспомнить и «Шипы» (1967), и «Время изменений» (1971), принесшее автору очередную «Небьюлу», «Второе путешествие» (1972), «Умирая изнутри» (1972), «Стохастического человека» (1975), «Вниз на Землю» (1970), «Стеклянную башню» (1970) - новую историю Вавилонской башни и ее строителя, обожествленного андроидами...

«Силверберг - это пишущая машина, - писал Джон Клют в своей «Иллюстрированной энциклопедии научной фантастики», вышедшей в 1995 году. - Или кажется таковой... Писательская карьера Силверберга похожа на карьеру бельгийского автора Жоржа Сименона. В молодые годы оба произвели на свет потоки печатных слов, прячась под

разнообразными псевдонимами... Затем оба несколько приостановили темпы, порой выпуская всего по две-три книги в год, но то были книги значительные. У Сименона - романы о Мегрэ; у Силверберга за 1967-1976 годы - 25 романов. Нужно обладать незаурядным мастерством и ловкостью, чтобы все они представляли известную ценность. А среди этих двадцати пяти книг нет ни одного сериала, каждая - это какой-то новый вклад в мир литературы».

В 1967-1968 годах писатель, к тому времени окончательно перебравшийся на другой край Америки - в Сан-Франциско, уже возглавлял Ассоциацию американских писателей-фантастов. И, надо сказать, кандидатура новоиспеченного президента в ту пору решительно никого в мире американской фантастики не удивляла.

И вновь добровольное затворничество! В 1975 году, в самом зените писательской карьеры. Как будто все складывалось как нельзя лучше: комплименты критиков, премии, растущие авансы от издателей. Силверберг открывает для себя иные страны (в эти годы он много путешествует) и иную реальность - восточную философию, музыку, психоделику... А все равно что-то мучает, настойчиво подвигая на новый пятилетний «пост». Может быть, когда все получается - и легко, шутя! - это тоже несладко? И по-настоящему любить можно только то, что вызывает сопротивление?

Хотя в данном случае сам автор выдвинул иные объяснения своему уходу из мира science fiction. Главной была... сама американская фантастика с ее неписаными законами, стандартами, мифами и предрассудками. Были причины и более приземленные. Незадолго до переезда врачи обнаружили у Силверберга обострение давней хвори - редкого заболевания щитовидной железы. А тут еще дом чуть не сгорел... В общем, причин для стрессов и депрессии хватало.

Как бы то ни было, Роберт Силверберг во второй раз заявил, что выходит на пенсию. Это в сорок-то лет! Разумеется, ему никто не поверил, но на протяжении пяти лет из-под пера Силверберга действительно не выходит ни строчки НФ.

Зато по истечении этого добровольно наложенного на себя пятилетнего поста последовала очередная обойма произведений. ярких, будоражащих, захватывающих. Он, видимо, вновь обрел ту внутреннюю любовь, которая одна может подвигнуть на новые литературные подвиги. На сей раз последняя воплотилась в образе принца-изгнанника Валентина, чьи приключения на гигантской планете Маджипур, безусловно, относятся к вершинам эпической science fiction (или фэнтези, что в подобных эпопеях обычно не суть важно) 1980-х. Романы «Замок лорда Валентина» (1980) и «Папа Валентин» (1983), принесший автору очередную премию «Небьюла», вместе с вклинившимся между ними сборником связанных новелл «Маджипурские хроники» (1982), завоевавшим очередную «Хьюго», и

несколькими произведениями, вышедшими десятилетием позже^{*14}, у читателей и критиков вызвали ассоциации с образцами самыми высокими. Называли и «Гелликонию» Брайана Олдисса, и «Дюну» Фрэнка Херберта и даже творение основоположника эпической фантастики - трилогию «Властелин Колец»!

То, что новый цикл Силверберга представляет собой редкий в англоязычной НФ симбиоз высокой прозы и изобретательной фантазии, сомнений не вызывает. И это явно какой-то новый, невиданный доселе Роберт Силверберг. Что-то там преодолевший в себе самом. Вновь отказавшийся плыть ранее проложенным, спокойным, не сулящим тревожных курсом - и вновь добившийся успеха.

А ведь его творчество последних двух десятилетий циклом о Маджипуре не ограничивается. Например, увлечение писателя историей, культурологией и конструированием экзотических миров привело его к еще одной не менее масштабной серии, которую можно определить как историческую фантастику о полуполюбопытном урартском царе Гильгамеше. Открывший цикл роман «Царь Гильгамеш» (1984) был тепло встречен критикой и стал бестселлером, хотя высших премий автору не принес. Но читатели спустя два года исправили свою оплошность, наградив повесть «Гильгамеш в глуши» (1986) премией «Хьюго»^{*15}.

Восьмидесятые годы ознаменовали новый этап и в личной жизни Роберта Силверберга. Он во второй раз женился, на сей раз - на коллеге, писательнице Карен Хабер, в соавторстве с которой опубликовал несколько произведений.

Наконец, на старости лет Силверберг увлекся игрой, в которую часто играют американские фантасты: в соавторстве с тогда еще живым классиком Айзеком Азимовым написал роман-сиквел к классическому рассказу последнего - «После прихода ночи». Фактически написал самостоятельно, по своего рода «дарственной», выданной классиком незадолго до смерти. Второй «совместный» роман Азимова и Силверберга - «Позитронный человек», ставший основой сценария неплохого фильма «Двухсотлетний человек», вышел в 1992-м, когда

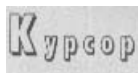
¹⁴ * Это одиночные романы «Горы Маджипура» (1995) и «Книга перемен» (2003), трилогия о лорде Престимионе, действие которой разворачивается задолго до эпохи принца Валентина - «Волшебники Маджипура» (1996), «Лорд Престимион» (1999) и «Король снов» (2001), а также рассказы «Седьмое святилище» (1996) и «Ученик волшебника» (2004). (Здесь и далее прим. авт.)

¹⁵ * Среди последних наград писателя можно отметить премию «Небьюла», полученную за повесть «Плавание в Византию» (1985), название которой Силверберг позаимствовал у великого ирландского поэта Уильяма Батлера Йитса.

мир фантастики простился с создателем Трех Законов Роботехники...

Короче, он все ищет и ищет, этот странный человек с пристальным взглядом и мушкетерской бородкой (хотя, скорее, кардинальской, на некоторых снимках - вылитый Ришелье!). Новое, неизведанное, еще не покорившееся. Дважды он принимал решение уйти, бросить фантастику, когда казалось, что любовь растаяла без следа. И каждый раз возвращался, обретая ее вновь. Видно, запала ему в душу эта треклятая «медь звенящая» - не отпускает!

Хотя, может быть, оно и к лучшему? Во всяком случае - для нас, читателей.

Курсор

Юбилейный «Роскон» объявил сроки и место проведения. В десятый раз самый крупный отечественный фантастический конвент пройдет в том же месте, что и в последние годы - пансионате Администрации Президента РФ «Лесные дали» с 1 по 4 апреля 2010 года. Организаторы обещают, что в связи с юбилеем в программе будет много интересных и оригинальных мероприятий.

Наследники Айзека Азимова официально объявили, что продолжение знаменитого цикла «Я, робот» поручено создать писательнице Мики Зукер Рейхерт, известной до этого в основном романами в жанре фэнтези. Планируется, что новый проект будет представлять собой трилогию-приквел. Первый роман получит название «Роботы и Хаос». Ранее «продолжателями» Азимова выступали более известные авторы - Грегори Бенфорд, Грег Вир и Дэвид Брин.

НФ-вестерн переживает свой ренессанс (подробнее о жанре см. статью «Револютеры и звездолеты» в «Если» № 5 за 2008 год - *Ред.*). Запущено сразу несколько крупных кинофраншиз. Так, Джош Хартнетт исполнит главную роль в футуристическом вестерне «Стрелок» (Gunslinger). Действие фильма будет происходить в снежных пустынях постапокалиптической Америки.

Экранизацию комикса Скотта Митчелла Розенберга «Ковбои и пришельцы» (Cowboys & Aliens) планируется сделать максимально близкой к классике американского вестерна. Режиссер картины

знаменитый Джон Фавро специально пересмотрел огромное количество классических вестернов, дабы проникнуться духом жанра. Действие картины происходит в середине XIX века на Диком Западе, где индейцы и ковбои вынуждены забыть собственные распри и объединиться против пришельцев, планирующих завоевание Земли.

Стартовала онлайн-игра «Черновик», за основу сюжета которой взята диалогия Сергея Лукьяненко «Черновик» и «Чистовик». Игра относится к жанру MMORPG (Massively Multiplayer Online Role-Playing Game) и повествует о Веере миров. Игроки перемещаются между параллельными мирами, развивают способности, объединяются в группы для поединков с использованием самых разных видов оружия - от архаично-стимпанковского до футуристического. Играть может любой желающий на сайте www.chernovik-online.ru.

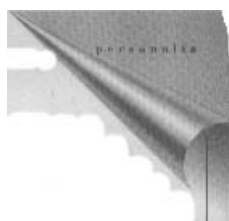
На Украине вышел фильм, снятый по мотивам повести российского писателя-фантаста Андрея Саломатова «Г». Лента получила название «Отторжение», это дебют в полнометражном игровом кино режиссера Владимира Лерта. В фильме снялись известные актеры Богдан Ступка и Александр Баширов, а также музыкант-экспериментатор Сергей Бабкин, экс-солист группы Snizza. Его герой однажды просыпается во внезапно опустевшем городе с зеленым небом...

Наследники Антуана де Сент-Экзюпери решили отметить знаменательную дату - 50-летие с момента выхода русского перевода великой сказки «Маленький принц», осуществленного знаменитой переводчицей Норой Галь. В ноябре в театральном центре «На Страстном» был показан французский спектакль по мотивам сказки. Известный французский режиссер Виржилль Таназ привез в Москву небольшую труппу из трех человек - юных актеров Огюстена и Лори Кокорефф-Брют и их взрослого коллегу Давида Легра - всего на три спектакля, сборы от которых были направлены на благотворительные цели.

14 ноября в Санкт-Петербурге вручены очередные премии «Странник». В этот раз они представляли собой не привычную статуэтку странника, а ее голографическое изображение. Основные призы получили: Дмитрий Колодан за роман «Другая сторона» в номинации «Лучший сюжет»; Евгений Лукин за сборник «Бытие наше дырчатое» в номинации «Блистательная стилистика»; Марина и Сергей Дяченко за роман «Медный король» в номинации «Необычная идея»; Николай Горькавый за роман «Астровитянка» в номинации «Образ будущего».

In memoriam 30 ноября в Белграде от инфаркта миокарда скончался знаменитый сербский писатель и поэт Милорад Павич. Незадолго до смерти писателю исполнилось 80 лет. Павича заслуженно считают одним из наиболее ярких представителей постмодернизма и магического реализма XX века. Самая известная его книга - роман-лексикон «Хазарский словарь» - вышла в свет в 1984 году. Среди других произведений «нелинейной прозы» - «Пейзаж, нарисованный чаем», «Ящик для письменных принадлежностей», «Звездная мантия». В 2004 году Павич номинировался на Нобелевскую премию по литературе.

Агентство F-пресс

Personalia

ГАРКУШЕВ Евгений Николаевич

Писатель-фантаст Евгений Гаркушев родился в 1972 году в шахтерском городе Гуково Ростовской области, где живет и по сей день. Получил два высших образования: на факультете физики Ростовского госуниверситета, где специализировался на кафедре кристаллографии (обучался также в аспирантуре) и в Ростовском государственном экономическом университете. После учебы работал в областной газете «Наше время» собкором по Восточному Донбассу. В настоящее время - заведующий отделом по информационной политике и связям с общественностью мэрии города Гуково.

Дебютом в НФ стал рассказ «Биологический возраст» в журнале «Уральский следопыт» (1994). В 2002 году увидела свет первая книга фантаста - роман в жанре фэнтези «Ничего, кроме магии», а год спустя - роман-продолжение «Обойдемся без магии» (2003). По собственному признанию, после выхода дилогии писатель охладел к фэнтези.

Перу Е.Гаркушева принадлежат такие книги, как роман для подростков «Афанадор» (2003), романы «Грани матрицы» (2003), «Близкие миры» (2004), «Великий поход» (2005), «Выше времени» (2006), «Кодекс чести» (2008), детектив «Изумрудная сеть» (2007; в соавторстве с

Дарьей Булатниковой). Произведения короткой формы составили содержание сборника «Плюшевые самураи» (2007). Кроме того, в соавторстве с Андреем Егоровым выпустил цикл книг пародийной космооперы - «Заповедник», «Космический капкан», «Бунт при Бетельгейзе» и «Межпланетная банда». В 2009 году выступил в роли составителя сборника рассказов «Точка встречи».

ДОКТОРОУ Кори (DOCTOROW, Cory)

Канадский писатель-фантаст, журналист и блоггер Кори Доктороу родился в 1971 году в Торонто (провинция Онтарио) в семье «преподавателей-троцкистов» (как он сам характеризует своих родителей). Родители утверждают, что их сын приходится родственником известному американскому писателю Эдгару Лоренсу Доктороу (автору знаменитого «Рэгтайма»), но тот до сих пор не подтвердил и не опроверг это утверждение. С малых лет будущий фантаст был вовлечен в активную общественную деятельность - участвовал в движениях Greenpeace, борцов за ядерное разоружение и т.п., а в последние годы является активистом новомодного движения - «за либерализацию закона об авторских правах» (особенно в сфере электронных СМИ и сетевой литературы). После окончания школы Доктороу последовательно поступал в четыре университета, в итоге не закончив ни один из них. Сменив несколько мест работы и несколько стран (он работал и занимался общественной деятельностью в Великобритании и США), Доктороу вернулся на родину и занялся литературным трудом.

В научной фантастике Доктороу дебютировал рассказом «Проверка в 2000 году» (1990). С тех пор он опубликовал пять романов - «Вниз и на выход в Сказочном Королевстве» (2003), «Восточное стандартное племя» (2004) и другие, а также четыре десятка рассказов и повестей (часть из них в соавторстве с Чарлзом Строссом), лучшие из которых составили два сборника. Кроме того, Доктороу является автором трех книг non-fiction, одна из которых имеет отношение к научной фантастике - «Полный справочник для идиотов по изданию научной фантастики» (2000, в соавторстве с Карлом Шредером). Среди литературных наград писателя есть обе «кэмпбелловские» премии: Премия имени Джона Кэмпбелла, присуждаемая самому перспективному новому писателю, и Мемориальная премия имени Джона Кэмпбелла за лучший роман года, а также премия «Прометей» за лучшее произведение года, написанное в духе «либертарианских» идей.

КОУДРИ Альберт (COWDREY, Albert E.)

Американский писатель и военный историк Альберт Коудри родился в 1963 году. После окончания университета заведовал отделом «специальных исторических исследований» в Пентагоне и опубликовал несколько книг по истории военной медицины, но затем оставил службу, чтобы полностью сосредоточиться на литературной работе.

Первый жанровый рассказ автора, «Знакомый» (1997), был опубликован в журнале «The Magazine of Fantasy and Science Fiction», с которым писателя по сей день связывает творческое содружество - большинство его напечатанных на сей день рассказов вышло в этом издании. С тех пор Коудри выпустил роман «Крукс» (2004), основанный на цикле новелл, и около четырех десятков рассказов и повестей. Рассказ «Королева на день» (2001) принес автору Всемирную премию фэнтези, а повесть «Племена Белы» (2004) была номинирована на премию «Небьюла». Творческий конек Коудри - это произведения на стыке «ненаучной» фантастики и «литературы ужасов», однако немало работ выполнено в жанре «твердой» science fiction. Альберт Коудри долгое время жил в Новом Орлеане, выбрав этот город местом действия многих своих произведений.

КОСМАТКА Тед (KOSMATKA, Ted)

Прежде чем заняться литературным трудом, американский писатель Тед Косматка перепробовал много специальностей. Работал сторожем в зоопарке, лаборантом, исследователем-добровольцем (в группе биологов, занятых охраной видов, которым грозит вымирание), ассистентом в знаменитом чикагском Музее естественной истории Филда, театральным актером в Нью-Йорке, рабочим на металлургическом заводе, церковным служкой, маляром, официантом и мойщиком посуды в придорожной забегаловке, преподавателем колледжа. Косматка, по его собственным словам, часто оказывался бездомным («но ни разу - безработным»). В настоящее время Тед Косматка служит в исследовательском отделе одного из предприятий стальной индустрии. В фантастике он дебютировал в 2005 году рассказом «Божий мотор» и с тех пор опубликовал около десятка рассказов.

ЛИ Юн Ха

(LEE, Yoon Ha)

Начинающая американская писательница Юн Ха Ли родилась в 1979 году в Хьюстоне (штат Техас) в семье иммигрантов-корейцев (так что по правилам фамилия - Ли - должна стоять первой: Ли Юн Ха), которые затем вернулись на родину, в Южную Корею, где и проживают в настоящее время. Сама же писательница жила в США, а также в Канаде и Греции. В краткой автобиографии Юн Ха Ли пишет: «Человек, возвращенный в двух культурах, должен быть готов к тому, что а) ему придется достичь совершенного функционирования в обеих, и б) в обеих же испытывать постоянный дискомфорт». Прежде чем заняться литературной деятельностью, Юн Ха Ли закончила престижный Корнеллский университет с дипломом математика и продолжила образование в не менее престижном Стэнфордском. Кроме того, она изучала историю, философию, физику и иностранные языки (немецкий и латынь) и работала там же, в *alma mater*.

Дебютом в фантастике Юн Ха Ли стал рассказ «Сотый вопрос» (1999). С тех пор она опубликовала еще десяток рассказов. В настоящее время писательница живет в Сан-Диего (штат Калифорния) с мужем и дочерью.

ЛУКИН Евгений Юрьевич

Фантаст, поэт и бард Евгений Лукин родился в 1950 году в Оренбурге в актерской семье. После окончания филологического факультета Волгоградского педагогического института работал школьным учителем, а также в издательстве. Фантастическую прозу начал писать в 1975 году в соавторстве с супругой Любовью Лукиной, а дебютом в печати стала их совместная повесть «Каникулы и фотограф» (1981).

В 1980-е годы Любовь и Евгений Лукины стали знаковыми фигурами, завоевав репутацию мастеров короткой фантастической новеллы. Их совместное творчество объединено в сборники «Когда отступают ангелы» (1990), «Пятеро в лодке, не считая Седьмых» (1990), «Шерше ля бабушку» (1993), «Петлистые времена» (1996) и «Сокрушитель» (1997). Но с 1994-го супруга и соавтор отошла от литературной деятельности, а еще через два года ее не стало.

Сольная биография волгоградского писателя, продолжившего развитие иронической и социальной фантастики, оказалась не менее удачной. Сборник «Там, за Ахероном» (1995) сразу же завоевал читательское внимание. С появлением романа «Разбойничья злая луна» (1997), сюжетно и идейно пересекающегося с известной повестью 80-х годов «Миссионеры», рассказчик Лукин стал активно выступать и в крупной форме. Книги «Катали мы ваше солнце» (1998),

«Зона справедливости» (1998), «Чушь собачья» и другие становились событием в отечественной фантастической прозе. К этому списку необходимо добавить и несколько поэтических сборников Лукина, где фантаст для многих читателей предстал с неожиданной стороны - как яркий, очень самобытный поэт: «Дым Отечества» (1999), «Ой да...» (2001), «Фарфоровая речь» (2002) и «Чертова сова» (2004).

«Премияльный лист» Е.Лукина выглядит внушительно: писатель «полный кавалер» приза читательских симпатий «Сигма-Ф» (за роман, повесть и рассказ), лауреат премий «Аэлита», «Бронзовая улитка», «Интерпресскон», «Роскон», «Странник», «Золотой кадуцей»... Без награды не осталось ни одно произведение писателя. Но все рекорды побил повесть «Бытие наше дырчатое» (2006): в течение 2007 года она получила семь премий. В 2009-м писатель пошел «на новый рекорд», собрав в номинации «Повесть» абсолютно все существующие жанровые награды за «Лечиться будем» и «С нами бот», опубликованные в «Если» в 2008 году.

Евгений Лукин - член Союза писателей России.

НОЙБЕ Рик (NEUBE, Руск)

Американский писатель-фантаст Рик Нойбе родился в 1953 году в штате Кентукки («название которого я сохраню в тайне, поскольку, если на него сбросят атомную бомбу, я себе этого никогда не прощу», - комментирует он в своей краткой биографии). Бросив учебу в колледже, Нойбе перепробовал в жизни многое - продавал автозапчасти, работал в налоговой инспекции, на ферме... Писать начал еще в средней школе, продолжил свое увлечение в Университете штата Кентукки, куда поступил с твердым намерением стать «дипломированным писателем».

В научной фантастике Нойбе дебютировал рассказом «Военнопленные» (1994) и с тех пор опубликовал около двух десятков рассказов и повестей в профессиональных журналах (главным образом, в «Isaac Asimov's Science Fiction Magazine») и «оригинальных» антологиях. В соавторстве с Робертом Шофелдом и Джудит Трейси Нойбе составил антологию «Убийство и нанесение увечий в Godbox за миллиард долларов в день» (2006).

Подготовили Михаил АНДРЕЕВ и Юрий КОРОТКОЕ

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

ПОВЕСТИ

Антон ПЕРВУШИНА «ПОЧТАЛЬОН СИНГУЛЯРНОСТИ»

Ариэля ТОРРЕСА «ДАМОКЛ»

**РАССКАЗЫ Василия ГОЛОВАЧЁВА,
Гвинплейна МАКИНТАЙРА, Сергея КУПРИЯНОВА,
Джека СКИЛЛИНСТЕДА**

1

ЧИТАЙТЕ ФЕВРАЛЬСКИЙ ВЫПУСК «ЕСЛИ»

ТЕКУЩАЯ ПОДПИСКА

**Наш журнал вы найдете в каталогах «Пресса России» и
«Роспечать» (газеты, журналы).**

Индекс - 73118.

**Стоимость подписки на 1 месяц - 87 рублей, включая почтовые
услуги. Подписка ведется во всех отделениях связи.**

Как известно, каждый человек разумен и глубок, в чем легко убедиться, обсуждая что-либо вдвоем-втроем. Сами, наверно, замечали: стоит вмешаться четвертому — происходит замыкание и разговор немедленно глупеет, вырождается, теряет связность, сползает в цинизм. Поэтому классический способ распития поллитровой бутылки водки требует именно трех участников. Не зря же заповедал Христос: «Где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них». Если уж на то пошло, что такое традиционно проклинаемый принцип тоталитарных режимов «больше трех не собираться», как не проявление заботы о поддержании интеллекта и совести граждан на должном уровне!

И чем больше людское скопление, тем меньше проскакивает в нем искорки разума и добра. Изложите вкратце мировую историю, и окажется, что все нации без исключения валят и валют себя подобно группе дебильных подростков, по каждому из которых давно плечет либо психушка, либо детская комната милиции.

Сканирование, распознавание, вычитка - Глюк Файнридера